

Драко

Черное пламя

Фантастический роман

Посвящается Эльфу за его восхитительные рисунки.

СПАСИБО!

Солнце мое... Взгляни на меня.
Моя ладонь превратилась в кулак.

В. Цой.

Глава 1. Охотники

Солнце. Жаркое, слепящее, полное огня и света, несущее тепло далеким планетам и смерть безумцам, жаждущим к нему прикоснуться. Небо медленно сгорает в закатном пламени.

Песок, будто чешуя старой змеи, шуршит под копытами. Река, деревни и поля давно остались за горизонтом, впереди – уже совсем близко – темнеют хищные клыки скал. Отряд скачет много часов.

Люди весело переговариваются, шутят, смеются. Им не терпится совершить то, ради чего этим утром они съехались в замок принца Рохана. Солнце отражается в клинках, робко касается сверкающих кольчуг – но разбивается тысячами осколков и падает, растерзанное, под копыта коней. Всадники этого не замечают.

Во главе отряда ровно рысит белый жеребец. Высокий, худощавый всадник единственный среди всех мрачен; ему не по душе то, что предстоит совершить. Но так надо. Он принц драконов, будущий король, а люди не должны сомневаться в храбрости сюзерена. Власть похожа на цепь: чем ее больше, тем тяжелее нести...

– Не грусти, Рохан! – звонкий смех нарушает его думы. Вздохнув, принц оборачивается и заставляет себя улыбнуться.

– Все хорошо, Анна.

Молодая девушка поправляет волосы. Ее серебристая лошадка скачет бок о бок с жеребцом Рохана.

– Не грусти, – повторяет Анна. – Драконов много. Они не исчезнут так скоро.

– Ты не понимаешь, – тихо отвечает принц. – То, что мы делаем... Это преступление, подлость. И плата будет жестокой.

– Плата? – девушка удивленно поднимает брови. – Какая плата?

Песок шуршит под копытами коней. Рохан долго молчит.

– Рано или поздно, – произносит он наконец, – платить приходится за все.

Некоторое время охотники скачут молча. Вскоре песок уступает место каменистой россыпи, отряд окружают зловещие утесы. Скалы нависают над людьми безмолвными идолами, их взгляды полны презрения и ненависти. Но люди не любят

смотреть в глаза гор.

Одолев первый склон, отряд выезжает на большое скалистое плато, где ожидают двое разведчиков. Принц поднимает руку, приказывая всем остановиться. Люди натягивают удила, веселые разговоры стихают. Все ждут новостей.

Старший разведчик – пожилой, опытный охотник – кланяется Рохану.

– Мой принц, все в порядке. Самки уже покинули долину, молодые драконы начнут вылупляться с минуты на минуту. Отличная вас ждет добыча!

Охотники встречают весть радостным шумом и смехом. Молчит только Рохан; ему сегодня не по себе. Злое предчувствие грызет принца, он чувствует странный, нечеловеческий взгляд. Словно кто– то наблюдает за отрядом.

– Спокойно, спокойно! – голос девушки заставляет Рохана вздрогнуть. Обернувшись, он видит, что серебристая лошадка всхрапывает и танцует на месте; другие кони также ведут себя беспокойно, даже белый жеребец принца тревожно прядает ушами.

– Что случилось? – удивленно спрашивает Анна. Пожилой охотник помогает ей успокоить лошадку.

– Запах, миледи, – отвечает он учтиво. – Должно быть, ветер принес из долины драконий запах...

– Но он дует нам в спину!

Люди невольно умолкают, и в повисшей тишине становится отчетливо слышен заунывный посвист. Ветер играет мрачную музыку на органе утесов.

– Тихо! – Рохан поднимает руку. – Слышите?

Последние разговоры в отряде стихают сами по себе, люди сдвигаются плотнее. На плато падает странная тишина. Песня ветра незаметно меняется, наливается гневом. Ярость висит в воздухе подобно грозовой туче.

– Ты чувствуешь? – робко спрашивает девушка.

Рохан закрывает глаза. Здесь, в горах, ощущение чужого взгляда резко усиливается, всей душой принц знает – за охотниками наблюдают. Кто– то ненавидит их, ненавидит так, что эмоции становятся видимы и черным туманом окутывают людей.

– Мы не одни... – Рохану с трудом удается разлепить губы. Охотники

переглядываются, многие достают оружие.

"Это бесполезно" – мысль рождается сама. И внезапно принц понимает: время расплаты настало. Волосы встают дыбом на его голове.

– Назад... – он хочет крикнуть, но нет сил разомкнуть уста. Рохан поворачивает коня, и страх заставляет его мгновенно покрыться потом.

На краю плато, там, где недавно проехали охотники, стоят две крылатые фигуры. Они совсем невелики – меньше среднего человека, они грациозны и прекрасны, как юные пантеры весной. Заходящее солнце мерцает бликами в изумрудных и синих чешуйках.

– Драконы... – растеряно шепчет девушка.

По отряду пробегает волна смеха.

– Похоже, милорд, охота начнется раньше, чем мы думали, – весело замечает пожилой охотник. Рохан обращает к нему широко раскрытые глаза.

"Они не понимают!!!"

Крылатые стоят совершенно неподвижно. Но люди постепенно умолкают, пальцы с силой сжимают гарпуны и копья. Слишком сильна ненависть, висящая в воздухе. Слишком ярко пылает гнев в бездонных глазах молодых драконов.

– Первый удар ваш, милорд? – спрашивает старый охотник.

Принц не может даже ответить, он тонет в драконьих глазах. Их ненависть душит его, терзает беспощадными клинками. Ненависть недоступна животным. Только люди способны так ненавидеть.

Люди – и познавшие людей драконы.

Старый охотник пожимает плечами. Он, как и все в отряде, знает, что Рохан не любит ежегодный праздник Избиения, когда в горах вылупляются драконьи детеныши. Но драконы вредные, опасные твари, их надо истреблять – поэтому охотник кланяется принцу, берет на изготовку свой верный гарпун, видевший немало драконьей крови, и дает коню шпоры. В этом году он будет первым, кто приторочит к седлу маленькое крылатое тельце.

Юные драконы стоят неподвижно. Они отличаются от знакомых людям детенышей, чьи чучела расставлены по всему королевскому замку. Один из драконят – изумрудно-зеленый, с золотистой чешуей на груди, второй – сапфировый, с рогами

цвета червонного золота. Грациозные, сверкающие, стремительные, они похожи на капли чистой красоты, упавшие в гнилое болото. Изумрудный дракончик негромко произносит, глядя на приближающегося охотника:

– Надо оставить одного живым. Чтобы указал дорогу к замку.

– И лошадей, – отвечает сапфировая драконочка. – Малышам в долине нужна пища.

Они разом встают на ноги. Юный дракон медленно вынимает из ножен под крылом длинный прямой меч, видевший немало крови охотников. Его подруга, по-кошачьи изогнувшись, легким движением выхватывает тонкий, слегка изогнутый клинок.

Атакующий всадник колеблется – он никогда не видел драконов с оружием. Но сознание, что это всего лишь детеныши, такие же как десятки убитых им в прошлом, придает охотнику уверенности и гарпун со свистом взмывает в воздух.

На неуловимое мгновение, пока оружие мчится к горлу жертвы, время останавливается. Люди отчетливо видят, как сапфировая драконочка грациозно отклоняется, поднимая меч, как по стали пробегает пурпурный отблеск ее глаз, видят холодную решимость в движениях – но удара уже не видят. Лишь слышен тонкий звон, когда благородный клинок разрубает гарпун и вновь взмывает к небу, навстречу Солнцу, отражая его чистый свет в глаза убийц.

На миг повисает жуткая тишина – обломки гарпуна продолжают лететь, сердца не успевают совершить и одного удара – а затем взрываются блеском меча, наполняя воздух первобытной песней бешенства. Стоны и крики, слезы и вопли встают над утесами.

Кричат только люди. Крылатые бьют молча: им есть, за что мстить. Лишь однажды раздастся их голос – когда умирающий человек, пав на колени, поднимет гаснущие глаза и спросит, тщетно надеясь отдалить заслуженную гибель:

– Кто вы?!

– Защитники, – ответит сапфировая драконесса, вырвав меч из его груди.

Много позже, в пылающем замке, изумрудный дракон медленно поднимет к небу окровавленный клинок:

– Мы отомстим за каждую смерть, – прорычит он. – За каждую каплю нашей

крови!

– Нет, – спокойно ответит его подруга. – Мы не мстим за мертвых. Мы спасаем живых.

1

– ...Альтаир! – Ри вскочила, задыхаясь от страха. Уютное дупло, где ящерка провела ночь, на мгновение показалось ей полным дыма и копоти, в воздухе стоял соленый запах крови. Стоны умирающих и жуткий, смертоносный свист клинков ранили слух. Вэйта судорожно сглотнула.

– Нет, – прошептала она, зажмурившись от боли. Кошмар медленно отпускал, картина уничтоженного замка распадалась и таяла. Последними в полумраке исчезли яростные глаза юного дракона.

Ри бессильно сползла на дно. С недавних пор ее видения приобрели пугающую достоверность и мощь, словно в Долине, к которой приближалась вэйта, находился их источник. Но Крылатый больше не являлся, сны обратились в кошмары и смерть, смерть довлела над миром грез.

Во сне Ри видела, как горят города и рушатся замки. Вэйта трепетала от боли вместе с юной эльфийкой, истекающей кровью в драконьих когтях, корчилась и захлебывалась криком вместе со сгорающими заживо людьми. Иногда ее сознание совершало странный скачок, и Ри смотрела на мир глазами дракона, подбитого из катапульты и падающего навстречу зубцам крепостных стен. Просыпаясь, она дрожала и плакала, вспоминая как рвались ее крылья... С каждым днем становилось все труднее различать реальность и миражи. Ри сходила с ума, она боялась засыпать и одновременно мечтала о сне. И без того скромные, силы молодой вэйты были уже на исходе.

– Я не сдамся... – в отчаянии прошептала ящерка. – Ты не получишь этот мир,

Йакс!

Шрам на ноге пульсировал тупой болью. Ри машинально гладила его, тщетно пытаясь убедить себя, что заражения крови нет и все скоро пройдет. Вокруг длинного багрового рубца плоть уже потемнела и отваливалась чешуйками, обнажая мертвенно– красную кожу. Будь вэйта теплокровной, ее тело горело бы в лихорадочном жаре.

"Я скоро умру, – с удивительным спокойствием подумала Ри. – Если меня не убьет рана, то прикончит первый же хищник. Всякому везению приходит конец..."

Четыре месяца в джунглях изменили ящерицу до неузнаваемости. Юная вэйта окрепла, движения ее приобрели хищную точность и грациозность. Ее золотистая чешуя давно потеряла блеск от бесчисленных царапин, по левому бедру змеился страшный шрам – следствие встречи с леопардом. Зубы этого леопарда Ри потом переплела растительными волокнами и повесила на шею.

С тех пор вэйта прихрамывала на левую ногу. Вначале казалось, что рана быстро заживет, но с трупным ядом, скопившимся под когтями леопарда, не смогла справиться даже регенерация вэйтаров.

"Шансы еще есть, – подумала Ри. – Пояс Богини спасет меня. Должен спасти. Обязательно. Я слишком многое перенесла, боги не могут убить меня сейчас, в самом конце..."

Она уже давно не верила в богов. Но так можно было не думать о боли, забыться хоть на мгновение. Отравить правду сладким ядом лжи.

Ри закрыла глаза и прижалась затылком к стволу дерева. Так плохо ей еще не было. Наверно, яд растекается по организму, или начинают сказываться истощение и голод... А тут еще эти удары, прямо по голове, боги, не надо... "Удары... – вэйта с огромным трудом пришла в себя. – Удары?.. Нет, шаги!Шаги!" – Ри вздрогнула. Жажда жизни, так и не покинувшая юную вэйту, заставила ее вскочить, прижаться к коре всем телом и тихо, беззвучно подползти к отверстию дупла. Даже боль в ноге, казалось, слегка отпустила.

"Человек..."

Шаги приближались. Ящерица крепче стиснула самострел.

"Лишь бы их не было много!"

Ядовитые стрелки давно закончились, но вэйта нашла растение с колючками почти той же длины и научилась отравлять их, протыкая красных древесных лягушек. Конечно, летели шипы недалеко и против лат были бессильны, однако яд оказался действительно страшен. Ри никогда не думала, сколь чудовищна бывает смерть.

Яд древесной лягушки заставлял все мускулы жертвы мгновенно сократиться. Тот леопард, что имел несчастье напасть на Ри, умирал около минуты и кричал, кричал, кричал под треск собственных костей. Юная вэйта никогда не слышала такого крика. Даже сейчас, спустя полтора месяца, ее пробирала дрожь при этом воспоминании.

"Именно так я убью тебя, Ажхан" – подумала Ри. С бесконечной осторожностью, дюйм за дюймом она поползла вперед и выглянула из дупла, где провела ночь.

Утро в джунглях трудно описать словами. Солнце еще не поднялось над горизонтом, и в бледно–розовом небе вместе с Сонари, ярчайшей из фиолетовых лун, сверкали несколько звезд. Влажные листья отливали тысячами маленьких радуг, капельки росы в паутине казались алмазами, что рассыпала неведомая фея. Царила почти полная тишина. Милях в двадцати от дерева, где притаилась Ри, начинались северные отроги горного хребта, делившего небо надвое. Там, среди гор, находилось место, куда стремилась вэйта: Долина Каменных Цветов.

До цели было уже недалеко. У капитана корабля, в трюме которого Ри тайно пересекла Узкое море, нашлась ободранная карта материка Арахаб, где была обозначена Долина. Покидая корабль, Ри без малейших колебаний стянула карту.

Она не колебалась и сейчас, готовая застрелить врага в упор. За последние месяцы Ри изрядно посуровела; слишком часто и жестоко приходилось ей убивать добычу, слишком много боли довелось испытать. А человек в джунглях – всегда враг. На этом берегу Узкого моря ящерка уже встречала чернокожих охотников и видела методы их охоты...

Человек, которого услышала Ри, тем временем безмятежно шагал по звериной тропке, приближаясь к дереву. Он ничуть не таился и, судя по всему, даже не подозревал об опасности.

Вэйта прищурила глаза. Охотник не был чернокожим, однако не был и белым.

Невысокий, ладно сложенный, человек выглядел совсем молодым и, хотя сверху Ри не могла видеть лицо, в самой его фигуре крылось что-то странно знакомое. Желтоватая кожа на мускулистом торсе лоснилась от пота.

Вокруг пояса незнакомца была обернута шкура леопарда, на шее висело большое костяное ожерелье. Плечи покрывала сложная татуировка, а голова была выбрита очень странным образом : посередине осталась широкая полоса длинных черных волос, заплетенных в тугую косичку. Из оружия Ри заметила короткий восточный ятаган, местную духовую трубку и – тут она покачнулась – сверкающий стальной диск с прорезью в центре.

"Чакра Альтаира!!!"

Ри вскинула самострел, но усилием воли заставила себя убрать палец с курка. Сначала надо узнать, кто он.

Подняв кусочек коры, вэйта бросила его в сторону, а сама быстро прицелилась в незнакомца. Тот замер, услышав шорох в кустах, огляделся и...

И поднял голову.

Ри едва сдержала вопль.

"Джихан?!"

Юноша стоял совсем рядом с деревом, положив руку на ятаган и внимательно оглядывая кусты. Вэйта стиснула самострел.

"Его надо убить..."

Мертвый Джихан, упавший поперек тропинки. Ручеек крови из прокушенного языка.

"Он отхлестал Мету кнутом!!!"

Леопард кричит и корчится в кровавой траве. С треском ломаются кости, позвоночник изогнулся кольцом.

"Он... он напал на Альтаира..."

Мертвые, ничего не понимающие глаза юноши. Пятки касаются затылка, переломанные пальцы рвут горло.

"Нет... – Ри содрогнулась. – Только не так..."

– Брось оружие и отойди назад, – сказала она негромко.

Подпрыгнув от неожиданности, Джихан резко обернулся и уставился на

дупло, где пряталась вэйта.

– Валар'кво! – громко сказал юноша, коснувшись своего костяного ожерелья. Не получив ответа, он с тревогой добавил на общем: – Я на тропе Духов, меня избрал шаман Тцекатльренек!

Ри молча выстрелила в широкую кость, висевшую на груди Джихана. Тот вздрогнул, попятился и поднял обе руки в знак мира.

– Валар'кво! – крикнул он. – Я под защитой Духов!

– Брось оружие, – прошипела Ри.

Юноша открыл рот.

– Голос... – пробормотал он. – Но это невозможно...

– Больше я повторять не стану, – размеренно сказала Ри. – Брось оружие. Раз. Два...

Стиснув зубы, Джихан медленно опустил ятаган в траву и отступил на пару шагов.

– Выбрось духовую трубку, – приказала Ри.

Юноша нехотя подчинился.

– Кто ты? – спросил он мрачно. – Вэйтар?

Ящерка молча выпрыгнула из дупла и встала напротив человека. Глаза Джихана полезли на лоб.

– Ри?!

– Не ожидал меня видеть, да? – прихрамывая, вэйта подошла к оружию, обвила духовую трубку хвостом и переломила ее. Юноша протер глаза.

– Ты призрак?.. – спросил он недоверчиво. – Тебя же эльфы убили!

– Не до конца убили, – хрипло отозвалась Ри. Чуть приподняв самострел, она шагнула вперед. – Где Альтаир?

Джихан помолчал.

– Он жив.

– ГДЕ он?

– Я не знаю.

– Лжешь.

Юноша нахмурил брови.

– Ящерица, не забывайся!

– Что ты сказал? – медленно спросила Ри. От бешенства у нее раздулись ноздри, руки стиснули самострел. Джихан замер.

– Я не лгу! – он смотрел только на оружие. – Мы с Альтаиром смешали кровь!
"Он убил его!!!"

Ящерка задохнулась. Чудовищным усилием воли справившись с собой, она судорожно втянула воздух и посмотрела в глаза человека.

– Знаешь, почему я не выстрелила тебе в спину? – тихо спросила Ри. – Я хотела видеть твои глаза, когда яд проникнет в кровь и начнет...

Договорить она не успела. С быстротой молнии Джихан подкинул ногой сухую корягу и той же ногой нанес мгновенный удар, метнув деревяшку в лицо вэйте. Последнее, что увидела Ри, прежде чем потерять сознание – блеск солнца на мече человека.

Очнулась она спустя час от страшной боли в раненой ноге. Ри закричала, дернулась, но Джихан быстро придавил ее к земле.

– Терпи, – бросил он хмуро. – Рана скверная. Вот, закуси, чтоб язык не поранить...

Он сунул в рот вэйте толстую деревяшку. От боли Ри дрожала всем телом, по ноге текла густая кровь. Тем временем Джихан продолжил свое дело. Нагретым в пламени костра кинжалом он разрезал шрам вдоль и тщательно очистил рану от воспаленных участков. Затем, сняв с пояса один из кожаных мешочков, густо промазал надрез вонючей белой мазью противного вида. Боль была такая, что Ри едва не перекусила деревяшку.

– Сейчас полегчает, – успокоил Джихан. Размотав кожаный ремень с голени, он быстрым движением провел его над костром и крепко перетянул бедро молодой вэйты. Остатком белой мази обработал ее разбитый нос.

– Ну, ящерка, – юноша вздохнул, – этот бальзам делали для драконов. А дракон и есть большая ящерица, так что будешь жить...

Ри медленно приходила в себя. Собрав все силы, она выплюнула деревяшку и свернулась в клубок, непроизвольно дергая хвостом. Боль понемногу отпускала.

"Джихан... Нет, только не снова!!!.." – вэйта заставила себя успокоить бешеное биение сердец. Юноша уже отошел к костру и сел у самого огня, скрестив ноги. Над пламенем жарился кролик.

– Кто тебя так потрепал? – хмуро спросил Джихан.

Ри зажмурилась.

– Я не вернусь в клетку... – выдавила она. – Не вернусь!

Джихан некоторое время молчал, постукивая пальцами по рукояти самострела Ри.

– Я не стану спрашивать, как ты здесь очутилась, – сказал он наконец. – Ты шла в Долину, чтобы забрать Пояс Богини.

Узкие глаза юноши обратились к окаменевшей вэйте.

– Пояса там больше нет, – сказал Джихан. – Твой друг, Альтаир, сумел прочесть письмо, которое ты потеряла, и узнал тайну Долины. Мы хотели забрать Пояс, чтобы отправиться к эльфам и с его помощью спасти тебя и гнома.

Ри задохнулась. Все, что она знала и к чему стремилась, в мгновение ока обратилось в прах. На миг мелькнула спасительная мысль – Джихан лжет!.. Но факты были беспощадны: юноша мог узнать о Поясе только обнаружив его. Удар оказался так силен, что ящерица едва вновь не потеряла сознание.

Несколько минут Ри неподвижно лежала, закрыв глаза и пытаясь побороть отчаяние. Из шокового состояния ее вывел голос Джихана:

– Эй, говорить разучилась? – юноша фыркнул.

Перевернувшись на бок, Ри заставила себя сесть.

– Отпусти меня... – попросила она тихо. – Пожалуйста, отпусти. Тайны Пояса больше нет, теперь я обычная ящерица...

Джихан расхохотался.

– Глупая ты ящерица, а не обычная! – стремительно вскочив, он подошел к вэйте и уселся рядом, положив самострел на колени. – Мы с Альтаиром полмира пролетели, чтобы тебя спасти. А без меня ты и вовсе умерла бы от раны. Хотя спасибо скажи, бир аска йиланхас...

Ри опустила голову.

– Ты... не убил Альтаира? – ей удалось спросить это без дрожи.

Джихан поднял руку и показал небольшой шрам на запястье.

– Мы с Альтаиром смешали кровь, – серьезно ответил юноша. – Это значит, мы теперь братья.

Он протянул ящерке обжигающе– горячую, сочащуюся соком кроличью лапку. Ри с опаской обнюхала мясо.

– Братья? – переспросила она недоверчиво.

– Да, – кивнул Джихан. – Дракон оказался достойнее многих людей. Был у меня один брат – Гуркан, а стало два брата и сестра.

"Сестра?!"

– К– к– какая сестра?! – выдавила ошеломленная Ри.

Юноша удивленно поднял брови.

– Хэй, да ты ничего не знаешь! Когда мы с Альтаиром сражались в Зиккурате, он встретил сестру, маленькую драконшу Тиамат, в смерти которой был уверен более десяти лет... – Джихан коротко пересказал события последних месяцев. Голодная ящерка тем временем жевала мясо.

Ри старалась держать себя в руках, но когда услышала про Наследника и письмо Алазара, внезапно расплакалась. Удивленный Джихан запнулся.

– Что с тобой?

– Я не сдержала клятву... – сквозь слезы выдавила ящерка. – Письмо...

Тут ей пришла в голову новая мысль.

– Альтаир не мог так поступить! – Ри затрепетала. – Не мог! Он знал, что письмо мое! Он не стал бы...

– Хэй, ящерица, ты ничего не забыла? – поинтересовался Джихан. – Тебя украли эльфы! Нам как, следовало ждать, пока тебя отпустят? А если бы ты не выдержала пыток?

Юная вэйта опустила в траву и закрыла лицо руками.

– Наследник забрал Пояс? – спросила она, когда боль немного отпустила.

– Да.

– И у... у... убил Альтаира?

– Нет, – Джихан вздохнул. – Он отправил драконов в другой мир, чтобы исполнилось какое– то пророчество. Я пытался убить Наследника, пробил ему шею

стрелой, но против магии оружие бессильно. Наследник отнял мой... то есть твой лук, а меня бросил в джунглях. Наверно, думал, что я погибну.

Юноша с кривой улыбкой подергал свое костяное ожерелье.

– Но как видишь, меня избрали Духи. Когда Вечный Шаман пропал, местный вождь заявил что я избран небом его спасти. Почти три месяца провел я среди дикарей, хотя они никакие не дикари, научился их речи, узнал многое о джунглях и... еще кое о чем.

Джихан помолчал.

– Пять дней назад вождь дал мне эти амулеты и отправил в дорогу. Теперь я – Валар'кво, "Идущий тропею Духов", и ни один местный житель меня не тронет. Это самое страшное табу, по их вере. Пока воля Духов не исполнится, все должны помогать мне, чем сумеют – тем самым они помогут Духам, а уж те не останутся в долгу...

Ри утерла последние слезы.

– Наследник вернулся в Шаддат?

– Наверно. А что?

– Ничего, – задрожав от боли, она встала. – Пожалуйста, отпусти меня.

Джихан прищурился .

– Что ты намерена делать?

– Сдержат клятву.

Прихрамывая, вэйта подошла к юноше вплотную.

– Я слишком многое перенесла, – сказала она тихо. – Пожалуйста, отпусти.

Клянусь, я молча уйду и больше ты никогда меня не увидишь.

Джихан долго смотрел в золотистые глаза ящери.

– Ты не сумеешь отнять Пояс у Наследника.

– Я должна попытаться.

– Но это глупо!

– Я должна, – еще тише повторила Ри.

Вздыхнув, юноша пожал плечами и снял с пояса кинжал. Вэйта не шевельнулась.

– В знак того, что мы больше не враги, – сказал Джихан, перерезав веревку,

которой Ри была привязана к дереву.

– Спасибо, – резко развернувшись, вэйта направилась прочь, припадая на левую ногу. Джихан догнал ее у самых деревьев.

– Постой, – он коснулся ящери. Та невольно вздрогнула. – Нам по пути.

– Нет, – Ри покачала головой. – Это моя клятва и мой путь.

– Альтаир был мне братом, – жестко сказал юноша. – Я сильнее тебя желаю мести.

Вэйта остановилась.

– Я никому не мщу, Джихан, – сказала она ровным, безжизненным голосом. – Я исполняю клятву.

– А я – мщу, – усмехнулся юноша. – К тому же, я хочу спасти твоего друга, его сестру, двух старых драконов и...

Он присел на корточки.

– ...И богов, Ри, – добавил Джихан негромко. В золотых глазах ящери мелькнуло непонимание.

– Каких богов?

– Я не все рассказал о нашем походе.

Юноша встал.

– Если хочешь узнать, что мы на самом деле нашли в Долине – оставайся со мной. Повторяю, нам по пути.

Ри отвернулась.

– Может быть, мы идем в одну сторону, – сказала она тихо. – Но разными путями.

– Мой путь сильно изменился с тех пор, как мы встретились впервые, – ответил Джихан. – За это время, Ри, я стал братом дракону, побывал на небе, говорил с тысячелетним мудрецом и встретил самое прекрасное существо под звездами.

Изумленная вэйта смотрела, как скуластое лицо юноши озарила добрая, совершенно чуждая ему улыбка. Джихан потрепал Ри по голове.

– Я видел Богиню, глупая ты ящерица, – сказал он совсем тихо. – Мне хотелось выколоть себе глаза, прыгнуть в пропасть или сгореть в пламени, ведь никого прекраснее я более не увижу. Но потом я сказал себе: хэй, ты еще жив! И кто

знает, сколько богинь ждут на пути!

Юноша вздохнул.

– Вот твое оружие, – он протянул Ри самострел. – Хочешь – уходи. Но вместе нам будет легче дойти до цели.

Вэйта очень долго молчала. Потом, так ничего и не сказав, взяла самострел и, хромя, направилась прочь. Джихан покачал головой.

– Ты вернешься! – крикнул он вслед ящерке. – У нас один путь!

Ри не оглянулась.

2

Портовый город Истр был знаком вэйте, отсюда она начала свой путь четыре месяца назад. Но сейчас в городе творилось что-то странное: люди, эльфы и гномы бегали по улицам, на перекрестках собирались небольшие толпы. Одинокая хромя ящерка старалась не привлекать внимания.

С трудом держась на ногах от боли и голода, Ри добралась до грязноватого трактира "Святая Уймас", где собирались в основном орки, бродяги и другие отверженные. Здесь не было принято задавать лишние вопросы, особенно если за спиной гостя висел эльфийский самострел.

– Есть места в ночлежке? – тихо спросила Ри.

Трактирщик – старый желтоглазый орк с коричневой шерстью, росшей клочьями на бугристом черепе – покачал головой.

– Только не сегодня. В городе облавы, все переполнено.

Вэйта поникла.

– Тогда дайте поесть... Жареного, – она протянула орку медную монету, найденную утром. Тот с сомнением смерил ящерку взглядом, однако деньги взял.

– Садись в углу, где колода, – он оскалил кривые клыки. – Для тебя за стол сойдет...

Ри молча двинулась к стене. Вскоре молодая дочь трактирщика, одетая в вызывающий разноцветный наряд, поставила перед ней миску с подгоревшей курицей и кружку воды. Ящерка жадно набросилась на пищу.

Когда от курицы остались одни кости, Ри устало откинулась на скамье и впервые позволила себе задуматься о будущем. Бальзам Джихана сделал свое дело – боли в ноге стихли, рана зарубцевалась. Теперь, когда скорая смерть отступила, пора было решать: как жить дальше.

"Я не смогу вернуть Пояс, – спокойно подумала Ри. – Пора признать, что все кончено."

Она сомкнула внешние веки.

"Ты победил, Йакс. Ты победил..."

Минут десять Ри сидела совершенно неподвижно, по– рептильи дыша горлом. Рана почти не болела, приятная сытость растекалась по телу. Размышлять не хотелось.

"Я все же пойду в Шаддат, к Наследнику," – ящерка тяжело вздохнула. – "Паду пред ним на колени и буду молить отправить следом за Альтаиром. Говорят, Наследник справедлив..."

Справедлив, как же. Он отправил Альтаира в другой мир!

"Все равно больше никто не сможет помочь," – с горечью подумала Ри. – "Да и те, кто смогут – не захотят..."

Рука ящерки коснулась самострела, и внезапно решение пришло само. Ри судорожно стиснула оружие.

"Ажхан!!! О чем я думаю, о небо! Ажхан еще жив, а я прохлаждаюсь тут, словно лягушка на вертеле!"

Ажхан... Звук этого имени разбудил столько воспоминаний, что вэйта зажмурилась. Вновь, как и в джунглях, медленно проступило видение; после ранения они изредка приходили даже наяву.

На сей раз в полумраке трактира ей померещилось призрачная фигура молодой оркши в пестром наряде. Ри вздрогнула, узнав дочь трактирщика.

"Точно говорю вам, она! – оркша энергично размахивала волосатыми руками. – И цвет, и глаза, все как кричал глашатай!"

"Где ящерица?" – спросил чей– то глухой голос. Вэйта вздрогнула, но видение явилось только ей. Остальные посетители ничего не слышали.

"Так я вам и скажу. Гони монету, сударь, за эту тварь назначена награда."

"Ты свое получишь. Где ящерица?"

"Нет уж, мил человек, не на того напал. Денежки на бочку..."

Опомнившись, Ри помотала головой и вскочила. Так вот почему начались облавы! Вэйта не знала, кто из ее врагов проследил беглянку до Истра, но выяснять это на собственной чешуе не собиралась.

"Я становлюсь ясновидящей?.." – Ри содрогнулась.

Тихо прокравшись к черному ходу, она выплянула на задний двор. Несколько оборванцев в углу резали свинью, больше никого не было видно. Ри криво усмехнулась.

Под хрип умирающей свиньи она выскользнула из дверей и, решив не рисковать раненой ногой, быстро забралась на крышу трактира. Скаты, крытые соломенными циновками, отлично укрыли золотистую ящерку от лишних глаз.

"Охотники" – подумала она мрачно. Сверху было хорошо видно, как следом за оркшей в трактир вошли четверо высоких людей в зеленых одеждах. Пятый остался охранять дверь, еще один обошел здание и встал у черного хода. Ри мысленно возблагодарила неведомый дар, позволивший избежать опасности.

"Избегнуть?" – глаза Ри сузились. Ну уж нет... Хватит с нее беготни. Набегалась! Ящерка молча сняла со спины самострел и отработанным движением взвела затвор.

Между тем в трактире слышались звуки борьбы и громкие недовольные возгласы. Минут через пять из дверей показались охотники, один тащил маленькую золотистую ящерку. Ри едва не потеряла сознание.

"Я сплю?! Или умерла?!"

– Не тот! – из дверей выскочила дочь трактирщика. – Идиоты голоногие, это другой ящер!!!

Один из охотников с размаху двинул оркше в лицо. Та свалилась как подкошенная.

– Совсем распоясались, твари волосатые... – буркнул он соседу. Тот встряхнул пойманного вэйтара.

– Имя?

– Тинк! – пискнула ящерка. – Отпустите, я здесь прислуживаю!

Люди переглянулись.

– Врет, – убежденно сказал один. – Все они такие.

Другой поднял трепыхающегося пленника и внимательно оглядел.

– Этот, вроде, самец... – заметил он неуверенно. – А нам сучка нужна...

– Пусть Солкар им под хвосты глядит, наше дело – доставить, – возразил первый охотник. – Пошли.

Шестеро людей двинулись прочь. Ни они, ни их перепуганный пленник не заметили золотистой молнии, беззвучно скользнувшей по крыше.

Охотники направились напрямик в порт, отделенный от остального города небольшой пальмовой рощей. Ри следила за ними, прыгая с крыши на крышу; когда дома кончились, она спустилась на землю и продолжила слежку, беззвучно перебегая из укрытия в укрытие. От резких движений у ящерицы вновь разболелась нога.

Порт Истра был сам по себе небольшим городом. Здесь имелись дома, трактиры, склады и увеселительные заведения, где моряки отдыхали между плаваниями. Товары в город и из города возили на специальных огромных повозках, запряженных сразу двумя десятками быков; этим кормилась целая гильдия перевозчиков, которые зорко следили, чтобы между портовым и городским районами всегда сохранялась нежилая полоса. Торговать и заключать сделки в порту строго воспрещалось.

Шестеро охотников остановились у ближайшего к городу причала, возле которого покачивался самый большой корабль, когда-либо виденный вэтой. Трехмачтовый угольно-черный галеон, с изогнутыми бортами и высокой резной кормой, нес на грот-мачте подозрительно знакомый флаг: гладкое серебристое поле, посреди которого был изображен бескрылый дракон, кусающий собственный хвост. Ри вздрогнула: перед ней находился корабль Наследника.

– Эй, Солкар! – позвал тем временем один из охотников. На борту показалась неестественно громадная фигура лысого негра в ослепительно-белых одеяниях.

– Еще одна ящерица! – сообщил ему охотник, подняв пленника повыше. До

Ри, которая пряталась между большими тюками шерсти, донесся тонкий голос несчастного вэйтара; он молил о пощаде.

Негр кивнул и быстро сбежал по сходням. Вблизи его рост производил еще более внушительное впечатление: самый высокий из охотников едва доставал Солкару до груди. Громадная мускулистая рука схватила пленника за горло.

– Это уже пятый самец, – недовольно заметил великан. – Сколько раз говорить, ищите самку!

– Ну так иди и лови их сам, – фыркнул первый охотник. – Делать нам больше нечего, между лап им глядеть...

– Верно, Отис, – кивнул негр. – Вам действительно больше нечего делать. Пока я плачу за работу, вы будете...

– Ничего мы не будем, Солкар, – грубо оборвал другой охотник. – Мы не рабы и не продажные шкуры.

– Вы наемники, – холодно ответил великан.

– На что нанимались, то и делаем, – Отис усмехнулся. – Ловим ящериц. Смотреть, что у них под хвостами, мы не договаривались. Так что бери ящера и плати, как раньше!

Черное лицо Солкара, казалось, еще более потемнело.

– Нет. Вы больше ничего не получите, пока не найдете шпионку.

Люди переглянулись.

– Ты что, кинуть нас захотел? – прищурился второй охотник.

– Будет результат – будут и деньги, – коротко ответил Солкар. – И лучше придержи язык, Шам. Таких, как вы, в любом порту можно нанять десятком за динар. Мне стоит пальцем шевельнуть, и всех вас найдут в ближайшей роще с перепутанными головами.

Охотники переглянулись. Отис коснулся плеча Шама и что-то сказал на непонятном языке, тот шумно выдохнул. Солкар усмехнулся.

– Возвращайтесь к поискам. И торопитесь; мой господин очень не любит ленивых псов.

Шам дернулся вперед, но Отис вновь его удержал. Смерив чернокожего великана угрожающими взглядами, наемники не спеша направились прочь.

Солкар сплюнул.

– Аракац, – фыркнул он презрительно, забросил пленника на плечо и поднялся по сходням.

Ри медленно выдохнула. И так, слуги Наследника повсюду ловят вэйтаров, даже не интересуясь, кто попадает им в лапы. От ярости у Ри потемнело в глазах. Даже эльфы, охотясь за вэйтой по всему миру, не додумались устроить облаву на ее сородичей!

"Они умрут, – спокойно, с убийственной ясностью подумала ящерка. – Все. Сначала эти шестеро, потом те, кто на корабле."

Неслышно выскользнув из укрытия, Ри метнулась следом за охотниками. По дороге в город им как раз предстоит пересечь пальмовую рощу. Отлично.

В очередной раз вэйта возблагодарила своих учителей, особенно старого разбойника Ахмета. Его уроки не раз спасали ей жизнь в джунглях; пришло время заботиться о других жизнях. Ри ощущала только решимость и гнев, сомнений не было.

Нога сильно болела. С каждым часом вэйта хромала все заметнее, из-под повязки уже проступали мелкие капельки крови; однако ей все же удалось обогнать наемников и затаиться на пальме у самого края рощи. Ри поудобнее устроила самострел между широкими листьями.

Вскоре показались охотники. Они шли не спеша, переговариваясь на общем языке и поминутно проклиная Солкара. Впереди шагал Отис.

Ри тщательно прицелилась и послала ядовитый шип ему в горло. Не дожидаясь, пока он свалится, передернула скобу затвора и выстрелила вторично, затем три раза подряд, однако шипы не пробивали плотную зеленую ткань курток, и лишь один охотник, корчась, упал рядом с Отисом. Остальные бросились врассыпную и быстро исчезли среди деревьев. Ри стиснула кулачки .

"Надо уходить, быстро ."

Под пальмой, на дороге, корчились двое людей. Спускаясь, вэйта старалась на них не смотреть; она слишком хорошо помнила леопарда. Однако сожалений или угрызений совести Ри не ощущала. Только гнев.

"Слишком долго меня считали вещью!"

Она решительно направилась в порт, на ходу перезаряжая самострел. Больше никто не будет относиться к ней, как к предмету. Ни к ней, ни к другим вэйтарам.

– Пока я жива... – прошипела Ри. – А я пока живая!

Проходя мимо трупов, она даже не вздрогнула. Только поглубже вдохнула, стараясь запомнить запах человеческой крови.

3

Проникнуть на корабль можно было дюжиной способов, учитывая что почти вся команда развлекалась на берегу. Однако Ри приняла решение дожидаться темноты, чтобы без помех освободить пленных и устроить поджог.

До вечера юная вэйта пряталась среди тюков с товарами какого-то торговца зерном. Только раз покинула она укрытие – стянула большую рыбину с проезжавшей повозки. К кораблю Солкара никто не подходил, уцелевших охотников не было видно.

Наевшись рыбы и отдохнув, Ри немного успокоилась. Боевой азарт поостыл, вернулись сомнения и нерешительность. Ящерка вздохнула, вспомнив, что сначала собиралась открыто подняться по сходням и начать стрельбу среди бела дня.

"Геройство сработает лишь раз, а мне надо жить, – невесело подумала Ри. – Если все вэйтары столь же безвольны, как я до встречи с Алазаром..."

Будущее пряталось в тумане, словно ящерица в норке. Ри грызли сомнения. Сможет ли она изменить мир, хватит ли ей сил вырвать народ вэйтаров из униженного положения, в котором он пребывает? Имеет ли смысл пробовать? Или не стоит тратить время на невозможные мечты, а лучше отыскать Ажхана и отомстить хотя бы ему?..

"Что я знаю о вэйтарях? – думала Ри. – Ничего. Не знаю даже родного языка. Я воспитана людьми, во мне больше от человека, чем от вэйтара. Мне лишь двенадцать лет. Разве может такая, как я, вернуть свободу целому народу?"

Невольно вспомнился Алазар. Да, в то время от маленькой вэйты действительно зависела судьба всего мира... Но Поясом завладел Наследник, Ри потерпела поражение и лишь чудом осталась жива. Все, что произошло с Альтаиром, его таинственной сестрой и совсем уж непонятными богами горы Тцекатльренек, с грифонами Аякса и эльфами Кэйле Наутагаскэ, с Рогвальдом и даже с Джиханом –

все это случилось по ее вине.

"Подумать только, не поймай меня в тот день алхимик Бенедикт – я не встретила бы госпожу Марту и не отправилась бы к кузнецу, а значит сегодня все вэйтары этого города остались бы свободны и не страдали по моей вине!" – с горечью подумала Ри. Хуже того, ведь Пояс достался Наследнику тоже благодаря Ри – точнее, благодаря ее похищению. А значит, война, которую она постоянно видит в своих снах...

"Я развязала мировую войну!"

Ящерка закрыла внешние веки от боли. Алазар учил, что история на самом деле почти не зависит от случайностей. Юная вэйта понимала, что грядущая война началась бы и без ее участия, началась бы даже сумей Ри исполнить клятву – просто пришло такое время. Но все эти мысли не могли побороть черную тоску и боль поражения.

Почти целый год, полный мучений и горя, скиталась Ри по миру, попадая из клетки в клетку, от эльфов к грифонам, от разбойников к шпионам. За этот год она превратилась из робкой, скромной служанки в решительную амазонку, за хвостом остался горящий корабль эльфов и бледное лицо Кэйле, привязанной к кровати, крах грифоньего заговора и четыре месяца наедине с джунглями. Сегодня Ри стала убийцей; и ничего особо страшного в этом не ощутила.

"Ко всему можно привыкнуть, – с тоской подумала вэйта. – Даже к смерти..."

Солнце уже касалось горизонта, когда мимо затаившейся ящерицы прошла группа подвыпивших моряков, тащивших огромные бычьи окорока и окровавленные мешки с мясом. Ри внимательно следила, как они поднялись на корабль Солкара.

– Эй, кап– питан! – донесся хриплый голос. – П– п– принимай п– провиант!

Некоторое время слышалась невнятная перебранка, затем скрипнул люк и голоса разом заглохли.

"Спустились в трюм!" – поняла вэйта.

Вскочив, она бросилась к сходням, быстро взбежала на корабль и моментально юркнула в темную щель между ящиками. Два моряка, драивших палубу на носу, ничего не заметили.

Тем временем из большого темного люка у кормовой надстройки показался

Солкар, за ним шли пьяные матросы.

– Где, говорите, вам всучили это мясо? – вкрадчиво спросил чернокожий великан.

– На ск– ск– складе Чвакана, – отозвался один из моряков.

– И стоило оно шестьдесят таньга? – Солкар нехорошо прищурил глаза.

Матросы притихли.

– Т– ты сам го– говорил, куп– п– пить лучшее...

Негр внезапно размахнулся и одним ударом сбил моряка с ног.

– Прогнившее нутро голубого муравьеда... – Солкар выругался так, что даже Ри взрогнула, – ...выкладывай деньги!

Матрос попытался встать, но великан снова сбил его с ног. Остальные безучастно наблюдали, видимо давно привыкли.

– Да на хрен мне твои деньги! – заорал моряк. – Сколько стоило, столько и дал!

Заикаться он почему– то сразу перестал.

– Ты говоришь мне , что заплатил шестьдесят таньга за гнилое мясо? – проговорил негр. Два матроса, мывшие палубу на носу, при этих словах моментально нырнули в люк.

– Ну да!

Солкар широко улыбнулся. У него оказались настолько белые зубы, что Ри померещилось – они светятся.

– Пошли на склад, – великан, словно игрушку, поднял моряка с палубы и заботливо оправил его робу. – Если говоришь правду, я убью Чвакана.

Заметив бледность на лице матроса, Солкар улыбнулся еще шире.

– А если лжешь, убью тебя. Вы! – он оглянулся на разом протрезвевших людей. – За мной.

– Я... капитан я... – забормотал моряк, но Солкар ухватил его за шиворот и потащил на берег. Остальные матросы, переглядываясь, нерешительно отправились следом.

Ри усмехнулась.

"Люди..."

Упускать случай было нельзя. Ящерка выбралась из укрытия и шмыгнула в трюм, надеясь по запаху отыскать пленных вэйтаров. На бегу взвела затвор самострела.

В трюме было темно и пахло рыбой. Повсюду лежали тюки, ящики и сундуки, но Ри сразу ощутила знакомый запах и метнулась к правому борту. Там, зажатая между бочками, ютилась большая ржавая клетка. Вэйта покачнулась, вспомнив свое двухнедельное путешествие в трюме эльфийского парусника.

– Эй! – позвала она. – Сколько вас тут?

Некоторое время слышался только шорох чешуи .

– Ишш– лэйбе йлла?! – в темноте за прутьями блеснули большие зеленые глаза, рядом зажглись красные, и вскоре шесть разноцветных ящериц недоверчиво разглядывали спасительницу.

– Я Ри, разведчица Эравии, – представилась вэйта. – Говорите на общем.

Все пленники разом отшатнулись от прутьев.

– Так это тебя ловят по всему побережью?! – с дрожью спросил совсем молодой ящеренок, пойманный на глазах Ри.

"Тинк" – вспомнила она имя.

– Да, меня, – негромко ответила вэйта. – Где ключи от клетки?

Ответил крупный, ярко– зеленый вэйтар с рубиновыми глазами:

– Капитан всегда носит их с собой.

– Прогнишее нутро Ажхана! – выругалась Ри. Взглянув на замок, она поняла , что открыть его силой не получится. – Тогда вам придется потерпеть. Ночью я убью Солкара и выкраду ключи.

Зеленый вэйтар отшатнулся.

– Убьешь?.. – переспросил он с ужасом.

– Конечно, – Ри досадливо дернула хвостом. – Это отвлечет внимание от побега.

Пленники переглянулись.

– Но... но мы же никого не убиваем... – тихо сказала единственная вэйта в

клетке, молодая серо– зеленая ящерка. – Вэйтары никогда не...

– Три часа назад я застрелила поймавших вас охотников, – оборвала Ри. –
Времена меняются, хвостатые. Или вам нравятся клетки?

Она стукнула самострелом о прутья.

– Долго вы намерены прислуживать в трактирах или воровать тайны для шахов?

– Непротивление всегда было основой нашей куль... – начал было один из вэйтаров, но Ри вторично стукнула по клетке.

– Мне больно это слышать! – прошипела она в гневе. – Вас ловят, словно животных, сажают в клетки, а вы толкуете о непротвлении! Это слова кроликов, а не ящеров!

Внезапно из темноты выступил молчавший до сих вэйтар темно– серого оттенка. Он был заметно выше остальных, его желтые глаза светились мрачным пламенем. Ри невольно запнулась.

– Ты слишком молода, чтобы судить о таких вещах, – сурово сказал вэйтар.

– Я пережила больше, чем многие успевают за целую жизнь.

– Это не дает тебе права ...

– Я сама беру свои права! – вконец разъярившись, Ри ударила хвостом об пол.
– Вот мое право!

Она показала самострел.

– Довольно пререканий. Сидите тихо, пока я не вернусь и не освобожу вас.

– Постой!... – серый вэйтар просунул руку сквозь прутья, но Ри уже отвернулась и стремительно скользнула к выходу из трюма. Пораженные пленники остались наедине с темнотой.

"Кролики! Кролики!" – разговор с сородичами так расстроил Ри, что она едва не забыла, где находится. Выбравшись на палубу, вэйта чуть не столкнулась с человеком в зеленых одеждах, притаившимся за фальшбортом. Один из выживших охотников!

В последний миг ящерка успела шмыгнуть в какую– то щель; человек обернулся, но ничего не заметил и продолжил тихий спор с товарищем. Ри узнала Шама.

– ...живых остаться не должно, – говорил он с нажимом, – эти подонки застрелили моего брата, Мик. Они умрут.

– Почти вся команда сейчас не берегу, – едва слышно ответил второй охотник. – Лучшего момента не представится. Забудь о мелкой рыбе – мы убьем Солкара и подожжем корабль.

– Я вырву сердце убийце брата! – прошипел Шам.

Его спутник внезапно застыл.

– Тсс!

Ри вздрогнула: на носу корабля из люка выглянул человек. Не заметив Солкара, он облегченно вздохнул и поднялся на палубу. Следом показался второй матрос.

Шам неслышно потянул из– за пояса тонкий стилет. Привстав, он словно леопард медленно двинулся вперед и внезапно бросился в атаку. Несчастные моряки даже не успели понять, что случилось.

Когда к Шаму подбежал его спутник, тела уже не дергались. Убийца вытирал стилет о бедро мертвого матроса.

– Дурак! – до Ри донесся яростный шепот. – Тебя могли увидеть с берега!

– А мне плевать, – Шам сверкнул глазами. – Они умрут. Все.

Второй охотник покачал головой.

– Глупец... Ты хочешь отомстить или гордо сдохнуть?

– Я лучше знаю, чего хочу... – сквозь зубы процедил Шам.

Его спутник вздохнул.

– Иди в трюм. Перебей ящериц, что мы наловили, и подожги корабль. Солкар примчится обратно – тут– то мы его и кончим.

Шам стиснул зубы:

– Не строй из себя командира!

– Я убью тебя прямо сейчас, чтобы не рисковать, – размеренно ответил охотник. – Слышал поговорку – глупый друг хуже врага?

Он резко указал на люк в трюм.

– Иди.

Мгновение – и к его горлу был приставлен стилет.

– Нет, Мик, пойдешь ты, – процедил Шам. – А я подожду здесь... На случай, если один шибко умный парень вдруг решит кинуть товарища. Согласен?

Мик медленно отвел острие стилета пальцем.

– Шам, ты дурак, – сказал он спокойно. – Если тебя сегодня убьют, я не буду долго горевать.

Наемник усмехнулся.

– Взаимно.

Пожав плечами, Мик бесшумно направился к люку в трюм. Однако дойти не успел: что– то тихо щелкнуло, и охотник с хрипом свалился на палубу. Его спутник окаменел от неожиданности.

Яд подействовал мгновенно. Тело Мика скрутила судорога, из носа и рта полилась кровь. Страшная агония завершилась хрустом позвоночника, и человек замер на окровавленных досках, обратившись из полного сил охотника в груды плоти. Шам едва удержал рвоту.

– Брось оружие и встань, – тихо сказала Ри. Наемник дико озирался, но страшная смерть товарища так на него подействовала, что всякие мысли о сопротивлении вылетели из головы. Молча отбросив стилет, Шам поднялся с палубы и обернулся на голос.

– Ящерица?! – вырвалось у него.

– Вэйта, – поправила Ри. Она стояла у мачты, держа самострел наперевес и спокойно глядя в глаза врага. – Свободная вэйта.

– Нет... – охотник попятился.

– Ты дурак, Шам, – Ри улыбнулась. – Это я убила твоего брата.

Наемник зарычал не хуже тигра. Но прежде, чем гнев толкнул его на безумство, вэйта вскинула самострел и вогнала ядовитый шип в глаз человека. Ей даже почти удалось выдержать зрелище агонии спокойно.

– Я не вещь, – сказала она тихо. – Я свободная.

Забросив самострел на спину, Ри подошла к телам и подняла стилет Шама.

– Бандиты часто грызутся между собой, – объяснила она мертвому охотнику, втыкая стилет ему в живот. Покрутив оружие, чтобы расширить рану, вэйта вырвала клинок и подошла к трупу Мика.

– Ты поразил его насмерть, но Шам был сильным, и успел отомстить... – Ри вогнула стилет в спину охотника и оставила торчать. Потом аккуратно вытащила из тел ядовитые шипы и перезарядила самострел.

"Подождем Солкара", – ящерка молча вернулась в свое укрытие. На окровавленной палубе остались лежать четыре изломанных агонией трупа.

"Именно так я убью тебя, Ажхан", – подумала Ри.

Закат окрасил небо в пурпур. Корабль слегка покачивался на волнах, с алой высоты равнодушно глядели фиолетовые луны.

И тогда, первый раз в жизни, вэйта улыбнулась наступающей ночи.

Она больше не боялась темноты.

Глава 2. Самурай

День 9, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Сегодня утром старый Хакас приказал мне записывать все, что происходит за день, и даже дал два листа желтой бумаги. Я не понимаю, зачем это нужно, но спорить с Хакасом – благодарю покорно... Пришлось вечером забраться на карниз башни и тщательно записать все, что помнила. А вечер выдался холодным.

Итак, сегодня был девятый день семнадцатого сезона Белого солнца, или Брата, как я его потихоньку называю. Совершенно обычный день, надо сказать. Единственное странное событие я уже описала – приказ Хакаса. Поэтому перейду к описанию нестранных событий.

Утром, как всегда, в замок прискакали гонцы Южного Оракула и сообщили, что все спокойно. Годзю, тоже как всегда, поблагодарил их за расторопность и отослал обратно к Оракулу. Я это видела только потому, что Хакас заставил меня всю ночь повторять длинное и нудное заклинание; обычно я в такую рань еще сплю.

Когда гонцы ускакали, а я наконец собралась заснуть, Годзю приказал начать церемонию Битвы Солнц. Под эту церемонию не очень – то заснешь, я обычно и просыпалась как раз от грохота гонга... Так что следующие три часа я мрачно сидела

на карнизе башни Хакаса и зубрила глупое заклинание. Оно было такое длинное и нудное, что никак не удавалось запомнить.

"Не спрашивай учителя, с какой целью он дает задание", любит повторять Хакас. Я имею собственное мнение по поводу этой фразы, но вторая любимая поговорка Хакаса – "Если мнение ученика не совпадает с мнением учителя, это плохой ученик". Вот и попробуй, возрази...

Когда Брат коснулся зенита, я наконец осилила заклинание и, если верить старой– престарой книге Хакаса, обрела власть над проявлениями Земли шестого начального уровня. Проще говоря, над жуками– пауками и прочей многоногостью.

Первое, что пришло в голову – насрать на Хакаса рой пчел. К счастью, вовремя подумав о последствиях, я решила провести опыт на менее сварливом человеке. И тут, словно специально, из кузни появился рослый дылда– молотобоец по прозвищу Хвост Медведя. На самом– то деле его звали ВалУ, и был он немного... впрочем, чего уж там. Дураком был Валу. А почему его прозвали Хвостом Медведя – поймет любой, кто видел нашего кузнеца.

Я испытала заклинание, заставив большого мохнатого паука спрыгнуть с дерева возле кузни прямо на голову Валу. Надо было слышать, как тот завопил! Думаю, будь рядом Хакас – даже он бы меня похвалил. Нет, что ни говори – а способности к магии у меня выдающиеся, просто неповторимые. Это я подслушала однажды, когда к Хакасу в гости приезжал волшебник из замка Мо.

На крик Валу сбежались слуги и воины, все немного посмеялись. Я, понятно, не сказала что паук – моя работа. Зато когда Валу немного успокоился, я забрала паука и съела. Люди не понимают, какими вкусными бывают пауки... Хотя не мешают их ловить, и на том спасибо.

Днем в замок зашел странствующий ронин*. Это был очень высокий и худой человек без волос, с длинным аристократическим лицом и печальными глазами. Двигался он рывками, словно при каждом шаге ему в ступни вонзались гвозди, а из оружия имел только катану за поясом, даже сето не было. Одежда гостя оставляла желать лучшего.

Заметив меня, он сначала немного испугался – все пугаются первый раз. Потом, когда Годзю пригласил его в беседку, а я сидела на смоковнице и

подслушивала, ронин только и спрашивал что обо мне. Годзю рассказал, как много сезонов назад, во время Желтого солнца меня нашли новорожденной в пещере какого-то чудовища и выходили с помощью мудреца Ханасаки Косю*. Когда он назвал Хакаса мудрецом, я чуть не кувыркнулась с дерева от смеха.

Больше сегодня ничего не происходило. Ронин вечером ушел, только сначала погладил меня по голове и очень печально вздохнул.

– Ты станешь хорошей колдуньей, Хаятэ* – сказал он. Я покачала головой.

– Я стану самураем. Годзю с рождения учит меня кендзюцу.

– Самураем может стать только мужчина, – возразил ронин. – А ты пока даже не женщина.

Надо будет утром спросить Хакаса. Он никогда не говорил, что я пока не женщина.

День 10, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Выспалась я плохо, потому что срок белого Брата уже кончался, и его желтая Сестра становилась все ближе и ярче. Я никогда не видела желтых дней, поскольку родилась только двенадцать сезонов назад, в начале Белого Солнца. А Хакас прожил целых два оборота, и рассказывал, что такое время, как сейчас – самое плохое. Ночи короткие, по утрам на небе сразу полтора солнца, а через три сезона, когда наступит Перемирие, и вовсе нельзя будет на небо смотреть. Хорошо хоть, в это время всегда появляются тучи...

Утром я спросила Хакаса про слова ронина. Старик некоторое время пыхтел, поглаживая лысину, а потом вдруг рассердился и закричал что побьет меня хворостинкой. Пришлось быстренько взлететь на карниз и смотреть оттуда .

Через час он успокоился. Я спланировала обратно, Хакас погладил меня по голове и сказал, чтобы я больше не разговаривала с незнакомыми мужчинами, иначе он превратит меня в лягушку. Я не поверила. Хакас даже настоящую лягушку ни в кого превратить не может.

Зато он умеет делать зверей из бумаги, и так красиво, словно живые. Больше никто в замке этого не умеет, даже я. Хакас пока не научил. Только сказал –

называется оригами.

Сегодня он прямо у меня на глазах смастерил из листа бумаги жабу. Самое потрясающее в его зверюшках – они двигаются. Жабу можно было прижать когтем, и она подпрыгивала, как живая. Хакас подарил ее мне и обещал, что завтра сделает летающего дракона из бумаги и ниток. Наверно, пожалел, что накричал.

Днем старший сын Годзю, молодой Кодзуми взял меня на прогулку. Я уже слишком большая, чтобы сидеть на плече – раньше, еще до того, как обучать меня кендзюцу, сам Годзю любил гулять со мной так. Теперь я шла рядом с юношей и слушала рассказ о подводном городе Сэ.

Мы забрались на скалу рядом с замком и оттуда смотрели на море. Оно всегда серое, даже когда в небе сияет желтая Сестра – так Хакас говорил. Кодзуми тоже не видел желтых дней, но сказал, море серое потому что глубоко под водой есть древний город Сэ, где живет дух подводного царства Сэссэн Масаяма. Его замок постоянно обходят семьдесят семь подводных драконов, которые покровительствуют семидесяти семи рекам в разных местах мира. От шагов драконов поднимается столько ила, что все море вокруг замка Масаямы серое. Я спросила Кодзуми, откуда он знает, на что тот рассмеялся и ответил:

– Мне рассказал отец, ему – его отец, и так уже семьдесят семь поколений.

Надо будет вечером спросить Годзю, откуда его отец узнал о Масаяме.

Мы гуляли, пока Брат не коснулся вершины горы Дзюттэ. Кодзуми очень нравилось со мной гулять, он говорил, что все его друзья мечтали бы лишь коснуться волшебного Небесного Змея – это меня так называют иногда. Мне тоже нравилось гулять с ним, я так и сказала. Кодзуми засмеялся.

Вечером Хакас заставил меня повторить все заклинания, которые я выучила за этот месяц. Потом прочитал лист, где я описала что происходило вчера, и немного поворчал на глупую шутку с Валу. Я согласилась, шутка была глупая. Тогда Хакас угостил меня хвостиком фиолетовой рыбы митсо.

День 11, 17 сезон белого Солнца, оборот 58.

Сегодня было много интересного! Едва Годзю успел завершить ритуал Битвы

Солнц, как прискакал гонец из замка Мо и сообщил, что к ним прибыли гости на странном корабле из заморских стран. Замок Мо – самый большой и красивый на острове, раза в три больше чем у Годзю, и стоит он на большом утесе, далеко уходящем в океан. Поэтому корабли из– за моря почти всегда сначала останавливаются там. Я тоже часто бываю в замке Мо вместе с Хакасом.

Годзю долго расспрашивал гонца о корабле гостей. Тот рассказал, что корабль очень странный, хотя не слишком большой. Вместо нормального косого паруса там был огромный квадратный, совсем прямой, а чтобы плавать против ветра – весла. И спереди была приделана деревянная голова "точно как у Хаятэ".

Между прочим, я спереди очень похожа на рисунки воздушных драконов Сериу. Однажды ученик странствующего художника даже нарисовал меня в виде дракона. Поэтому я совсем не удивилась, когда Годзю сказал – ему знакомы такие корабли, и их называют "драккары", что на языке дальних северных островов означает "дракон". Когда он это сказал, я поняла – обязательно поедет смотреть корабль.

Просить пришлось не так долго, как я боялась. Белое солнце только– только пересекло середину неба, как мы с Годзю, Кодзуми и пятью самураями поехали в замок Мо. Я сидела на лошади Хакаса, потому что старик терпеть не мог лошадей и шел пешком.

Пока ехали, я сидела тихо и ни с кем не говорила. Хакас всегда ругает меня, если я начинаю говорить за стенами замка. Он утверждает, что крестьяне могут перепугаться Небесного Змея и поднять восстание против Годзю. По– моему, глупости это. Я не раз видела, как крестьяне на меня смотрят – безо всякого страха, даже с любопытством. Но спорить с Хакасом?..

Когда подъехали к замку Мо, нас встретил сам Матагава– сан, учитель Годзю и лучший самурай острова. Он служил Еши – это хозяин замка Мо – уже полтора оборота, и был старый как Хакас, но с длинной косой седых волос и раздвоенной бородой. Борода была совсем белая.

– Плохие вести из– за моря, – сразу сказал он. – Ярл просит помощи.

Годзю помрачнел и быстро поскакал в замок следом за Матагавой. А мы с Кодзуми и двое самураев остались на берегу моря, смотреть корабль.

Я такого раньше не видела. Мало того, что он был черный, так еще и вдоль его бортов крепились много круглых щитов, довольно неряшливо сделанных к тому же. Несколько больших бородатых людей в доспехах заметили нас на берегу и стали громко кричать, указывая на меня пальцами.

– Что они говорят? – спросила я у одного самурая. Тот покачал головой.

– Я не знаю их языка, Хаятэ–чан*.

– Они кричат "Не может быть!", "Чудо!" и тому подобное – перевел Кодзуми. Мне стало очень интересно, почему меня не может быть. Надо будет спросить Хакаса.

До вечера мы ждали Годзю у ворот замка Мо. Я не понимала, почему Кодзуми и самураи не идут внутрь, но он сказал – так надо.

Вечером из ворот выехал Годзю. Таким мрачным я его давно не видела, даже когда сгорела старинная пагода он был не такой. Рядом ехали Еши и Матагава. Тоже мрачные.

– Война, – объяснил Годзю. – На земли ярла Хольгена напали неизвестные северные люди. Они приплыли в кожаных лодках и привезли клетки с непонятными ящерицами размером в половину человека. Эти ящерицы владеют ужасным колдовством. Дикари высадились на берег у стен города, их встретило войско Хольгена. Прежде, чем ярл понял, кто его враг, дикари начали бить ящериц в клетках, и внезапно половина северян словно обезумела. Люди катались по земле, выли, как волки, а потом повернули оружие против своих и началась бойня. Пришельцы устроили страшную резню, спастись удалось только пяти кораблям. Хольген просит приютить беженцев.

Кодзуми в знак внимания сложил ладони перед грудью.

– Вы решили оказать ярлу поддержку?

– Да, – ответил Годзю. – Скачи в замок. Собери десять рук воинов. Во главе поставишь Тосиро. Я буду ждать здесь.

Не сказав ни слова, Кодзуми поклонился и поскакал обратно, самураи за ним. Я перевела взгляд на Годзю.

– А мне что делать?..

– Лети домой и не покидай замок до моего возвращения. – сухо приказал

Годзю. Когда он так говорит, не послушаться означает нанести прямое оскорбление. Поэтому я молча распахнула крылья и полетела домой. Дома поела немного сассими, написала что произошло за день и легла на циновку у огня. Ждать Хакаса.

Что– то мне говорило: ждать Годзю нет смысла.

День 13, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Вчера я ничего не писала, потому что Хакас так и не приехал, а я очень нервничала и не смогла себя заставить. Кодзуми уехал утром вчерашнего дня, с ним отправились почти все воины замка. Остались только два десятка редзю, шестеро самураев и несколько хэнгинов с длинными луками.

Весь вчерашний день я провела дома, в башне Хакаса. Читала книгу заклинаний, но ничего не запомнила. Слишком нервничала. Вечером пришел слуга, покормить меня. Он тоже не знал, почему Хакас до сих пор не приехал.

Сегодня утром прискакали гонцы южного Оракула. Рассказали, что посланцы Еши побывали и там; хозяин замка Юан, где живет Оракул, послал на помощь три руки воинов и шестерых опытных самураев. Не следовало Годзю посылать сразу всех наших, так нельзя... У нас ведь небогатый замок. Если честно, то замок Годзю – самый небогатый на острове. И самый маленький. Зато у Годзю лучший волшебник живет, Хакас.

Днем, когда я сидела на карнизе башни и ждала Хакаса, в меня стал бросать камни Валу. Оказывается, маленький сын Годзю – вредный Осаэси – догадался, кто устроил шутку с пауком, и сказал ему. Пришлось мне спрятаться в башне и сидеть до вечера. От нечего делать написала этот лист.

Хакас сегодня не приехал.

День 14, 17– ый сезон белого Солнца, оборот 58.

Утром приехал Хакас! Я даже не думала, что так соскучалась. Чуть не опрокинула его, облизала все лицо. Потом заметила, Хакас был очень печальный.

– Они не послушали старого Ханасаку, – сказал мне тихо. – Никто больше не

слушает моих слов.

Я обиделась немного.

– Хакас, я всегда тебя слушаю...

Старый волшебник вздохнул.

– Только ты и слушаешь, Хаятэ. Я хотел остановить их, но Матагава назвал меня старым уродом и пригрозил отрезать бороду.

Хакас даже затрясся от обиды.

– Старым уродом!

– А почему ты не хотел пускать воинов в поход? – мне стало очень интересно.

– Потому что это опасно, глупышка. Северяне ярла – очень сильный народ, потомственные воины, не хуже самураев. И они проиграли. А что если и мы проиграем?

Я крепко задумалась над словами Хакаса. Уж что– что, а о войнах я знала все. Это было первое, чему меня учили – читать книги о войнах и героях династии Сахо. Поэтому сейчас я легко могла представить, что будет если мы проиграем.

– Годзю погибнет? – спросила я тихо. И вспомнила, какой он хороший человек, Акаги Годзю. Суровый, немного жесткий, но когда хочет – такой добрый...

– Хвост тебе узлом завязать надо за такие слова! – разгневался Хакас. – Теряешь время! Быстро принимайся за учебу!

Я села читать книгу заклинаний дальше, но иероглифы прыгали перед глазами. Вместо страниц виделся наш замок, охваченный пламенем, и низкорослые люди с окровавленными мечами.

Ночью мне приснился черный корабль, выброшенный на берег возле обугленных остатков пагоды. Вокруг лежали тела воинов, сотни тел, вся земля была покрыта кровью. А на носу корабля сидела очень красивая золотистая ящерица с огромными глазами, и смотрела мне прямо в лицо.

День 15, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Сегодня утром Хакас сделал мне такой подарок, что даже сейчас, вечером, не верится. Теперь я точно знаю, что он лучший волшебник в мире. А было так.

Я проснулась раньше Хакаса, что уже само по себе странно. Наверно, он очень устал вчера. Некоторое время я разглядывала спящего старика, думая, как рассказать ему про сон. Не придумала.

Позже, когда Хакас уже проснулся и мы поели, я заметила, что он не заставил меня, как обычно, выпить травяную настойку для повышения магической силы. Это было уже очень странно, но как вскоре выяснилось, странности сегодняшнего дня только начинались...

А начались они, когда в ворота громко постучали, и старший редзю впустил всадника, запыленного до кончика шлема. Я сразу узнала Тосиро – нашего моногасиро*.

– Что случилось? – тревожно спросил Хакас. Я подошла поближе, но Тосиро, спрыгнув с коня, молча хлопнул по свитку за своей рукавицей и указал мне на дом. Пришлось подчиниться; когда Годзю присылает такие приказы, гонец должен молчать, пока не доставит свиток по назначению. Обидно, раньше у Годзю от меня секретов не было...

Я вернулась в дом, но сразу вылезла через заднее окно и взлетела на крышу. Только все равно опоздала: Хакас уже прочел письмо и вернул его Тосиро. Тот жестом подозвал слугу и приказал позаботиться о коне, а сам направился в дом, наверно передохнуть. Я спланировала к Хакасу.

– Плохие новости? – спросила я тихо.

Старик вздрогнул, словно приходя в себя.

– Нет, нет... Лети в беседку и жди меня. Я скоро приду.

Отвернувшись, он заложил руки за спину и медленно двинулся к самой старой пагоде в замке, той самой, что сгорела два сезона назад. Годзю отстроил ее заново.

Беседка тоже была очень старая, с резными стенами из красного дерева. Мне неудобно сидеть на скамейках, мешают хвост, поэтому обычно я взлетаю на смоковницу и сижу там; но Хакас сегодня был таким странным, что я решила не злить его лишней раз, и устроилась на полу беседки. Ждать пришлось довольно долго.

Когда старик наконец появился, я чуть зубами не клацнула от удивления. Хакас напудрил лицо, словно в замок приехал гость королевской крови! Вообще– то,

вид у него был презабавный, но я еще не сошла с ума, чтобы засмеяться.

– Хаятэ, – сказал Хакас, усевшись на скамью. – Подойди.

Я молча приблизилась и опустилась у его ног. Старик положил руку мне на голову.

– Хаятэ, тебе придется временно переселиться на другой остров. Так приказал Годзю.

Я вздрогнула даже.

– На другой остров?!

– Так приказал Годзю, – повторил Хакас. Я видела, что ему трудно говорить, но старик изо всех сил старался выглядеть невозмутимым.

– Почему? – спросила я тихо. – Я сделала что-то плохое?

– Нет, – Хакас все же не выдержал, и тяжело вздохнул. – Так нужно для твоей безопасности, девочка. Вчера ночью неизвестные сожгли замок Окосинто на севере. У нас почти не осталось воинов, и Годзю приказал отправить тебя с Осаэси на остров Нокайдо, под защиту императора. Вечером Тосиро проводит вас в замок Мо, а утром посадит на драккар ярла Хольгена.

Я попяtilась.

– Учитель, но... Нельзя же оставлять наш замок без защиты!

– Так надо, – тяжело сказал Хакас. – Все оказалось серьезнее, чем мы думали. Пришельцы не удовлетворились северными островами, грядет большая война. В императорском дворце вы с Осаэси будете в безопасности.

– А ты? – я даже крылья распахнула от волнения. – Ты с нами поедешь?

– Нет, – он покачал головой. – Я останусь здесь.

– Тогда я тоже останусь!

Хакас покачал головой.

– Так приказал Годзю, Хаятэ. Ты знаешь, что это значит.

Я и вправду знала. Слово правителя, сегуна – непререкаемый закон. Ослушаться его, означает стать предателем. Но я ведь пока не самурай Годзю, я его приемная дочь! Мне можно... Наверно. Все равно я не останусь у императора! Я не заложница от мятежного самурая, это... нечестно! Да еще и вместе с вредной Осаэси?! Я же с ума сойду!

Пока такие мысли крутились в моей голове, Хакас продолжал что-то говорить. Опомнившись, я прислушалась как раз вовремя, чтобы услышать конец фразы:

– ...хотел дождаться твоего совершеннолетия, но боюсь, уже не успею. Поэтому готовься, девочка моя – сейчас ты увидишь подарок, что я готовил к этому дню.

Знай я тогда, какой сказочный подарок меня ждет, я бы наверно всего Хакаса облизала от радости. Но я думала – будет летающий дракон, так и спросила. Старик улыбнулся и покинул беседку, наказав ждать его тут.

В этот раз ждать пришлось гораздо дольше. Я от нетерпения уже кусала хвост. Но наконец, резные двери со скрипом раздвинулись и Хакас опустился передо мной на скамью. Борода у него была вся в пыли .

– Смотри, малышка, – и протянул коробочку. Я быстро ее раскрыла...

А там лежал серебряный медальон с драгоценными камнями. Я раньше никогда не видела драгоценности так близко, жена Годзю не разрешала их трогать. Но, думаю, такого медальона нет даже у хозяйки замка Мо!

Несколько минут я просто говорить не могла, только смотрела и чувствовала, как внутри что-то греется от радости. Медальон был... потрясающий!!! И там из маленьких фиолетовых камушков, не знаю их название, была сделана я! Только почему-то фиолетового цвета, а не синего, и с голубыми глазами. По краям сверкало множество одинаковых блестящих камней, их называют бриллиантами, а сам медальон по форме напоминал очень толстый наконечник копья Хэ.

Потом Хакас мне объяснил, что серебристый металл называется платиной, а маленькие фиолетовые камешки – аметистами. Но это все неважно! Потому что медальон оказался волшебным!

– Это не просто драгоценность, – сказал Хакас, когда я насмотрелась. – Это волшебный талисман. Если произнести правильное заклинание, медальон запомнит все звуки, которые услышит, и будет помнить их вечно. Другое заклинание позволяет слушать, что он запомнил.

Я не поверила сначала, но Хакас пробормотал что-то над медальоном, и тот вдруг заговорил! Очень тихо, голосом Хакаса.

– ...она бессмертна. Взгляни, огонь спалил даже скалы, но пощадил ее. Знак кагири– то встречался мне на стенах подземелий Хинотачи, построенных не людьми, во времена, когда... – дослушать я не успела, потому что Хакас быстро пробормотал заклинание и медальон умолк. Я подозрительно взглянула на старика.

– О ком ты говорил?

Хакас запыхтел.

– Не задавай лишних вопросов!

– Один только! – попросила я быстро.

Старик дернул себя за бороду.

– Говори.

– Что означает "кагири– то"?

– Так зовут твой медальон, – ответил Хакас. – Будь к нему внимательна и храни как зеницу ока, эта драгоценность – живая.

Я до сих пор не могу понять, что в медальоне живого. Металл как металл, просто волшебный. Но имя мне очень понравилось, Кагири– то! "Огонь звезды"...

Мы еще немного поговорили, но Хакас как в рот воды набрал. Ни словом не объяснил, что значили странные голоса из медальона. Только написал на бумажке, как заставлять Кагири– то слушать и говорить.

Зато, когда я попросила, он долго рылся в одном из своих бесчисленных сундуков, пока не нашел красивую стальную цепочку. И надел Кагири– то мне на шею!

Целый день я любовалась подарком Хакаса. Весь замок сбежался смотреть, пришел даже Валу. Но я была такая счастливая, что не обиделась, когда он назвал меня ящерицей. Довольный Хакас грелся на солнышке у колодца, а я летала по всему замку и хвасталась.

Когда Брат стал клониться к закату, из дома показался Осаэси, одетый по-походному, и слуга тащил за ним большой сундук с вещами. Я только сейчас вспомнила, что уезжаю, и чуть не врезалась в пагоду от неожиданности.

Следом за мальчиком из дома вышел Тосиро.

– Хаятэ! – позвал он.

Я тихо шмыгнула за угол и влезла в дом через окно. Но Тосиро хорошо знал

мои лазейки, и уже ждал внутри.

– Собери свои вещи, – приказал он сурово. – Нам пора.

– Хорошо, Тосиро– сама* – сказала я мрачно, и направилась к себе в комнату.

А там, еще разок взглянув на медальон, решилась.

Ханасака– сэнси*, учитель, я знаю – прочитав эти строки, ты огорчишься. Прости, Ханасаки! Но я просто не смогу усидеть в замке, пока Годзю грозит опасность. Я улетаю ему на помощь. Буду каждый день писать тебе письма, обещаю!

До свидания, Хакас!

День 16, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Я больше не пишу на бумаге. Это занимает много времени, приходится таскать за собой чернильницу и время от времени ловить каракатиц... Сегодня я первый раз попробовала использовать медальон вместо записей.

Получилось здорово! Всего за пару минут я рассказала Кагири– то, что сегодня произошло интересного. А он потом повторил все мои слова так точно, словно вторая Хаятэ незаметно подкралась и шептала из медальона! Потрясающая штука. Надо будет мне научиться делать такие драгоценности, колдунья я или нет?..

Вообще– то, сегодня ничего особенного не произошло. Мы с Тосиро и Осаэси доехали до замка Мо без всяких приключений, а утром я тихонько положила в мешок вещи, которые еще вчера отобрала для побега – волшебная книга, подаренная Хакасом, пояс с сюрикенами, немного бинтов и бутылочку бальзама, который Хакас готовит из листьев алоэ. Записку для Тосиро положила на самое видное место.

Потом, захватив свою любимую катану, я тихо прокралась во двор и направилась к воротам, сделав вид, что иду гулять. В замке почти все спали – было очень рано, только у ворот сторожили два самурая. Я сказала им, что лечу ловить электрических угрей для опытов мудреца Ханасаки.

Люди страшно не любят угрей, но один из самураев все равно вызвался меня проводить. Наверно, их Тосиро предупредил. Я сделала вид, словно очень рада попутчику, а за стенами замка незаметно отошла шагов на пять в сторону.

– Только не улетай далеко, – попросил самурай, когда я расправила крылья.

Я подумала, если его обмануть – выйдет очень нехорошо. Поэтому я чуть–

чуть отлетела в сторону и рассказала самураю правду, куда лечу. Он очень испугался, бросился ко мне – поймать хотел. Я ударила крыльями и взмыла в небо.

Сразу лететь в море я не решилась. Следовало узнать дорогу, запастись едой и водой, смастерить бамбуковый плот для отдыха на волнах... Поэтому я до вечера задержалась в роще на самом западе острова – охотилась и рубила бамбук. А затем, спрятав плот в кустах, помчалась на юг.

До замка Юан, где живет Южный Оракул, долетела за два часа. Там рисовали лучшие карты на всем острове. Редзин у ворот, наверно, впервые меня увидел, потому что уронил пику от удивления.

– Я послана из замка Мо! – сказала я быстро. – Нам нужна новая карта.

Узнать дорогу оказалось гораздо проще, чем я боялась. Редзин привел Синабуро – жену хозяина замка Юан, и я сказала ей, что прислана за картой. Синабуро сразу позвала молодого сына замкового художника и велела нарисовать для меня карту. Когда рисунок был готов, она сама отметила там путь кораблей и остров ярла Хольгена, куда плыл Годзю. Я их всех вежливо поблагодарила.

Вернувшись в рощу, поймала двух обезьян, очень невкусных, зато больших. Сейчас уже вечер, плот готов, обезьяны жарятся над костром... А я сижу у огня и рассказываю Кагири– то, что произошло за день. Обещания надо выполнять.

Ханасаки, учитель, когда я вернусь – ты будешь доволен своей Хаятэ. Надеюсь...

День 17, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Плот слишком тяжелый. На горизонте еще видны скалы нашего острова, а я уже устала. Если так пойдет и дальше, мне никогда не догнать корабли... Ой, я только сейчас вспомнила про компас – вернее, вспомнила, что забыла его взять! Придется использовать уроки Хакаса... Он учил искать путь по звездам. Значит, до ночи я не узнаю, правильно ли плыву? Обидно...

Вот будет здорово, если Годзю тоже подарят Кагири– то, и медальоны смогут говорить друг с другом на расстоянии!

...Еще три часа позади. Кажется, я нашла хороший способ двигаться вперед, не

тратя силы: если стоять на плоту, расправив крылья и загнув их поперек ветра, из меня получается неплохой парус! Смешно...

...Плыть так скучно, что я чуть ли не каждый час говорю с Кагири – то. Интересно, а он понимает, что ему рассказывают? Эй, Кагири, ты меня понимаешь?..

Не понимаешь. А еще живой. Взял бы и помог плыть, раз такой волшебный! Я тебе язык показываю, видишь?

...Ух, что сейчас было! Мимо меня проплыл зверь, размером с корабль! Больше даже! Я когда его увидела – испугалась до смерти. Взлетела скорее, плот схватила... А зверь меня даже не заметил. Серый, блестящий, с огромными плавниками впереди и широким хвостом, он был такой громадный, что сверху напоминал перевернутый корабль.

Наверно, это подводный дракон Сэссэна Масаямы. Правда, на дракона зверь был совсем не похож, но кто их знает, драконов этих... Вдруг они в самом деле такие? Пора спускаться.

...Еще два часа позади. Сейчас я сижу на плоту и разглядываю целое стадо громадных зверей. Там есть детеныши, один даже смотрел на меня большим черным глазом, выставив его из воды. Нет, наверно, это все – таки не драконы Масаямы. У драконов не может быть детенышей, они ведь не рождаются, как люди и звери – их создают духи неба, огня, воды, воздуха и земли.

Хэй! Если это не драконы – значит, обыкновенные звери! Но тогда... Тогда я смогу плыть дальше на их спинах!

Кагири, надеюсь, ты воды не боишься. Сегодня я более не смогу с тобой говорить, так что подожди до завтра.

День 19, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Я подружилась с огромным серым зверем! Он такой умный, что иногда кажется – не я с ним, а он со мной подружился. Я назвала зверя Сехо, "Несущий счастье феникс", потому что он серый, как пепел, и помогает мне догнать корабли.

Сейчас я сижу у Сехо на спине, это не очень приятно – холодно и постоянно заливает водой, зато мы быстро движемся на север. Даже очень быстро – словно

бегом по земле. Когда Сехо ныряет за рыбой, я взлетаю или пересаживаюсь на спины его друзей, но вообще— то, мне здорово повезло. А было так.

Сначала, когда я осторожно подлетела к Сехо и опустилась ему на спину, зверь замер и приподнял хвост над водой. Хвост у него был такого размера, что я чуть не свалилась в море от страха.

Несколько минут Сехо неподвижно лежал в воде, чуть шевеля плавниками и, наверно, ожидая от меня действий. А я тихо сидела на его спине, по хвост в воде, и думала, что напрасно бросила плот.

Наконец Сехо, кажется, понял, что я ему не враг, и медленно поплыл вперед. Он плыл, постепенно погружаясь, и скоро я оказалась почти вся в воде. Пришлось взлететь, пока не намочла волшебная книга Хакаса.

И тогда случилось странное. Едва услышав хлопанье моих крыльев, Сехо сразу успокоился и снова всплыл на поверхность. А когда я рикнула второй раз сесть ему на спину, зверь даже не вздрогнул. Думаю, Сехо или его родичи дружат с какими— то большими птицами, и он решил — я как раз из таких. А может, он просто понял, что я добрая...

Так или иначе, мы быстро плывем на север уже два дня. Сегодня, когда Брат коснулся горизонта, на самом пределе видимости мне почудилась земля. Похоже, это облака над горами нового острова. Надеюсь, правильного острова... Завтра узнаю. Кагири, ну почему ты совсем не помогаешь? Хоть бы компас изобразил! Такой красивый, волшебный, и бесполезный...

День 21, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Вчера вечером я была очень уставшая, поэтому ничего не рассказала Кагири. А зря — вчерашний день выдался интересный!

Утром, когда земля на горизонте стала видна яснее, я погладила Сехо крылом и взмыла в небо. С воздуха было видно, что стадо повернуло в открытое море — неужели они плыли к берегу ради меня? Следовало поймать для Сехо рыбку митсо, она самая вкусная в море.

До земли долетела за полчаса, и здорово замерзла — было очень холодно.

Остров выглядел подозрительно большим; даже с высоты не было видно, где берега заворачивают. Если это правда остров, то он раз в десять больше нашего.

Земля постепенно повышалась, всюду росли зеленые елки и другие деревья, даже кипарисы были, правда, очень мало. Трава пахла странно. Я некоторое время высматривала следы кораблей, но ничего не нашла.

Судя по звездам, Сехо отвез меня почти в правильное место – на карте был обозначен огромный остров, такой большой, что половина даже не поместилась на бумаге. К сожалению, карта оказалась не очень подробной, а линия берега была набросана только примерно. Так что я не сумела понять, где нахожусь.

Зато, если направление по звездам удалось определить верно, всего в сотне цээгов к западу должна быть большая река, где раньше стоял городок ярла Хольгена. Полтора часа лета...

Остаток дня я потратила на охоту. Заметила с воздуха большого рогатого зверя, похожего на горбатого коня, только намного больше. Метнула сюрикен, попала в голову, за рогами. Зверь рухнул как подкошенный и почти совсем не дергался. Хорошо это, не люблю когда мучаются...

Опустилась посмотреть. Рога оказались совсем не похожи на мои – плоские, широкие, многозубчатые... У меня красивее. Хотя и меньше раз в десять.

Поднять зверя я даже не пыталась, просто натаскала сухих листьев, прочитала заклинание огня и разожгла костер. Шкуру снять не сумела; пришлось отрубить мечом заднюю ногу и приготовить походную сээсаси, как меня Кодзуми учил. Ее очень просто готовить: надо густо вымазать мясо глиной и бросить в костер. Когда глина застынет, ее снимают вместе со шкурой и волосами, и под всем этим остается ароматное, вкусное жареное мясо. У меня оно, правда, чуть подгорело, но все равно было вкусно.

Согревшись и поев, решила утром лететь к западу; город ярла, скорее всего, должен быть там. Вот как раз сейчас закончу рассказывать Кагири – то о вчерашнем дне – и полечу!

Нет, прежде съем – ка я вторую ногу зверя... Эй! Ты кто?! Отпусти!!!

* "Хаятэ" – "Грозовой фронт, шквал" (японск.) (Здесь и далее прим. автора)

* "Ронин" – самурай, не занятый на службе у феодала; так же называют самурая, не исполнившего свой долг и ищущего искупления.

* "Ханасаки Косю" – историческая личность, считается создателем искусства оригами.

* "...– чан" – ласковая приставка при обращении мужчины к девочке или подруге.

* "...– сама" – приставка, выражающая почтительное обращение к господину, аналогично "– сан", но применяется только в общении между знакомыми или родственниками.

* "...– сэнси" – иначе "сэнсэй", буквально – "учитель", но применяется во многих значениях. Всегда подразумевает уважительное отношение.

* "Моногасиро" – самурай, командующий гарнизоном замка.

Глава 3. Предатели

...Цель приближается. Тяжело нагруженные драконы ритмично взмахивают крыльями, чешуя зловеще сверкает в пурпурных лучах заходящего солнца. Далеко внизу, под облаками, уже наступила ночь, но здесь, на огромной высоте, день еще продолжается. Двести семьдесят крылатых плавно снижают скорость.

Несколько молодых драконов, лучшие бойцы стаи, летят налегке. Они парят чуть ниже, выстроившись кольцом вокруг главного клина; их задача – охранять сородичей, пока те не избавятся от груза. Полсотни крылатых в самом конце стаи несут всадников: людей и гномов, с ног до головы закованных в тяжелую черную

броню. Всадники должны будут захватить позиции врага, когда их летающие союзники подавят сопротивление.

С флангов и сверху стаю прикрывают двадцать могучих черных драконов. Им, невидимым на фоне ночного неба, предстоит наблюдать за сражением издали и вступить в бой лишь при угрозе с воздуха. Атака тщательно продумана, все роли распределены. Тишину нарушает лишь свист ветра в крыльях.

Вот из-под туч появляются два быстрокрылых золотых дракона и на огромной скорости мчатся вдоль отряда. Там, куда они стремятся, во главе всей стаи, парит молодой черноглазый дракон с алой, будто покрытой кровью чешуей.

Выслушав донесение разведчиков, он ударяет крыльями и поднимается немного выше, готовясь отдать приказ. Золотые драконы синхронно разлетаются в стороны и занимают свои места в оборонительном кольце.

– Скольжение! – звенит голос вожака стаи. Все драконы одновременно прекращают махать крыльями и переходят в планирующий полет. Теперь, до самой цели, они будут плавно терять высоту и скорость.

– Сеть! – раздается следующая команда. "Острие" клина раздваивается; вперед вылетают десять мощных синих драконов. Каждый из них несет часть блестящей стальной конструкции.

К алому предводителю подлетает молодой черный. Крылатые уравнивают высоту и скорость; тем временем от клина отделяются еще двадцать шесть драконов и собираются в тесный многоугольник прямо под вожаками.

По команде, крылатые перебрасывают друг-другу толстые тросы и разлетаются в стороны: высоко над тучами возникает туго натянутая сеть. Ее создатели некоторое время маневрируют, переплетая концы тросов.

Наконец, раздается звонкий голос молодого серебряного дракона:

– Держать! – сеть вибрирует, в канатах свистит ветер. Черный дракон, парящий рядом с вожаком стаи, на миг прикрывает яркие глаза.

– Поехали... – осторожно снизившись, он цепляется всеми когтями за сеть и складывает крылья. Тросы звенят от напряжения.

– Первая пятерка пошла!

Синие драконы, парящие в высоте, разделяются на две группы. Пятеро

сворачивают влево, а остальные пикируют к черному и собираются в звезду немного выше сети. Теперь им предстоит действовать точно, быстро и слаженно.

Чтобы облегчить задачу, стая снижает скорость; тем временем, два синих дракона одновременно перебрасывают черному свой груз. Тот, крепко цепляясь за тросы когтями ног, ловит детали глухого бронепанциря и начинает их надевать, стараясь не потерять равновесия. Несколько молодых крылатых занимают позицию под сетью, страхуя товарища.

Стая бесшумно скользит над тучами. Когда черный дракон закрепляет последний ремень, ему перебрасывают оставшиеся детали: шлем, чешуйчатую броню для ног и хвоста, кольчужные накладки на суставы. Пока он их надевает, крылатые, освободившись от груза, вновь перестраиваются: теперь они летят пятиугольником прямо над сетью.

Закончив облачение, черный дракон закрепляет в специальных кольцах на боках панциря тросы, которые ему бросают парящие наверху сородичи. По команде, тросы натягиваются и закованный в панцирь дракон повисает над бездной.

– Не уроните... – говорит он слегка напряженным голосом. Крылатые плавно отворачивают в сторону от сети; наступает очередь алого предводителя.

Когда и он надевает броню, сеть сворачивают точно так же, как создавали. Все драконы возвращаются в строй, лишь две группы синих продолжают лететь отдельно, удерживая в воздухе своих бронированных товарищей.

– Готовы? – голос вожака звучит глухо из-под шлема. Ему никто не отвечает; операция много раз отрепетирована, каждый знает, что надо делать. Глубоко вздохнув, алый дракон охватывает взглядом бесконечное пурпурное небо и резко указывает вниз:

– Атака!

1

– ...Нет!!! – Ри в панике вскочила и ударилась головой о ящик. Несколько секунд судорожно озиралась.

"Боги, это был сон..." – вэйта бессильно сползла на палубу. Так страшно ей еще никогда не было. Реальный мир казался жалкой тенью в сравнении с чудовищно

яркими, живыми картинами из видения.

"Что со мной происходит, небо?!" – ящерка зажмурилась. – "Я не хочу знать будущее, не хочу, не хочу!"

– Ты тоже слышал? – человеческий голос заставил Ри содрогнуться. Только сейчас она вспомнила, где находится, и сообразила что задремала в ожидании Солкара.

"Нет..." – вэйта задрожала. – "Нет!"

– Там кто– то есть! – крикнул матрос. Ри успела только сунуть самострел поглубже в щель между бочками, как ящик отлетел в сторону и перед ней возникла громадная фигура чернокожего капитана. Ящерка вжалась в борт.

– Сбежал? – губы Солкара растянулись в улыбке. Протянув мощную руку, он схватил Ри за горло и выдернул из укрытия, словно занозу из пальца. Ящерка забила в воздухе.

Капитан осмотрел находку от носа до кончика хвоста.

– Эй, да ты никак новенькая... – протянул он с сомнением. – А ну, говори!

– Гос... господин... – прохрипела Ри. – Рука... дышать...

Солкар немного ослабил хватку. Вэйта судорожно раскрыла пасть.

– Говори, пока шкуру не снял! – потребовал негр.

– Меня... поймали люди... – краем глаза Ри заметила в сторонке тела убитых ею охотников, и сразу поняла что делать: – Они... шли из города... Я ничего не делала, господин, смилуйтесь!

Солкар фыркнул и еще немного ослабил захват.

– Что за люди?

Ри сглотнула.

– Не... не знаю. Я только ящерица, господин... Я живу здесь, в порту, прислуживаю в... Прислуживаю...

– Ну! – нетерпеливо прикрикнул капитан.

– В борделе, господин, – ящерка постаралась принять смущенный вид. – Я шла взять немного... крема в другом... доме, но по дороге меня схватили два человека в зеленых кафтанах. Они были очень злы и едва не побили меня, господин!

Солкар развернул Ри к трупам. Ящерка сглотнула.

– Эти? – грозно спросил негр.

– Да, господин, – с дрожью ответила вэйта. – Здесь... такой ужас был... Я перепугалась до смерти, господин. Они поднялись на борт, звали какого-то Силикара, но его не было. Тогда они начали требовать денег у двух матросов, говорили что нашли какую-то самку... Матросы стали над ними смеяться. И вдруг один... Вот этот, господин...

Ри указала на Шама.

– Он... выхватил нож и ударил матроса в живот... Я закричала, а он бросил меня в сторону и убил второго матроса. Этот человек... он был как дикий, кричал что зарежет всю команду и подожжет корабль!

Солкар грязно выругался.

– Как они подошли?

– Второй человек стал кричать на убийцу, схватил его за шиворот, – с готовностью ответила Ри. – Они поругались, потом первый приставил нож к горлу второго и сказал, что сейчас его зарежет. Но тот вдруг вырвал оружие и пырнул его в живот.

Капитан сплюнул.

– Что-то здесь не так, – бросил он грозно. – А кто же этого прихлопнул?

Ри задрожала.

– Господин... Я только маленькая ящерица...

– Сейчас сниму шкуру, – буднично заметил негр.

Вэйта всхлипнула.

– Господин... Я не хотела, клянусь вам! Он схватил меня за горло, стал душить! Я... сама не знаю, как это получилось...

Капитан замер, а потом расхохотался.

– Ты? Ты зарезала Мика Зекера?!.. Вот это номер! Да, говорят, собаке – собачья смерть, а вонючему наемнику, выходит, змеиная...

Утирая слезы от смеха, он перебросил Ри одному из матросов.

– Отнеси в трюм, к остальным, – следом за вэйтой полетела тяжелая связка ключей. – Да смотри, не упусти!

Внезапно ящерица вырвалась, подбежала к Солкару и вцепилась ему в пояс.

– Господин! – завопила Ри. – Я не рабыня! Мой хозяин большой человек! Он заплатит выкуп! Господин! Не надо!

– В этом городе нет человека больше меня, – оборвал Солкар. – Заруби на своем змеином носу, поняла? Будешь много болтать – полетишь на корм рыбам!

Он оторвал Ри от пояса и поднял в воздух.

– Усекла, тварюшка?

От страха Ри прижала ладони ко рту и молча закивала. Солкар усмехнулся.

– То– то... – Он вновь перебросил ящерку матросу. – В этот раз держи крепче!

Моряк кивнул и потащил вэйту к трюму. За спиной тяжело вздохнул капитан:

– Хвостом вперед рожденный кит, где ж я в этой дыре нового повара найду...

В трюме по–прежнему царил полумрак. Матрос подтащил обмякшую Ри к клетке, откуда с недоумением глядели вэйтары, и перебросил через плечо, чтобы открыть замок. Ящерка быстро огляделась.

"Пора!"

Приоткрыв пасть, Ри подхватила небольшой метательный нож, который успела вытащить из– за пояса Солкара. Извернувшись по– кошачьи, вэйта сдавила шею человека хвостом, вцепилась ему в волосы, одним движением вскрыла горло от уха до уха и резко дернула голову назад, раздирая рану. Матрос с бульканьем рухнул на пол.

Расслабив захват, Ри вскочила. Пока человек корчился и хрипел на дощатом полу трюма, вэйта спокойно подняла увесистую связку ключей и подошла к клетке. Пленные вэйтары смотрели на нее с ужасом.

– Вот я и вернулась, – угрюмо сказала Ри. Когда она отперла замок, все пленники подались назад.

– Ну? – ящерка сурово оглядела перепуганных сородичей. – Так и будете сидеть? Одна я со всей командой не справлюсь.

Узники прижались к прутьям.

– Кто ты? – в страхе спросил серый желтоглазый вэйтар. – Ты не нашего племени!

– Верно, не вашего! – резко бросила Ри. – Я – свободная вэйта, а не жалкая ящерица. Кто хочет свободы – идите со мной. Остальные могут оставаться, вам клетки не в диковинку. Вы и так рабы!

Она в гневе отвернулась. Нога снова болела, по ножу медленно стекала густая кровь. Ри облизнула клинок.

"Соленая..."

Посмотрела назад. Вэйтары, покинув клетку, сгрудились в углу трюма; похоже, Ри вызывала у них больший страх, чем люди. Ящерка на миг зажмурилась.

"Я сдалась, Йакс. Я уже сдалась!" – подумала она яростно. – "Оставь меня в покое! Слышишь? Не превращай в свое подобие!"

– Теперь слушайте, – Ри, прихрамывая, подошла к сородичам. – На палубе у меня спрятано мощное оружие. Я попытаюсь пробраться снаружи, цепляясь за корабельную обшивку, но для этого нам потребуется пробить борт. Разойдитесь и ищите топоры, ломы, любые инструменты. Только помните: у нас в лучшем случае четверть часа, потом люди заметят исчезновение матроса. Все ясно?

Серый вэйтар взглянул на товарищей. Они отводили глаза.

– Ясно, вэйт'е. – тяжело сказал ящер. Ри прищурилась.

– Кто?

Вэйтар горько улыбнулся.

– Так на й'лане звучит "Госпожа"...

Ящерка запнулась. О такой трактовке своих действий она пока не думала.

– А... Отлично, – Ри взяла себя в руки. – Тогда вперед!

Она первой подала пример и взялась за поиски. Некоторое время она ходила по трюму, шупала тюки и открывала сундуки, но кроме бесполезного тренировочного ятагана ничего не обнаружила. Вэйта уже собиралась взламывать ящики, когда за ее спиной внезапно послышался немного дрожащий голос:

– Вон там, господин.

Ри обернулась.

– С кем вы го... – ящерка застыла. У лестницы, криво усмехаясь, стоял капитан Солкар, за ним замерли четверо матросов с дубинами. Но не эта картина шокировала вэйту почти до потери сознания.

Рядом с капитаном стоял серый вэйтар и указывал на нее пальцем. Ри ощутила, как оба ее сердца медленно прекращают работу.

– Ты... ты... предал?.. – она даже не смогла договорить.

Солкар зло рассмеялся.

– Что, тварь, не ждала? – он ласково погладил предателя. – Вы, змеи, все такие...

Бросив взгляд на мертвого матроса, капитан сплюнул.

– Зря ты это сделала, – заметил он глухо.

Ри с огромным трудом заставила себя преодолеть шок. Разум лихорадочно искал выход.

"Потолок!" – вэйта вскинула голову. До палубы было футов десять – высокий человек вроде капитана без труда достанет ящерку. Значит, капитана надо убрать.

– Я Валькирия, воительница Света! – крикнула Ри. – Вам никогда...

Оборвав себя на полуслове, ящерка подпрыгнула и в развороте метнула в Солкара его собственный нож. Однако на сей раз везение, сопутствовавшее вэйте последнее время, закончилось. С неожиданной для такого великана ловкостью Солкар уклонился и нож, дрожа, вонзился в лестницу.

– Взять ее! – проревел капитан. Матросы с яростными воплями бросились в атаку.

Вложив все силы в прыжок, Ри взлетела на большую бочку, подпрыгнула, прицепилась к потолку и метнулась над головами разъяренных людей. Впереди светился люк, путь к свободе, надо лишь обогнуть Солкара...

Когда вэйта пробегала над капитаном, тот внезапно подпрыгнул и схватил ящерку за хвост. Ри завизжала, попыталась вцепиться человеку в лицо, но Солкар раскрутил ее над головой и с размаху ударил о мешок с зерном. Обмякшее тело вэйты упало на доски.

– Будет знать... – Солкар поднял Ри за хвост. Из носа ящерки капала кровь, лапки безвольно повисли. Капитан удовлетворенно хмыкнул.

– Таковую змею в трюме держать – себе дороже будет, – буркнул он. Обернувшись к матросам, Солкар указал на большую бочку.

– Отнести в мою каюту, – приказал капитан. – Оттуда уж точно не сбежит.

Моряки молча взялись за работу. Тем временем Солкар перевел взгляд на кучку дрожащих вэйтаров и почесал в затылке.

– А с вами– то что теперь делать?

Вперед выступил серый желтоглазый вэйтар. Он старался не смотреть на окровавленную Ри.

– Господин, вы поймали шпионку, за которой охотились, – предатель опустил голову. – Мы вам больше не нужны...

Великан задумчиво огладил подбородок.

– Не нужны, говоришь? В Шаддате за каждого из вас можно выручить больше, чем за двадцать коней. А ну, в клетку!

Маленький Тинк в отчаянии оглянулся на сородичей.

– Господин... – из глаз ящережки показались слезы. – Но... но вы же сказали...

– Мало ли, что я говорю змее, – усмехнулся Солкар. – Быстро в клетку, пока я совсем не рассердился!

Вэйтары, дрожа, подчинились приказу. Ни один не рискнул возразить.

2

Скозь мутную пелену боли изредка доносились голоса. Ри скорчилась на дне бочки, где было немного грязной воды и десяток клубней свеклы. Чтобы пленница не задохнулась, в крышке пробили две дырки размером с кулак, оттуда на вэйту струился слабый свет. Сколько прошло времени, Ри не знала.

Она смутно помнила, как Солкар договаривался с кем– то о найме новых матросов, помнила как молодой голос спрашивал, за какую сумму моряки возьмутся доставить пассажира в Шаддат. Переговоры завершились наймом этого человека на место погибшего повара.

Раз в день Солкар лично кормил пленницу, просовывая ломти сушеного мяса через дырки в бочонке. Воду, как и в эльфийском плену, просто наливали сверху, естественные надобности Ри приходилось справлять на месте. От грязи и плохого обращения у нее вновь воспалился шрам на ноге.

Еще ни разу за двенадцать лет жизни вэйте не приходилось так плохо. Она

держалась только за счет дикой, всепоглощающей ненависти ко всему миру.

"Иногда надо убить, чтобы выжить, иногда надо выжить, чтобы убить..." – повторяла себе Ри. Но даже слова Альтаира, казалось, потеряли смысл в этой зловонной бочке.

Не в силах разогнуться, Ри часами неподвижно лежала в грязной воде и смотрела на свет. Иногда она грезила, мечтая о крыльях, иногда билась о доски и кричала. Видения страшной войны больше не приходили.

Однажды, спустя неделю после начала плавания, Солкар приподнял крышку и осмотрел свою пленницу. Увиденное ему так не понравилось, что он приказал очистить бочку, а сам потащил обмягшую Ри на палубу и окатил водой.

– Ты смотри мне тут, не вздумай подышать, – предупредил капитан. Рана на ноге ящерики его сильно тревожила. – Проклятье, еще не довезу...

– Может приречь? – лениво спросил боцман, грузный, широкоплечий моряк с обвислым лицом. Солкар покачал головой.

– Нет, гною дорога нужна... Эй, Сики! А ну тащи сюда ящерицу из трюма!

Капитан бросил молодому матросу ключи.

– Упустишь – шкуру сдеру.

– Куда она денется посреди океана? – резонно спросил Сики, но все же поднял с палубы дубинку. Солкар хмыкнул.

– Там один большой есть, серый такой – его тащи.

– Ясно, – матрос направился к трюму.

Ри слабо шевельнулась.

– Нет... – прохрипела она. – Не надо от них... помощи...

– Ты смотри, гордячка какая! – капитан рассмеялся.

Вэйта с огромным трудом повернула к нему голову.

– Я убью себя, – в глазах ящерики сверкнуло черное пламя.

– Могла бы, давно бы убила, – фыркнул Солкар. – Видал я таких. Нет, змееныш, ты будешь жить, и мой господин сделает меня богачом.

Ри слабо улыбнулась.

– Дурак... – она опустила внешние веки. – Наследник уже получил то, к чему стремился. Ты опоздал.

– Наследник? – Солкар переглянулся с боцманом. – Да на кой хрен ты сдалась Наследнику?!

Вэйта приоткрыла глаза.

– Что?

– Откуда ты взяла, что я ему служу? – спросил Солкар.

– Но... флаг...

– А– а, флаг, – капитан усмехнулся. – Флаг, штука полезная. Понимаешь, змееныш, моему господину огласка не нужна.

Ри медленно подняла голову. Зародившаяся догадка оказалась столь ужасна, что вэйта некоторое время не могла говорить.

– Как... как зовут твоего господина? – выдавила она наконец.

Солкар усмехнулся.

– Ты знаешь не хуже меня.

– Ажхан! – у ящерики сами собой сжались кулаки. – Он нанял вас!

– У господина много врагов... – капитан взглянул на Ри и расхохотался. – Да только золота еще больше!

Ящерица уронила голову на палубу. Страх, ненависть и ярость смешались в ее сердцах, черное отчаяние захлестнуло разум. Если бы в этот миг из трюма не показался Сики, тащивший серого вэйтара, Ри могла потерять сознание.

Матрос толкнул пленника к ногам капитана.

– Тот?

– Тот самый... – Солкар ухмыльнулся. – Что– то у тебя неважный вид, ящереенок. Укачало, небось?

– Мое имя Зиро, – негромко сказал вэйтар. – Зачем я вам понадобился?

Капитан нахмурил брови.

– Слушай сюда, – бросил он резко. – Видишь ящерицу? Она должна жить. Спасешь ее – и клянусь всеми дельфинами Океана, ты получишь свободу. А не сумеешь...

Солкар шагнул вперед и схватил вэйтара за горло.

– Если она подойдет, я насажу тебя на вертел, медленно поджарю, а мясо скормлю другим ящерам. Все понял?

Зиро сглотнул.

– Но я не лекарь! Я ничего не знаю о болезнях, как же мне...

– Я могу спасти ящерицу, – внезапно сказал кто– то за спинами моряков. Солкар крикнул от удивления и обернулся.

– Ты? – капитан почесал в затылке. – Ты же поваром нанялся!

– Я могу ее спасти, – настойчиво повторил незнакомец . – Мы с отцом несколько лет жили в джунглях и узнали много секретов диких племен.

Раздвинув моряков, вперед вышел совсем молодой чернокожий юноша. Скуластый, узкоглазый, он оказался почти вдвое темнее Солкара; несмотря на свежий ветер, мускулистый торс юноши был обнажен, великолепно развитые мышцы лоснились, словно шерсть вороного коня. Черные волосы были собраны в тугую косу, достигавшую середины спины.

Приблизившись к Солкару, юноша достал из кармана маленький кожаный мешочек.

– Этот бальзам дал мне мудрый шаман в самом сердце джунглей, – произнес он. – Я уже пробовал однажды лечить такую ящерицу, и бальзам подействовал отлично. Сколько заплатишь за ее жизнь?

Капитан задумчиво огладил подбородок.

– Э... Сколько хочешь?

– А сколько предлагаешь?

– Хитрый парень, – Солкар усмехнулся. – Получишь двадцать таньга, если ящерица выживет, и еще двадцать – если выздоровеет.

Юноша отпрянул.

– Сорок таньга? За бесценный волшебный бальзам?!

– Много будешь болтать – не получишь и этого, – грубо оборвал Солкар. – Ты на моем корабле, парень. Не знаю, какая шишка ждет тебя в Шаддате – здесь ты мой! Захочу – за борт выкину, никто и не пикнет. Заруби на носу!

Капитан резко указал на Ри.

– Доставай свое снадобье, и учти: если ящерица сдохнет, ты отправишься на тот свет куда быстрее нее. Все понял?

Юноша помолчал.

– Сорок таньга? – спросил он наконец. Солкар ухмыльнулся.

– Быстро схватываешь.

Вздохнув, чернокожий юноша опустился на колени и притянул к себе Ри. Вэйта с трудом открыла глаза.

– Т– т– ты?!... – Ри приподнялась, но юноша быстро ткнул пальцами в нервные центры у основания ее горла. Ящерка без единого звука свалилась на палубу.

– Лечение очень болезненно, – пояснил целитель. – Пусть немного поспит...

Очнулась Ри только пять дней спустя. От слабости и голода у нее мутилось в голове, но рана почти совсем затянулась, оставив только уродливый рубец. Вэйта лежала в наспех сколоченной деревянной клетке, рядом в гамаке расположился ее спаситель.

– Ты... – собрав последние силы, Ри заставила себя сесть. В голове все кружилось. – Как...

– Тс–с–с–с–с! – заметив, что ящерка очнулась, юноша сразу покинул гамак и опустился рядом с клеткой. – Ни звука! Теперь меня зовут Ковумба, я простой повар. На, поешь, ты потеряла много сил.

Уговаривать не пришлось. Пока Ри, обжигаясь и шипя, глотала жареную рыбу, юноша смотрел на нее со странным выражением в глазах.

– Теперь веришь, что я друг? – спросил он негромко, когда вэйта доела рыбу и откинулась на прутья. У нее так кружилась голова, что кончик хвоста непрерывно подергивался.

Почти минута потребовалась Ри, чтобы прийти в себя и осознать обстановку. Наконец, ящерка справилась с головной болью и села, покачиваясь от слабости.

– Где Солкар? – выдавила она хриплым шепотом.

Юноша усмехнулся.

– На палубе, ругается с боцманом. Я потребовал, чтобы тебя перенесли на камбуз.

Вэйта подняла глаза.

– Как... как ты меня нашел?

– А никак, – фыркнул Джихан. – Я искал корабль, идущий в Шаддат. Мерзавец капитан запросил слишком много, я уже собрался уходить, но к счастью Солкар спросил, умею ли я готовить. Вот и вся история превращения наследного хана Джэбегара в корабельного повара...

Он просунул руку через прутья и ласково погладил ящерку.

– Тебя я первый раз увидел уже в море, спустя неделю после отплытия. Ты была очень плоха, Ри. Я боялся, что не сумею тебя спасти.

Вэйта опустила голову.

– Спасибо, – шепнула она едва слышно. – Спасибо...

– Ну вот, – улыбнулся юноша. – Наконец– то поняла.

Ри судорожно вздохнула.

– Почему ты черный?

– Наследник будет искать мятежного сына хана по всем городам, но вряд ли догадается проверить чернокожего повара в своей столице.

Джихан нехорошо улыбнулся.

– Прежде чем меня раскроют, я найду отца, а потом... А потом, Ри, мы сполна отомстим за драконят.

Вэйта вздрогнула.

– Джихан, – она подняла глаза. – Солкар служит Ажхану Дрэкхану! Это Ажхан похитил Пояс у родителей Альгаира!

– Знаю, – спокойно ответил юноша.

– Если в Шаддате нас встретит Ажхан, ты погибнешь, – Ри придвинулась к прутьям. – Он маг! Могучий и беспощадный!

Джихан покачал головой.

– Он ничтожество, Ри. Только ничтожество может искать самоутверждения в охоте на драконов. Я убью Ажхана, вырву ему сердце и заставлю проглотить. Кровь Альгаира требует отмщения.

Ящерка опустила голову и долго молчала.

– Со мной что– то происходит, – сказала она тихо. – Я вижу сны... Словно наяву, даже ярче. В Истре видение предупредило меня об охотниках, а однажды я видела Богиню – совсем как живую. Она фиолетовая драконесса, правда?

Удивленный юноша кивнул. Ри содрогнулась.

– Значит, мои сны и вправду вещи... – она подняла глаза. – Джихан, тем утром, когда мы встретились в джунглях – я видела Альтаира. И с ним была маленькая драконочка, почти такого же роста, с золотыми глазами.

– Тиамат! – Джихан подался вперед. – Где они?!

– Нет, это была не Тиамат, – вэйта покачала головой. – Ты говорил, сестра Альтаира – как и он, изумрудной расы. А во сне драконочка была сине– золотая.

Ри прижалась к прутьям.

– Они сражались, Джихан! – шепнула она. – Сражались как боги! Я никогда не видела такого боя. Альтаир и его подруга вдвоем напали на большой конный отряд охотников, и всех перебили! Они не знали жалости и милосердия, били насмерть, молча, словно... Словно убивали не людей, а мерзких ядовитых слизней. Ненависть, Джихан! Я... я словно погрузилась в пламя, сгорела в их глазах. Альтаир не умел так ненавидеть, когда жил здесь!

Юноша покачал головой.

– Альтаир воин. Ненависть – душа воина.

– Но там все было иначе! – Ри дрожала. – Когда последний человек испустил дух, они полетели в замок, откуда пришли охотники, и сожгли его! Альтаир стоял над грудой тел, держа окровавленный меч. Он сказал, что отомстит за каждую смерть, за каждую каплю драконьей крови, но его подруга возразила. "Мы не мстим за мертвых", сказала она, "Мы защищаем живых"...

Джихан помолчал.

– Хэй– ча, почему меня не было рядом, – вздохнул он наконец. – Так значит, драконята живы и сражаются в другом мире?

Ри отвернулась.

– Да, – ответила она через силу. – Только... Только они больше не дети.

– На войне взрослеют быстро, – усмехнулся Джихан. – Помнишь, почти год назад мы встретились в Штагфурте? Я тогда был совсем мальчишкой, да и ты лишь звалась Валькирией. Мы тоже изменились, Ри. Пришло время...

– Я не хотела меняться! – с болью шепнула вэйта. – Посмотри, кем я стала! Убийцей!

– Хэй, аска, шэн'нах сиамахэ... – улыбнулся юноша. – Ты просто познала гордость.

Ри зажмурилась.

– Гордость? Разве нести смерть – это гордость?

– Защищать свою честь – вот гордость, – серьезно ответил Джихан. – Сказать "я свододная вэйта" вместо того, чтобы терпеть унижительное "ящерица" – вот гордость. Понимаешь, ящерка ты хвостатая?

Вэйта с трудом улыбнулась.

– А ты безволосая обезьяна.

– Правильно! – Джихан рассмеялся. – Так что держи хвост трубой, аска. Все образуется.

Они помолчали, думая каждый о своем.

– Мой самострел нашли? – спросила наконец Ри. – Я спрятала его между бочками на корме, у самого борта.

Юноша пожал плечами.

– Не знаю. Но я могу перебить всех на корабле и без самострела, воину моего уровня это не составит труда.

Он криво усмехнулся.

– Жаль, я не моряк... Без команды корабль погибнет, поэтому тебе придется оставаться в клетке до самого прибытия.

Джихан потрепал Ри по голове.

– Не огорчайся, плыть осталось только четыре дня. Постарайся хорошо отдохнуть и набраться сил. Силы нам пригодятся... На, поешь еще немного.

Вэйта молча приняла еду. Джихан рассмеялся.

– Всю жизнь я любил зверей, заботился о них, собрал большой зверинец, но еще ни с одним своим питомцем не мог просто поговорить. Хэт бэнек, аска, ойман йиланхас...

Ри подняла голову.

– Я не зверь, – тихо, но твердо сказала ящерица. – Я не зверь, Джихан.

– Все мы звери, – серьезно ответил юноша. – Все. Просто некоторые об этом забывают.

Поднявшись, он шагнул к дверям, но на миг остановился. Повернул голову.

– Не забывай и ты. – сурово сказал Джихан. – Помни свои корни. Помни род, давший тебе жизнь, помни его всегда, ощути его кровь в своих жилах. И не спеши судить слишком строго.

Усмехнувшись, юноша покинул камбуз. Вэйта медленно опустила внешние веки.

"Я не бог, – вспомнила она слова Джихана, сказанные в Зиккурате. – Что я могу изменить?.."

– Теперь я верю, что ты видел Богиню, – прошептала Ри.

3

Шаддат, крупнейший город Востока, расположился на берегу внутреннего моря Иф, в устье могучей реки Лейаны. За полторы тысячи лет существования город неоднократно горел, разрушался и вновь восставал из пепла, менял имена и народы, но всегда оставался столицей.

Сейчас Шаддат переживал эпоху невиданного расцвета. За последние годы он так вырос, что древние городские стены теперь защищали лишь центр, где стояли дворцы ханов и зеленели прекрасные парки. Жить в стенах Старого города могли только потомки древнейших родов, знаменитые воины или обладатели огромного богатства.

Подлинная жизнь текла вокруг старых стен. Население Шаддата давно перевалило за миллион, сюда стекались товары со всех уголков мира, плодородные поля и выгоны для многотысячных стад преобразили всю степь вокруг города. В отличие от торговых центров вроде Зиккурата, рынок в Шаддате не доминировал, и основная активность торговцев сосредотачивалась в порту и на специально выделенной площади, которой Наследник дал странное имя "биржа". Столица была так необходима всем степным народам, что уже много лет действовал негласный закон: любая вражда переносится за город.

Другое отличие Шаддата от остальных городов Востока заключалось в том, что здесь личным указом Наследника было запрещено рабство. Любой раб, независимо от расы, веры или цвета кожи, ступив в Шаддат получал свободу.

Поэтому работорговцы, заплатив Наследнику огромный откуп, устроили свой, отдельный порт в нескольких милях от города. Туда– то и направлялся корабль капитана Солкара.

Ри провела последние четыре дня в клетке на камбузе. Солкар, к ее удивлению, честно заплатил Джихану обещанные сорок таньга и даже предложил остаться на корабле, посулив хорошую плату. Юноша ответил уклончиво.

Сытная пища и отдых восстановили силы молодой вэйты. Она вновь ощутила интерес к жизни и с нетерпением ждала освобождения. Джихан ночью нашел самострел и перепрыгнул на камбузе; согласно его плану, едва корабль войдет в порт, юноша должен был освободить Ри и бросить ее за борт, а сам скрыться в толпе на причале.

– А если Солкар снова прикажет посадить меня в бочку? – спросила Ри, когда корабль уже входил в порт.

– Тогда он умрет.

– В порту будет слишком много солдат, тебя схватят, – ящерка покачала головой. – Лучше тихо застрелить его из самострела.

Джихан прищурил глаза.

– Я видел, что стало с охотниками...

– Собаке собачья смерть! – Ри дернула хвостом.

Удивленный юноша почесал в затылке.

– А ты и вправду изменилась, ящерка.

– Жизнь позаботилась, – вэйта вздохнула. – Джихан, а как быть с пленными?

– Я думал, их судьба тебе безразлична.

– Так и есть! – резко ответила Ри. – Но если Солкар умрет, их могут убить.

Джихан нахмурил брови.

– Шайтан... Я освобожу их первыми. Прикажу прыгать за борт, а дальше пусть сами выкручиваются.

– Отлично, – Ри кивнула. – Тогда принимайся за дело – я слышу плеск воды, должно быть причал уже близко.

Юноша вздрогнул.

– Хэй, а ведь правда... – он вскочил. – Странно. Это плеск весел, к нам

подходит боевая галера. Надо проверить!

– Стой! – вэйта вцепилась в прутья. – Сначала меня выпусти!

– Верно, – Джихан нагнулся и, одним движением разломав деревянную клетку, помог Ри выбраться на волю. Ящерка сразу схватила свой самострел.

– Сиди здесь, – приказал юноша. – Я посмотрю, как дела. Услышишь мой голос на палубе – немедленно прыгай в воду. Даже не думай проверять, что со мной случилось, поняла? Сразу в воду. Встретимся вечером у первого причала, его легко найти – там каменная статуя всадника. Хэк?

Ри через силу улыбнулась.

– Хэк.

– Умная ящерка... – Джихан выскочил на палубу. Вэйта сразу прикинула к дверям.

Некоторое время царил тишина, лишь изредка доносились торопливые шаги и голоса матросов. Но вот корабль чуть вздрогнул – на борт опустился "ворон", абордажный мостик с галеры. Встревоженная Ри прислушалась к твердым, чеканным шагам гостей.

– Господа, чем могу служить?... – вэйта едва узнала любезный голосок Солкара. Ответил ему жесткий, холодный голос человека, привыкшего повелевать тысячами:

– Ты Бенет Солкар, капитан галеона "Черная кровь"?

– Да, господин нойон.

– Что везешь?

– Как обычно, господин – пряности, красное дерево, кость, ткани...

Обладатель жесткого голоса рассмеялся.

– Как обычно? Этот корабль принадлежит магу Дрэкхану, и обычно возит рабов!

– Что вы, господин! – Солкар мастерски разыграл испуг. – Я только купец, мы никогда бы не посмели нарушить приказы божественного Наследника!

– Владыка, – прервал нойон.

– Что, господин?

– Наследник сменил титул. Отныне и впредь его следует называть Владыкой.

Звякнул металл. Ри четко представила, как могучий воин резко повернулся, задев ножами за борт.

– Я арестую это судно и всех, кто на нем находится, до выяснения обстоятельств. За попытку сопротивления виновные будут убиты на месте.

Повисла жуткая тишина.

– Господин! – завопил внезапно Солкар. – Справедливости! Мы не нарушали законов!

– Ваш господин нарушил, – жестко оборвал нойон. – По приказу Владыки, Ажхан Дрэххан должен был быть доставлен в Шаддат и предстать перед судом за преступления, совершенные против наших союзников из– за моря. Но он предал Владыку, уничтожил его посланцев и бежал в неизвестном направлении.

Воин топнул ногой по полубе.

– Приказом божественного, имущество Дрэххана и все его слуги должны быть арестованы. Имущество будет передано союзникам в качестве компенсации, слуг и наемников допросят. Всех, виновных в преступлениях – ждет смерть!

Внезапно заговорил Джихан. Он стоял совсем рядом с камбузом, и Ри сразу поняла: юноша говорит для нее.

– Господин нойон, многие здесь просто пассажиры, мы заплатили за проезд до Шаддата и ничего не знаем о Дрэххане! Знали бы – хэй, давно бы попрыгали в воду с его проклятого корабля!

"Прыгай немедленно" – перевела Ри. Глубоко вздохнув, она отложила самострел – с ним доплыть до берега было невозможно. На палубе Джихан продолжал что– то говорить, Ри не слушала. Она собиралась с силами.

"Пора!" – ящерка подбежала к иллюминатору, с трудом открыла его и выбралась на внешнюю обшивку корабля. Подушечки пальцев едва держались на скользких досках.

До берега было примерно четверть мили. Вэйта напряглась, готовясь прыгнуть в воду, но тут за ее спиной раздался крик:

– Там!

Ри вскинула голову. Неподалеку покачивалась стройная боевая галера, которая только что подплыла с противоположного борта . Несколько воинов в кожаных

шлемах указывали на ящерку.

"Попалась!" – вскрикнув, Ри отцепилась от корабля и рухнула в воду. Летнее море оказалось довольно теплым, но вода в акватории порта давно потеряла прозрачность и отвратительно пахла экскрементами. Ри заработала хвостом.

Нырнув поглубже, ящерка нащупала борт корабля и поплыла к корме. Она собиралась поднырнуть под киль, доплыть до первой галеры и спрятаться у руля. Однако судьбе вновь было угодно повернуть события иначе.

Едва Ри вынырнула у борта галеры, ее ударило веслом: корабль разворачивался по тревоге. Удар подбросил ее высоко в воздух.

Задыхаясь от боли, Ри вновь упала в море, но ее уже заметили. Прежде, чем вэйта опомнилась, с галеры бросили сеть и ящерка забилась, чувствуя, как ее тащат из воды.

Она отбивалась дико, отчаяно, царапалась и кусалась, но против закованных латы воинов была бессильна. Ри крепко связали и бросили в окованную железом каюту для преступников. Последнее, что она услышала прежде чем двери захлопнулись – дикий крик на борту корабля Солкара.

Джихан молча наблюдал за поимкой Ри. Нойон, прибывший арестовать корабль, тоже следил за событиями на галере и, когда вэйту схватили, медленно обернулся к капитану.

– Что скажешь? – спросил он сухо. Джихан знал этого человека, его звали Оро Темук, но год назад он был лишь сотником. А теперь – нойон, командир десятитысячного тумена!

"Странные вещи творятся" – подумал юноша. Тем временем испуганный Солкар пытался объяснить нойону, что понятия не имел о Ри и страшно изумлен ее появлением.

Внезапно Джихан заметил отсутствие на палубе боцмана и сразу догадался, что задумал капитан. Глаза юноши превратились в узкие щели.

– Господин! – позвал он громко. Удивленный нойон обернулся. – В трюме держат рабов, и сейчас подручный капитана собирается их убить!

Солкар бросил на Джихана взгляд, в котором ясно читался смертный приговор. Но Оро, как и ожидал юноша, среагировал мгновенно:

– Пятеро в трюм! – приказал он отрывисто. Указал на Джихана: – Ты – ко мне!

Юноша сразу подчинился, стараясь выглядеть робким и покорным простолюдином. Мысленно он возблагодарил богиню, что одет в широкую матроскую робу, скрывающую точеный торс и каменные мышцы воина.

– Имя? – резко спросил Оро. Солдаты тем временем оттеснили команду к борту, пятеро скрылись в трюме.

– Ковумба, – ответил Джихан, скромно опустив глаза. – Господин, я простой помощник кузнеца. У меня не было денег заплатить за проезд, поэтому я нанялся поваром до Шаддата...

– Откуда знаешь о рабах?

– Я видел, как он, – Джихан указал на Солкара, мысленно улыбнувшись при виде его перекосившегося от бешенства лица, – мучал ящерицу, которую вы сейчас поймали. Матросы говорили, в трюме есть еще.

– Ящерицы? – недоверчиво переспросил нойон.

– Вэйтары, – объяснил юноша. – Я слышал, как капитан смеялся и говорил, что с помощью этих пленников его господин уничтожит божественного Владыку.

Оро сдвинул брови.

– Вот как?

– Ложь! – разъяренный Солкар воздел руки над головой. – Я никогда не...

Увидеть летящий клинок успел только Джихан. Прежде, чем Оро вздрогнул, юноша словно пантера изогнулся назад, грациозно взял нож из воздуха, перекинул его за спиной во вторую руку и, движением кисти от пояса, метнул в горло Солкара. Капитан с хрипом осел на палубу.

Несколько секунд все молча смотрели на Джихана. Молодой воин пожал плечами.

– Я защищался, – сказал он спокойно. Нойон окинул юношу внимательным взглядом.

– Что– то непохож ты на негра.

– Мой отец был миссионером Наследника, а мать чернокожая, – сразу ответил

Джихан. – В Шаддате у отца есть родичи, я еду к ним.

Оро сузил глаза.

– Где научился так владеть оружием?

– Мы долго жили в джунглях... – пожал плечами юноша.

Нойон помолчал.

– Пойдешь с нами, – решил он наконец. – Там разберемся. Эй, убраться эту пададь!

Пока солдаты занимались трупом Солкара, Джихан скромно стоял у борта. Тем временем из трюма показались воины, перед ними шел боцман со связанными руками.

– Где рабы? – жестко спросил Оро.

– В клетке, – ответил солдат. – Мы едва успели...

Он сильно толкнул боцмана. Тот упал на палубу рядом с телом капитана.

– Нойон, в трюме людей нет, – мрачно сказал другой солдат. – Там какие-то говорящие ящерицы.

Оро взглянул на Джихана. Юноша кивнул.

– Все верно, господин, это вэйтары.

– Посмотрим... – угрожающе протянул воин. – Эй, Хушин, Горбаг! Станьте-ка рядом с нашим шустрым другом.

Двое невысоких, крепко сложенных солдат в легкой броне подошли к Джихану. Оба двигались с грацией, изобличавшей опытных воинов.

– Подозрительны мне такие типы... – пробормотал Темук.

По его знаку черный галеон медленно развернулся и, сопровождаемый двумя галерами, вошел в порт.

Глава 4. Охотница

День 21, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Сегодня утром на меня напало чудовище. Я такого никогда не видела, даже не слышала! Оно выглядело как огромный волосатый человек с головой, хвостом и

когтями волка. Честно говоря, я здорово перепугалась.

Чудовище, наверно, пришло на запах жареного мяса. Я рассказывала Кагири про вчерашний день и вдруг кто-то схватил меня за хвост! Вот когда пригодились уроки Годзю...

Я сначала даже не поняла, что меня схватило чудовище. Думала – огромный волк. Поэтому сразу выхватила меч и отрубила ему лапу.

Зверь завизжал словно десять волков разом и отпрыгнул от меня, поливая землю кровью. Я только тогда его разглядела. Огромный, больше меня, коренастый, с буграми мышц по всему телу... Чудовище прекратило кричать и негромко стонало, зажимая обрубок второй лапой.

– Ты кто? – спросила я, шагнув вперед. Зверь злобно зарычал и огромным прыжком скрылся в чаще, оставив отрубленную руку. Я не стала его преследовать.

Очистив меч от крови, решила немедленно лететь, пока раненый не привел других чудовищ. Волки всегда охотятся стаями, а нападавший был очень похож на волка... Поэтому, бросив свою добычу, я взмыла в небо и помчалась на запад.

Через три часа полета, устав, опустилась на ветку огромного одинокого дерева, росшего у вершины лесистого холма. Ни малейших следов кораблей или людей! Даже деревень нет, один лес без конца и края. Да еще небо...

Небо.

Хэй... Сижу вот я тут, на дереве, рассказываю Кагири про чудовище, а небо тем временем потемнело, словно ночь надвигается. На самом деле это не ночь, это гроза. А гроза – единственная вещь в мире, которой меня учили бояться.

И не просто учили. Чуть ли не каждый день Годзю, а потом и Хакас, твердили: " Увидишь грозовые тучи, забудь про свои крылья!". Я, правда, никогда не видела, как молния ударяет в землю, но Хакасу я верю. И Годзю верю.

Кагири, сейчас мы с тобой спрячемся во- он в той роще, хорошо? Там все деревья низкие, молния их не заметит... Надеюсь... Знаешь, Кагири, если в меня ударит молния, ты потеряешься. Навсегда потеряешься, слышишь? Ты уж постарайся, чтобы молния в меня не попала, хорошо? Пожалуйста...

День 21, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Вечер. Бушует гроза, наикадзе – штормовой ветер – раскачивает деревья... А я сижу в дупле такого громадного дуба, что он не поместился бы во дворе нашего замка. Тут тепло и очень уютно.

Я натаскала много мягких листьев и устроила дверцу из большого куска коры. Теперь можно удобно смотреть на грозу, и ветер почти не задувает... А– а– ахр–р–р...

Дерево чуть дрожит под напором ветра, снаружи довольно темно. Ночью, в грозу, лес кажется таким таинственным! Начинаешь верить в драконов, фениксов и других зверей из сказок... Кагири, ну поговори со мной. Пожалуйста. Хоть подскажи, как надо тебя просить?

Молчишь... Никакой ты не живой, Кагири– то. Ты просто кусок металла. А я сижу тут в темноте, одна, посреди грозы, и разговариваю сама с собой. Зачем я улетела?

Остров, куда меня привез Сехо, скорее всего не тот, куда поплыл Годзю. Пока я отыщу правильный остров, война закончится – и если мы проиграем, я останусь совсем одна. Одна во всем мире... И ты, Кагири. Говорящая железка и крылатый самурай. Почти самурай, хорошо...

Так, спать пора. Утром полечу дальше. Спокойной ночи, железка. Смотри, не заржавеет за ночь.

День 22, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

...Доброе утро, Кагири! Ух, какой ты блестящий сегодня. Ага, это же солнце сквозь щель светит! Значит, гроза прошла... Посмотрим.

Р–р–р–р–р... Еще день пропадает! В такой ветер летать нельзя. Р–р–р–р, невезучая я... И голодная. Кагири, ты не съедобный случайно?

Та– ак, давай– ка послушаем, что я тебе нарасказывала...

...Хэй, неплохо выходит. Интересно, а если я потеряю Кагири– то... Или со мной что– то случится, то в будущем, много– много династий спустя, кто– то отыщет в лесу драгоценный медальон. И если этот кто– то будет магом, он сможет услышать мой рассказ!

Тогда надо представиться. Привет, кто– то из будущих династий! Если ты слышишь эти слова, значит – ты волшебник. Радуйся, с тобой говорит дух великой воительницы Хаятэ Тайе!

Глупости все это. Почитаю– ка я лучше волшебную книгу, есть– то нечего.

День 22, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Полчаса назад я провела настоящий бой на мечах! И совсем не страшно оказалось. Теперь я могу дать имя своей катане, этим мечом был побежден враг! Отныне мой меч носит имя Хамсин, что значит "Ураган". Ураган – меч воительницы Хаятэ!

Дома, когда Годзю обучал меня кендзюцу, он всегда говорил – во время боя думай только о бое. Когда победишь, можешь размышлять о чем угодно, бояться или ликовать – но пока в руке твоей меч,

Он – продолжение тела,
Он – твое сердце и разум,
Сердце не знает покоя –
Покоя мечу не ищи
Никогда.

Кровь омывает сердце,
Меч умывается кровью,
Сердце без крови гибнет,
Сердце воина – меч!
Навсегда.

...вот как! Это двойной танка Кодзуми, сына Годзю. Я его смысл только сейчас поняла. А было так...

Время уже клонилося к вечеру, когда ветер немного стих. Я здорово проголодалась, поэтому спрятала волшебную книгу в дупле, взяла пояс с сюрикенами, катану, замаскировала дупло листьями и полетела на охоту.

Летала довольно долго, но никого не нашла. Все звери от грозы попрятались. Голодная, вернулась к дереву... А там стоял воин в черной одежде, с длинным прямым мечом, и копался в моем мешке! Ух, как я рассвирепела!

– Как ты смеешь! – закричала и выхватила катану. Он сразу повернулся, увидел меня и подпрыгнул даже. Но говорить не стал! Вместо того, чтобы просить прощения, взял и кинулся прямо на меня, подняв меч. Пришлось принять бой.

Дрался он хорошо, не хуже самого Годзю. Но еще дома, на уроках, Годзю всегда говорил, что ни один человек не может сравниться со мной в скорости. Один раз даже сказал, что искусство йаи– дзюцу, "молниеносный бой", было словно создано для меня. Лучшие мастера кендзюцу, кендзюцука, способны за один удар сердца нанести три вертикальных удара катаной – синкагэ– рю*, а я уже научилась девяти ударам! Так от природы вышло, ничего не поделаешь. Вот и этот воин ничего не сумел поделаться...

Я некоторое время отражала его атаки, стараясь понять технику боя. Так и не поняла – воин дрался без всякой техники, просто наносил очень быстрые и эффективные удары с коротким замахом и почти непредсказуемо. Думаю, человека он мог бы легко победить.

Зато меч у черного воина был отвратительный. Плохо сбалансированный, слишком длинный для роста своего хозяина, с чересчур массивной гардой и короткой рукояткой, он имел узкое обоюдоострое лезвие без канавки и, похоже, был плохо прокован. Уже на пятом– шестом выпаде я заметила, что воину очень трудно останавливать меч посреди удара; сказывалась плохая балансировка. Моя катана в сто раз лучше, хоть и на два когтя короче.

Когда я поняла, что просить прощения человек не намерен, то двумя сильными ударами разрубил ему меч. Воин отпрыгнул, недоверчиво глядя на остатки своего оружия.

– Как ты посмел напасть? – спросила я, шагнув вперед и взмахнув катаной перед лицом воина. Тот побелел даже, отступил к дереву.

– Дрока, аман*!!!

Язык странный.

– Отвечай! – крикнула я. Воин попытался сбежать, пришлось немного

полоснуть его по ноге. Свалился, вскрикнул. И вдруг выхватил из— за пояса длинный кинжал!

Руки сами сделали то, что было необходимо. Затем я тщательно протерла катану и вновь вложила ее за пояс клинком вверх*. Человек уже не дергался.

— Сам виноват, — сказала я. Но на душе было тяжело. Первый человек, которого я убила... Впрочем, наверняка не последний. Надо искать Годзю!

Однако вначале следовало осмотреть тело нападавшего. Как я и думала, он приехал на лошади; материя одежды пахла конским потом. Немного поискав, я обнаружила на опушке рощи красивую черную лошадь, которая при виде меня громко заржала и принялась рвать поводья. Вот и еда!

Сейчас быстренько приготовлю сэсаси и — в путь. Кагири, отныне твоя хозяйка настоящая воительница. И совсем это не здорово, знаешь...

День 23, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Теперь я точно знаю: здесь Годзю нет. Это значит, что я потеряла время и, самое плохое, сама потерялась. Вернее, не совсем потерялась — вернуться домой я могу, но как найти, куда плыли корабли? Карта ничем не поможет. Теперь я думаю, Сехо плыл гораздо быстрее, чем казалось, и уплыл за край карты. Иначе эта земля была бы там обозначена.

Остаток вчерашнего и весь сегодняшний день я потратила на поиски следов армии. Безрезультатно. Зато несколько раз видела с воздуха очень странные деревни, с домами из толстых, грубо обтесанных стволов деревьев. Люди там жили тоже странные, белокожие, с круглыми глазами и очень волосатые, похожие на северян ярла Хольгена. Только ростом пониже.

Сейчас я сижу на вершине дерева, отдыхаю и говорю с Кагири. Я уже удалилась от берега моря на три— четыре сотни цээгов, еще день — и придется возвращаться ни с чем. Обидно, что все так вышло. И нашим не помогла, и врагам не помешала, только заставила всех дома нервничать... А если мы проиграли? Тогда у меня даже дома больше нет. Может, прямо сейчас вернуться, а, Кагири? Что скажешь?

Ничего– то ты не скажешь... Эх...

День 24, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

За мной охотятся! Я даже не сразу это поняла. Сегодня несколько раз замечала человека на черном коне, он быстро скакал по дороге, над которой я летела. Думала – скачет себе и пусть скачет... Но теперь я знаю: он охотится за мной. А было так.

Я с утра большими кругами летала над землей, искала следы армии, хотя уже знала, что не найду. Природа под крыльями заметно изменилась – видимо, я очень далеко залетела на запад. Теперь часто попадались обработанные поля, еще чаще деревни, а один раз даже маленький замок. Правда, я так и не поняла, что растет на местных полях, однако много раз видела, как крестьяне собирают урожай. Значит, в этих местах сейчас вторая четверть сезона – если их растения созревают к правильному времени... Впрочем, неважно. Главное, все люди при виде меня страшно пугались!

Я дважды пробовала заговорить с одинокими крестьянами в поле, и оба раза люди сначала в ужасе убегали, а потом, когда я их догоняла, хватали дубину и с громкими криками пытались меня ударить. Так и не удалось ни с кем поговорить.

Во время очередной попытки общения я впервые заметила черного всадника. Он мчался по полю прямо к нам, не обращая внимания, что лошадь оставляет за собой широкую полосу помятых растений. Вид этого воина показался мне подозрительным, поэтому я не стала его дожидаться и сразу взлетела.

Всадник некоторое время гнался за мной по земле. Я тогда не знала, что он охотится, поэтому прибавила скорость и оставила человека за хвостом. Несколько часов летела зигзагами над дорогой.

Второй раз я увидела черного всадника уже днем, отдыхая на вершине дерева. Я как раз кончила рассказывать Кагири про поиски, и вдруг заметила знакомую фигуру в черном; всадник не спеша ехал по дороге, совсем близко от моего дерева. Вторая встреча меня уже немного насторожила, однако я не стала следить за человеком, а вместо этого полетела искать пищу. Тогда– то и выяснилось, что за мной идет охота!

Примерно через полчаса я обнаружила недалеко от дороги поле, где паслись множество овец и несколько больших, тучных зверей вроде коров. Зверей охранял один пастух и четыре огромные собаки.

Я, понятно, не стала бы нападать на стадо – ведь эти звери кому– то принадлежали. Однако заметив меня, пастух принялся бегать по полю и размахивать руками, что– то громко крича. Пришлось снизиться.

Пастух сразу показался мне подозрительным. Вместо того, чтобы испугаться, он принялся грозить мне палкой и кричать, постоянно указывая на одинокую овцу в стороне от стада. Я не поняла, что он хотел – не угостить же меня, в самом деле ! Однако к овце я подлетела.

Она оказалась ловушкой. Едва опустившись на траву, я поняла, что передо мной никакая не овца, а наряженная в овечью шкуру собака. Пес сразу зарычал и оскалил зубы.

– Куси, куси дрока!!! – завопил пастух. Собака прыгнула прямо на меня, пришлось ударить ее хвостом и взлететь. От удара пес покатился по земле.

Вскочив, он принялся лаять, а пастух внезапно согнул свою палку об колено, перебросил тетиву – и через мгновение в руках у него был длинный, хищно изогнутый лук. Теперь я поняла, что в этом человеке казалось подозрительным...

Пастухом оказался тот самый черный воин, что преследовал меня утром! Только переодетый. Когда я это поняла, сразу стала летать над полем кругами, высматривая черного коня, и быстро нашла – лошадь была привязана к дереву, шагах в пятиста от стада.

Я решила отомстить воину за нападение и убила коня. Пока человек добежал к дереву, я быстренько отрубила животному задние ноги и улетела. Костер развела уже в лесу, довольно далеко от поля.

Надо поймать этого воина.

День 24, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Час назад, когда я вылизывала последние косточки черной лошади, кто– то выстрелил в меня очень длинной стрелой со стальным наконечником! Хорошо еще,

стрела задела лист дерева – иначе я могла бы не успеть... С трудом поймала ее за самый кончик. Потом взлетела, чтобы найти стрелявшего, но никого не заметила. Либо человек очень хорошо прятался, либо стреляли с большого расстояния. Впрочем, сейчас – то какая разница.

Выстрел меня встревожил. Против стрел мой меч не слишком эффективен, особенно против стрел в спину. Не понимаю, чем я помешала местным жителям? Разве что нашли тело того воина, но ведь я оставила при нем записку, где объяснила причину убийства! Он сам напал, я только защищалась! Не может быть, чтобы в этой стране никто не знал нашего языка.

Так или иначе, сейчас я собираюсь поймать человека, который следил за мной утром. Он, кстати, одет почти как тот черный воин. И конь был похож, даже на вкус... Может, это местные самураи? Тогда пленник расскажет много интересного.

Кагири, я знаю, ты промолчишь, но все же – пожелай мне удачи. Хоть мысленно. Хорошо?..

День 25, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

...Ну что ты плачешь, маленький, не надо! Успокойся, успокойся... Смотри – хвост! Видишь, какие у меня шипы красивые на хвосте? Поиграй немного. А я отдохну пока...

Кагири, ты слушаешь? Ага, глазки у моего портрета светятся, значит слушаешь. Я спасла маленькую зверюшку от смерти! Ух, как меня разъярил вчерашний день... Расскажу.

Предпоследняя жертва Стрелка И* уже коснулась середины неба, когда я вылетела на охоту за человеком. До самого вечера летала над полями и дорогами в поисках черного воина, проверила останки убитого коня – они исчезли... Цель так и не нашла.

Когда стемнело, я решила вернуться к знакомой роще и переночевать в дупле. Но пока летела, вдруг заметила далеко на западе огонь! Быстро подлетела, и оказалось – целая толпа людей разожгла огромный костер у подножия большого холма. Мне стало очень интересно; тихо снизившись, я спряталась в высокой траве на

склоне, в паре сотен шагов от костра.

Сначала думала – у местных жителей какой-то праздник. Люди казались веселыми и радостными, громко смеялись, бросали в костер ветки. Свет огня таинственно мерцал на огромном плоском булыжнике неподалеку.

Потом я заметила в стороне, у одинокого дерева, большую повозку. Там была клетка, а в клетке – двое зверей, похожих на ярко-оранжевых хвостатых тигров. Один из них был гораздо меньше другого, наверное, детеныш. Правильнее сказать – котенок. Звери неподвижно лежали на дне клетки, связанные по всем четырем лапам.

У меня зародилось нехорошее подозрение. Когда люди со смехом и криками вытащили из клетки большого зверя, подозрение превратилось в уверенность, но вмешиваться я пока не стала: слишком много было врагов.

Тем временем несколько мужчин подтащили тигра к костру. Зверь яростно рычал и извивался, но путы были ему не по зубам. Я даже приподнялась от волнения.

Толпа людей чуть притихла. Вперед вышел высокий, худощавый человек в длинной серо-белой мантии с капюшоном, желтые волосы охватывал красивый серебряный обруч. В руке человек держал очень короткий нож с необычайно толстым, почти треугольным лезвием.

Зверь внезапно прекратил рычать и что-то сказал глухим голосом. Я от изумления чуть не вскрикнула, а человек громко расхохотался и дал знак четверым мужикам за спиной тигра. Те резко дернули веревки, натянули, затащили несчастного зверя на плоский валун и распластали там как морскую звезду, ноги и руки в стороны. Веревки обмотали вокруг специальных выступов на камне, еще сильнее натянули... А затем люди окружили тигра плотным кольцом. Что было дальше, я не видела.

Только слышала. Слышала, и от этих звуков сами собой выдвинулись когти и поднялся спинной гребень шипов. Крики несчастного зверя били меня гораздо сильнее, чем хворостина Хакаса. Даже не знала, что такое возможно...

Когда вопли стихли, люди расступились, и стал виден тот самый человек в мантии. Он был весь окровавлен, а в руке держал красное, еще трепещущее сердце. Мне чуть плохо не стало.

Но когда этот тип поднял сердце над головой, что-то прокричал а затем

впился в него зубами, я не выдержала. Такого даже варвары – масавомаки не делали!

Сюрикен пробил горло убийцы насквозь, разодрал ему шею и глубоко вонзился в землю. Все люди словно окаменели, разговоры и смех мгновенно стихли... И тогда в круг света вступила я.

До сих пор хвост дрожит, как вспоминаю эту ночь. Думаю, если бы люди не так испугались, я бы погибла прямо там. Со столькими врагами ни одному самураю не справиться.

Но люди испугались. И даже не просто испугались – в ужас пришли. Когда я распахнула крылья, завертела катаной и прокричала заклинание огня – от которого вокруг перепонки вспыхнули искры – началась настоящая паника. Все бросились бежать, падали и кричали, а я метала в них камни, стараясь попасть побольнее. В сторону окровавленного камня смотреть не хотелось.

Минут через пять у костра осталась только я. И детеныш в клетке. Ждать возвращения людей – которые, понятно, скоро вернутся – я не собиралась. Поэтому, захватив свой сюрикен, я быстро подлетела к клетке.

Звереныш при виде меня тихо завыл и дернулся, словно просил помочь. Я разрубил прутья мечом и вытащила пленника на свет. Это и впрямь был детеныш, совсем маленький, ярко– оранжевый, с черными полосами на спине и тигриным хвостом. Однако вблизи стало заметно, что зверек – не настоящий тигренок.

Тело было больше похоже на человечье, хотя лапы зверек имел куда мощнее. Ноги, совсем не тигриной формы, и мускулатура торса раскрывали в малыше прямоходящее существо, а когтистые пальцы очень напоминали мои, только короче. Но голова, шерсть, хвост и уши почти ничем не отличались от настоящих тигров.

Понятно, что убитый зверь был матерью или отцом детеныша. Мне стало стыдно, что не сразу вмешалась. Однако прошлого уже не исправить, да и вряд ли зверь выжил бы в этой густонаселенной земле – летать– то он не умел. Думаю, пленников доставили из– за моря и продали местным крестьянам на мясо. Р–р–р–р–р...

В общем, сейчас я сижу на утесе, в двух сотнях цээгов от зловещего поля, а спасенный малыш играет моим хвостом. Я назвала его Тошиба*, потому что он оранжевый как апельсин. И ласковый, словно настоящий котенок... Завтра я

возвращаюсь и возьму его с собой. Будет мой ученик.

После спасения Тошиба быстро успокоился, наверно слишком мал еще, чтобы ощутить потерю матери. Интересно, а кем была моя мать? Хакас и Годзю мало рассказывали о прошлом.

Может, мои родители до сих пор живы? Прошло ведь всего двенадцать лет... Кагири, ты– то наверняка все знаешь. И молчишь. Вредный ты медальон, Кагири– то. ...А– а– а– ахгр... ...Надо еще место для ночлега отыскать...

День 26, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

С воздуха убила еще одного рогатого зверя, приготовила сээсаси и мы с Тошибой вкусно поели. Малыш совсем не боится летать – сидит у меня на спине, держится за рога и пищит от восторга. А мне нравится с ним летать. Не так скучно, как одной.

Сегодня я возвращаюсь обратно. Полет на запад можно считать разведкой новых земель, так и скажу дома. Только бы с Годзю ничего не случилось... Тошиба – хватит кости грызть, иди сюда.

День 26, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Наконец я добралась до мест, где отрубила лапу чудовищу. Не думала, что так далеко на запад залетела – почти целый день пришлось крыльями работать. К вечеру Тошиба уже не казался легким, пришлось пару часов отдохнуть на дереве.

Сегодня я почти весь день ощущала слезку. Понятно, это мог быть только кто– то летающий, но я не замечала в этих местах больших птиц. Тем не менее, Сехо и его сородичи явно были знакомы с крылатыми существами примерно моего размера; отсюда я сделала вывод, что одно из этих существ следит за мной.

Разумеется, преследователя надо поймать. Но как? Я даже не знаю, на кого он похож, я никогда не видела этих птиц и не представляю, как их ловить. Хотя... Ай!!! Тошиба, оставь ухо!!! Р–р–р–р, вот тебе, получил?! Больше не будешь кусаться... Р–р–р–р, до крови, хищник полосатый!

Хищник? Хищник!...

Хэй!!! Молодец, Тошиба! Кагири, я придумала как поймать преследователя! Только пещера нужна... В двух сотнях цээгов на северо– запад видны горы, там– то я пещеру и найду. Держись, кусака несчастная, мы летим строить ловушку!

Хэй, смешно – ловушку– то я построю, а потом сама в ней приманкой стану... Ничего, самурай должен быть готов ко всему. Слышишь, Тошиба? Учись!

День 27, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Весь вечер вчерашнего дня и большую часть ночи строила ловушку. Пещера нашлась замечательная, на юго– западном склоне большой одинокой горы, а самое удачное – вход густо зарос кустарником. Тут– то я тебя и поймаю, преследователь... Выспаться, правда, не удалось. Ничего, сейчас костер разожгу, накормлю Тошибу и посплю... Мой неутомимый спутник – лучший сторож, которого представить можно, мимо него ни один паук не проползет.

Хотя... Иди сюда, многоногий. Ух, какой мохнатый! Кагири, такого паука даже ты не видел. В шесть когтей размером! И наверняка ядовитый... Ага, ядовитый. Пробует укусить, только где пауку с моей чешуей справиться. Жаль, ядовитых есть нельзя... А ну, проверим заклинание Хакаса.

Хэй! Работает! Ладно, иди к себе в паутину. Этот паук наверняка мне пригодится потом, надо не забыть.

Та– ак... Ловушка готова, Тошиба ест – он вообще только и делает, что ест да пищит – пора мне спать. До вечера все равно делать нечего.

Тошиба, если услышишь подозрительный звук – немедленно прячься! Понял, маленький? Умница... Иди сюда, иди, иди... Под крыло. Полосатик ты мой кусачий... А– а– а– угхр...

День 27, 17 сезон Белого солнца, оборот 58.

Оставь медальон!!! Понял?! Я убью тебя!!!... Ха– йя! Омаэ но токоро о хикинуйте симаимас е*! Вот так! Получил? Будешь знать!

Тошиба, не высовывайся – у них стрелы! Сиди тихо, говорят!!! А– хэ...
Сколько вас там еще?! Получи! Хонекавасудзиэмон*!

Еще один?! Умри!!! Дзэтсу... так, да.... хо– о– оя! Остпусти!!! Убью!

...Больно!... Ты, ты, ты!!! Не смей!!!! Если поломаешь мой меч, я из тебя
сассими сделаю!!! Ахгrrrrr!!!

Рrrr.... отпусти!.. ай!... Синава тайо!!!... Ха, и совсем не больно!!! Не больно,
понял... Отпусти крыло, гад... Получи!... Кагири, помоги!!! Тошиба!!!... Ахrrrrr!...

Помогите...

* "Аман!" – "Пощади!" (монгольск.)

* "...кинком вверх" – Самураи носили два меча – дайсе: длинный (дайто) и короткий (сето). Длинный меч обычно называют "катаной", но это неправильно, т.к. названия японским мечам давались по способу ношения. Катаной называется такой длинный меч, который носится в ножнах, заткнутым за пояс лезвием вверх, и выхватывается из ножен, обнажаясь, движением сверху вниз. Такой метод ношения меча стал основным среди самураев по причине удобства (ношение катаны за поясом лезвием вверх позволяет удобно вытаскивать ее не только правой, но и левой рукой). Раньше словом "катана" обозначался заткнутый за пояс длинный кинжал или короткий меч, а длинный носил название "тати". Тати носился на боку на перевязи, привязанной к ножнам, в которых он размещался лезвием вниз, обнажаясь движением снизу вверх. Подробнее см. [К.В.Асмолов. История холодного оружия: Восток и Запад.]

* "Предпоследняя жертва Стрелка И" – имеется в виду популярная в Китае и Японии легенда о Стрелке И, охотнике на Солнце. В древности на небе жило десять красных Солнц, и люди мучались от жары. Однажды к ним пришел великий герой, Стрелок И, и согласился избавить людей от проклятия. Он взял десять волшебных стрел и вышел в поле, но один мудрый человек догадался, зачем И стрелы, и тихо вытащил одну из колчана. Стрелок И перестрелял все Солнца кроме последнего – не

хватило стрелы, поэтому сейчас на небе всего одно, побледневшее от страха Солнце. Однако, поскольку в мире Хаятэ светят две звезды, легенда у них претерпела некоторые изменения, в частности – Стрелок И сам пощадил последние два Солнца; они были братом и сестрой и, чтобы сохранить жизнь, им пришлось дать клятву, что больше никогда Солнца не поднимутся в небо одновременно. Брат, белого цвета, избрал весну и лето, желтой (и более холодной) Сестре достались зима и осень. Планета Хаятэ – часть двойной системы, и легендами жители пытались объяснить сложную, сильно вытянутую эллиптическую орбиту, в каждом из фокусов которой находится карликовая звезда.

* "Синкагэ– рю" – "Дракон ударяет хвостом", название реального приема в искусстве кэндзюцу.

* "Тошиба", "Тошибана" – "Апельсин" (японск.)

* "Омаэ но токоро о хикинуите симаимас е" – "Я вырежу тебе сердце!" (японск.)

* "Хонекавасудзиэмон" – "Живой ходячий мертвец!" (японск.)

Глава 5. Полководцы

Дым. Неистовое пламя давно пожрало все, что могло гореть, и сейчас медленно издыхает, исходя дымом, посылая небу черные, грязные проклятия. Зловещие столбы видны издали, они кричат на весь мир о своем огненном рождении.

Замок уже почти догорел. Почерневшие камни стен растрескались от высокой температуры, везде рухнули потолки – сгорели стропила. От соломы, некогда устилавшей полы в комнатах, остался только ровный слой золы.

И следы.

До пожара в замке жили люди. Многие погибли в пламени, еще больше тел свалено во дворе. Разрубленных, пробитых, скорченных. Здесь есть мужчины и

женщины, старики и молодежь. Нет лишь детей – совсем. Уничтожители замка их пощадили.

Несколько покрытых сажей женщин ходят по пепелищу в поисках близких. Остальные – их уцелело немало – забрали детей в ближайшую деревню. Слезы давно высохли, оставив только горе; понемногу стих и плач. Смерть приходит и уходит. Жизнь продолжается.

Одна из женщин сворачивает за угол и внезапно замирает, обращаясь в камень. Перед ней, растеряно оглядываясь, стоят два маленьких дракона. Ростом чуть ниже среднего человека, ярко– алый и изумрудный, драконята покрыты сажей и выглядят ошеломленными.

– Убийцы... – шепчут губы женщины. Крылатые замечают ее и сразу подбегают, балансируя крыльями и хвостом. Они не похожи на знакомых женщине детенышей драконов, чьи чучела некогда были расставлены по всему замку: эти гораздо красивее, грациознее и совсем других пропорций.

А еще они ходят на двух ногах. Как те, что приходили раньше. До пожара.

– Что здесь случилось?! – совсем детским, чуть дрожащим голосом спрашивает изумрудный драконьш. Шестым чувством женщина понимает – это она, не он.

– Кто это сделал?! – изумрудная драконочка беспомощно оглядывается. – За что с вами так?!

– Убийцы... – шепчут губы. Пальцы сжимаются в кулаки, белеют от напряжения. – Убийцы!!!

Крылатые пятятся перед женщиной.

– Что с вами?.. – драконочка вся дрожит. – Это не мы! Не мы это сотворили!!!

Женщина с воплем ненависти бросается на нее и застывает в середине прыжка, остановленная странной магической силой.

– Убийцы!!! – воет она, извиваясь в жажде достать ненавистную тварь. – Убийцы– ы– ы!!!!

Крылатая медленно подходит вплотную.

– Я должна знать... – шепчет она. – Знать, кто это сделал...

– Тия, – алый драконьш касается крыла подруги. – Не надо. Я уже знаю, кто.

– Я должна! – изумрудная драконочка касается лба женщины и закрывает глаза. – Должна... Узнать...

Пламя!

Замок пылает словно огромный костер. С треском рушатся потолки, башни проваливаются внутрь самих себя. Жар искажает очертания стен, кажется будто каменные здания корчатся от боли. Несколько раненных солдат отступают в степь.

Из пламени появляются две крылатые фигуры. Над ними струится раскаленный воздух, за мечами тянется дымный след. Два юных дракона – изумрудный и сине– золотая. Хотя цвет чешуи трудно различить, драконята с ног до головы покрыты горячей кровью. Крылатые медленно приближаются к последним защитникам замка, прикрывающим спасшихся женщин и детей.

Несколько секунд царит страшная, смертоносная тишина. Драконы стоят перед людьми, от мечей подымается дым. Сладковатый запах крови заглушает вонь горячей плоти.

– Отойдите от детей, – произносит наконец сине– золотая драконочка.

– Они ни в чем не виновны! – хрипло отвечает пожилой воин с рукой на перевязи. Его товарищи обреченно сдвигают ряды.

– Наши дети тоже были невинны, – синяя драконочка вонзает дымящийся клинок в землю. – Это не мешало вам истреблять их сотнями.

Воины переглядываются. Командир медленно опускает голову.

– Убейте нас, только пощадите их...

– Разве драконам ведомо милосердие? – с расстановкой спрашивает крылатая.

– Разве мы видели его от людей?

Пожилый воин оглядывается на товарищей. Те стоят молча, лишь подрагивают в напряжении клинки. Люди уже видели, на что способны их враги.

– Умоляю... – командир заставляет себя опуститься на одно колено. – Пощадите их...

– Мы не люди, – сухо отвечает изумрудный дракон. – Истреблять детей умеете только вы.

– Ваша смерть не вернет погибших, – синяя драконесса закрывает глаза. – Зато сохранит жизни будущим поколениям. Эти дети вырастут, помня о сегодняшнем дне.

Они запомнят, что жестокие драконы подарили им жизнь. И задумаются, прежде чем, по примеру своих отцов, нести смерть другим детям!

Несколько минут царит тишина. Затем командир молча отбрасывает клинок и отходит в сторону. Его примеру следуют остальные воины. На короткий миг время застывает, ненависть в глазах драконов словно сжигает воздух.

И вскрикивают мечи.

– За нас отомстят, – качаясь от горя, шепчет статная черноволосая женщина. – За нас отомстят..

– Нет, – холодно говорит изумрудный дракон, отворачиваясь от тел. – Не мы пролили первую кровь.

Он указывает на пылающий замок.

– В нашей власти истребить всех людей, словно чуму, но этого мы делать не станем. Мы лишь разорим ваши гнезда, сожжем города, перебьем армии. Люди больше никогда не будут угрозой крылатым.

Синяя драконочка подходит к испуганным детям и застывшим, словно статуи, женщинам.

– Запомните этот день, – произносит она глухо. – Запомните и передайте своим потомкам: у всякой крови есть цена. Вы пролили драконью кровь. Вы убивали наших детей, делали чучела, мечтали истребить наше племя под корень. Запомните: сегодня вас пощадили.

Изумрудный дракон медленно возвращает клинок в ножны под крылом.

– Больше пощады не ждите, – говорит он сухо. – Если еще хоть раз человек прольет кровь дракона, в этом мире не останется людей.

– Учитесь жить со своими соседями, – добавляет синяя драконесса. – Вам дали последний шанс.

Свист крыльев, покрытых кровью. Тяжело подымается дым.

Видение гаснет. Изумрудная драконочка опускает руку и отступает от женщины, чьи воспоминания она сейчас пережила. В золотых глазах мерцают слезы.

– Нет, – сверкающие изумрудные крылья бессильно падают на обугленную землю. – Не– е– е– ет..

Алый дракон нежно касается подруги.

– Они избрали другой путь, – говорит он мягко. – Быть может, они и правы.

Крылатая судорожно вздрагивает.

– Ариман, что ты говоришь?!

– Хаятэ научила меня многому, прежде чем мы расстались, – драконыш встает на колени перед подругой и заглядывает ей в глаза. – У каждого свой путь, Тия. Этот кошмар – тоже путь. Нам он кажется ужасным, но кто знает, что за цель ожидает путника в конце...

– Хаятэ? – драконочка стискивает зубы. – Оглянись! Посмотри, что сотворила твоя Хаятэ!

– И твой брат, – мягко отвечает драконыш. – Они решили платить кровью за кровь. Это их путь, Тия. Не наш.

Слезы текут по изумрудной чешуе и пропадают в золе. Без следа.

– Какой же путь избрать нам? – плача, спрашивает драконочка. – Для всех мы стали убийцами, средоточием ненависти. Посмотри вокруг! Здесь только смерть! Люди столетиями убивали драконов, пользуясь их слабостью, но теперь в этот мир явились мы – и мы убиваем людей, столь же беспощадно и жестоко. Так где кончается человек и начинается дракон?! Где разница?!

– В нас, Тия, – ласково отвечает алый драконыш. – В нас. Решив платить смертью за смерть, Хаятэ и Альгаир сами стали людьми. Но мы – не люди. Мы можем оставаться драконами.

Крылатая медленно встает. Неслышно шуршит пепел.

– Что сможет дракон в мире людей? – с горечью спрашивает она. – Что сможем мы в мире, где выживают только убийцы?

– Тия... – пытается сказать драконыш, но подруга яростно перебивает:

– Оглянись, Ариман! Оглянись! Посмотри вокруг!

Она резко указывает на группу женщин, покрытых гарью и копотью.

– Много веков в этом мире верили, что драконы – злобные твари и их следует истреблять, – ее голос дрожит от сдерживаемой боли. – Люди убивали нас, истребляли наших детей, даже устроили праздник из этого чудовищного преступления. Но вот, появились мы, и что нового люди узнали о драконах? Они узнали, что мы умеем мстить. Умеем быть столь же беспощадны, умеем убивать и

получать от этого наслаждение! И теперь, после стольких веков смерти – ты надеешься объяснить им, что такое жизнь?!

Алый дракон медленно опускает голову.

– Я не надеюсь, – отвечает он шепотом. – Я только мечтаю.

– Мечты не помогут воскресить мертвых! – в исступлении кричит изумрудная драконесса. – Смерть нельзя исправить!

Распахнув крылья, она взмывает в небо, пронзая клубы дыма словно чистая, омытая слезами стрела. Мгновением позже взлетает и ее друг.

Два дракона парят в высоте, все чаще и чаще взмахивая крыльями, пытаясь улететь сами не зная от кого, не зная зачем.

Встречный ветер высушивает слезы.

1

– Смерть нельзя исправить... – прошептала Ри, медленно возвращаясь к реальности. На сей раз видение пришло наяву, заставив ящерку в панике закрыть глаза и сжаться в комок на грязном полу каюты. Мираж не пропал, даже когда она опустила внешние веки. Странный дар пугал Ри, превращал сон в камеру пыток. Вэйта боялась засыпать.

Она не знала, сколько прошло времени. В каюту никто не заходил, казалось, уже целую вечность. Галера слегка покачивалась на волнах, в душной клетушке пахло рыбой и мочой. Ящерка упорно извивалась, стараясь освободить руки.

Когда, спустя несколько часов, дверь наконец открылась, Ри едва не ослепла от яркого света. В каюту стремительно вошел статный, широкоплечий мужчина с аккуратной бородкой и холодными серыми глазами. Одет он был в черные с серебром одежды, на лбу сверкала тонкая цепочка с платиновым диском в виде солнца. За плечами переливался великолепный бархатный плащ.

– Как твое имя? – спросил он отрывисто.

Свет из двери заставлял вэйту щурить глаза.

– Р...ут, – с запинкой ответила она.

Человек небрежно повел рукой снизу– вверх. Странная сила подхватила Ри и подняла в воздух, заставив беспомощно повиснуть перед лицом гостя. От

неожиданности ящерка вскрикнула.

– Зачем ты бежала от солдат? – жестко спросил маг.

– Я... испугалась... – вэйта судорожно дышала, тщетно стараясь дотянуться хвостом до пола. – Они хотели всех арестовать... Мне было страшно...

– Сейчас тебе страшнее, – усмехнулся человек.

Ри сумела только кивнуть. Маг медленно обошел висящую в воздухе ящерку.

– Как звали чернокожего повара? – резко спросил он, стоя за спиной Ри.

Вэйта сглотнула.

– К– к– ковумба.

– Ты знала его раньше? До плена?

– Н– нет...

– Не лги! – внезапно крикнул маг. Ри задрожала, ощутив как его холодные руки коснулись головы.

– Второй и последний раз спрашиваю: ты знала этого повара до плена?

– Да... – выдавила Ри.

Холодные руки слегка отодвинулись.

– Так называемый повар Ковумба раскидал четверых опытных солдат, отнял их оружие и скрылся в толпе, – сухо произнес маг. – Я опоздал совсем немного. Но ты мне поможешь.

Он вновь обошел Ри и встал перед ней, скрестив на груди руки.

– Запомни, ящерица, – холодно сказал маг. – Я очень не люблю, когда мне лгут.

Ты будешь отвечать "да" или "нет". Это понятно?

Ри сглотнула.

– Д– да... – прошептала она. Маг тонко улыбнулся.

– Итак, приступим. Ковумба – наемный убийца?

– Да, – выдавила Ри.

– Он, как и ты, работает на Торвальда?

Вэйта вздрогнула.

– Я... я... я не работаю на... на...

– Ошибка! – маг хлестнул ящерку по лицу. От удара она завертелась в воздухе, но волшебник поднял руку и Ри вновь замерла.

– Ковумба, как и ты, работает на Торвальда?

Вэйта подняла голову. От гнева у нее раздувались ноздри.

– Я не работаю на Торвальда, – тихо, яростно повторила она.

Маг чуть приподнял левую бровь.

– Вот как? – в его серых глазах мелькнул смех. – А матросы, как один, утверждают, что ты шпионка Торвальда и убила пятерых, прежде чем попалась.

Ри тяжело дышала.

– Это ложь, – она яростно дернулась в воздухе. – Да, я убила тех людей. И если потребуется, убью еще! Защищая свою жизнь!

Маг смерил ящерку задумчивым взглядом, и внезапно расхохотался.

– Я вылупилась и всю жизнь провела в городе Истр... – пропищал он тонким голосом. – Охотники схватили меня и выдали капитану Солкару, чтобы получить награду! Господин, сжальтесь, я простая служанка! Я только маленькая ящерица!

Ри дернула хвостом. Почти забытая внутренняя сила вновь возвращалась, страх отступил. Молодая вэйта медленно подняла голову и взглянула прямо в лицо волшебника.

– Да, я ящерица, – сказала она хрипло. – Холоднокровная чешуйчатая рептилия с хвостом. И все же я выше тебя, слуга. Я свободная вэйта!

– Ты дура, – спокойно ответил маг. – Наивная, напичканная героическими сказками девчонка.

Он покрутил пальцем, насмешливо глядя как Ри вращается в воздухе.

– Никогда не играй в героя перед тем, кто сильнее.

Резкое движение кисти, и вэйту подбросило вверх, больно ударив о потолок. Маг усмехнулся.

– Это за дерзость.

Следующий жест заставил Ри свалиться на пол и застонать от боли в ногах.

– А это урок на будущее.

Волшебник присел на корточки рядом с вэйтой.

– Теперь моя очередь говорить, – сказал он спокойно. – Твое настоящее имя Ри. Около года назад ты бежала от некрманта Ажхана Дрэкхана и попала к разбойникам, где познакомилась с молодым драконом Альтаиром. Затем тебя

похитили эльфы, а кончилось все пленом у грифонов, мечтавших о свободе. От них ты убежала сама, долго скиталась в джунглях, но не нашла Долину и решила сдаться... Или пока не решила? – человек сузил глаза.

Ри дрожала.

– Я не понимаю, о чем...

– Понимаешь, понимаешь, – оборвал маг. – Эту историю рассказал один молодой дракон, когда его поджаривали над костром.

Вэйта застыла. Мгновение паники – но она вспомнила рассказ Джихана и страшным усилием взяла себя в руки.

– Наверно, это был очень злой дракон, – негромко сказала Ри. От ярости она с трудом дышала. – Ты поступил правильно, убив его.

Маг улыбнулся.

– А как он кричал... И корчился на огне... Запах горелой чешуи отвратителен, но я терпел, наслаждаясь зрелищем...

Ри медленно подняла голову.

– Ты пытаешься причинить мне боль, – сказала она тихо. – Значит, ты боишься меня. Почему? Ведь я проиграла. Я потеряла все, что могла потерять! Почему ты боишься меня, маг?

Улыбка исчезла с лица волшебника. Помолчав, он встал и вышел из каюты. Ри бессильно уронила голову.

– Почему? – прошептала она. – Чего вы боитесь?

Спустя полчаса двое мрачных солдат вошли в камеру и подняли Ри. Она не сопротивлялась. Не имело смысла.

Был уже вечер, горизонт разрезал солнце надвое. Корабли и дома отбрасывали длинные, зловещие тени. Ри пронесли на берег и сунули в стоявшую там черную колесницу, похожую на погребальную повозку. Кучер молча хлестнул лошадей.

Поездка длилась долго. Ри, по-прежнему связанная, лежала на полу, подпрыгивая на каждом ухабе. Но веревки заметно ослабли; вэйта чувствовала, еще немного – и она освободится. К несчастью, путь завершился раньше.

Копыта прогрохотали по деревянному настилу и колесница остановилась. Некоторое время измученная ящерка прислушивалась к звукам.

Вскоре полог откинули и сильные руки подхватили вэйту. Она сделала последнюю попытку разорвать путы; безуспешно. Человек молча потащил пленницу в темный провал подземелья.

Там ее бросили на кучу соломы в небольшой камере без окон. Тюремщик, так и не сказав ни слова, поставил перед ящеркой миску с бульоном и грубый кувшин. Затем, так быстро что Ри не успела даже вздрогнуть, выхватил из- за пояса нож и разрезал путы. Ящерка сглотнула.

– Что со мной будет? – спросила она.

Ничего не ответив, человек вышел и захлопнул стальную дверь. Камера погрузилась в полную темноту.

Ри помолчала.

– Что ж, – она горько улыбнулась. – Пора бы и привыкнуть.

На ощупь отыскав миску, вэйта легла на пол и принялась медленно, растягивая удовольствие, пить теплый бульон.

Джихан остановился отдохнуть, лишь добежав до окраин Шаддата. Здесь, как и во всех городах Востока, жили бедняки; трущобы окружали столицу грязным кольцом. Подобно старому змею, меняющему кожу, город медленно вытеснял негодных на окраину.

Оглядевшись, Джихан прислонился к закопченному дувалу. Он устал и был очень зол на себя за потерю ящерицы. Впрочем, сейчас следовало думать о более важных вещах, например о маскировке; хотя краска из семян дерева м'хентр была очень стойкой, пот и морская вода заставили ее изрядно посветлеть.

Улица была почти пуста. За плетеной изгородью ближайшего дома что- то напевал гончар, двое детей запускали кораблик в арыке с проточной водой. Чуть в стороне, под деревом, несколько оборванных дервишей делили большую рисовую лепешку. Джихана они встретили настороженными взглядами.

"То, что надо..." – юноша подошел к дервишам и уселся на корточки перед тем, кто показался ему вожаком.

– Святой человек... – Джихан провел тремя сложенными пальцами по лбу. – Я много месяцев был за морем, не скажешь ли, что слышно в городе?

Дервиш разочарованно вздохнул. У молодых моряков редко водились деньги, поживиться за их счет почти не удавалось .

– Безбожие и разврат свили гнезда в сердцах, – пробурчал он мрачно. – Забыто уважение к старшим...

Юноша улыбнулся.

– Прости, святой человек, – он сунул дервишу медную монету. – Я и вправду забыл. Скажи, не началась ли война с безбожниками– эльфами? До меня доходили слухи...

– Все слухи от лукавого! – буркнул дервиш.

Джихан вздохнул.

– Востину так. А скажи, святой человек... Ты, конечно, знаешь здесь всех, ведаешь сокровенные тайны... Не откажи в помощи бедному моряку, много месяцев мечтавшему о женской ласке.

Один из дервишей, помоложе других, громко фыркнул. Вожак метнул в его сторону грозный взгляд.

– Согрешить просишь?

– Зачем – прошу? – Джихан подмигнул. – Готов жертвовать во имя Пророка.

Осторожно, чтобы движение не выглядело агрессивным, он вынул из– под матросской робы волнистый кинжал с рукоятью слоновой кости.

– Поторгуюсь?

Дервиш мгновенно оценил дорогое оружие, еще недавно принадлежавшее стражнику.

– Что хочешь за него?

– Халат, комнату на ночь и ласки женщины.

Дервиш поджал губы.

– Дорого.

– Хэй, посмотри какая сталь... – Джихан выдернул волосок из бороды его соседа и на лету рассек кинжалом. В глазах оборванцев мелькнула алчность .

– Нет, дорого. – дервиш покачал головой. – Халат и комната.

Юноша сделал вид, что колеблется.

– Пусть будут ласки уродливой женщины...

– Халат и комната.

– Шайтан грызет меня твоими устами! Забирай мою одежду впридачу.

Дервиш с сомнением смерил Джихана взглядом, остановив его на хороших кожаных сапогах.

– Сапоги отдашь?

– А не жирно будет?

Ухмыльнувшись, "святой человек" медленно покачал головой. Юноша вздохнул.

– Хэк, по рукам...

Дервиш проворно вскочил:

– Пошли.

Остальные проводили их завистливыми взглядами.

Джихан шагал спокойно – он прекрасно знал обычаи трущоб. В поисках редких зверей молодому хану не раз приходилось посещать такие места, а поскольку отец не одобрял его пристрастий и отказывался давать деньги на покупку животных, Джихан быстро усвоил – то, что хану продадут за сто динаров, простой человек купит за десять таньга.

– Заходи, – дервиш открыл калитку и пропустил юношу во двор приземистого одноэтажного дома. На звук обернулась толстая женщина, стиравшая белье.

– Я плачу, – сразу сказал "святой". – Нужен халат и Фатима до утра.

Женщина молча кивнула на дом и продолжила полоскать белье. Дервиш обернулся к Джихану:

– Давай.

Юноша сунул ему кинжал, стянул сапоги и молча поднялся в дом. Внутри висел тяжелый запах конопли.

– Дорогой?... – с дивана поднялась на редкость некрасивая женщина лет тридцати пяти. Широкое лицо густо покрывали веснушки, нижняя губа была слегка оттопырена и не скрывала кривых желтых зубов. Из одежды на женщине имелись только бусы и полупрозрачная кисейная накидка; были хорошо видны плоские груди.

Джихан мысленно вздохнул.

– Фатима? – спросил он, стараясь сдержать отвращение.

– А ты, мой морячок?... – женщина приблизилась и обвила рукой шею юноши.

– Как твое имя?

– Неважно, – молодой воин отодвинулся. – Где здесь вода? Я хочу вымыться.

Фатима, тяжело переваливаясь, прошла в угол комнаты и отодвинула занавеску. Там стояла большая деревянная лохань, полная мутной воды.

– Отлично, – затворив дверь, Джихан быстро подошел к дивану, сбросил одежду и распустил косу. Когда он обернулся, женщина удивленно прищелкнула языком. – Ты сможешь смыть краску.

– Краску? – Фатима с трудом заставила себя поднять глаза. – Какую краску?

– У меня были неприятности в другом городе, пришлось стать черным, – нетерпеливо ответил юноша. – Ну же, помоги вымыться!

Женщина улыбнулась.

– С удовольствием, мой морячок... С очень– очень большим удовольствием, – она сбросила накидку и, обнаженная, залезла в лохань. – Иди, я тебя помою...

Джихан закрыл глаза и мысленно поклялся поджарить Владыку на медленном, очень медленном огне. Потом, немного подумав, решил что такая участь будет слишком мягкой, и пожелал Владыке провести ночь с Фатимой.

2

– Эй, парень, ты что тут делаешь?

Смуглый юноша в старом халате, босой, с грязными черными волосами, почтительно склонил голову.

– Господин, всего один вопрос. Не знаете ли вы, где сейчас сиятельный хан Гарун Джэбегар ибн Улам?

– А тебе какое дело? – солдат подозрительно прищурился.

– О нет, нет, ничего важного! Один человек в городе заплатил мне десять таньга, чтобы я передал сиятельному хану письмо... Десять таньга за такой пустяк! Мне хватит и девяти, господин.

Солдат усмехнулся.

– Тебе хватит и пяти.

– Но, господин, всего пять таньга...

– Целых пять таньга за такой пустяк!

Юноша сокрушенно вздохнул.

– Хорошо, господин... – он протянул воину деньги. – Так где шатер сиятельного Гаруна?

Хмыкнув, солдат пересчитал монеты.

– Видишь, лагерь на холме? – он показал рукой. – Все нойоны–десятитысячники собрались там. А потратился ты зря, парень – туда не пускают никого ниже сотника.

Рассмеявшись, солдат хлопнул юношу по плечу.

– Впрочем, можешь попросить кого–нибудь из сотников передать письмо... Это встанет в сотню, не больше!

Джихан заставил себя подобострастно улыбнуться.

– Да, господин... – отвернувшись, он быстро направился к холму. Встречные солдаты с подозрением поглядывали на оборванного паренька.

Утром, когда Джихан впервые увидел армию Владьки, разбившую лагерь на равнине за городом, он был шокирован. Размеры войска не удавалось даже вообразить: палатки, навесы и костры тянулись до горизонта, здесь собрались все степные племена. Каждый хан, каждый мелкий правитель привел своих воинов к стенам Шаддата. Война была близка.

Днем и ночью из города гнали стада животных и везли провиант ; армия за сутки поглощала больше еды, чем все население Шаддата за месяц. Войско состояло не только из людей – орды диких орков, родовые стаи ярров, отряды гномов и даже большая эскадрилья грифонов собрались на равнине, чтобы отомстить эльфам за прошлые обиды. Но особенно Джихана поразил странный блеск, вдали, на берегу моря. Побратиму Альтаира не пришлось долго ломать голову над загадкой; вскоре он заметил хищный крылатый силуэт, пронесшийся над лагерем.

"Драконы!" – юноша застыл. Сразу вспомнилась встреча у пещеры богов, где маг Джер аль Магриб рассказал о большой стае крылатых, прилетевших из– за океана чтобы принять участие в войне. Тогда Джихан не воспринял известие должным

образом, но сейчас, увидев гостей собственными глазами, впервые осознал, какая чудовищная назревает катастрофа. А единственных, кто мог предотвратить войну – богиню Агайт и ее возлюбленного Карда – Владыка заблаговременно отправил в другой мир...

– Не единственных, – сквозь зубы процедил юноша. Встряхнувшись, он ускорил шаг и направился к большому шатру, раскинувшему желтые пологи у подножия холма, который указал ему солдат. Там, удобно расположившись на траве, как раз отдыхал дракон. Стройный, ярко– алый, с черными рогами и шипами, он беседовал с молодым бело– золотым грифоном.

"Драконы не знают об Альтаире и богах, иначе встали бы против Владыки!" – Джихан нащупал под халатом цепочку, где висел подарок Касса: сверкающая синяя чешуйка.

Шатер был уже близко, когда юноше внезапно преградил дорогу высокий пожилой воин с пайцзой десятника на груди. Обе его щеки некогда пробила стрела, оставив уродливые рубцы и перекосив челюсть.

– Кто ты? – воин говорил слегка невнятно, видимо поврежден был и язык. – Что делаешь в военном лагере?

– Я посыльный, господин... – смиренно отозвался Джихан. – Мне приказано передать письмо в руки сиятельного хана Гаруна Джэбегара ибн Улама, или одному из его ближайших нукеров.

– От кого письмо?

– Не знаю, господин. Я только посыльный.

Десятник нахмурил брови.

– Кто приказал отнести письмо? Отвечай!

Джихан покачал головой.

– Господин, я не знаю. Мне лишь сказали, что сиятельный хан щедро наградит любого, кто его доставит...

Солдат протянул руку.

– Дай мне письмо. Я сам отнесу нойону.

– Нет, господин, – юноша начинал терять терпение. – Письмо отнесу я.

Десятник топнул ногой.

– Дерзкий мальчишка! Я тебя прочучу...

В это время дракон, очевидно, закончив беседу, распахнул крылья и взмыл в небо. Разгневанный Джихан обернулся к солдату.

– Шакал! – мгновенный удар в нервный центр на левой стороне шеи заставил десятника рухнуть без звука. Юноша бегом бросился к шатру.

– Стой! – за спиной раздался крик. – Остановите его!

Бело– золотой грифон оглянулся и удивленно приподнял хвост.

– Что происходит? – спросил он резко.

– Я принес важную весть! – закричал Джихан. – Прошу защиты у хана!

Грифон встал. Несмотря на молодость, вблизи он производил большое впечатление; голубые глаза светились разумом, по перьям струились волны блеска. Львиная половина тела и кромки крыльев у него были цвета червонного золота.

– Остановись, человек, – приказал пернатый. – Что за весть ты принес?

Джихан оглянулся. Над упавшим десятником уже склонились несколько солдат, другие бежали к шатру. Нельзя было терять времени .

– Я Джихан ибн Гарун, наследный хан Джэбегар, сын вашего нойона, – ответил он быстро. – Я принес важные сведения о планах врагов!

– Джихан? – грифон вздрогнул. Оглянувшись на шатер, он шагнул к юноше и склонил голову.

– Быстро поднимись на холм. Твой отец там. Я задержу солдат.

Времени удивляться не было. Кивнув, Джихан бросился бежать, слыша как за спиной грифон громко отдает приказы и что– то рычит. Впереди, среди богатых шатров, уже заметили беглеца.

Несколько нукеров вышли навстречу Джихану. Не увидев знакомых лиц, юноша мысленно выругался.

– Я Джихан, сын Гаруна Джэбегара, вашего нойона! – крикнул он. – Я принес важные вести!

– А я император румский, – оскалился покрытый шрамами сотник с водянистыми глазами.

Юноша стиснул зубы.

– Отец снимет с тебя кожу, когда узнает, что меня задержали!

– Да ну, – сотник сплюнул. Воины тем временем окружили Джихана со всех сторон.

Юноша огляделся. У подножия холма солдаты спорили с грифоном, несколько нукеров вышли из шатров и следили за событиями. Следовало действовать немедленно.

– Клянусь именем богини, я не лгу! – Джихан поднял руки, показывая, что безоружен. – Я выполнял секретное задание! Позовите любого нукера нойона!

Сотник на мгновение заколебался.

– Там разберемся, – решил он. – Взять его.

Джихан яростно топнул ногой и приготовился защищаться, но в это время в ближайшем шатре откинулся полог и низкий, с хрипотцей, голос заставил солдат почтительно склониться:

– Что происходит? – на свет вышел могучий, широкоплечий, рыжебородый гном с волосами, заплетенными в две косы по обычаю северян. Одет он был в сверкающие доспехи из белого серебра, носил черный плащ нойона и латный пояс с рубинами. На груди золотом переливался символ парящего дракона.

– Я спросил, что здесь происходит! – холодно повторил гном. Его широкое, открытое лицо обратилось к гостю. – Кто этот па...

Глаза гнома расширились.

– Ты!!! – выдохнул он.

Юноша попятился.

– Рогвальд...

– Джихан! – гном едва не упал от изумления. – Вот так встреча!

Молодой воин сглотнул.

– Ты же был разбойником...

– Взять его! – Рогвальд властно поднял руку. – Невредимым!

Нукеры бросились на Джихана. Юноша прыгнул в сторону, перекувырнулся, вскочил и, петляя, метнулся прочь. Однако, не успел он пробежать и десяти шагов, как пожилой сотник кинулся ему в ноги и Джихан покатился по траве. Мгновением позже на него навалились солдаты.

– Я сын хана! – юноша яростно отбивался. – Вас всех казнят!

Нукеры быстро скрутили пленника по рукам и ногам. Подбежал Рогвальд.

– За мной, – приказал он резко. Солдаты втащили Джихана в шатер и бросили у стены; пожилой сотник умело обыскал, отняв нож и удавку.

Рогвальд коротко кивнул.

– Сторожить снаружи. Не пускать никого.

– Нойон, парень опасен...

– Это приказ! – рявкнул гном. Поколебавшись, сотник кивнул и вышел из шатра. За ним, негромко переговариваясь, последовали остальные нукеры. Рогвальд задвинул полог.

И медленно обернулся.

– Давненько не виделись... – он подошел к пленнику и рывком поставил его на ноги. – Как провел лето?

– Ты же был разбойником! – выдавил Джихан.

– Мало ли, кем мы были, главное – кем мы стали... – гном схватил юношу за шиворот. – А я стал очень важной птицей, когда привел Владыке две сотни драконов.

Размахнувшись, он так ударил Джихана, что тот пролетел через весь шатер.

– Я важная и очень, очень злая птица!

В глазах гнома светилась холодная ярость. Подскочив к ошеломленному юноше, он схватил его за горло.

– Расскажи–ка, дружок, что ты сделал с моим приемным сыном, – прорычал Рогвальд. – И тогда, быть может, я сначала тебя убью, а лишь потом сниму шкуру!

Джихан с трудом сел. От удара у него кружилась голова.

– Отвечай, шакал, где мой дракон! – рявкнул гном.

– Мы побратались, – сквозь зубы процедил юноша.

– Чего?!

– Альтаир мой названный брат, – повторил Джихан. – Я спас ему жизнь в чайхане.

Рогвальд несколько секунд молча глядел на пленника.

– Спас жизнь? – переспросил он наконец.

– Ты что, не только тупой, но и глухой? – юноша сплюнул на ковер. – Если все повторять трижды, рассказ займет неделю. Да, я спас ему жизнь, мы подружились, а

позже, в Пенных горах, и побратались. Альтаир – мой брат по крови, теперь он МОЙ дракон!

Рогвальд почесал в затылке.

– Похоже, я тебя черезчур сильно приложил...

– Выслушай мою повесть, – оборвал Джихан. – А потом попроси прощения.

Ясно?

Гном невольно фыркнул.

– Ну, парень, ты и нахал. Говори. Я слушаю.

Юноша вздохнул.

– Я проиграл бой с Альтаиром. Он оставил мне жизнь и уже улетал, когда внезапно свистнула стрела... – Джихан рассказывал сжато, коротко, излагая только факты. Рогвальд внимательно слушал.

– ...дервиш с самого начала проводил все время с грифонами, но мы и представить не могли истинной причины. Когда тайна раскрылась, Алдар сказал богине, что ее Пояс поможет завоевать весь мир. Тогда золотой Драко направил на него странное оружие и приказал вернуть похищенное, но Владыка закрыл глаза и все шесть драконов исчезли. Остался только я – наверно, он решил, что я неопасен .

Джихан криво усмехнулся.

– Я выстрелил во Владыку из лука, пробил ему шею, но он даже внимания не обратил – просто вытащил стрелу и рана сама закрылась. Маг Джер аль Магриб требовал убить меня, но Владыка приказал лишь отобрать мое оружие. А потом они улетели, бросив меня в джунглях. Четыре месяца провел я в пещере Кассандраго, и вот тому доказательство... – юноша снял амулет и протянул Рогвальду. Гном покрутил в пальцах блестящую чешуйку.

– Да– а... – протянул он. – Большого бреда мне в жизни не доводилось слышать. Вы встретили богов, и Владыка выбросил их в другой мир? Богов?

Джихан разозлился.

– Я говорил с Богиней, как сейчас говорю с тобой!

– Правда, чтоль? – усмехнулся Рогвальд. – И на кого она похожа?

Юноша опустил голову.

– На сон, – сказал он тихо. – На самый прекрасный сон, который только может

явиться человеку. Я видел ее в облике фиолетовой драконессы, и до сих пор вижу – стоит лишь закрыть глаза. Она действительно богиня, богиня красоты...

Гном помолчал.

– Выходит, ты утверждаешь, что благородный Владыка не так уж благороден, и послал моего Альтаира в другой мир ради исполнения какого– то пророчества?

– Не только Альтаира, но и его сестру, – ответил Джихан. – Я вернулся, чтобы отомстить за драконят!

Рогвальд скрестил на груди руки.

– Даже если я поверю в эту сказку – а я не верю, – мой долг обязывает выдать тебя Владыке или казнить прямо на месте. Я воин его армии, а ты лживый мальчишка.

– Не веришь мне – спроси тех, кто все видел своими глазами, – резко ответил Джихан.

Рогвальд фыркнул.

– Это кого же?

– Например, Джера аль Магриба, – юноша кивнул на выход из шатра. – Ты теперь большой... гном, он не решится тебя убить. Или, еще лучше – спроси телохранителей Владыки! Тахион и Гарпия должны быть здесь, в лагере.

Гном призадумался.

– Тахион и Гарпия? Это те птички, что все время проводят у шатра Гаруна? Черный грифон и серо– стальная грифоница?

– Они! – Джихан вздрогнул. – Что связывает их с отцом?

Рогвальд огладил бороду.

– Да вот и я голову ломал раньше... А теперь думаю, уж не тебя ли они высматривают? Знают, небось, что коли вернешься – сразу к папаше бросишься.

Юноша стиснул зубы.

– Проклятый Алдар!

– Но– но, придержи язык, – Рогвальд наконец принял решение. – Вот что, парень: я тебе, конечно, ни на грош не верю, но проверить не помешает. Эй, там! Двоих ко мне!

Полог шатра откинулся. Вошел уже знакомый Джихану пожилой сотник.

– Нойон, здесь хан Гарун со своими нукерами, – доложил он коротко. – Требуется впустить. Мы задержали их до твоего приказа.

Рогвальд бросил красноречивый взгляд на пленника.

– Что ж... – гном дернул себя за бороду. – Пусть входит. Но только сам Гарун, нукеров не пускать.

– Да, нойон, – сотник вышел.

Джихан поднял связанные руки.

– Веревки...

– Обойдешься пока! – огрызнулся Рогвальд. Тем временем полог шатра вновь откинулся, пропуская Гаруна ибн Улама, хана Джэбегара, нойона десятитысячного тумена Владыки. Джихан постарался принять невозмутимый вид.

– Здравствуй, отец, – произнес он почти спокойно.

3

В отличие от своего сына, хан Гарун вовсе не казался невозмутимым.

– Джихан! – он покачнулся. – Живой!

– Как видишь, – на родном языке ответил юноша.

– Почему ты связан?!

– Напал на солдат, – пояснил Рогвальд. Смерив гнома уничтожающим взглядом, Гарун подошел к сыну и разрезал путы.

– Как брат? – спросил юноша, вставая.

Хан вернул кинжал за пояс.

– С Гурканом все хорошо. Где ты был? Почему не вернулся с остальными?

– Так получилось, – Джихан покачал головой. – Я все расскажу.

Некоторое время отец и сын молча стояли друг против друга. Черноволосый, стройный, Гарун ибн Улам был высок и красив; с его волевого лица смотрели узкие черные глаза. Джихан очень походил на отца, но был заметно шире в плечах и более гармонично сложен. Кожа его за месяцы пребывания в джунглях приобрела золотисто– смуглый оттенок, гладкие черные волосы отросли до середины спины. Хотя юноше лишь недавно исполнилось шестнадцать, его никто не назвал бы

мальчиком.

– Ты возмужал, – сказал наконец Гарун.

– Я многое повидал за этот год.

– Гуркан упоминал драконов... – хан бросил короткий взгляд на Рогвальда, слушавшего их разговор. – ...Ты действительно нарушил мой приказ ради рептилии?

Джихан чуть приподнял голову.

– Нет, отец, – ответил он коротко. – Ради друга.

Гарун помолчал.

– Хэк, поговорим позже. Идем.

– Не спешите, – гном заступил им путь.

Хан прищурился.

– Что это значит, Рогвальд?

– Парень провел полгода неизвестно где, – ответил гном. – Возможно, он стал нашим врагом.

Гарун скрестил на груди руки.

– Это мой сын и наследник, – сказал он сухо.

– Сначала пусть ответит на вопросы, – Рогвальд кивнул Джихану. – Повтори отцу то, что уже рассказал мне.

Юноша сжато поведал о своих приключениях. Гарун не шевелился до самого окончания рассказа.

– Итак, ты предал кагана. – только и сказал он, когда Джихан умолк.

– Это Владыка предал всех нас! – горячо возразил юноша.

– Чем? – сухо спросил Гарун. – Тем, что использовал в своих целях несколько рептилий? Он даже не убил твоего дракона. Я бы на его месте непременно убил.

Джихан вздрогнул.

– Отец, он выбросил в другой мир богов!

– А какое нам дело до богов? – хан сузил глаза. – Мы присягнули Коргу Алголу, Владыке. Мы назвали его нашим каганом. Вот кому надо хранить верность, а не всяким фиолетовым ящерицам из пещеры!

Юноша стиснул зубы.

– Мы с Альтаиром смешали кровь!

– Месть я еще смог бы понять, – Гарун усмехнулся. – Но ты сказал, дракон жив.

– Я не знаю этого! Так сказал Владыка.

– А зачем ему лгать? – хан покачал головой. – Мне сорок два года, Джихан. Я знал множество властителей, от мелких вождей до могущественных королей. И ни разу не встречал я человека, более благородного и честного, чем Корг Алгол. Я вступил в союз с Владыкой по нужде; но теперь я служу ему по собственной воле. Он того достоин.

– Верно говоришь, – вставил Рогвальд.

Джихан попятился.

– Владыка выбросил в другой мир моего побратима, его сестру и четырех ни в чем не повинных драконов, – сказал он с расстановкой.

– Обычный король просто убил бы их всех, – Гарун пожал плечами. – И тебя тоже, сын. Не забывай, во имя чего мы вступили в войну. Не забывай свою мать!

Он шагнул вперед.

– Все, что сделал Владыка, было сделано для того, чтобы уменьшить кровопролитие. Он на много дней оставил войско, подверг себя опасности – чтобы раздобыть талисман, способный уменьшить потери. Он встретил сильных врагов – и пощадил их, лишь позаботившись, чтобы ему не мешали. А ты, мой сын – сейчас играешь на руку эльфам, убившим твою мать!

Резко отвернувшись, Гарун глухо добавил:

– Мне стыдно за тебя, Джихан. Сегодня вечером Владыка вернется в лагерь. Я хочу, чтобы ты подошел к нему, пал на колени и просил прощения.

Джихан стиснул зубы.

– Никогда.

– Ты сделаешь это, если желаешь остаться моим сыном. – хан шагнул к выходу и отодвинул полог, намереваясь покинуть шатер. Гном и юноша увидели, как он вздрогнул.

– Каган?!

– Я вернулся полчаса назад и услышал шум, – при звуке этого голоса у Джихана зашевелились волосы на голове. – Нукеры сказали, нашелся твой старший

сын?

Гарун с трудом взял себя в руки и коротко поклонился.

– Да, каган. Он здесь.

Посторонившись, хан Джэбегар пропустил в шатер высокого, очень красивого старика в простой серой мантии.

Рогвальд склонил голову.

– Привет тебе, каган.

– Привет, привет, мой доблестный друг... – Корг Алгол, последний из Мертвых Царей, более известный под титулом Владыки, слабо улыбнулся. – И тебе привет, о храбрейший из юношей.

По скулам Джихана заходили желваки. Справившись с собой, он резко отвернулся. Несколько минут в шатре висела напряженная тишина.

Первым ее нарушил Гарун.

– Прошу прощения за сына, – помолчав, сказал хан. – Он многое перенес и еще не опомнился от тягот пути.

– О, я вовсе не сержусь, – Алгол улыбнулся. – Джихан проявил себя храбрым воином и верным другом. Можешь гордиться сыном, Гарун.

Юноша медленно обернулся.

– Тебе следовало послушать совета Джера аль Магриба и убить меня, – холодно произнес он. – Теперь же я разрушу твои планы!

Владыка поднял брови.

– Правда? Каким образом?

– Я расскажу всем, что ты совершил в пещере богов!

Алгол посмотрел на Рогвальда.

– Как вижу, ты уже начал, – он усмехнулся. – И сумел избрать в слушатели вождя всех воздушных сил моей армии.

Джихан поперхнулся.

– Вождя?!

– А, так он не представился? – Владыка укоризненно покачал головой. – Перед тобой Рогвальд, командующий моими десантными и воздушными силами, всадник красного Ализона, единогласно избранного военным вождем драконьих эскадрилий.

Рогвальд и Ализон – мои ближайщие советники.

Юноша невольно обернулся к гному. Тот усмехнулся в ответ на немой вопрос.

– Мальчишка поведал весьма интересную историю, – заметил Рогвальд.

Алгол улыбнулся.

– И чистую правду.

Гном отпрянул.

– Ты и вправду встретил богов?!

Владыка опустил на тахту и устало положил руки на колени.

– Да, – ответил он печально. – Я встретил богов.

– И выбросил их в другой мир! – крикнул Джихан.

Алгол погрозил ему пальцем.

– Отнюдь, мальчик. В другой мир я отправил детишек – они должны исполнить пророчество. А боги... Богам я лишь помог стать богами.

Рогвальд вздрогнул.

– Как это?

– Сейчас вам не понять, – Владыка покачал головой. – Возможно, позже...

Увидим. Поверьте, так было нужно.

– Кому нужно? – процедил Джихан.

– Всем нам, – коротко ответил Алгол.

Итак, Рогвальд, теперь ты знаешь, что я совершил. Покинешь ли ты нас, повернешь армию против бывших друзей?

Гном долго не отвечал.

– Что стало с моим дракончиком? – спросил он наконец.

– Он жив и свободен, – ответил Алгол. – Я лишь отправил его навстречу судьбе. Пророчество должно быть исполнено, иначе Катаклизм покажется нам легким весенним дождиком.

Он тяжело вздохнул.

– Не падай духом, Рогвальд – вы еще не раз встретитесь. Альгаиру, его сестре и двум другим драконам выпала удивительная, сказочная судьба. Я им завидую.

Владыка медленно встал.

– Четверо крылатых детей останоят хаос и вернут звездам давно позабытый

мир. Так сказал величайший из Мертвых Царей, сказал столько тысяч лет назад, что саму цифру придется выговаривать тысячу лет. Он предсказал и Катаклизм, и мое рождение...

Алгол бросил быстрый взгляд на гнома.

– И эту войну.

Рогвальд невольно подался вперед.

– Кто победит?!

– Этого я сказать не могу, – спокойно ответил Владыка. – Знайте лишь, что грядущая война станет последней в истории. Ровно через двадцать три года народы Уорра наконец объединятся и начнут строить новый, истинный мир. Мир без войн.

Повисло тяжелое молчание.

– Я не верю тебе, – внезапно сказал Джихан. – Знать будущее невозможно. Будущего нет! Оно зависит лишь от нас. Что станет с твоим пророчеством, если Рогвальд сейчас уйдет, забрав всех драконов?

– Но ведь он так не сделает, – улыбнулся Алгол. – У войн почти всегда есть глубокие причины, и наша война – не исключение. Слишком долго нагнеталось напряжение, слишком много обид и преступлений накопилось в душах. Говоришь, он уйдет и заберет драконов? Но уверен ли ты, что драконы согласятся? Вспомни, ведь в плену у эльфов до сих пор томятся сотни крылатых.

– Ты знаешь о них? – Рогвальд вздрогнул.

– Я многое знаю, – глухо ответил Владыка. Подняв руку, он коснулся своего виска. – В этом разуме хранится столько знаний, что малая их доля способна изменить мир. К счастью, я достаточно разумен, чтобы ничего не менять.

Джихан сплюнул.

– Ничего не менять! – процедил он сквозь зубы. – Ты знаешь, что все твои воины, быть может, обречены погибнуть – и все равно гонишь их на смерть!

– Что лучше – одна война и семьсот лет мира, или десяток мирных лет – а затем семь веков войн? – сухо спросил Алгол.

– Будущее зависит от нас!

– Так измени его, – коротко ответил Владыка. – Я не стану бросать тебя в темницу, убивать или заколдовывать. Ты молод, силен и свободен, ты знаешь все мои

тайны. Измени будущее!

Он шагнул вперед и положил руку на плечо юноши.

– История развивается кольцами, – негромко сказал Алгол. – Подобно чудовищной древней змее, пожирающей собственную плоть. Миллионы лет назад, один мудрый старик изучил проклятую тварь и написал пророчество, чтобы потомки его знали, чего ждать. Мне лишь дана сила прыгать с кольца на кольцо. Убить Вечного Змея не сможет никто.

Отвернувшись, Владыка молча направился прочь. Люди и гном проводили его долгим взглядом.

– Не сходится... – неуверенно пробормотал Рогвальд. – Всего– то и нужно – распустить войско, вот и конец всяким там... Пророчествам...

Гарун медленно обернулся.

– Думаешь, войско молча разойдется? – спросил он с горечью. – Когда все уже ощутили аромат добычи и уверены в победе?

– Да– а... – Рогвальд почесал в затылке. – Что правда то правда. Да и эльфы досадили слишком многим, не говоря уж о драконах... Придется повоевать.

Джихан наконец пришел в себя.

– Но... но... – не веря, он взглянул на гнома. – Ты стерпишь это?! Ты останешься на службе человека, который использовал в своих целях драконов, словно вещи?! Который выбросил в другой мир твоего приемного сына?!

– Поздно уже головы отрывать, – мрачно ответил Рогвальд. – Да и кому? Война всяко случится, даже подними я бунт, а вернуть Альтаира только Алгол и сумеет. Ничего, с такой– то силищей мы победим быстро, а после... После кое– кому придется ответить на кучу вопросов.

– Ты прав, – решительно сказал Гарун. – Сейчас надо сохранять единство. Не допускать распрей внутри армии!

Он кивнул Джихану.

– Идем, сын. Нам надо многое обсудить.

– Да уж, обсудить вам предстоит немало, – буркнул Рогвальд. Несмотря на внешнюю бодрость, было заметно, что гном очень подавлен. – Идите. Мне надо побыть одному.

– Стойте! – потрясенный Джихан переводил глаза с одного на другого. – И вы так просто забудете?! Ничего не сделаете?!

– А что ты предлагаешь? – сухо спросил Рогвальд.

– Поднять бунт! Свергнуть Владыку!

– То есть, погубить еще сотни жизней? – гном сузил глаза. – Наша цель – выиграть войну. Во главе с Владыкой – это реально.

– Так ему все сойдет с рук?! – юноша отпрянул.

Рогвальд взглянул на Гаруна и криво усмехнулся.

– В отличие от твоего отца, я с королями не знался, но даже мне ведомо: владык с чистой совестью не бывает. Идите! Я хочу остаться один.

Молча кивнув, хан положил руку на плечо сына и они вместе покинули шатер. Джихан шел как во сне, мир вращался перед глазами. Шок был слишком силен.

– Как же так... – с болью прошептал юноша.

Рука отца сдавила его плечо.

– Сегодня тебе преподали отличный урок, – негромко заметил хан Гарун. – Помни его. И сними этот мерзкий халат – сын ты мне или оборванный дервиш?!

Джихан закрыл глаза.

– Да, отец. – ответил он покорно. – Прости.

Хан Джэбегар и его наследник прошли мимо отряда нукеров и скрылись в богатом шатре. Их провожал внимательный взгляд молодого грифона.

Глава 6. Пленница

Не знаю, что за день сегодня. У меня отобрали Кагири– то и Тошибу, сломали меч и в клочья изорвали перепонку крыльев. Я помню, самурай никогда не должен плакать, но было так больно!..

Они били меня дубинками, пока мир не погас. Да и потом, наверно, долго били, потому что я три дня не могла шевельнуться. Впрочем, здесь нет ничего странного – я хорошо защищалась, убила нескольких нападавших. Странно другое:

почему я до сих пор живая.

Когда я вспоминаю судьбу несчастной матери Тошибы, по чешуе невольно пробегает дрожь. Я не позволю сделать с собой такое, лучше сэппуку. Правда, у меня нет кусунгобу* , но моими когтями можно и сэппуку совершить. Вот только умирать очень не хочется...

Я крупно ошиблась с планом ловушки. За мной действительно следил человек верхом на громадной, напоминавшей орла птице, такой огромной, что одно ее крыло вдвое длиннее меня вместе с хвостом; но кто сказал, что этот человек отправится в ловушку один... Их явилась целая толпа, с луками и странными ручными катапультиками, вроде тут их зовут "арбалет". Обычная стрела отскакивает от чешуи, но короткий, толстый снаряд из этих машинок на моих глазах пробил ствол молодого дерева насквозь – тут – то я и поняла, что дело плохо.

Враги окружили пещеру, где прятались мы с Тошибой, и полезли внутрь. Первый, конечно, попал в ловушку и бешено затрепыхался, пытаюсь сбросить сеть; я убила его одним ударом, потому что предстоял тяжелый бой и отвлекаться было опасно. Затем я встала у входа с мечом наизготовку, и началась битва.

О таком сражении я даже в книгах не читала. На этот раз врагами оказались довольно умелые, сильные воины, каждый из которых заметно превосходил меня ростом и массой – я ведь еще маленькая, меньше человека. И хотя ни один из людей не был столь быстр, и оружие у них оказалось очень плохим, меня просто задавили.

Я отбивалась как бешеная! Трех уложила сразу, еще одному отсекала руку до локтя, но потом в пещеру забрались сразу шестеро, и вся моя быстрота оказалась бесполезной, когда пришлось отбиваться от шести мечей разом. Они оттеснили меня в угол, ранили в крыло, затем еще раз, потом я пропустила грубый удар ногой и потеряла меч. Высокий воин с серпом наступил на мою катану и сломал!

Оставшись безоружной, я некоторое время сопротивлялась, хотя враги уже изрезали мне оба крыла и пару раз ранили. От боли мутилось в глазах, скоро я упала – и тогда меня начали бить дубинками по бокам, спине, крыльям... Айя, зато не убили. Да и кости, кажется, уцелели...

Очнулась я в клетке, точно такой же, как видела на поле. Бедный Тошиба исчез, его наверняка убили. Пропала также моя волшебная книга, а медальон я

заметила на шее у начальника поймавших меня людей.

Меня везут на запад, почти нигде не останавливаясь. Все воины отряда едут одвуконь, за повозками ведут сменные упряжки, так что едем быстро. Обработанная земля, деревни и поля скоро кончились, теперь мы движемся по бескрайней степи, вдоль едва заметной дороги.

В отряде четыре повозки и сорок семь всадников; меня везут в середине, охраняя. Та громадная птица, с чьей помощью выследили нас с Тошибой, днем парит в небе, изредка спускаясь за добычей; я уверена, она разумная. Ночами птица спит у костра, спрятав голову под крыло, но даже в таком виде она больше любой повозки. Думаю, будь мои крылья здоровы, а клетка – сломана, мне все равно не удалось бы улететь далеко. С таким– то преследователем... Впрочем, летать я еще долго не смогу. Слишком избитая.

Первые три дня я даже голову повернуть не могла, так болело все тело; потом стало легче, видимо заработали магические силы моего организма. Хакас говорил, что даже если мне оторвать оба крыла, руки, ноги и хвост – за пол– сезона все снова вырастет, как новое. Только я проверять не хочу, я теперь знаю, как это больно...

Люди, поймавшие меня, явно знают что делают. Командует ими тот самый воин в сером, который сломал мой меч; имени его я пока не слышала. Зато человека, управлявшего огромной птицей, я узнала с первого взгляда.

Он тоже меня узнал, кажется. За три дня, что я провела в неподвижности, раскинувшись по грязному дну клетки, он много раз подходил и рассматривал меня вблизи. На четвертый день, когда я с трудом сложила изрезанные крылья и выпила немного воды из глиняного горшка, он подъехал к повозке и прямо на ходу перепрыгнул в нее со своего коня. Я отползла в другой конец клетки.

– Арлиан зеббуку? – спросил человек. Я покачала головой.

– Тарск? Шпрех тарск?

– Не говорю на этих дурацких языках, – мрачно ответила я.

Он усмехнулся.

– Прежде чем ругать что– либо, узнай его ближе. Как твое имя?

Преодолев удивление, я подняла голову.

– Хаятэ Тайе. Откуда знаешь наш язык?

– Сокол*, говоришь... – воин не ответил на вопрос. – Кто ты, Хаятэ?

– Самурай, – отозвалась я мрачно.

Человек усмехнулся.

– Это я понял уже при первой встрече. Как зовешь свой род?

– Почему вы атаковали меня? – вместо ответа спросила я. – Почему украли мой медальон?

– Ты напал первым, – резко ответил воин. – Убил моего коня, угрожал крестьянам, смертельно ранил жреца Сета и помешал жертвоприношению!

Хэй... Похоже, они думают, я – мужчина! А вдруг, если узнают правду – отпустят?

– Я – она, – сказала я негромко. – Хаятэ – женское имя.

Воин отпрянул.

– Ты самка?!

– Я девушка– самурай, приемная дочь самого Акаги Годзю. – с трудом поднявшись на ноги, я постаралась принять гордый вид. – Не оскорбляй меня, гэйдзин.

Человек задумчиво оглядел меня с рогов до хвоста.

– Еще птенец, а гонору– как у императора... Сколько тебе сезонов?

Я отвернулась. Воин некоторое время молчал, затем вздохнул.

– Тебя ждет страшная судьба, дракон. Помни об этом и проживи свои последние дни достойно.

– Драконов здесь нет, – глухо ответила я. – И помни, самурай сам выбирает день своей смерти.

Не повернув головы, я сделала движение когтем поперек живота, словно вспорола чешую. Человек отшатнулся.

– Не вздумай играть с сэппуку, поняла?! Ты нам живая нужна!

– Если я нужна врагу, враг меня не получит. – твердо ответила я.

Он внезапно усмехнулся,

– Что ж... Хочешь резать свой золотой животик – режь. Тогда мы снимем с тебя шкуру, изготовим чучело и станем показывать на ярмарках.

– Ты не посмеешь!!! – крикнула я, резко повернувшись.

Человек рассмеялся.

– Уже посмел, – сказал он весело. – Дважды посмел, и чучела получались – заглядение. А такие как ты, сине– золотые, особенно хороши в этом отношении; ваша чешуя самая прочная.

Я подошла к прутьям клетки.

– Назови свое имя.

– Зачем?

– Чтобы я могла найти тебя и отомстить за оскорбление! – прорычала я.

Воин довольно долго смотрел мне в глаза. Потом рассмеялся.

– Ботольд мое имя. Рон Ботольд. А ты крепкий орешек, ящерица... – он вскочил и прямо из повозки прыгнул на спину своему коню, бежавшему рядом. – ...Совсем не похожа на других драконов.

Больше со мной никто не разговаривал. Однако и одной беседы вполне хватило. Ботольд, разумеется, понятия не имел, что самураев обучают замечать мельчайшие подробности любого события; и уж тем более он не мог знать, сколь хорошо я справлялась с этими уроками.

Самое главное – люди считают меня драконом, мистическим зверем небес. Слова о жреце какого– то бога объяснили сразу все странности, что я видела в лесах. И еще я поняла, что ждет меня впереди.

Мать Тошибы принесли в жертву на алтаре, так назывался отвратительный обряд некоторых дикарей с южных островов. Очевидно, этот обряд практиковали и здесь; не менее очевидно, что я должна буду сыграть роль жертвы. Иначе зачем им живой "дракон", которого ждет "страшная судьба"?

Однако сильнее всего меня поразили слова о чучелах. Если Ботольд не солгал – а он, скорее всего, не лгал – то в этих землях водятся представители моего рода, именуемые здесь "драконами"! Потрясающе...

Надо сказать, тайна моего появления на свет весьма меня интересовала. До сих пор я считала себя заколдованной девушкой из рода самураев, а Годзю и Хакас не спешили рассказывать правду. Но если в этих землях живут крылатые одного рода со мной, тогда я – не человек вовсе!

Это ставит на свои места странности с быстротой реакции, выносливостью и

ночным зрением, но сразу дает кучу новых вопросов, главный из которых – почему Годзю меня удочерил и дал воспитание воительницы. Впрочем, тайна моего рождения сейчас не важна... Главное – как спастись от смерти и сохранить лицо.

Не слишком простая задача, учитывая количество врагов и размер чудовищной птицы.

Еще четыре дня отряд скакал на запад, мы пересекли очень старые, выветрившиеся горы и углубились в совсем уж бескрайнюю степь. Название этих мест – Гиблоземье, как с усмешкой сообщил Ботольд. Он несколько раз пробовал говорить со мной, но я молчала.

Днем, пока повозка трясется по земле, я сплю, набираясь сил. Ночами тренируюсь, восстанавливая форму. Люди часто наблюдают за тренировками, даже просунули мне в клетку деревяшку, похожую на меч. Я молча ее приняла, потому что нуждалась в тренировках.

Силы понемногу возвращались. Кормили меня сырым мясом, это очень полезно организму, и вечером восьмого дня я уже была почти в прежней форме. Только изрезанные крылья остались напоминанием о сражении, да пара шрамов на чешуе. Они быстро зарастут, я знаю, но крылья...

Ботольд часто следил за моими тренировками, причмокивал языком и одобрительно кивал. Напрасно старался, я с ним так и не заговорила. Зато я видела Тошибу! Его не убили, только посадили в ящик и везут в конце отряда, на последней повозке. Надо будет спасти...

К пятой ночи плена у меня окончательно созрел план побега. Я намного легче любого человека; значит, лошадь со мной на спине будет бежать быстрее, чем под всадником. К тому же, ко второй повозке был привязан восхитительный черный жеребец редкой красоты. На этом коне никто не ехал, его постоянно укрывали длинной попоной и охраняли другие всадники; понятно, что сумею я захватить этого жеребца, ни один из людей никогда меня не догонит.

Сбежать из клетки – не сложно, она деревянная и сгорит от заклинания огня. Я

ведь специально не применяла ни одно заклинание с тех пор, как попалась; пусть люди думают, что я простой самурай.

Оставалась только одна проблема: гигантская птица. Люди звали ее Рокх, и она не умела говорить, хотя была очень умна, почти как человек. Птицу следовало убить; но до восьмого привала удачного момента не попадалось.

Вечером восьмого дня, когда во все стороны до горизонта простиралась степь, я заметила вдали облако пыли. Люди тоже заметили; они встревожились, стали надевать доспехи и шлемы, повозки поставили квадратом, лошадей – внутрь. Я с огромным интересом следила за ними.

Мимо проскакал командир отряда, к нему подбежал Ботольд, что–то сказал, и оба развернулись к птице. Рокх спокойно сидел на траве, чуть в стороне от повозок.

Момент следовало немедленно использовать. Я уже видела, что облако – это пыль над большим отрядом воинов верхом на очень смешных низкорослых лошадаках. Люди пока не различали такие подробности, однако им явно была знакома степь. Подготовка к отражению атаки шла полным ходом.

– Ботольд! – позвала я громко. Воин с удивлением оглянулся. – Дайте мне лук!

Он фыркнул.

– Чтобы ты перестреляла нас в спину?

– Их слишком много, вы не справитесь, – коротко ответила я. – Дикари перебьют вас, а потом зарежут меня прямо в клетке.

– В конце нашего пути тебя также ждет смерть, – заметил Ботольд.

Я усмехнулась.

– От вас я еще могу сбежать, от них – нет.

Он расхохотался.

– Что ж, в откровенности тебе не откажешь... Держи! – он бросил мне короткий меч. – Если уж мы должны погибнуть, так хоть возьмем побольше жизней.

Я молча усмехнулась, поймав клинок. Идиот. Я и не рассчитывала получить оружие, просто тянула время. Теперь будет легче...

Тем временем все воины отряда пересели на свежих коней и выстроились в два ряда перед квадратом повозок. Ботольд забрался на спину своей птицы, Рокх грозно заклекотал и распахнул крылья. На месте дикарей я трижды подумала бы,

прежде чем атаковать подобную птичку.

Враги находились уже совсем близко. Они мчались беспорядочной толпой, все были одеты и вооружены по-разному, одни – с копьями, другие – с мечами, но почти у всех имелись очень длинные и мощные на вид луки. Не завидую Рокху, если у него нет чешуи.

Командир резко выкрикнул приказ. Два ряда всадников одновременно тронулись с места и шагом поехали навстречу противнику. Второй приказ, и сорок три лука разом выпустили смертоносные стрелы.

На таком расстоянии стрелки были вынуждены применить навесной залп, когда стреляют вверх, в расчете что на излете стрела достанет врага. Несколько дикарей действительно попадали с коней, однако львиная доля стрел пропала зря.

Я ударила хвостом. Командир отряда поступил правильно – пока враг достигнет дальности стрельбы из арбалетов, воины успеют дать не менее трех залпов. Тем временем Ботольд привесил на шею Рокху большой ящик и громко хлопнул в ладоши. Громадная птица почти бесшумно взмыла в небо.

Я смотрела, как Рокх мчится навстречу врагам. Те, как ни странно, спокойно встретили появление чудовищной птицы и почти не снизили темпа скачки. Я заметила, что три десятка замыкающих воинов разом подняли луки.

Ботольд тоже это заметил. Птица легла на крыло и резко сменила курс, теперь она мчалась параллельно отряду и постепенно приближалась. Однако пора и мне приниматься за дело, иначе опоздаю...

Я прочитала заклинание огня, направив его на задние прутья клетки. Огонь сразу охватил сухое дерево. Теперь следовало действовать молниеносно.

Меня остались сторожить трое воинов, все с арбалетами. Когда клетка загорелась, я прижалась к ее противоположной стороне и громко закричала, словно от ужаса.

– Спасите!!! Спасите!!!

Воины всполошились, один бросился ко мне, двое других вскочили на коней – искать поджигателя. Я громко кричала и била крыльями, стараясь делать вид, что сгораю заживо.

Когда первый человек подбежал к клетке, я метнула в него меч, а сама мощным ударом выбила сгоревшие прутья и прямо сквозь огонь выпрыгнула на волю. Двое оставшихся людей разом закричали.

Прежде чем они успели выстрелить, я перекатилась по траве к телу только что убитого воина, схватила его за челюсть и вздернула между собой и стрелками. Хвостом подбросила арбалет, поймала правой рукой.

В этот миг воины выстрелили. Обе стрелы попали в труп, одна пробила его насквозь и, потеряв силу, отлетела от моей чешуи, вторая застряла в доспехе. Ответным выстрелом я почти оторвала голову ближнему всаднику.

Времени перезаряжать арбалеты не было ни у меня, ни у последнего человека. Поэтому он выхватил кривую саблю и погнал коня, рассчитывая сбить меня с ног .

Я ждала его, стоя над трупом воина. Рука сжимала короткий меч Ботольда, вырванный из горла убитого. Когда противник подскочил поближе, я метнула в него оружие, а сама отпрыгнула в сторону.

Меч попал в нагрудный панцирь аиакующего и отлетел в сторону. Однако сила удара на миг ошеломила человека, он потерял равновесие и чуть не выпал из седла. Я воспользовалась моментом.

Воин яростно забился, когда я в прыжке полоснула его когтями по лицу. Страшный крик человека потом долго мне снился, но тогда времени сожалеть о содеянном не было. Вторым ударом я выбила ослепшего воина из седла и пронзила упавшего его же собственной саблей. Теперь у меня была лошадь и три арбалета!

Разумеется, я и пробовать не стала убежать. Пока жив Рокх, меня запросто догонят в степи и на этот раз точно убьют. Поэтому я вскочила на коня, привесила арбалеты к седлу и погнала лошадь в сторону сражения.

Конь меня боялся, сидеть в человеческом седле было очень неудобно, но тогда мне было не до удобства. Черные всадники уже схлестнулись с дикарями, из облака пыли доносился звон оружия и яростные крики.

Я галопом помчалась вокруг поля битвы, высматривая командира в сером. Он сражался с двумя низкорослыми дикарями, конь уже был весь окровавлен. Хлестнув свою лошадь хвостом, я на полном скаку подняла арбалет и пробила горло командира стрелой. Дикари в изумлении оглянулись.

– Хаятэ!!! – завопила я, бросила разряженный арбалет и выхватила второй. На этот раз стрела только ранила одного из черных всадников, зато его противник, громадный лысый варвар, не упустил случая и раскроил ему череп. Последний арбалет я решила поберечь для Рокха.

Распахнув порванное крыло, я обхватила коня за шею, свесилась до земли и на всем скаку подхватила с одного из мертвых тел длинный лук. В отличие от арбалетов, в обращении с луком у меня был неплохой опыт.

Подскакав к самой гуще сражения, я громко завопила и спрыгнула с коня, направив того в ряд черных всадников. Лошадь почти сразу убили.

– Хаятэ!!! – выхватив стрелу из колчана мертвого воина, я быстрым движением до предела растянула лук и сбила одного из черных вместе с конем. Дикари подхватили крик, качнулись вперед, словно заразившись от меня яростью. Несколько минут я сражалась в самой гуще битвы, то стреляя из лука, то хватая с земли оружие. Потом, убедившись, что дикари уже не могут проиграть, я сбила одного из всадников, вскочила на лошадь и погнала коня прочь. Ботольд, если у тебя есть голова на плечах, ты непустишь Рокха следом за мной...

Хайя!!! Нет у тебя в голове ничего! Скоро и головы не станет!!! Этот идиот погнался за мной, Рокх грозно расправил когтистые лапы и мчался у самой земли. Хайя!!!

Я на всем скаку повернулась в седле, подняла арбалет и выстрелила птице между ног, где перья были очень тонкие, почти пух. Стрела вошла в тело Рокха целиком.

Птица закричала от боли, но не упала – одной стрелы такому чудовищу не хватит. Впрочем я и не стремилась ее сбить, мне просто надо было приблизиться к Рокху поближе... Вот так!!!

– Синье инадзума!

Заклинание сработало, и мой торжествующий вопль разнесся по степи. Как я и думала, перья Рокха загорелись не хуже пороха, резкий запах паленого рога ударил в ноздри. Птица с воплем боли рухнула вниз и покатила по земле, пытаясь сбить пламя.

Ботольд свалился со спины Рокха почти сразу, проехал по траве десяток шагов

и остался неподвижно лежать. Я резко развернула храпящего коня, погнала его обратно и дважды проскакала по телу Ботольда, превратив его в кровавое месиво. Никто не смеет оскорблять самурая!

– Хаятэ!!! – я вскинула лук к небу и издала вопль победителя. Издалека доносились крики и звон, дикари добивали воинов черного отряда. Надо спешить!

Убедившись, что Рокх больше не сумеет летать – птица сломала оба крыла и билась на траве – я галопом помчалась к повозкам. Там уже возились несколько варваров, взламывая сундуки в поисках сокровищ.

– Назад! – закричала я, вскинув лук. Они сразу отбежали, наверно уже видели меня в бою. Я подскакала к последней повозке, подхватила с земли длинный меч и одним ударом разворотила ящик где держали Тошибу. Зверек при виде меня издал радостный вопль.

– Скорей! – схватив Тошибу, я подбежала к заранее выбранному жеребцу. Конь громко заржал, попятился, но я рассекла поводья мечом и сильно потянула к себе. Он замотал головой.

– Спокойно, спокойно... – Придется обойтись без седла... Вскочив на спину черному жеребцу, я сильно хлестнула его хвостом и дернула повод. – Хайя, хайя!!!

Кочевники проводили нас недоверчивыми взглядами. Нигде не задерживаясь, я проскакала по полю брани, на скаку наклонилась к земле, сорвала с шеи мертвого командира свой медальон и помчалась в степь.

Нас никто не преследовал.

Заночевали у подножия длинной гряды холмов, возле небольшого ручейка. Конь был весь в мыле и хрипло дышал, поэтому прежде чем заняться собой, я его осторожно напоила и протерла досуха остатками попоны. Скоро жеребец уже почти меня не боялся.

Затем пришлось успокаивать Тошибу, малыш поранил лапку о наконечник стрелы и расплакался. Я посадила его за спину, меж суставов крыльев – получилось настоящее сидение. Звереныш быстро прекратил плакать и через пять минут уже

теребил мой рог, весело мурлыча.

Только тогда я ощутила, как устала. От перенапряжения ныло все тело, раны в чешуе вновь начали кровоточить... Вдобавок, – я не заметила в пылу схватки – мне разорвали внешнюю перепонку левого уха. Противная пульсирующая боль влилась в общую гамму неприятных ощущений.

Сил на охоту совершенно не осталось. Я рухнула в траву, сняла со спины Тошибу, накрылась крылом и провалилась в сон.

Проснулась на рассвете. Стоял утренний туман, в степи царила абсолютная тишина, ни ветерка, ни шороха... Некоторое время я молча лежала в траве, наслаждаясь покоем и свободой. Слегка ныли раны, Тошиба мурлыкал во сне – но это не могло испортить настроение. Мир был так прекрасен, что мне хотелось... Хотелось создать хокку.

УТРО В СТЕПИ...

СМОТРИ, ЗАМЕРЛИ ДАЖЕ РОСИНКИ –

ПОЕТ ТИШИНА.

Тошиба открыл глаза на мой голос и сонно зарычал. Я улыбнулась.

ТИШЕ ВОРЧИ...

МИР ПРЕКРАСЕН И БЕЗ

РЫЧАНИЯ ТИГРОВ.

Зверек потерялся о мое плечо.

БЕЗЗАБОТНО МУРЛЫЧИТ,

ЩУРИТ ЖЕЛТЫЕ ГЛАЗКИ ТИГРЕНОК...

А ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ.

Я вскочила.

ВЫХВАТИВ МЕЧ,
НЕПОДВИЖНО СТОИТ В ТУМАНЕ
ХАЯТЭ ТАЙЕ!

Тут я немного преувеличила – меч остался на поле брани, из оружия у меня имелся лишь лук. Но стихи хорошо отразили настроение, я была сильна и бодра, раны почти не болели, память о сражении грела сердце.

– Хай– й– й– й– йатэ!!!! – подбросив тигренка в воздух, я радостно засмеялась и распахнула порванные крылья. – Мы победили, Тошиба!!!

Зверек ничего не понял, однако ощутил настроение и внезапно, к моему изумлению, неуверенно проговорил:

– Х– хатэ?...

Несколько секунд я недоверчиво глядела в желтые глазки тигренка. Потом поняла, и издала ликующий вопль.

– Ты заговорил!!!

Тошиба раскрыл пасть, улыбаясь как это умеют все кошки. Мягкий язычок лизнул меня в нос.

– Х–хатэ–э–э!

– Тошиба... – я обняла своего тигра. – Значит, мне не померещилось той ночью, ты разумный!

Черный конь жевал траву, то и дело странно поглядывая в нашу сторону. Если бы не радость и возбуждение, я наверняка обратила бы на это внимание .

На охоту мы отправились все втроем; я, Тошиба и черный конь. Вернее, мы с Тошибой собирались позавтракать, а жеребца оторвали от завтрака. Он остался недоволен этим .

Коня я назвала Куросао, "Черный вихрь". У него был очень легкий, пружинистый шаг, чувствовалось – он способен бежать так несколько дней. Седла у меня не имелось, только уздечка из темного металла и тонкие поводья; но без седла сидеть на коне было гораздо удобнее, хвост не мешал. Да и приятно ощущать под

собой горячее, живое тело...

На охоте нам попало небольшое стадо диких лошадок, низкорослых и мохнатых, почти как у вчерашних дикарей. Мне было жалко убивать таких симпатичных зверей, но голод – не шутка. Хорошо хоть, я сохранила десяток стрел и длинный лук.

Выбрав облезлого, некрасивого жеребца, я погнала Куросао вперед и пронзила добычу стрелой. Лошадка с жалобным ржанием повалилась на землю.

Подъехав поближе, я спрыгнула со спины черного коня и вонзила когти в добычу. Пока из зверя истекала жизнь, огляделась, и взгляд мой случайно остановился на морде Куросао. Меня словно бросили рогами о стену.

В глазах черного коня горела такая ненависть, словно он все прекрасно понимал, но не мог помешать. Я недоверчиво изогнула хвост.

– Ты лошадь или нет?

Конь, понятно, ничего не ответил, однако я хорошо запомнила совершенно отчетливую ненависть в его взгляде. Под когтями уже прекратила биться добыча, Тошиба облизывался... А я все еще смотрела в глаза Куросао. Теперь это были обычные, темные глаза лошади.

– Кто ты? – спросила я негромко. Подошла вплотную, коснулась лоснящейся шерсти. – Как твое имя?

Жеребец молчал, ничем не отличаясь от обычного коня. И тем не менее, он не был животным! Втянув когти, я положила руку на шею Куросао.

– Ты разумен, хоть и не понимаешь моего языка, – сказала тихо. – Прости, что пришлось убить твоего сородича.

Конь почти спокойно стоял на траве, ничем себя не выдавая. Я помолчала.

– Не желаешь общаться... – сильным рывком я оторвала у мертвой лошадки заднюю ногу, потом вторую, разорвала когтями шкуру на груди и вырвала аппетитные легкие. – Тебе – то что, корм под ногами растет! А мне надо убивать, чтобы жить. Я – хищник!

Зажав мясо под крылом я вскочила жеребцу на спину, стегнула его хвостом и погнала прочь от убитой лошадки. На душе было мерзко, хотя объяснить причину я бы не сумела.

Вернулись к ручейку уже около полудня. Прежде чем приняться за еду, я крепко привязала Куросао к дереву; разумный он или нет, а оставаться в степи без коня мне не хотелось. Может, потом как–нибудь удастся с ним подружиться.

Костер разожгла заклинанием. Тошиба опять меня поразил – малыш побродил вокруг дерева, насобирал сухих веточек и бросил в огонь! Выходит, он все это время наблюдал, как делала я... Молодец, тигра полосатая!

Сытно пообедав и накормив Тошибу, я разлеглась на солнышке и принялась строить планы. Путей имелось два: ждать, пока зарастут раны в крыльях, а потом быстро долететь домой, или отправиться на восток по земле, в расчете на то, что пока доеду – крылья заживут. Оба плана имели свои плюсы и минусы.

Первый вариант гарантировал спокойствие и надежность: в бескрайней степи почти невозможно подкрасться, а от любого открытого нападения Куросао меня унесет. Но этот план имел и огромный минус: время, пока заживут крылья, будет потрачено зря, а потом мне придется бросить коня и пролететь огромное расстояние с Тошибой на спине. Полет меня не пугал, но чем длиннее путь, тем дольше мне придется отдыхать перед форсированием моря, а восточный берег континента оказался весьма враждебной территорией. Факт, что направление домой я знаю лишь приблизительно, временно решила не учитывать.

Второй план был гораздо опаснее первого, потому что по пути я могла встретить кого угодно, в том числе и врагов. Зато так я не теряла время даром, ожидая выздоровления, и каждый день приближалась к цели; наземная поездка позволит подробнее изучить эти земли, где, как я знала, почти никто с островов не бывал. Да и когда крылья заживут, пролететь придется гораздо меньше.

Таким образом я остановилась на втором плане: не спеша двигаться к востоку, попутно изучая местную природу и население. Ближайший месяц обещал стать весьма интересным!

Переночевали мы с Тошибой у костра. Куросао упорно продолжал строить из себя животное, так что его пришлось оставить привязанным к дереву. А утром я обнаружила, что конь всю ночь пытался освободиться.

К счастью, оборвать поводья он не сумел. Однако меня очень встревожили попытки Куросао сбежать, без коня в этой степи нам с Тошибой грозила скорая смерть. Отныне я решила спать, намотав на хвост поводья.

Перекусив остатками сээсаси, мы с Тошибой забрались на спину Куросао и поехали навстречу восходящему солнцу. Тигренок был в отличном настроении, да и я тоже; малыш поразительно быстро осваивал речь, он уже знал десяток слов. Жеребец скакал по утренней степи, а я учила Тошибу говорить.

Примерно через час на гребне далекого холма показались несколько черных точек. Я напрягла зрение, но расстояние было слишком велико.

– Тошиба, опасность... – вполголоса сказала я. Тигренок притих: слово "опасность" он выучил первым. Посадив малыша перед собой, я покрепче стиснула уздечку и стегнула Куросао хвостом.

– Хайя! – правой рукой вытащила стрелу, наложила на тетиву и зажала пальцем. Конь ровно дышал, мы скакали по бесконечной степи, ветер обдувал чешую... Хорошо!

Чем ближе становились точки, тем более странными они казались. Сначала я думала, это всадники; потом показалось, что это странные животные, похожие на коней; но, подскакав поближе, я ахнула и невольно натянула узду. По степи неторопливо бежали шесть самых невероятных существ, которых только мог представить себе пьяный крестьянин.

Нижняя половина их тел полностью повторяла туловище лошади. Мускулистое, стройное, оно могло бы принадлежать прекрасному коню, однако на месте шеи прямо из тела вырастал торс могучего человека, с бугрящимися от мышц руками и длинной косой волос. Все шестеро чудовищ казались очень похожими внешне; рыжие, могучие, они с любопытством поглядывали в нашу сторону, не прерывая бега. Волосы человеческой половины в точности повторяли цвет лошадиной шерсти, под конской шкурой перекатывались могучие мускулы. Шерсть нижней части тела плавно сходила на нет, достигая живота человеческой половины, однако на спине доходила почти до затылка.

Полукони были вооружены двойными серпами с очень длинными древками, оружие слегка напоминало боевой клевец северян Хольгена. Волосы всех шестерых

украшали султаны из перьев, лица были разрисованы белыми, синими и алыми полосами. На груди у каждого темнел исполненный черной краской символ: волнистая линия с треугольником на одном конце и шестью точками на другом.

Я несколько минут разглядывала чудовищ, раскрыв от изумления пасть. Тошиба вел себя спокойно, а вот Куросао вдруг заволновался, начал переступать с ноги на ногу, трясти гривой и храпеть. Похоже, мой конь знает больше меня.

Наконец, преодолев изумление, я стегнула Куросао и подъехала ближе. Полукони продолжали бег, хотя все время на меня оглядывались.

– Кто вы? – крикнула я. Одно из чудовищ сбавило шаг и подождало, пока я его догоню.

– Тавр Кен! – весело сказал полуконь звонким, совсем неподходящим ему голосом. Он положил руку на грудь и протянула другую навстречу мне, словно хотел сказать – "милости просим".

– Хаятэ, – ответила я, коснувшись своей груди. Полуконь весело рассмеялся.

– Хаятэ – дрока! Кен – тавр!

Понятно...

– Дрока Хаятэ, – я кивнула и улыбнулась. – Тавр Кен.

– Сасац! – рассмеялся полуконь.

Представившись, мы остановились и осмотрели друг– друга с большим любопытством. Спутники Кена медленно двигались в нашу сторону, перебрасываясь веселыми фразами на совершенно непередаваемом языке. Я насторожилась: если это ловушка...

– Екен хэнгаат, – сказал тем временем Кен. Перебросив серп в левую руку, он указал на Тошибу. – Паррд?

Я рассмеялась, хотя тревога еще не прошла.

– Тигренок Тошиба.

– Тигр–р–ра... – полуконь нахмурил густые брови. Лицо у него было скуластое, с узкими щелями глаз, как у жителей нашего острова. Переносица начиналась выше бровей, а волосы Кен тщательно зачесал назад и заплел в косу, оставив лоб открытым. Глаза у всех шестерых тавров оказались ярко– зелеными, словно у кошек.

Тем временем Кен оглядел моего коня и внезапно расхохотался.

– Гуигнгнм! – он хлопнул себя по лошадиному плечу, – Гуигнгнм!

Пятеро остальных ответили громовым хохотом, все принялись махать хвостами и хлопать в ладоши. Я готова поклясться, Куросао смутился.

– Что значит гуигм... гуинг... гуигнгмн? – спросила я. Кен с трудом прекратил смеяться, а затем очень выразительными жестами объяснил, что это значит. Теперь и я рассмеялась.

– Так ты потомок тавра и обычной лошади... – я погладила Куросао по голове. Жеребец упрямо строил из себя животное и, похоже, это еще сильнее рассмешило тавров.

– Хаятэ, тоолкан ышац– кох... – один из полуконей обратился ко мне с длинной речью. Я вежливо выслушала, ответила что ничего не поняла и улыбнулась. Похоже, это их ни капли не огорчило. Кен жестами пригласил нас следовать за отрядом; я, понятно, согласилась, И мы поскакали вперед, по бесконечной степи, оставив за хвостом Белое солнце.

Это значит, мы двигались на запад. С каждым часом удаляясь от берега моря, от моего родного острова Ямато... Ничего, не пройдет и месяца, как заживут порванные крылья. И я вернусь домой.

Если, конечно, он еще существует, мой дом.

Селение тавров оказалось удивительно непохожим на все, что я видела до сих пор. Домов там было три десятка, но каких! Стволы высоких, прямых деревьев, были сложены как на костре – вершинами друг к другу, все щели промазаны глиной, смешанной с соломой. В результате получился поселок, больше всего напоминавший группу огромных муравейников; конусообразные дома в высоту достигали моего тройного роста.

Селение окружал вал из колючек, сухого кустарника и веток. Это ограждение определенно предназначалось против зверей: оно не сдержало бы даже пешего человека, не говоря уж о конных. Видимо, тавры или слишком надеялись на свои

способности, или жили в мире с соседями.

Самое странное началось, когда шестеро тавров, которых я встретила, вошли в селение. Хвост даю на отсечение – они никогда здесь не бывали. Местные встретили их веселыми криками, окружили, принялись знакомиться и показывать поселок. Ко мне подъехал очень красивый, серый в яблоках... мужчина? Или жеребец? В общем, самец.

– Мне сказали, вы говорите по– японски, – он вежливо сложил ладони перед грудью и поклонился, сделав жест уважения самураев. – Мы рады видеть молодого дракона в нашей общине, добро пожаловать.

Преодолев изумление, я спрыгнула со спины Куросао.

– Благодарю за добрый прием, – я повторила приветственный жест. – Я Хаятэ Тайе, рода Акаги Годзю с Ямато.

– Я Тотчигин, – представился полуконь, – глава общины Алдан– тэсэг. Вы желаете присоединиться к нашей группе или просто путешествуете с ребенком?

Я не сразу поняла, что под ребенком Тотчигин имеет в виду Тошибу. Рассмеялась.

– Как сказать... Я спасла малыша от смерти в пяти сотнях цээгов на восток отсюда. Не бросать же его... – я погладила тигренка по голове. – С тех пор мы вместе. Зовут Тошиба.

– Так это маака– со... – протянул Тотчигин. Я заметила, что он совершенно утратил интерес к тигренку. – Что ж, не мне судить о ваших поступках. Сейчас давайте пройдем в куш– тэсэг, там готовят пир в честь появления новых братьев. Окажите нам честь, воспользовавшись нашим гостеприимством.

– С удовольствием! – я загнула хвост крючком и намотала на него поводья Куросао. Никак не ожидала такого приема в степи, особенно после знакомства с Ботольдом. Видимо, варварство захватило не весь материк.

– Следуйте за мной.

Мы направились к самому большому дому в центре селения. Я посадила Тошибу меж крыльев, а сама постоянно оглядывалась, везде замечая признаки мирной и спокойной жизни.

Полукони питались, похоже, растительной пищей. Они были двуполы и, как я

поняла, ничуть этого не стеснялись; прямо посреди поселка, у стены одного из домов, занимались любовью самец и самка, точно как лошади. Однако остальные обращали на это не больше внимания, чем на облака в небе. Тотчигин тоже не обратил никакого внимания на любовников, пройдя мимо них, словно мимо дерева. Мне пришлось умерить любопытство.

– ...как видите, мы решили отказаться от кочевой жизни... – внезапно я поняла, что Тотчигин уже давно что-то говорит; мне с трудом удалось сосредоточиться. – ...юрты в этой местности делать не из чего, а земля родит хорошо, трижды в сезон. Община существует уже полтора оборота, я четвертый глава со дня ее основания.

Он повернул ко мне человеческую половину.

– Простите за нескромность, но где вы раздобыли этого коня?

Я усмехнулась.

– В бою. – И я коротко пересказала историю своего побега. Тотчигин одобрительно прищелкнул языком.

– Вы храбрая и находчивая девушка, Хаятэ. Многие на вашем месте сразу бы сдались.

– Вы льстите мне... – от смущения я опустила голову и скрестила кончики крыльев.

Тотчигин рассмеялся.

– Скромность – лучшее из качеств женщины, если я правильно помню ваши обычаи.

– Скромность – добродетель жены, – возразила я. – Согласно будосесиньсю*, если девушка получает воспитание воительницы, ее путь – бусидо, и для закона нет разницы, мужчина перед ним или женщина. Бусидо определяет поступки воина; меня воспитывали как самурая.

Тавр задумчиво кивнул.

– Понимаю... Ваш медальон – знак принадлежности к сословию воинов?

– Нет, просто украшение, – улыбнулась я. – Подарок учителя.

– Замечательный подарок, следует отметить.

– Спасибо.

Мы уже подошли к большому дому в центре селения, и Тотчигин жестом

пригласил меня внутрь. Сейчас я жалела только о том, что потеряла меч и не могу приступить к трапезе по обычаю самураев, опустившись на колени и положив оружие справа*.

Изнутри дом оказался почти совсем пуст. В центре горел костер, вокруг были навалены кучи свежей соломы – и все. Шестеро тавров, с которыми я познакомилась в степи, поджав ноги разлеглись на соломе. Точно как кони...

Тем временем вошли Тотчигин и еще трое. В доме стало очень тесно, нам с Тошибой едва хватило места у стены. Остро пахло конским потом и другими запахами конюшни.

– Тэн– талдыз оенон... – начал речь Тотчигин. Говорил он несколько минут, изредка прерываясь и слушая вопросы гостей. Те, похоже, были всем довольны и получали от "пира" огромное удовольствие – я заметила, что то один, то другой тавр с аппетитом хрустят пучками соломы. Наконец, закончив приветствие, Тотчигин обратил внимание и на нас.

– Прошу прощения за негостеприимность, уважаемая Хаятэ... – он смутился. – Мне следовало помнить, что вы не вегетарианка...

– Кто?!

– Разве вы не питаетесь мясом? – удивился тавр.

– Конечно, питаюсь, – решительно заявила я.

– В том– то и дело... – он вздохнул. – Наша община придерживается строгих правил относительно пищи, а ваше появление явилось полной неожиданностью... Боюсь, во всем поселке не найдется ничего по вашему вкусу.

Я обреченно пожала крыльями.

– Ничего, я совсем не голодна.

– Мне бы хотелось загладить оплошность, – продолжал смущенный Тотчигин. – Скажите, чем вам помочь? Община не слишком богата, однако мы ведем торговлю с соседними племенами и могли бы...

– О, не утруждайте себя, – прервала я поспешно. – Мне нужна лишь карта. Видите ли, я должна вернуться к побережью, а степь знаю плохо...

Тотчигин почему– то смутился еще сильнее.

– Карта? – он посмотрел на меня и быстро отвел глаза. – Хаятэ... На скольких

языках вы говорите?

Теперь смутилась я.

– Боюсь, лишь на родном.

Тавр тяжело вздохнул.

– Понимаете... Я изучил японский, желая прочесть в оригинале хокку великого Исса. Но в этих местах, боюсь, почти никто не сумеет вас понять.

– Времени учить местные языки у меня нет. – я раскрыла порванное крыло и показала Тотчигину. – Перепонка растет довольно быстро, уже через месяц я вновь смогу летать.

Тавр долго молчал, думая о чем– то своем. Потом встрепенулся, отвечая на вопрос одного из сородичей, указал на меня и горячо заговорил. Ответили ему резким отказом – это я сразу поняла.

Тотчигин продолжал убеждать своих. Когда он поднял пучок соломы и заговорил с горечью в голосе, я окончательно смутилась. Похоже, полукони тяжело воспринимали случайное негостеприимство.

– Тотчигин... – сказала я – он повернул голову. – Не надо переживать, пожалуйста. Я совсем не голодна и скоро продолжу путь на восток, вы и так оказали мне замечательный прием!

– За все время существования нашей общины мы впервые не смогли встретить гостя подобающим образом , – невесело ответил тавр. – Это тем более непростительно, потому что вы ранены и нуждаетесь в помощи – но стесняетесь ее просить. Сейчас я уговариваю друзей оказать вам одну услугу... Запрещенную. Но я уверен – они согласятся.

Я насторожилась.

– Что за услуга?

– Обучить вас наречиям Степи и Общему языку, – Тотчигин подмигнул. – У нас есть кое– что из запрещенных вещей, хотя ими пользуются редко. Простите... – он отвернулся и продолжил спор.

Я задумчиво погладила дремлющего Тошибу. Запрещенные вещи?

КЕМ запрещенные?

И как могла сохраниться в этом месте подобная культура? Судя по тому, что я

видела, тавры вели почти животную жизнь – как в отношениях друг с другом, так и в культурном плане. Они были самыми настоящими дикарями!..

...и вели себя подобно достойнейшим людям моего острова. Совершенно не имели агрессии к чужаку, ничем не проявляли своего отношения к хищникам – а ведь травоядные полукони должны, просто обязаны ненавидеть таких, как я и Тошиба. Мы для них – природные враги! Ничего не понимаю...

– Победа! – прервал мои размышления Тотчигин. Он сиял от радости. – Идемте, Хаятэ!

Я взяла Тошибу на руки и пошла следом за тавром. Остальные проводили нас веселыми криками и смехом; судя по всему, оргия в коническом доме только начиналась. Увидев за дверями десяток самочек, я в этом уверилась.

– А где Куросао? – черного коня не было видно. Тотчигин успокаивающе поднял руку.

– С ним все в порядке. Ваш конь – также наш гость, ему предоставили пищу и подругу для отдыха.

Я усмехнулась, догадавшись о смысле слов тавра. Что ж, Куросао не помешает немного отдохнуть .. А мы с Тошибой тем временем подошли к старому дому возле ограды. Тотчигин с улыбкой похлопал по полусгнившим бревнам.

– Первый тэсэг общины. Здесь никто не живет, мы решили превратить его в музей. Заходите.

На мгновение я заподозрила ловушку, но мне сразу же стало стыдно. Помотав головой, я шагнула через порог . Следом протиснулся тавр.

– Мы очень долго не пользовались аппаратом, – извиняющимся тоном заметил он. – Его придется настроить заново...

Я смотрела, как Тотчигин вытащил из старого сундука что– то металлическое и блестящее, напоминающее корону . Довольно долго он возился с этим предметом, что– то подкручивая и передвигая. Затем повернулся ко мне .

– Сколько вам сезонов?

Хм–м–м–м...

– Двенадцать.

– Всего двенадцать? Вы выглядите старше... Родителями были синий и

золотой драконы?

Я замерла. Что он сказал?! Спокойно, только спокойно...

– Это важно? – осторожно спросила я.

– Нет, просто так будет быстрее, – тавр пожал плечами. – Впрочем, не берите в голову. Индуктор готов, сейчас я подключу его к базе... – Тотчигин вытащил из сундука массивный стальной ларец. – Подождите ... готово.

Он с гордостью погладил ларец.

– Через пять минут вы изучите сорок семь наиболее распространенных в мире языков.

Я недоверчиво поглядела на него .

– Точно?

– Конечно, – заверил он меня. – Аппарат, конечно, старый, но работает отлично. Я выучил японский с его помощью.

Почему он зовет наш язык "японским", хотела бы я знать... Надо решаться. Конечно, даже сейчас оставался шанс, что гостеприимность тавров была наигранной – но я не могла в это поверить. Тотчигин был слишком искренен и прямодушен, он не сумел бы так улыбаться, готовя ловушку. Да и убить меня любой тавр мог уже сто раз... Хорошо, Тотчигин, я рискну.

Не сказав ни слова, я подошла к тавру и взяла серебристое кольцо с десятком тонких шнурков, тянувшихся от него к ларцу.

Очевидно, это следует надевать на голову...

На следующее утро я покидала гостеприимное селение. В голове до сих пор шумело после колдовства, но куда сильнее меня пугало внезапно обретенное знание. Я понимала новые языки!

Это невозможно объяснить, только ощущения могли бы передать восторг и страх, что я испытала когда сняла обруч и Тотчигин спросил:

– Шоохак нааол дрока?

Я не успела даже удивиться, как слова сами собой сложились в

"– Молодой дракон доволен?"

До сих пор хвост дрожит. Видимо, Тотчигин хорошо понимал мое состояние, потому что мы быстро вернулись в центральный тэсэг, вокруг которого уже два десятка тавров обоего пола услаждали друг– друга такими способами, что у меня глаза на рога полезли. До позднего вечера вся община веселилась, в воздухе стоял сильный запах табуна лошадей.

Пока полукони развлекались, я старалась навести порядок в мыслях. Тошиба проголодался и капризничал, я нервничала... Так что выспаться не удалось. Впрочем, этой ночью в селении почти никто не спал, даже Куросоа.

Как это часто бывает, действительность способна перечеркнуть любые планы. Я собиралась утром поблагодарить тавров за доброту и продолжить путь на восток; вместо этого пришлось поспешно проститься и быстро ехать на запад. А было так.

Проснувшись на рассвете, я кое– как успокоила Тошибу – обещала скормить ему целого зайца – и пошла искать Куросоа. По дороге обнаружила недалеко от ограды маленький пруд, наверно полукони здесь купались. Я тоже выкупалась.

Куросоа нашла в селении, у отдельно стоящего тэсэга. Жеребец встретил меня неприветливо, заржал, сделал попытку отбежать. Хорошо, тавры догадались привязать поводья к стволу дерева.

– Почему капризничаешь? – спросила я на общем языке. – После сегодняшней ночи у тебя должно быть хорошее настроение, разве нет?

Куросоа притих. Потом вспомнил, что кони не понимают общего языка, и недовольно всхрапнул. Я рассмеялась.

– Тотчигин рассказал про вас, – погладив коня по шее, я вскочила ему на спину и легонько стегнула хвостом. – Он говорил, что потомки тавра и лошади сохраняют разум родителя, хотя и не умеют говорить. Так что больше не строй из себя животное.

Куросоа молча бежал по траве, ничем не выдавая себя. Я вздохнула.

– Давай заключим договор... – остановившись, прыгнула на землю и встала перед конем. – Я больше не буду охотиться на лошадей, никогда. А ты, если сможешь добраться до побережья, получишь свободу. Договорились?

В глазах Куросоа на миг отразилась ненависть. Ничем не показав понимание, он молча опустил голову и принялся щипать травку.

– Послушай, я же не виновата в твоей судьбе, – сказала я тихо. – Ты родился конем, в стране, где лошади неразумны и служат транспортом. На моем месте любой всадник просто отстегал бы тебя кнутом и добился послушания, но я так не хочу.

Курсао поднял голову. Теперь в его глазах светился разум, больше он не притворялся животным. Я коснулась блестящей черной шерсти.

– Мне не раб нужен, а спутник. Такой, на которого можно положиться в трудную минуту. Даю слово воина: добравшись до побережья, я отпущу тебя на свободу.

– И тем самым погубите его, – сказал Тотчигин. Он незаметно подошел сзади и стоял рядом. – Люди ценят таких коней на вес золота, их обычно дарят королям и высшей знати. Хаятэ, безопаснее будет как можно скорее сменить его на обычную лошадь.

– Безопаснее?

– Для вас безопаснее, – пояснил тавр. – Ради Курсао любой кочевник не задумываясь пойдет на убийство, тем более дракона. Я бы предоставил вам другого коня, но в общине лошадей нет.

Я задумалась. Курсао был замечательным конем, но взять его на остров я не могла. А слова об опасности имели смысл...

– Пожалуй, я подумаю над вашим советом, – медленно сказала я. – Тотчигин, вы оказали мне неоценимую помощь. Скажите, чем я могу отплатить за доброту?

– За доброту не следует платить, – улыбнулся полуконь. – Лучшей благодарности, чем ваши слова, нам не надо.

Я помолчала.

– Спасибо вам, Тотчигин. Большое спасибо.

Он рассмеялся.

– Вам спасибо за посещение. У нас довольно однообразная жизнь, а вы, драконы, всегда приносите свежий ветер на своих крыльях.

Я встрепенулась.

– Тотчигин, вам известны другие... драконы? Такие же, как я?

– Не сказать, чтобы я был с ними лично знаком, – заметил тавр, – однако в двух днях пути на юго–запад есть гора, где, как я слышал, живет пара зеленых

драконов. Незадолго до вашего появления мимо общины как раз проехал отряд охотников, собиравшихся их убить.

– Как убить?! – я подпрыгнула от неожиданности.

– Вдали от гор, драконы очень рискуют, – вздохнул Тотчигин. – Жители Степи часто охотятся на них ради шкур, мяса, зубов и магических принадлежностей.

Несколько секунд я пыталась закрыть пасть.

– Вот, значит, как... – на руках сами собой выдвинулись когти. – Тотчигин, мне пора. Спасибо за гостеприимство еще раз! – я вскочила на коня.

– Подождите! – тавр догнал Куросао и побежал рядом, – Вот, я нарисовал ее утром...

Он протянул лист пергамента с наброском карты.

– Здесь обозначен и путь к морю, и горы на юго– западе. Возьмите, Хаятэ. И... – Тотчигин улыбнулся. – ...вспоминайте о нас, когда вернетесь домой.

Я молча смотрела, как серый в яблоках тавр направился прочь. Он мог бы ничего не говорить, я и так запомню эти дни на всю жизнь.

Тошиба встретил меня радостным воплем. Не сходя с коня, я подхватила свой лук и тигренка, стегнула Куросао хвостом и умчалась в степь. За спиной слышался веселый смех просыпающихся тавров.

И только час спустя, когда селение уже скрылось за холмом, я вдруг поняла, что ни разу не видела там детей.

* "Кусунгобу" – ритуальный нож для совершения сэппуку (обряд ритуального самоубийства). Слово "сэппуку" обозначает сам обряд, в то время как "харакири" переводится как "вспоротый живот". В отличие от мужчин, женщины, совершая сэппуку, вспарывают себе горло, но Хаятэ, воспитанная как самурай, женщиной себя не считает.

* "Тайе" – "Величественный Сокол" (японск.)

* "Будосесинью" – напутствие вступающему на Путь Воина (бусидо).

* "...положив оружие справа" – В Японии существовал настоящий культ меча. Каждая манипуляция мечом имела смысл, например заткнутый за пояс с правой стороны или положенный справа от себя клинок означал доверие к собеседнику, поскольку из этого положения меч было труднее привести в боевую готовность. При входе в дом длинный меч оставлялся у входа на специальной подставке, и войти внутрь с этим мечом означало продемонстрировать крайнее неуважение. Передавать меч кому– либо для показа или на хранение можно было только рукоятью к себе – поворот меча рукоятью к противнику означал неуважение его способностей фехтовальщика, поскольку настоящий мастер мог мгновенно этим воспользоваться. При демонстрации оружия меч никогда не обнажался полностью, и касаться его можно было только шелковым платком или листом рисовой бумаги. Обнажение меча, удар ножами о ножи и, тем более, бряцание оружием были равносильны вызову, за которым мог последовать удар без предупреждения.

Глава 7. Похитители

Атака набирает силу. Клин закованных в броню низкорослых воинов движется по полю битвы, давя раненых, отшвыривая мертвых, обращая в бегство живых. Мелькают клинки, звон оружия и дикий крик висят над ристалищем.

Небольшой отряд безумцев пробует преградить дорогу стальному клюву. Их всего двадцать, светловолосых, стройных и гибких, в узорчатой белой броне, с колчанами на бедрах и маленькими боевыми луками в руках. Все двадцать знают, что умрут. Их узкие, прекрасные лица уже тронуты печатью обреченности.

Железный клин не останавливается: впереди – ворота цитадели, если ее удастся захватить – противник обречен. Земля ощутимо дрожит, когда двести закованных в броню гномов шагают нога к ноге, сдвинув тяжелые щиты так, что между ними и стрела не проскочит.

Вокруг клюва продолжается битва: легкая конница добивает пехотинцев врага, сделавших вылазку в отчаянной попытке подрубить подъемный мост. Со стен крепости летят стрелы, их запасы у осажденных уже подходят к концу и стрелять

продолжают только лучшие. Но даже они не в силах пробить защиту стального клюва: стрелы бессильно отлетают от щитов, что держат над головами гномы внутри клина.

Командир отряда, обреченного на смерть, в тоске оглядывается на цитадель. Если бы, о, если бы они могли поднять мост! Но тяжелая цепь бессильно свисает в ров. Ее перебила огромная стрела из баллисты в самом начале атаки, и хотя защитники сумели поджечь машину, свое дело она уже сделала. Проклятый гордец, комендант крепости, не слушал ветеранов; он приказал строить подъемный мост из вековых стволов каменного дерева, и сейчас, наверно, бьется головой о стену, сознавая свою ошибку – такой настил не разрубишь, не сожжешь. Враги пройдут как на параде...

Но больше ждать нельзя, гномы уже близко. Командир единым движением выхватывает из колчана пять стрел и вонзает в землю перед собой. Опускается на колено. Посылает последний взгляд небу, солнцу, ветру. И внезапно улыбается.

На миг перед эльфом мелькает лицо дочери – она там, в цитадели. Ее тоже ждет смерть, но он этого уже не увидит. В следующий раз эльф встретится с семьей за гранью бытия, в чертогах Единого, а сейчас... Сейчас надо исполнить долг до конца.

– Элеран айаназ! – звонкий голос командира легко перекрывает стон битвы. Все двадцать эльфов, как один, опускаются на колено и вместе, разом, натягивают луки. Двадцать стрел метят в щит рослого гнома во главе клюва. Время на миг замирает.

...И взрывается криком пронзаемого воздуха! Звук поющих луков ни с чем нельзя спутать. Сила удара такова, что гнома сбивает с ног и отбрасывает на несколько шагов вглубь клина. Треснувший щит со звоном летит в сторону.

Прежде чем товарищи раненого успевают перекрыть брешь, луки звенят вторично, и шесть гномов с криками боли падают под ноги идущим следом. Но щиты вновь сдвигаются, и клин продолжает неумолимо приближаться, сотрясая землю чеканным шагом. Теперь в размеренном дыхании гномов чувствуется бешенство.

Внезапно раздается гортанная команда и клюв, ни на миг не размыкая щитов,

переходит на бег. Воины в центре несут раненных и убитых.

Эльфы успевают еще трижды дать залп, однако теперь гномы держат щиты под углом. Со стен цитадели на атакующих градом сыплются стрелы, еще четверо погибают, прежде чем клин достигает подъемного моста. Но наконец гномы ступают на могучие бревна, и тогда, впервые с начала боя слышится страшный боевой клич:

– Хаз модан!!! – И воздух кричит, рассекаемый сотней боевых топоров.

На высокой башне, одна, в развевающейся белой тоге стоит юная эльфийка. Ей не больше девятнадцати; много лет она умоляла отца позволить ей стать райдером, наездником грифона, и наконец, неделю назад он согласился. Эльф взял дочь на границу Элирании, чтобы она сама могла выбрать пернатого спутника...

Эльфийка неподвижно стоит на башне и смотрит, как далеко внизу, у моста, гибнет ее отец. Она не успела выбрать себе партнера – все десять молодых грифонов из крепости в первый же день войны были посланы к столице, где атаку возглавили ужасные драконы. Один из этих беспощадных зверей, огненно– красный, черноокий, сейчас стоит в отдалении на холме: с его спины какой– то офицер руководит штурмом.

"Кто из нас больше виновен в войне?.." – внезапная мысль пронзает девушку. Она сдерживается из последних сил, в глазах стоят слезы. – "Во имя чего гибнут наши отцы?.."

Клин гномов уже пересек мост и ворвался в крепость через разбитые ворота. Остатки защитников ведут безнадежный бой, устилая каждый ярд земли телами павших.

– Айнолиндаэ, инсэнэорэ... – голос эльфийки дрожит. Этой песне ее научила мать. Она говорила, что больше всего на свете мечтает никогда ее не услышать.

– Иннэрэ саз, алгэ дунлан, иннэ каорэ альяраван...

Не прекращая петь, девушка встает на край стены и раскидывает руки в стороны. Неуловимый миг она смотрит прямо в черные глаза дракона, мерцающие вдали. "Не делай этого," – голос дракона кажется дуновением ветерка, беззвучным всплеском серебряной тишины. Его взгляд притягивает, манит, он отражает весь мир, жестокий и прекрасный, светлый и темный, умирающий и ждущий рождения. Эльфийка закрывает глаза.

Надо лишь шагнуть. Один шаг навстречу дракону.

"Не делай этого!"

1

– Не делай этого!.. – Ри проснулась с криком. Вокруг было так темно, что ящерка долго не могла понять, открыты ли ее глаза.

Но память быстро вернулась. Вздыхнув, вэйта на ощупь отыскала свою миску и допила остаток холодного бульона. Было прохладно; вскоре Ри догадалась, что за стенами темницы сейчас ночь. Дверь еще ни разу не открывалась – значит, после поимки прошло не слишком много времени. Сон унес усталость и боль в спине, ящерка чувствовала себя бодрой и сильной.

"Тюрьма пошла мне на пользу" – насмешливо подумала она .

Минут десять Ри сидела неподвижно, опустив внешние веки и дыша горлом. В отличие от эльфийской каменной ямы, здесь было множество запахов, проникавших сквозь решетку на двери и вонючую дыру в углу.

"Я не собираюсь ждать нового допроса" – мрачно подумала Ри. Гнев и холодная, спокойная ярость прочно угнездились в ее душе. Ждать спасения было не от кого; Джихан, скорее всего, не сможет ее даже найти. Значит, предстоит спастись самостоятельно.

Ри бесшумно встала. В полной темноте ей приходилось ориентироваться с помощью теплочувствительных ямочек у носа, словно змее. Тепловое зрение у вэйтаров оставляло желать лучшего, однако смутные очертания стен все же удавалось распознать.

Ящерка подошла к дыре в углу камеры, откуда исходила мерзкая вонь. Преодолев отвращение, она наклонилась и сунула туда нос, "оглядываясь" в поисках пути для бегства. В разуме Ри возникла смутная, размытая картина грязной канавы, по которой бежал ручей густой жижи.

"Если на пути есть хоть одна решетка, я погибну" – вэйта передернулась . Конечно, человек ни за что не пролез бы по узкой канаве, а значит и решеток, скорее всего, туда не поставили, но риск все равно был слишком велик. Следовало придумать другой путь.

И вскоре ящерка уже знала, какой. Металлическая дверь открывалась наружу, чтобы ее нельзя было подпереть чем-нибудь из камеры, а для пущей надежности вся внутренняя поверхность двери и массивного косяка, была покрыта ржавыми шипами. Предыдущие узники, видимо, не раз пытались бежать: многие шипы были погнуты и даже отломаны. К сожалению, как Ри ни искала, нащупать обломки не смогла. Охрана убрала все, что могло бы послужить оружием.

Но план все равно должен был сработать. Поползав по камере, ящерка отыскала веревки, которые разрезал тюремщик, переплела их вместе и слабо натянула между шипами дверного косяка, примерно в локте от пола. А затем, подняв миску, принялась что было сил колотить по камням вокруг вонючей дыры.

От постоянной сырости и едкой среды, кладка насквозь прогнила. Минут через десять небольшой камень провалился в канаву, немного расширив отверстие. Вэйта удвоила усилия, стараясь чтобы миска гремела как можно громче.

Вскоре план сработал: в коридоре слышались шаги и свет факела рванулся сквозь решетку на двери. Ри оглянулась.

– Эй! Ты что делаешь? – глухой голос тюремщика показался ей пением соловья. Вскрикнув, словно от страха, вэйта с нарочитой неловкостью принялась лезть в дыру.

– А ну вылезай! Назад! – факел отодвинулся, в замке загремели ключи. Ри среагировала мгновенно: выбравшись обратно, она прыгнула на стену и молниеносно перебежала на потолок, застыв точно над дверью.

Тюремщик свое дело знал, однако его не обучали сторожить пленников, способных бегать по потолку. Едва дверь открылась, он бросился в камеру, чтобы помешать беглянке, и покатился по полу, споткнувшись о веревку. Ри тем временем шмыгнула в коридор и захлопнула дверь, задвинув крепкий засов.

"Первый этап позади" – ящерка огляделась. В узком, мрачном коридоре горел всего один факел; стальная дверь на лестницу также была закрыта, видимо в этой темнице держали только самых опасных преступников. Однако тюрьма, все же, была рассчитана на людей и сходных с ними существ; Ри с радостью заметила в стене два узких щелевидных окна. Туда не протиснулся бы даже ребенок, но для юркой ящерицы это был путь на свободу. Вэйта облегченно вздохнула.

Она уже залезла в щель, когда загремели шаги и в коридор ворвался отряд стражников. Ри с дрожью поняла, что вторично ее трюк не прошел бы: у дверей остались двое солдат, один на лестнице, другой в коридоре. Остальные кинулись к камере, где бушевал тюремщик.

"Поздно..." – улыбнувшись, вэйта выбралась на внешнюю стену замка и стремительно полезла вверх.

Стояла прохладная октябрьская ночь. Замок – это действительно оказался самый настоящий замок, Ри впервые видела на Востоке такую архитектуру – расположился на холме, чей склон полого переходил в степь, простиравшуюся до огромной реки, блестящей вдали. Рва с водой не было, как не было и других укреплений; даже угловые башни оказались низкими, без бойниц и защитного бортика. Создавалось впечатление, что хозяева замка вовсе не опасались врагов – или имели в своем распоряжении силы гораздо надежнее крепостных стен...

Странное чувство тревоги висело в воздухе. Замок был мрачен и холоден, Ри определила сразу – он очень древний. По стене ходили часовые, во дворе переговаривались несколько стражников. Ящерка быстро спряталась в тень.

Тревогу еще не подняли, но это могло случиться в любой момент. Охотничьи псы живо разыщут беглянку в степи, как бы она ни пряталась. Ри медленно подняла голову.

Башня в замке оказалась всего одна, зато какая... Черная, мрачная, она возвышалась на сотню ярдов над стенами словно чудовищное, поставленное торчком копьё, и выглядела столь внушительно, что сам замок казался лишь жалким ее придатком. В основании башня достигала тридцати ярдов толщины, однако к верхушке сужалась до двадцати. И там, в высоте, тускло мерцал зеленый огонек.

"На башне меня легко заметят с воздуха, на земле найдут собаки" – Ри дернула хвостом. Следовало пустить погоню по ложному следу.

Ящерка бесшумно прокралась к воротам. Здесь стоял всего один часовой; смуглый парень что– то напевал себе под нос, прислонившись к калитке. Ри огляделась в поисках оружия.

Подобрав тяжелый камень, она размахнулась и запустила им солдату в живот. Тот охнул, схватился за меч.

– Эй, дубина! – Ри выскочила из тени. – Лови ящерицу!

Подпрыгнув от неожиданности, часовой громко закричал и кинулся на вэйту. Ри подпустила его поближе, метнулась к стене и моментально забралась на высоту в два человеческих роста. Растерянный солдат замер.

Не теряя времени, Ри стремительно взбежала по стене и на глазах часового перебралась наружу. Едва оказавшись за пределами замка, она спрыгнула на землю, добежала до ближайших кустов и вернулась обратно по своим следам. В этот раз она долезла до середины стены, быстро поползла влево и не останавливалась, пока ворота не остались на противоположной стороне замка. Здесь часовых не было – все они бросились на крик солдата.

Перебравшись за стену, вэйта скользнула в тень и огляделась. В этой части крепости находились конюшни и скотный двор; вспомнив уроки Алазара, Ри горько улыбнулась.

Свинарник она нашла по запаху. Забравшись внутрь, ящерка тщательно вымазала себя отвратительной жижей и притаилась в дальнем углу, зарывшись в грязную солому. Здесь она проведет пару дней, пока облавы не поутихнут, а затем, ночью, спокойно отправится к реке. Собаки не найдут следы ящерицы, пахнувшей как обычная свинья.

Четыре дня в свинарнике показались Ри бесконечными. Снаружи бегали люди, лаяли охотничьи псы, дважды ящерка слышала шум грифоньих крыльев. Но Алазар оказался прав – никому даже в голову не пришло искать беглянку в свинарнике. В первый день Ри испытала несколько неприятных минут, когда мальчик– слуга кормил свиней, но животные так толкались и хрюкали у своего корыта, что мальчишка не заметил ящерицу. Ночью она вырыла укрытие в самом темном углу и прикрыла его соломой.

Суматоха поутихла только к вечеру четвертого дня. Из обрывков разговоров Ри уже знала, что попала в Каэр Тартесс, личный замок могущественного черного мага Джера аль Магриба. Слуги из господских покоев нередко выходили на задний двор

справить нужду, а поскольку отхожая яма находилась прямо за свинарником, до ящерики доносились их голоса. Так она узнала, что маг пришел в ярость, услышав о побеге, и приказал удавить тюремщика той самой веревкой, что Ри натянула в камере. Пожилой конюх поделился с кем-то из прислуги слухом, будто сбежавшая ящерица – на самом деле не ящерица, а колдовской огнедышащий дракон, создание Джера аль Магриба. Девушка-молочница уверяла, что видела ночью громадную змею с головой козла и бычьим хвостом...

Ри слышала самые разные версии своего побега, самая простая из которых включала эльфийских шпионов и снотворное зелье. Иногда она с трудом сдерживала смех, но четвертым вечером, когда большинство охотников уже вернулись ни с чем, прозвучали слова, заставившие вэйту вцепиться в грязные доски.

– Слышал новость? – сказал какой-то парень, присев над отхожей ямой. – Поймали еще одного эльфа. Искали ящерицу, а нашли его. Молодой парень совсем, я в воротах стоял, когда его привезли. Абдулла говорил, он затаился в роще и хотел магией подчинить хозяйского грифона. Но тот успел предупредить о нападении, а хозяин и без того был в гневе, вот и приказал отрубить лазутчику обе руки и забить в глотку, пока не помрет. Завтра вечером господин должен вернуться, и послезавтра на рассвете пленного казнят.

– Да-а... – послышался простуженный мужской голос. – Похоже, хозяину та ящерица нужна была не меньше, чем жеребцу случка...

– Странная история, видит Пророк, – парень хмыкнул. – Помнишь, позавчера приходил этот драконий нойон-гном, с ним еще мальчишка был, сын хана? Сегодня я узнал – они угрожали господину и требовали вернуть ту несчастную ящерицу. Никак не верили, что она сбежала...

"Джихан!" – поняла Ри. От удивления она пропустила ответ человека с простуженным голосом.

– А с чего им верить? – удивился парень. – Ты бы поверил, что лучшие охотники четвертый день не могут найти в степи маленькую перепуганную тварюшку? Не такие вы джигиты, как хвастать любите...

– Шакал ты, – возразил простуженный голос. – Мы всю округу облазили с собаками, грифоны с утра до ночи на землю не спускались. Какие ящерицы, здесь и

кролика– то не сыскать. Не любит живность нашего господина...

– Шакал?! – возмутился парень. – Это мы скоро посмотрим, кто из нас шакал.

Куда хозяин полетел, как думаешь?

– А тебе– то откуда знать?

– Есть откуда... – парень многозначительно умолк . Его собеседник фыркнул.

– Доиграешься ты с нею, Хасан. На кол посадят...

– Пока я сам ее на кол сажаю, каждую ночь, – усмехнулся парень. – Так вот, за охотником хозяин полетел. За настоящим охотником. Говорят, привезет лучшего под луной истребителя драконов. А что такое дракон? Большая ящерица...

– Тихо! – человек с простуженным голосом кашлянул. – Проглоти язык, пока не поздно. Драконы теперь на службе Владыки, а такие вещи они не прощают.

– Да я ж ничего не сказал! – Парень поднялся. – Просто любопытно выходит...

Люди удалились, но Ри уже не могла сидеть спокойно.

"Истребитель драконов..." – слова звучали слишком знакомо. Слишком много вызывали воспоминаний. Ненависть поднималась горячей волной, захлестывала разум ядовитыми испарениями.

"Я не имею права рисковать, – Ри пыталась подавить гнев, но внезапно совершенно новая мысль заставила ее судорожно втянуть воздух: – А почему, собственно, не имею права? Я больше не храню чужие тайны. Я все потеряла. Так почему мне нельзя рисковать?.."

Зажмурившись, Ри несколько минут дышала ртом, пытаясь отгородиться от вони и грязи свинарника. У нее слегка кружилась голова от голода.

– Собаке собачья смерть, – прошептала она наконец. И мысленно добавила, взглянув на темнеющее вечернее небо сквозь щели в крыше:

"Этой ночью, пока мага нет в замке"

Ждать пришлось недолго. Не прошло и двух часов, как окончательно стемнело. словно решив порадовать Ри после стольких неудач, судьба расщедрилась на тяжелые тучи, покрывшие небосвод до горизонта. Вскоре пошел холодный дождь, прогнавший со двора последних людей, и на замок опустилась мрачная тишина. Лишь шуршали дождевые капли.

Ри выбралась из свинарника и скользнула к луже у крепостной стены. Там она

аккуратно смыла грязь, чтобы случайно не выдать себя запахом. Огляделась, втянула воздух. И странное чувство охватило юную вэйту.

– Так уже было... – прошептала она невольно. Возбуждение и удивительное, сказочное ощущение полной свободы, запахи и холодный дождь, энергия и необъяснимые, едва слышные звуки – ночь обрушилась на Ри водопадом ощущений. Ни разу в жизни не доводилось ящерке испытывать похожих чувств, она замерла, раскинув руки и запрокинув голову к небу. Казалось – еще немного, совсем чуть–чуть, и можно взлетать.

– Свобода, – прошептала Ри. – Я свободна...

Зажмурившись, она несколько минут стояла под дождем, глотая соленые капли. И внезапно поняла, что все злключения, все муки, выпавшие на ее долю – вели к этой минуте. Ради сегодняшней ночи прошла она полмира, попадая из клетки в клетку, ради этой ночи жила рабыней десять долгих лет. Ради этого мига родилась.

Улыбнувшись сквозь слезы, Ри открыла глаза и глубоко вздохнула. Ночной воздух был полон сказочных ароматов, тихо шуршал дождь. В мире ничего не изменилось.

Просто отныне Ри смотрела иначе, глазами свободного существа. И впервые с абсолютной ясностью осознала: этот мир ей чужд. Не здесь она родилась, не здесь должна была жить.

– Я найду свой дом, – тихо сказала вэйта. – Слышишь, Йакс? Я вернусь домой.

Демон ничего не ответил, и Ри, последний раз втянув запахи Ночи, скользнула к черной башне. Там, как и четыре дня назад, мерцал зеленый огонек.

2

На высоте ветер был обжигающе холодным. Добравшись до большого шестиугольного окна, из которого истекал свет, Ри осторожно заглянула внутрь. Окно вело в богато обставленную комнату, немного похожую на покои барона Милтона. Темно–зеленые шторы мешали разглядеть подробности, но обострившиеся чувства подсказали Ри, что здесь никого нет. Свет испускал большой зеленый шар, висевший в воздухе над столом.

В первую очередь внимание Ри привлек сам стол. Массивный, шестиугольный, выточенный из цельной глыбы черного камня, он был отполирован до зеркального блеска и весь, целиком, покрыт слабо светящимися пурпурными рунами. Единственная ножка в центре была выточена в виде мощной звериной лапы, уходящей в пол; при этом основание так хорошо сливалось с черным ковром, что казалось будто стол и башня – единое целое. Ощущение древнего зла здесь было особенно сильным.

Забравшись на толстую каменную раму окна, ящерка долго сидела, ожидая пока последние дождевые капли стекут с чешуек. Оставляя следы в комнате могущественного мага она не собиралась. С высоты ста ярдов замок был виден, словно на ладони; минут пять Ри следила, как по стене бродят часовые. У ворот несколько стражников грелись возле костра, спрятавшись тот под навесом, на заднем дворе мерцал одинокий огонек в конюшне. Все было тихо и спокойно.

Ящерка уже собиралась скользнуть в комнату и начать обыск, когда у самого подножия башни ей почудилось движение. Приглядевшись, Ри заметила крупное черное существо, не меньше лошади, которое беззвучно ползло ко входу в подземелье. Зверь так мастерски прятался в тени, что не закрой он случайно пятнышко лунного света – вэйти бы его не заметила.

Несколько минут Ри следила за пришельцем. Добравшись до дверей в подземелье замка, тот осторожно приподнял голову и заглянул в узкое решетчатое окошко; в слабом свете факела блеснули перья.

"Грифон" – поняла Ри. Вспомнив подслушанный разговор о поимке эльфа, она догадалась, что пернатый желает спасти пленника.

"Не сумеет" – равнодушно подумала ящерка. – "Но мне это на руку. Отвлечет стражу."

Она решительно забралась в комнату и огляделась.

Здесь пахло сотнями запахов, куда сильнее, чем в комнатах алхимика Бенедикта. В больших шкафах стояли ряды книг, несколько толстых фолиантов лежали на отдельных полках, укрытые от пыли в черных бархатных футлярах. Вэйти медленно обошла комнату по кругу.

Ничего подозрительного или похожего на оружие отыскать не удалось. Если

маг и владел какими-нибудь могущественными артефактами, он не собирался оставлять их в пустой комнате без присмотра. Единственный предмет, напоминавший о магии, Ри обнаружила на крыше самого высокого шкафа: старую, запыленную пряжку от мантии.

"Наверно, она волшебная, и была спрятана здесь, чтобы никто не искал..." – ящерка усмехнулась. Пожалуй, Джер аль Магриб не был так уж неправ, назвав ее дурой.

"Что я рассчитывала тут найти? Магический жезл, готовый к использованию? Книжку с картинками для ящериц? А может, карту для поисков Альтаира?"

Покачав головой, Ри положила пряжку так, как она лежала раньше, и подошла к меньшей из двух дверей. Судя по отсутствию каменного косяка, она вела не на лестницу, а в следующую комнату.

Дверь открылась бесшумно и плавно, но Ри застыла: молчавшее до сих пор чувство тревоги внезапно проснулось и буквально вцепилось когтями ей в сердце. Сузив глаза, вэйта сосредоточилась и попыталась взглянуть на дверь тепловым зрением.

"Ловушка!" – поняла она моментально. Проход пересекали несколько зеленых лучей, собранных в сеть. Человек никогда бы их не увидел, даже тепловое зрение вэйтара едва справлялось.

"Ловушки не ставят на дверях в пустые комнаты" – подумала Ри. Внимательно осмотрев дверной проем и пол за ним, вэйта подняла взгляд. Так и есть: лучи не доходили до самого верха.

– Может, я и девчонка, начитавшаяся геройских сказок, – прошептала Ри. – Но ты слишком самонадеян, Джер аль Магриб.

Легко взбежав на потолок, ящерка проскользнула над лучами и повисла на двух лапах, осматривая комнату. Здесь тоже имелись книжные полки, но книги на них стояли совсем другие: тонкие, в металлических переплетах, украшенные выпуклыми иероглифами, которые слегка светились синим огнем. Больше в комнате не было ничего, даже стула; зато в центре тускло переливался огромный хрустальный шар на подставке. Артефакт был столь велик, что внутри свободно поместился бы грифон.

Отцепившись от потолка, Ри беззвучно прыгнула на пол. Окон в комнате не

было, единственный свет проникал из дверей, но шар светился сам – мрачно и вместе с тем безобидно. Как ни странно, отголоски древнего зла, наполнявшие всю башню, здесь почти не ощущались.

"Эта штука не имеет отношения к замку" – поняла Ри. На всякий случай пригнувшись, она подкралась поближе к находке, и внезапно замерла, сообразив что видит точную копию своего потерянного магического шарика. От удивления вэйта открыла пасть.

"Вот это да!" – она осторожно приблизилась. Артефакт тускло блестел в зеленом свете, проникавшем из главной комнаты; вблизи стало заметно, что на самом деле это чрезвычайно сложный кристалл с гигантским количеством граней. Массивная серебристая подставка была выполнена в виде шести совокупающихся драконов: самки лежали на спине, опираясь о пол напряженными крыльями и обнимая находившихся сверху партнеров. Самцы в истоме выгибались дугой, поддерживая шар телами и крыльями, шеи драконесс свободно изгибались между их передними лапами, которыми драконы упирались в пол. Тела крылатых сладострастно прижимались друг к другу, пасти были раскрыты в немом крике. Смущенная Ри отвела взгляд.

Некоторое время ящерка молча озиралась, надеясь отыскать что–нибудь полезное. Однако кроме Шара в комнате не было ничего, лишь большая металлическая цепь валялась в углу. На всякий случай Ри подошла к ней и осмотрела.

Массивная, стальная, цепь состояла из многочисленных квадратных сегментов, скрепленных толстыми спиральными пружинами. На каждом конце крепились железные коробочки, из них торчали блестящие детали. Казалось, будто чья–то могучая рука ударила по металлу: пружины были безжалостно растянуты, несколько квадратных сегментов погнуты, а в одном месте пружина оторвалась и была скручена в металлический жгут. Вдобавок тепловое зрение выявило тонкий купол почти невидимого пламени, накрывавший всю цепь; очередная магическая ловушка. Вэйта вздохнула.

"Эта штука мне точно не пригодится..." – отвернувшись, она вновь подошла к Шару, на сей раз вплотную.

Едва Ри оказалась достаточно близко, в кристалле возникло мягкое сияние,

проникшее через грани и окутавшее все тело ящери. От неожиданности та едва не вскрикнула.

"Что это?!" – вэйта попятилась. Но стоило ей шагнуть назад, сияние так же мягко погасло. Ящери задумалась.

"Похоже, он точно как мой шарик, только в сотни раз мощнее..." – преодолев страх, Ри вновь двинулась вперед. Как и раньше, возле шара ее охватило мягкое сияние; цвета непрерывно менялись, перетекали друг в друга, игра красок завораживала и манила. В самом центре кристалла тускло пульсировала красная звездочка, до того похожая на сердце, что вэйта не сразу решилась коснуться грани.

"Если даже мой маленький шарик полностью погружал в видение, что же сделает это чудо?" – подумалось ей. Последний раз оглядев пустую комнату, залитую разноцветным сиянием, Ри глубоко вздохнула и положила руку на кристалл.

Ничего не произошло. Слегка удивленная вэйта положила на шар и вторую руку, затем потерлась о него и даже лизнула – но все осталось по-прежнему. Ри глубоко задумалась.

"А если..."

– Покажи Альтаира, – попросила ящери. В тот же миг сияние погасло, и внутри кристалла возникло изумительно четкое изображение крепостной стены. Картинка была объемной и до того реальной, что вэйте на миг показалось, что она провалилась в иной мир.

Сдрогнувшись, Ри подняла взгляд и замерла, судорожно втянув воздух: на стене, облокотившись о бойницу, стоял юный изумрудный дракон и что-то говорил человеку в рыцарских доспехах. Рядом было заметно зеленое крыло другого дракона – наверно, той самой Тиамат, о которой рассказывал Джихан.

– Альтаир... – прошептала ящери. К ее ужасу и изумлению, дракончик услышал и резко обернулся.

– Ри?! – глаза крылатого полезли на лоб. Рядом моментально возникло лицо изумрудной драконочки.

– Где ты? – требовательно спросила она. – Отвечай быстро, энергия палантира ограничена!

– Я... я... в замке Джера аль Магриба... – выдавила Ри. И тут наконец опомнилась: – Альтаир!!! Ты жив!

– С нами все в порядке, малышка! – дракон бросил на сестру тревожный взгляд. – Ты в плену?

Ри замотала головой.

– Я сбежала! Маг покинул замок, и я забралась в его комнаты, чтобы найти оружие. Альтаир, где ты?! Ты можешь вернуться?!

– Не знаю, Ри, – серьезно ответил дракон. – Здесь такое творится... Мы с Тией крепко увязли, малышка. На нас многие надеются. Даже знай мы дорогу домой...

– Тогда забери меня! – взмолилась ящерка. – Пожалуйста!

– Я бы с радостью, Ри, но как? – Альтаир вздохнул. – Я не знаю, куда мы...

Изумрудная драконочка оборвала:

– Ри! Что там светится? За твоим хвостом, на полу?

Вэйта судорожно оглянулась.

– Где?! Тут ничего нет!

– Отодвинься немного в сторону, – приказала Тиамат. Ри подчинилась, и оба дракона разом вскрикнули:

– Пояс!

– Где?! – Ри переполошилась.

Альтаир широко улыбнулся.

– Ну конечно, она же его не видела.

– Ри, та штука, за твоей спиной – Пояс Богини, – сообщила Тиамат.

Ящерка сумела только пискнуть.

– Ты в порядке? – с тревогой спросил Альтаир.

Преодолев шок, Ри заставила себя кивнуть. Дракончик протянул к ней руку.

– Малышка, будь осторожна, – Альтаир тепло улыбнулся. – Пока мы не сможем прийти на помощь, береги себя, Ри. Пожалуйста.

Картинка в кристалле постепенно темнела. Вэйта дрожала всем телом.

– Рогвальд жив? – спросил Альтаир. – Ты видела его?

Ри замотала головой. Дракон нахмурился.

– А Джихана ты видела?

– Да... – ящерка в двух словах описала встречу в лесу. Альтаир вздохнул.

– Ну, хоть с ним все в порядке... Война с эльфами началась? У пещеры маг что– то говорил о стае драконов.

– Я не знаю! – Ри сглотнула. Шар явно терял силу, картинка темнела. – Альтаир... Я... Я видела вас во сне! – выпалила она. – Тебя и другую... драконессу. Ее звали Хаятэ, и вы сражались, Альтаир! Вы уничтожили целый замок в пустыне!

Дракончик недоуменно шевельнул крыльями.

– Хаятэ? Кто это?

– А потом, когда замок уже сгорел, прилетела твоя сестра, и с ней был красный дракон по имени Ариман! – Ри спешила все рассказать. – Альтаир, она сказала, что вы расстались! Что ты и Хаятэ избрали другой путь... Стали людьми!

Драконята переглянулись.

– Похоже на ясновидение, – вполголоса заметила Тия. Альтаир нахмурился.

– Я никогда тебя не покину, сестра.

– Вы были совсем другие! – крикнула Ри. Картинка уже почти погасла. – Люди... в пустыне... Они охотились на драконов...

Кристалл потемнел. Сияние и ощущение энергии, проникающей сквозь чешую, начисто пропало, теперь артефакт ничем не отличался от простого стеклянного шара. С огромным трудом оторвав ладони от холодных граней, выйта проковыляла в угол и бессильно рухнула рядом с Поясом.

– Заберите меня отсюда... – всхлипнула она. – Кто–нибудь...

Но никто не ответил.

3

Немного опомнившись, Ри уселась на хвост и недоверчиво взглянула на Пояс. Он тускло мерцал в полутьме, но пламенного защитного купола теперь не было. Призадумавшись, ящерка внезапно заметила, что зеленый свет из главной комнаты тоже потускнел. Словно что– то, необычайно могущественное, высосало магическую энергию из каждого доступного источника.

"Кристалл?" – Ри с опаской взглянула на огромный шар. Тот стал совершенно

темным и больше не светился, серебрянная подставка потеряла блеск. Но вэйту переполняло возбуждение от находки Пояса, и времени изучать странное явление не было. Следовало как можно скорее бежать.

Глубоко вздохнув, Ри зажмурилась и коснулась артефакта. Ничего не произошло. С трудом переведя дыхание, вэйта напряглась и подтащила Пояс поближе. Сокровище оказалось таким тяжелым, что ящерке едва хватило сил сдвинуть его с места.

"Как же Алазар сумел?.." – подумалось ей. Внимательный осмотр Пояса не дал ничего, обнаружилась лишь перегнутая пополам пряжка с каким– то искореженным механизмом. Большой диск, где Ри нашла непонятные символы, с громким скрипом вращался на пол– оборота, но ничего не менялось. Ящерка тяжело вздохнула.

"А может, попробовать как с Альтаиром?"

– Дай мне сил! – Ри положила руки на Пояс.

Ничего не произошло. Вэйта принялась вертеть диск, повторяя различные команды, но сокровище не отзывалось. Пришлось смириться.

"Алазар не сумел бы похитить Пояс в одиночку" – подумала Ри. – "Значит, ему помогли..."

Собравшись с силами, вэйта подтащила артефакт к дверному проему. Лучи пропали вместе с огненным куполом, но ящерка решила не рисковать, и осторожно протолкнула краешек Пояса в главную комнату. Затем, скользнув на потолок, перебралась туда сама и вытащила сокровище. Дверь закрылась мягко и бесшумно.

– Так, что дальше? – ящерка огляделась. Спустить Пояс по лестницам она не сумела бы, даже будь главные двери башни открыты. Можно было, конечно, сбросить его из окна и позже подобрать, но шум привлечет внимание стражи. Кроме того, Пояс и так выглядел изломанным, а падение на камни с высоты ста ярдов могло окончательно испортить сокровище.

"Да и не вытащить его в одиночку" – подумала Ри. От гнева и тревоги ее ноздри широко раздувались: артефакт, в погоне за которым она прошла полмира, преследуемая сотнями врагов, лежал у ее ног – и не было сил его забрать! Вэйта тихо зашипела от ярости.

"Грифон! – внезапно вспомнила она. – Если его еще не поймали!"

Вскочив, Ри прыгнула к окну и словно молния метнулась вниз по стене.

Снаружи по–прежнему моросил дождь, слабый ветер пробирал до костей. Казалось, время в башне шло по другим законам – Ри даже моргнула, желая прогнать наваждение. Однако кое– что все же изменилось: дверь в подземелье была приоткрыта, и заглянув внутрь, вэйта увидела окровавленное тело стражника.

"Отлично, грифон пока жив..." – ящерка бросилась по коридору. Трижды встречала она тела и выбитые двери, пока наконец не почуяла слабый грифоний запах. Удвоив осторожность, Ри скользнула на потолок и заглянула в следующий коридор.

Пернатый был здесь. Совершенно черный, с ног до головы забрызганный кровью, он тяжело дышал, всем телом налегая на стальной рычаг, вставленный под дверь. На глазах Ри тяжелая створка поддалась и соскочила с петель; грифон подхватил ее и бесшумно уложил на пол.

– Минас, ты тут? – слышался шепот.

От изумления ящерка чуть не проглотила язык: голос принадлежал юному Крафту! Приглядевшись, Ри поняла, что черным цветом пернатый обязан краске.

"Наконец мне хоть в чем– то повезло!" – вэйта бросилась вперед. Грифон, тем временем, тяжело вздохнув, забросил лом на спину и направился к следующей камере.

– Крафт! – выдохнула Ри. Пернатый чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Кто здесь?! – он принял боевую стойку, выпустил когти и припал к полу.

– Это я, Ри! – ящерка спрыгнула с потолка. – Скорей! Ты должен помочь мне!

– Ри?! – голубые глаза грифона широко раскрылись. – Ты жива?!

– Потом! – ящерка тяжело дышала. – Иди за мной, скорее!

Пернатый покачал головой.

– Я должен спасти своего всадника.

– Его здесь нет, – быстро ответила вэйта. – Но я знаю, где он может находиться. Помоги мне – и я помогу тебе! Надо лишь забрать старую цепь из башни, она слишком тяжела для меня!

Крафт моргнул.

– Зачем тебе цепь?!

– Она волшебная, – терпеливо объяснила Ри. – Это ключ, при помощи которого можно открыть тайник в горах и забрать Пояс Богини!

Грифон отпрянул.

– Но Владыка уже завладел Поясом...

– Ну да! – ящерка топнула ногой. – А где, по– твоему, меня схватили?! Я знаю, куда он спрятал сокровище! Ну же, птица, помоги!

Заколебавшись на миг, Крафт все же кивнул и отложил лом.

– Хорошо, Ри. Но если мой всадник погибнет...

Вэита мысленно извинилась перед молодым грифоном.

– Мы успеем спасти его, – она запрыгнула Крафту на спину. – Торопись, прошу! В любой миг может подняться тревога!

Вздохнув, пернатый кивнул.

– Держись крепче.

Шелест черных крыльев терялся в шуме дождя. Долетев до вершины башни, грифон вцепился когтями в подоконник и повис на стене, распластав крылья чтобы меньше бросаться в глаза. Ри быстро вскарабкалась ему на голову и спрыгнула в комнату.

– Торопись, ящерка, – попросил Крафт. – Я тут словно мишень на палочке...

– Сейчас! – отозвалась Ри. Напрягая все силы, она дотащила Пояс до окна. – Помоги!

Подтянувшись, грифон повис на одной руке, просунул вторую в оконный проем и схватил артефакт. Ри вновь вскарабкалась ему на спину.

– Тяжелая штука... – выдохнул Крафт. Намотав Пояс на руку, он отцепился и рухнул вниз, с большим трудом выйдя из пике над самой землей. Артефакт мелодично звякнул о камни.

– Перекинь цепь через спину, – Ри озиралась. – Скорее, тучи расходятся!

Немного отдышавшись, грифон последовал совету. Концы Пояса достали ему до коленных суставов.

– Неужели Владыка не мог выбрать ключ полегче? – с чувством спросил

Крафт.

Ри спрыгнула на землю.

– Маленький ключ легко украсть. Подожди, здесь есть крючок... – сведя вместе концы Пояса, она попыталась защелкнуть пряжку, но изогнутые металлические стержни не желали входить в пазы.

– Дай мне, – Крафт взялся сам. Несколько секунд он тяжело дышал, напрягая все силы, но наконец искореженная механика с жалобным скрежетом поддалась, и пряжка громко щелкнула. В тот же миг по всему Поясу пробежала лиловая молния и засветились символы на диске.

– Сработало! – Ри подпрыгнула от радости. – Он не испортился!

Грифон подозрительно оглядел артефакт.

– Странно... – Крафт повернул диск и вздрогнул, заметив, что вокруг его тела возникла едва заметная серая дымка. Поспешно повернул обратно. – Не нравится мне эта штука, Ри.

– Я же говорила, цепь волшебная, – успокоила вэйта. Она и сама нервничала, поскольку не знала, чего ждать от Пояса. – Идем, я покажу где держат опасных пленников.

Пернатый молча последовал за ящерицей.

Они вновь углубились в темницу. На их счастье, убитых стражников пока не обнаружили, но долго такая удача длиться не могла. Вэйта решительно шла по коридорам, двигаясь к знакомому ей подземелью.

– Теперь тихо, – шепнула она, когда впереди показалась дверь на лестницу. – Здесь два поста: один за этой дверью, другой – внизу, и еще в коридоре будет тюремщик. Ты сумеешь снять стражника так, чтобы не услышали внизу? Если услышат, запрут двери и нам конец.

Крафт растянул края пластичного клюва в усмешке.

– Не думаешь ли ты, что я пришел безоружным? – подняв левое крыло, он продемонстрировал черную кобуру весьма зловещего вида. Ри открыла пасть.

– Мой самострел!

– Нет, просто такой же.

– Дай! – ящерка вцепилась в грифона мертвой хваткой.

Крафт заколебался.

– Но...

– Я передвигаюсь гораздо тише, заметить меня труднее, а стреляю я очень хорошо. Да и застрянешь ты на лестнице, узкая она.

Грифон долго молчал.

– Обещай, что не убьешь Минаса, – сказал он наконец. Ри вздрогнула.

– Что?

– Я знаю, ты ненавидишь эльфов, – Крафт обратил к ящерке горящие глаза. – Я тоже ненавидел их раньше. Но Минас не такой, как другие! Он стал мне другом, Ри.

Грифон кивнул на дверь.

– Нет ничего проще, чем застрелить пленника и сказать, что стражники убили его при попытке к бегству. Ри, когда– то ты спрашивала меня, есть ли в мире что– то, за что можно умереть. Теперь я могу ответить: дружба.

Вэйта медленно отвернулась.

– Хорошо, – выдавила она. – Обещаю, Крафт. Я даже... Мне бы и в голову не пришло такое.

– Верю, – улыбнулся молодой грифон. Вынув самострел, он протянул его ящерке. – Иди. Я буду ждать.

Вздохнув, Ри взяла оружие и привычно взвела затвор. Крафт бросил на нее удивленный взгляд, но промолчал.

Вэйта скользнула вперед. На всех дверях в темнице имелись окошки, забранные прочными решетками; сквозь одно такое сейчас струился свет факела, укрепленного над лестницей. Подкравшись поближе, Ри залезла на стену, долго целилась и наконец выстрелила. Стражник за дверью не успев даже вскрикнуть, тяжело сполз на пол.

"Другой яд" – поняла вэйта. Дав Крафту знак сидеть тихо, она забросила оружие на спину, вскарабкалась к потолку и протиснулась в узкую щель окна.

За стенами темницы все так же моросил дождь и уныло свистел ветер. Однако Ри с тревогой заметила, что тучи заметно поредели, и фиолетовый лунный свет струился на замок, усиливаясь с каждой минутой. Следовало спешить, пока часовые

не заметили отсутствие поста у дерей темницы.

Ри скользнула к щели, откуда четыре дня назад выбралась на волю. Осторожно заглянув внутрь, она увидела знакомый коридор, где ходил мрачный тип с выбритой макушкой. Не заметив других стражников, вэйта протиснулась в окно, сняла со спины самострел и убила тюремщика выстрелом в шею.

"До чего же я приспособилась..." – мелькнула мысль. Вздохнув, Ри спустилась на пол, подкралась к двери на лестницу и убила стражника сквозь решетку.

"Вот будет весело, если эльфа держат не здесь" – подумала она.

– Минас!

– Минас, ты тут?

– Мина– ас...

Ответ раздался только в шестой камере:

– Кто здесь? – мелодичный голос эльфа вызвал у Ри такой всплеск воспоминаний, что ей пришлось прижаться к стене и несколько секунд молчать, зажмурив глаза.

– Меня послал твой грифон, – сказала наконец ящерка.

– Крафт?! – было слышно тяжелое дыхание. – Я знал, что он не бросит...

– Тише.

Вэйта подбежала к телу тюремщика и сняла ключи. Открыть замок удалось с третьей попытки. Держась за стену от слабости, молодой эльф выбрался из камеры.

Он был высок, как большинство сородичей, но в отличие от них черноволос и скуласт. Тонкие черты лица уродовал массивный, совершенно не– эльфийский подбородок, придававший Минасу очень агрессивный и напористый вид, по левой щеке тянулся длинный шрам. Зеленая одежда, расшитая маскировочными листьями и травой, была разорвана почти в клочья, тело пленника покрывали синяки и кровоподтеки. Ри с удивлением поняла, что это первый некрасивый эльф, которого она видит.

– Кто ты? – тихо спросил Минас. – Служишь ли свету?

Ящерка встряхнулась.

– Я служу только себе, – отозвалась она мрачно. – Иди за мной и не шуми.

Эльф слабо улыбнулся.

– Благодарю тебя, маленькое создание.

– Не за что... – прошипела Ри. Чтобы успокоиться, она сильнее, чем было необходимо, пнула ногой дверь.

– Крафт! – позвала Ри, подтянувшись к решетке. – Выломай верхнюю дверь!

Обернулась к эльфу, буркнула:

– Стой тут. Скоро вернусь.

И скользнула к окну. Выбраться на стену, пробежать до следующего окна и залезть обратно в коридор было нетрудно.

– Нашла? – с надеждой спросил Крафт. Он уже выдавил дверь своим ломом и сейчас стоял рядом, бессильно уронив крылья. Для грифона проход был слишком узким.

– Все в порядке, – мрачно ответила Ри. – Отойди.

Спустившись по лестнице, она сняла ключи с пояса мертвого стражника и отперла последнюю дверь. Эльф встретил спасительницу улыбкой.

– Пошли, – буркнула Ри, не дав ему сказать ни слова. Молча кивнув, бессмертный воин последовал за ящерицей. Наверху Крафт уже не находил себе места.

– Минас! – грифон обнял эльфа крыльями. – Это было очень глупо с твоей стороны...

– Приз того стоил, – вздохнул бывший пленник.

Крафт огляделся.

– Ри, Минас, быстро ко мне на спину, – бросил он. – Я слышал голоса во дворе. Боюсь, нас обнаружили.

Кивнув, эльф легко вскочил на спину грифона. Ри уселась перед ним, взяв самострел наизготовку.

– Готовы? – спросил пернатый. – Держитесь крепче, лететь придется очень быстро...

– Стой! – Ри дернула Крафта за кисточку на ухе. – Сначала поверни диск на цепи.

Грифон оглянулся.

– Зачем?

– Так будет надежнее, – уклончиво ответила вэйта. Пожав крыльями, Крафт последовал совету; тела всех троих охватила едва видимая серая дымка.

– Удивительно, – шепнул Минас. – Я совсем не чувств...

– Бежим! – прервала Ри, чтобы отвлечь мысли спутников от Пояса. Грифон быстрым шагом двинулся вперед.

Первых солдат они встретили в коридоре, те стояли у тела стражника и тревожно озирались. При виде беглецов они вовсе не запаниковали, как надеялась Ри, а моментально укрылись за углом, и выстрел пропал впустую. Ри передернула затвор.

– Крафт, брось что–нибудь за угол и сразу прыгай!

Грифон схватил шлем убитого стражника и с силой метнул в стену; срикошетив, тот отлетел во второй коридор.

– Давай! – крикнула Ри. Пернатый метнулся вперед.

Но солдаты были хорошо обучены, и застать их врасплох не удалось. Когда Крафт ворвался в коридор, его встретил блеск клинков: воины выстроились клином, перекрыв проход. Грифон едва сумел затормозить перед мечами.

– Стреляй! – крикнул он. Но Ри и без команды знала, что делать. Дважды сухо щелкнул самострел, отправив на тот свет переднего и стоявшего за ним солдат. Третьего Крафт полоснул когтями, разорвав чуть ли не надвое, но последний – пожилой ветеран с грубым лицом – яростно закричав, нанес грифону страшный удар по шее. Пернатый успел только вздрогнуть, как на короткий миг серая дымка вокруг его тела стала непрозрачно–черной, и клинок разлетелся вдребезги, не коснувшись плоти. Ошарашенный солдат попятился.

– Что это было?! – Крафт завертел головой в поисках спасителя. Ри, перезарядив самострел, выстрелила солдату в глаз и нетерпеливо дернула грифона за ухо.

– Спасайся! Потом узнаем!

Пернатый опомнился.

– Держитесь! – он с места рванулся в бег. Ри и Минас вцепились в перья.

Им еще трижды преграждали путь, но Крафт расшвыривал солдат, словно кукол. Ри уже думала, что они заблудились, когда впереди наконец показалась дверь на волю. Дверь – и целая толпа воинов, среди которых блестели перья двух грифонов.

– Не останавливайся! – завопила Ри. – Они ничего не смогут нам сделать!

Крафт попытался проскользнуть в дверной проем, и сразу десяток арбалетных стрел ударили грифона в грудь и горло. Серая дымка вновь на миг стала черной, и стрелы со звоном отлетели.

– Нас защищает Единый! – крикнул Минас. Однако пернатый уже понял, и обратился к Ри широко раскрытые глаза.

– Пояс?! – прошептал Крафт. Вэйта зашипела от гнева.

– Конечно, Пояс! Лети же наконец!!!

Справившись с шоком, грифон кивнул и распахнул крылья. Несколько солдат попытались атаковать его копьями, на беглецов обрушился целый град стрел, но Пояс надежно оберегал хозяев. Звон и треск разлетающегося вдребезги оружия наполнили двор.

С большим трудом, Крафт все же сумел взлететь. До предела напрягая силы, пернатый помчался прочь от замка; тройная тяжесть тянула его вниз.

– За нами погоня! – крикнул эльф. Два грифона с лучниками на спинах летели за беглецами, держась чуть выше и правее. Стрелы то и дело пронзали воздух, разлетаясь в щепки о защитный экран.

Ри передернула затвор.

– Крафт, лети медленнее, – бросила она холодно. – Пусть догонят.

Грифон оглянулся.

– Не надо, – попросил он. – Мы под защитой Богини, зачем зря проливать кровь...

– Они проследят нас до убежища, – возразила Ри. – С таким грузом ты далеко не улетишь.

– Убежище? – переспросил эльф.

Ящерка кивнула.

– Тайное убежище в горах, у города Зиккурат. Там можно будет отсидеться. Крафт, мне очень жаль, но либо мы – либо они.

– Подожди! – пернатый зарычал. – Не стреляй, я разорву им крылья!

Ри сузила глаза.

– Судьба стражников тебя так не беспокоила!

– Но они же... – Крафт запнулся, не найдя ответа. Ящерка погладила его по шее.

– Враги, – объяснила Ри. – Это враги.

Пернатый оглянулся на сородичей, мчавшихся следом.

– Я не могу... – выдавил он. – Кого угодно, только не грифонов...

– Тогда избавься от них! – гневно бросила Ри. – Я не собираюсь подводить своих друзей!

Ничего не ответив, Крафт развернулся и помчался навстречу преследователям. Те легко уклонились от атаки.

– Крафт, ты перегружен, – тревожно заметил Минас, – У них большое преимущество...

Очередная стрела ударила грифона в горло и разлетелась в щепки. Ри дернула хвостом.

– Ну, хватит! – щелкнул самострел. Один из преследователей дернулся и с шумом рухнул в реку, над которой они сейчас летели. Второй сразу сбавил скорость.

– Крафт, лети ему навстречу!

Грифон стиснул клюв, но выбора не было, и он послушался. Однако противник оказался опытным бойцом: все попытки Крафта приблизиться на расстояние выстрела окончились безуспешно. Оглядев ночное небо, Ри просунула свой хвост под Пояс, крепко обхватила грифона за шею и крикнула ему в ухо:

– Когда в тебя попадет следующая стрела, падай!

Пернатый кивнул. Некоторое время преследователь и жертва кружились над водой, и наконец лучник на спине второго грифона выстрелил, целя Крафту в глаз. Пернатый отчаянно забил крыльями и рухнул в реку.

Ри задержала дыхание. Крафт бился, изображая агонию, эльф из последних сил старался удержаться на грифоньей спине. Тем временем преследователь снизился, чтобы добить жертву, и стрелка из самострела попала ему в живот. Издав мучительный вопль, грифон рухнул в реку; всадник уронил лук и принялся рвать ремни, крепившие его к седлу. Ри выстрелила еще раз.

– Лети, пока не появились новые! – крикнула она. Однако перегруженному Крафту пришлось вначале доплыть до берега. Выбравшись из воды, грифон

отряхнулся, бросил последний взгляд на тела в реке и расправил черные крылья.

– Будь проклята война! – прорычал он.

Ри ничего не ответила.

Глава 8. Бусидо

До вечера я совершенно измотала Куросао и себя скачкой. Мы проехали, наверно, два дневных пути, и когда Белое солнце коснулось горизонта, напоминали выжатые лимоны. Хотя конь устал сильнее, конечно.

Зато Тошиба прекрасно провел день. После обильного завтрака, который я на скорую руку приготовила из пойманного зайца, он забрался мне на колени, прижался и почти до самого вечера спал, убаюканный равномерной тряской. Я все больше привязываюсь к этому малышу.

Уже вечерело, когда мы наконец остановились у небольшой речки. Куросао прямо рухнул в воду, мне пришлось насильно вытащить его обратно – после долгого бега нельзя много пить. Это я постаралась объяснить жеребцу, но он, похоже, не захотел понять.

Так или иначе, скоро мы все трое плескались в холодной воде и рычали (мы с Тошибой), ржали (Куросао), дрожали (все трое) и смеялись (только я). Хотя смеяться я старалась не очень громко; кто знает, вдруг мы здесь не одни.

Далеко на горизонте виднелись горы. Все, что я о них знала – название; горы звались попросту Серыми Горами, и в них не было золота, как гласила пометка на карте. С чего бы мне искать там золото?

Немного отдохнув, я крепко привязала Куросао к кусту, взяла лук и пошла на охоту. Исполняя обещание, не обратила внимания на табун диких лошадок, пришедший к водопою. После часа поисков мне повезло подбить странного зверя, вроде дикобраза, только размером с человека. Две вонзившиеся стрелы совершенно не были заметны среди точно таких же по длине колючек.

Несколько секунд я раздумывала над этой мыслью, потом взвизгнула от восторга и бросилась снимать со зверя шкуру. Иглы, конечно, оказались жутко ядовитыми – даже цвет, ярко оранжевый на конце и краснеющий к основанию, как бы

предупреждал об опасности. Зато стрелы из них получились просто потрясающие! Почти вдвое тяжелее деревянных, прочные как металл, они обладали удивительным свойством вонзаться в добычу под любым углом и не выскальзывать. Позже, разглядывая у костра новое оружие, я заметила множество мелких крючочков, прилежавших к игле. В теле жертвы они раскрывались, намертво зацепляя стрелу и причиняя невообразимую боль. Прямо как гарпун...

Первую стрелу я испытала на мелкой птице, а остальным приделала оперение из перьев дичи. Теперь мощь моего лука увеличилась в десять раз! Очень вовремя.

Немного побродив по берегу речки, я подстрелила еще одну птицу обычной, неядовитой стрелой, и вернулась нагруженная добычей. Быстро разожгла костер.

Куросао, похоже, наконец понял, что я ходила на охоту мимо табуна диких лошадок. Краем глаза заметила, как жеребец тянет шею, пытаюсь разглядеть мою добычу.

– Я дала обещание, конь, – сказала я, не повернув головы. – Сомневаясь в моих словах, ты наносишь мне оскорбление.

Куросао прекратил подглядывать. Но мне показалось, он испытал большое облегчение. Тогда я встала, подошла к жеребцу и опустила перед ним на траву.

– Послушай... – конь наострил уши. – Не знаю твоего истинного имени, поэтому буду звать Куросао. Я хочу сказать...

А в самом деле, как ему сказать? Как сказать, что теперь я хорошо понимаю чувства, испытанные им на той охоте?

– В общем... – я подняла голову и посмотрела в глаза черного коня. – Мы едем на запад, чтобы предотвратить гибель двоих моих сородичей. Или отомстить за них. И я... Я теперь понимаю, что ты ощутил, когда видел смерть лошади.

Куросао молча смотрел мне в глаза, не прячась за маску животного. Мне очень тяжело давались слова. Но так было надо.

– Завтра, скорее всего, мы догоним врага и я приму бой. Это будет очень опасный бой, из которого я могу не вернуться. Поэтому я хочу, чтобы ты...

Помолчала. Затем, отойдя к костру, подняла на руки Тошибу и вернулась.

– Я хочу, чтобы ты спас малыша. Если меня убьют, отнеси его в общину тавров, а сам делай что хочешь. Пожалуйста.

Конь замер, переводя глаза с Тошибы на меня и обратно. Я молча ждала. Наконец, Куросао осторожно шагнул вперед и коснулся носом моего плеча. Я вздохнула.

– Будем считать это согласием... Завтра, перед боем, я выброшу сбрую в реку. Независимо от исхода сражения ты станешь свободен, а дальнейшее будет уже зависеть лишь от тебя. Бросить нас – или дождаться. Хорошо?

Жеребец ничего не ответил, и я со вздохом вернулась к костру. Тошиба мирно спал на руках, потрескивали ветки, в небе сверкали звездные острова... Я крепко задумалась о будущем.

Надо ли рисковать жизнью, пытаясь предотвратить гибель никогда не виденных мною сородичей? Вполне возможно, они даже не сумеют или не захотят оценить мой поступок...

Подумав об этом, я резко ударила хвостом. Так нельзя. Я – самурай, а самурай поступает согласно кодексу чести не из жадности почестей или боязни потерять лицо. Бусидо – не закон, не правила поведения, даже не учение. Это нечто большее.

"Самурай должен прежде всего постоянно помнить – помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги – что он должен умереть. Вот его главное дело.", говорит напутствие для молодых воинов, будосесинсю. "Если он всегда помнит об этом, он сможет прожить жизнь в соответствии с верностью и сыновней почтительностью, избежать мириада зол и несчастий, уберечь себя от болезней и бед, и насладиться долгой жизнью."

Я могла бы сказать, что самурай впитывает бусидо с молоком матери, но я никогда не пила материнского молока, да и мать не видела. Значит, бусидо вырастает в личность по мере взросления, становится ее неотъемлемой частью, и поступать против него – означает отрезать куски от собственного "я", рушить камни, слагающие душу. Сейчас я вся, без остатка, чувствовала: отступление будет позором. И какая разница, что никто никогда об этом не узнает? "Бусидо, Путь воина, требует, чтобы поведение человека было правильным во всем. Если нет проницательности во всем, не будет и знания должного. А тот, кто не знает должного, едва ли может называться самураем"... И пусть я не человек, это не освобождает меня от долга. В мире нет

более строгого судьи, чем собственное сердце. Его невозможно обмануть.

– Кагири... – впервые за много дней я заговорила с медальоном. – Я знаю, тебе известна вся правда о моем рождении и воспитании. Ты знаешь, кто и по какой причине оставил меня Годзю; знаешь, почему из всех дочерей только меня Годзю посвятил в бусидо...

Медальон мягко светился изнутри .

– Так вот, Кагири... – я закрыла глаза и несколько секунд внимала звукам ночи. – Я не хочу все это знать. Я – Хаятэ Тайе, Сокол Бури, и какая бы жизнь не ждала меня впереди – я проживу ее сама.

Глаза рисунка на медальоне внезапно полыхнули зеленым пламенем. Впервые с памятного дня в замке, Кагири заговорил чужим голосом, таким могучим, что на дереве задрожали листья.

– Жизнь моя принадлежит только мне. Я – Скай! И какая бы жизнь не ждала меня в прошлом или будущем, я проживу ее сам.

Голос изменился, теперь он был женским, мелодичным и приятным. Медальон засверкал фиолетовым пламенем.

– ...Жизнь на то и дана, чтобы прожить ее как подобает дракону!

И вновь изменился цвет огня, теперь драгоценность светилась пурпуром подобно раскаленному углю. Голос стал мягким и усталым, словно его обладатель был бесконечно мудр.

– В мире нет и никогда не будет ценности, сравнимой с жизнью простейшего из живущих, и это – простейшая из истин. Но она ценнее всех остальных.

Медальон засиял золотым пламенем, подобно маленькому солнцу. В голосе, молодом и энергичном, звучала страстная сила убеждения.

– ...каждый воспринимает мир по– своему. Вселенная для всех – своя, она уникальна в представлении любого из мириадов чувствующих, Вселенная рождается с каждым живым существом и затем развивается подобно ребенку, познающему мир. Убивая, ты не просто лишаешь существо жизни – ты уничтожаешь целую Вселенную!...

И внезапно все стихло. Медальон погас, после золотого сияния он казался черным. В полной тишине прозвучали последние слова, сказанные низким,

громоподобным голосом.

– ...все мы убийцы.

Проснувшись утром, я долго не могла понять, приснился мне разговор с Кагири или нет. Медальон молчал, веселый Тошиба играл с костями вчерашней добычи, в стороне на траве спал Куросао... Погода стояла отличная, ни ветерка, голубое небо простиралось в бесконечность – и я громко рассмеялась, встречая утро. О мрачном сне больше не вспоминала.

– Хэ– э– э– эйя! – вскочила, огромным прыжком взвилась в воздух и, совершив тройной переворот с вращением против хода солнца, нырнула в реку. Ледяная вода смыла последние остатки сна, вынырнула я бодрой и готовой к сражению.

– Куросао, просыпайся скорей! Тошиба, бросай кости! Вперед!

Скоро мы мчались по степи, наверстывая упущенное время . Горы впереди становились ближе с каждой минутой, я уже видела скалу, о которой говорил Тотчигин – ее оказалось легко найти, так как я сама избрала бы такую для постройки дома. Скоро мне предстояло встретиться с врагом; я вытащила из колчана шесть настоящих стрел, зажала под крыльями, наложила на тетиву иглу и пересадила Тошибу за спину. Куросао мощно дышал, степь мчалась навстречу – это было похоже на полет!

Подскакав к подножию горы, я на всем скаку спрыгнула со спины Куросао и пробежала немного вперед. Никого. Вернувшись, быстро сняла с коня сбрую, отбросила в сторону и положила порванное крыло ему на шею.

– Ты свободен, как я обещала. Пожалуйста, дожись меня здесь. Если не вернусь до вечера – значит, не вернусь вовсе... Тогда отвези Тошибу в селение тавров.

– Х–хатэ? – забеспокоился малыш. Я лизнула его в нос.

– Жди меня, маленький. Я очень– очень постараюсь вернуться...

Не оглядываясь, чтобы не знать, предал меня конь или нет, я нырнула в заросли у подножья горы. Сама не знаю, почему отпустила Куросао... Но та часть души, которая вчера не позволила мне свернуть с пути воина, ответила: "Знаешь, Хаятэ". И я действительно знала. Хотя выразить это словами было непросто.

Встряхнулась. Пора забыть сомнения и вопросы, впереди – битва с многократно превосходящим врагом, а во время боя можно думать только о бое! Несколько секунд стояла закрыв глаза, настраивая себя на битву.

Понемногу тело заполняла привычная теплота. Я ощутила, как срастаются руки и лук, как стрелы под крыльями становятся частью тела, выдвигаются когти и тут же убираются обратно, чтобы в нужный миг нанести короткий и смертельный удар. Пора идти.

Дыша часто и глубоко, я беззвучно двинулась вперед. Раньше, пока крылья были в порядке, я не понимала, зачем Годзю учит бесшумно ходить и скрываться в лесу. Казалось, уж мне – то это никогда не пригодится... Видимо, еще не раз я буду постигать дальновидность и опыт своих учителей.

Идти вокруг горы было легко. Я кралась в зарослях, стараясь не разгибаться, чтобы не выдать себя сверканием золотой чешуи на груди. Слабый западный ветерок доносил отчетливый запах крови...

Минут через двадцать, завернув за большой утес, я рухнула в траву и замерла. Враг был всего в двух полетах стрелы!

Десяток людей в хорошо знакомых черных одеждах суетились у зияющего провала пещеры. Сначала я подумала, что они строят ловушку для драконов, но потом заметила в стороне, под деревом, большую окровавленную массу – и поняла, что опоздала. Теперь оставалось лишь мстить, а значит, я не имею права упустить ни единого охотника. Будет непросто.

Прямо напротив пещеры стояли в ряд три мохнатые лошадки, на спинах которых крепились большие, в человеческий рост самострелы. Голова каждой лошади была жестоко загнута между передними ногами и веревкой привязана к хвосту, все четыре ноги скрепляли деревянные брусья, так что кони не могли даже пошевелиться. Я поняла, что их используют как самоходную станину для самострела, и значит, драконы погибли совсем недавно.

Настрой на битву сработал: никаких эмоций я не испытала. Черные воины – враги, их следует уничтожить, а почему и за что – узнаем после боя. Сейчас думать об этом нельзя. Поэтому, молча и без всяких колебаний, я поползла вперед.

От дерева к дереву, из куста в куст... Противник приближался. Достигнув

дальности хорошего выстрела, я забралась под разлапистую еловую ветку и дальше ползла, прикрываясь ею. Наконец, приподняв голову над травой, я различила ближнего охотника в половине полета стрелы.

Дальнейшее было делом техники. Переползти в тень дерева и встать за стволом на колени, крепко прижимая крылья... До предела, до скрипа натянуть лук – и послать первую ядовитую иглу в горло врага!

Я успела выстрелить еще трижды, прежде чем люди заметили атаку. Четверо охотников корчились на земле, остальные с криками хватали арбалеты – свист стрелы, одним меньше – и принимались стрелять во все стороны. Я уложила еще двоих, а потом меня заметили.

Со звуком, похожим на хруст сломанной кости, в дерево прямо перед моими глазами впиалась железная стрела. Следующая должна была пробить меня насквозь, но я уже бросилась прочь, в прыжке выстрелив и убив еще одного врага. Теперь их оставалось всего пятеро.

Упала в траву, перекатилась – где только что была рука, теперь дрожит стрела! С земли, почти не целясь, выпустила последнюю иглу и прыгнула за соседнее дерево.

Вытащив из-под крыльев шесть настоящих стрел, я взяла пять в зубы а шестую наложила на тетиву и растянула лук до предела. Хвостом подбросила пустой колчан – дзиньк! – одним заряженным арбалетом меньше!

Взмахнув на мгновение крылом справа от дерева, я упала влево и выпустила стрелу почти в упор. Она пробила тело человека насквозь, но не остановилась а потащила мертвеца дальше, пригвоздив к дереву. Четверо оставшихся что-то закричали, и вдруг разом бросились наутек. Я вскочила.

Не может быть, чтобы они так просто сбежали. Значит, заманивают в ловушку! Я ведь не знала, сколько всего охотников приехало сюда, их могло быть и три десятка, и пять... Следовало немедленно действовать.

Стремительным броском преодолев расстояние до полянки перед пещерой, я подбежала к самострелам. Заряжен был только один; значит, два гарпуна уже нашли цели... Секунда ушла на поиск механизма стрельбы, а затем я тщательно прицелилась и пробила спину убежавшего врага на расстоянии трех полетов стрелы. Толстый зазубренный гарпун разорвал человека надвое.

Сквозь довольно редкий лес просматривался весь склон горы, никакой засады я там не заметила. Значит, люди действительно бежали! Ну уж нет... От меня так просто не уйти!

– Куросао!!! – крик заметался среди камней и деревьев. – На помощь!!!

Несколько секунд тишины, боль в сердце... И стук копыт. Черный конь подлетел ко мне, словно у него были крылья.

– Скорей! – подхватив двуручный меч одного из убитых, я запрыгнула на коня.
– Там трое бегут – видишь?

Куросао ничего не ответил. Лишь взвихрился дерн да завопил маленький тигренок, когда конь рванулся вниз по склону. Я крепко обхватила Тошибу крыльями.

– Держись!!! – правой рукой занесла меч. Фигурки бегущих стремительно приближались, вот один поворачивается, поднимает арбалет... Нет!!!

– Падай! – сильным рывком я опрокинула коня и мы втроем покатались по траве. Прямо над головой просвистела стрела.

– Хай– й– й– я!!! – меч срубил человека, словно бамбуковое чучело на тренировках в замке. Не останавливаясь, я кувыркнулась по земле и, вставая, уже натягивала лук. Предпоследний охотник захрипел, схватившись за стрелу в груди.

"Последнего – живьем!" – всегда говорил Годзю. С этим никаких сложностей не должно было возникнуть; последний охотник бросил арбалет и упал на колени, моля о пощаде. Я направила на него меч.

– Отойти от оружия.

Он покорно отошел.

– Раздевайся.

– Что?..

– Раздевайся! – меч сверкнул в когте от его носа. Больше охотник вопросов не задавал.

Когда последняя тряпка упала наземь, я отогнала голого пленника в сторону и приказала ему стать на колени, загнув ступни вниз и положив пальцы рук под коленные чашечки. Он, понятно, подчинился, не подозревая, что через пять минут поза "малой жабы" вызовет отток крови от конечностей и он не сможет шевельнуть даже пальцем.

Все эти пять минут я простояла неподвижно, оглядываясь по сторонам и готовясь ловить на лету стрелы: кто-то ведь должен был смотреть за конями перебитого отряда! Но выстрела не было. В десятке шагов тяжело поднялся Куросао, рядом ошалело крутил головой Тошиба. Похоже, все целы...

– Встать! – крикнула я. Пленник попытался подчиниться, но внезапно повалился лицом вперед, едва дрыгая ногами. "Малая жаба" сработала.

– Отлично... – быстро скрутив жгут из плаща убитого, я связала пленника по рукам и ногам. Куросао сам пригнулся, помогая взвалить тело на спину.

– Спасибо, что не бросил – сказала я своему коню.

Он не ответил.

Первое, что я сделала когда вернулась к пещере – подбежала осмотреть мертвого дракона. Охотники уже успели снять с несчастного чешую, так что о его внешности судить было непросто. Зато размеры... Неужели и я такая огромная стану?

Тело дракона было почти в полтора раза больше лошади. Мой несчастный сородич лежал на спине, безвольно раскинув лапы, и без чешуи было хорошо видно, что это мужчина. Широкие крылья отрубили у самых плеч, рога, нижняя челюсть и все зубы с верхней исчезли, грудь была разрезана. Однако, несмотря на жуткий вид тела, крови было немного. Похоже, перед тем как рубить крылья и снимать чешую, люди выпустили несчастному всю кровь и забрали с собой.

Сразу возник вопрос: куда делись трофеи охотников и их кони? Коней следовало найти в первую очередь, поэтому я заехала прямо в пещеру и сбросила там пленника. За каменными стенами безопаснее, чем снаружи.... Лишь на миг задержалась у входа, чтобы освободить мохнатых лошадок.

Куросао, похоже, это оценил. Чувствовалось, его отношение ко мне здорово изменилось. Хотя сначала, оставив нас с Тошибой в пещере, конь ускакал, вскоре он вернулся и встал за моей спиной. Добровольно вернулся.

– Останешься? – спросила я. Куросао ничего не ответил.

Решив пока не настаивать, я повернулась к пленнику. Дрожащий от страха юноша, темноволосый и смуглый, с медным колечком в ухе. В его глазах отражались ужас, обреченность и непонимание; видимо, наша встреча явилась для него полной

неожиданностью. Бросив взгляд в сторону убитого дракона, я ощутила, что ни малейшего сочувствия к пленнику не испытываю.

– Где ваши кони? – спросила на общем. Юноша вздрогнул.

– Их оставили в роще, неподалеку от логова... – он запнулся.

Я прищурила глаза.

– Логова драконов?

– Я не трогал дракона, клянусь! – поспешно ответил пленник. – Я только смотрел!

– Сколько ваших остались охранять коней?

Отвел глаза.

– Немного...

– Я сниму с тебя кожу, как вы поступили с драконом, – спокойно предупредила я. Похоже, по моим глазам он понял, что так и будет.

– Пощади, молю! – юноша сделал попытку упасть на колени, однако путы помешали. Я приставила к его горлу меч.

– Отвечай!

– Семеро наших остались у коней, дюжина отправилась в погоню за... – молчание.

– Говори!

– ...за раненым драконом с детенышем, – обреченно ответил пленник.

Теперь замолчала я. Молчала почти минуту, стараясь подавить эмоции и не потерять бдительности. Удалось. Выходит, черных воинов было почти вдвое больше.

– Куда они отправились? – спросила я. Мой голос окончательно согнал краску с лица охотника.

– Дракон улетел к западу, но долго летать он не сможет...

– Когда это случилось?

– Часов пять назад.

Пять часов! Я вскочила.

– Где трофеи первой охоты?

Пленник дрожал.

– Шкуру и зубы отправили в Дайказган. Повезли пятеро наших.

– Кому вы служите? – спросила я резко.

– Кто – мы?..

– Вы! – я указала на труп воина в черном, видневшийся в проходе . – Что это за форма?

– Просто одежда...

– Не лги! – крикнула я. Пленник вжался в каменную стену.

– Мы наемники. Служим божественной Джилфьяни из города Дайказган, она правит всей Степью. Делаем, что прикажут... У нас нет выбора! – внезапно крикнул юноша.

Я стиснула зубы.

– Отпустить тебя я не могу. Взять с собой – тем более. У меня тоже нет выбора! – с этими словами я взмахнула мечом и отрубила пленнику голову. Куросао невольно заржал.

– Так было нужно, – сказала я ему. – На войне нет места жалости.

Конь попятился.

– Это был враг, – я осторожно протянула руку и коснулась Куросао. – Отпустить его – означало предупредить всю Степь о нас. Иногда жестокость необходима, Куросао. Так меня учили.

Жеребец явно колебался, ускакать или нет. Поэтому я отбросила меч и вышла из пещеры, захватив с собой Тошибу. Минуты через две за нами последовал Куросао.

– Помни, ты свободен, – сказала я, не повернув головы. – Никто не держит тебя с нами.

Жеребец молчал.

– Если уйдешь сейчас, – я медленно обернулась, – погибнет раненная мать и ее маленький дракончик. А значит, они... – кивнула в сторону мертвых тел, – ...они победят.

Куросао повернул голову и посмотрел в степь. Потом на меня. Потом еще раз в степь.

– Самурай, – сказала я негромко, – должен контролировать эмоции. Очень важно научиться подавлять жалость к врагу, это одна из сложнейших граней бусидо. Сейчас я стою рядом с телом убитого мною безоружного человека. И знаешь,

Куросао... – медленно опустила голову. – ...это непросто – делать вид, словно ничего не случилось.

Конь молча шагнул вперед и мотнул гривой. Я подняла взгляд.

– Поможешь спасти драконов?

Куросао кивнул. Я положила крыло ему на спину.

– Спасибо.

Немного времени ушло на сборы. Я подыскала относительно удобный прямой меч, подняла и зарядила четыре арбалета, перевесив их через спину Куросао. Тошиба вел себя очень тихо, наверно понимал, какие важные вещи происходят.

– Готов? – спросила я коня. Тот ударил копытом.

– Тогда вперед, спасти крылатых! – и мы помчались на запад, оставив мрачное место смерти за хвостами.

А на душе все равно было тяжело. Наверно, я еще не готова стать самураем.

Столб дыма заметили через час. Степь впереди плавно переходила в мрачного вида лес, простиравшийся в обе стороны до горизонта, еще дальше темнели колоссальные горы, а несколько к северу, на опушке леса, цээгах в десяти от нас, что-то горело. Надеюсь, не костер, где жарят мясо убитого дракона...

– Быстрой, Куросао!

Конь ровно и глубоко дышал. Его выносливость превосходила все, что мне было известно о лошадях; казалось, черный жеребец способен без усталости бежать еще месяц. Впрочем, на такой скорости мы будем у источника дыма через четверть часа.

Скоро я заметила группу всадников, быстро скакавших по степи в направлении пожара. Они приближались с запада, из чего я заключила, что передо мной новый отряд прислужников этой... Джулфунни, или как ее, в общем ведьмы. Однако, где же дракон?

Всадники заметили меня в тот же миг, как я заметила их. Разумеется, на таком расстоянии ни один человек не сумел бы узнать во мне маленького дракона, однако одинокий всадник в степи всегда привлекает внимание, и скоро следует ожидать

нападения.

– Куросао, сбрось темп ... – вполголоса сказала я. – Скоро придется убежать от погони, отдышись.

Конь оценил совет и умерил скорость бега, перейдя с галопа на спокойную иноходь. Даже сейчас, после часа бешеной скачки, у него не сбилось дыхание.

Тем временем я готовилась к первому конному бою. Пересадилась Тошибу за спину и прижала крыльями, взяла арбалет. За мощь и дальность стрельбы этой машинки, к сожалению, приходилось расплачиваться быстротой... Хорошо, что я прихватила сразу четыре самострела.

– Запомни, не поворачивайся к противнику боком, – конь неторопливо скакал по степи, слушая мои наставления. – Пока ты смотришь врагу в лицо, перед ним вдвое меньшая мишень для стрел. Если тебя ранят, немедленно выходи из боя и выноси Тошибу – обо мне не думай, я продержусь и сама...

Далеко впереди из леса выехали несколько всадников и построились в ряд между мной и источником дыма. Отряд, скакавший поодаль, сразу сомкнул строй. Я прищурила глаза.

Похоже, сейчас будет бой. А я не знаю, чью сторону принять! Возможно, те всадники защищают драконов? Или наоборот, они и есть охотники, а отряд, что скачет по левое крыло, желает спасти их жертв? А может, они просто дерутся из-за добычи...

– Куросао, вперед, – сказала я негромко. – Попробуем всех опередить.

Тряхнув гривой, черный жеребец перешел на галоп. Я сложила крылья наподобие плаща и пригнулась, пряча рога за шеей Куросао; так меня дольше не узнают. Тошиба недовольно чихнул.

Всадники вдали тронули коней, медленно двинувшись нам навстречу. Я заметила, что отряд слева еще более сбавил скорость; похоже, встречаться с неизвестными защитниками – или охотниками – им совсем не хотелось.

Куросао тревожно заржал. Я заметила, что один из всадников поднял какую-то толстую палку, приставил ее к плечу и направил прямо на нас. Странно, на таком расстоянии ни одна духовая трубка или самострел...

Внезапно конь резко свернул, едва не сбросив нас с Тошибой, и помчался

прочь так, словно за ним гнались сразу все волки Степи. Пока я пыталась сохранить равновесие, за спиной что– то слабо шелкнуло, и трава совсем рядом с нами взорвалась маленьким огненным вулканом. От неожиданности я чуть не свалилась.

– Что это было?!

Куросоа отчаяно заржал. Он мчался прочь, петляя из стороны в сторону, будто по нему стреляли десятки хэнгинов из больших лу...

Стреляли!!!

Покрепче обхватив шею коня крылом, я обернулась. Всадники вдали уже остановились; тот, который направил на нас палку, вновь ее опустил и что– то говорил соседу, размахивая руками. Я заметила, что отряд, скакавший слева, тоже пустился наутек.

– Вот это оружие! – прошептала я. – Куросоа, не скачи так, они больше не будут стрелять.

Конь обернул ко мне голову и гневно заржал. Эх, почему ты говорить не умеешь! Я успокаивающе погладила жеребца по шее.

– Знаю, ты хочешь сказать что я дура, – еще раз оглянувшись на таинственных всадников, я прищурила глаза. – Может, ты и прав... Сегодня ночью все станет ясно. Скачи в лес, видишь, где просека?

Недовольно всхрапнув, Куросоа повернул. Я молча прижала к себе Тошибу.

Или это оружие станет моим, или я не Хаятэ Тайе.

Так будет.

Доскакав до опушки леса, я сначала хотела свернуть на просеку, заметную издали, но Куросоа замотал гривой и принялся бить копытом в землю, пытаясь привлечь мое внимание. Вглядевшись, я вскрикнула и спрыгнула с его спины.

– Умница! – опустила на руки. Следы были столь ясны, что их сумел бы прочесть даже ребенок: совсем недавно здесь проскакал конный отряд.

– Они скакали очень быстро... – я двинулась вдоль следа, помахивая хвостом от возбуждения. – Смотри, Куросоа, а здесь две лошади столкнулись боками! Похоже, всадники не смотрели под ноги, а, что скажешь?

Жеребец всхрапнул и мотнул головой – залезай, мол. Улыбнувшись, я воспользовалась его приглашением, и мы двинулись рысью вдоль опушки леса, прочь от далекого пожара и людей с потрясающим оружием. Ничего, сегодня ночью я нанесу им визит...

Ехать пришлось довольно долго, но наконец мы остановились у поломанного куста. Отсюда в глубину леса тянулись совсем другие следы: у меня прервалось дыхание, когда я поняла, кому они принадлежали. И еще здесь пахло кровью.

Сильно пахло. Тошиба, ощутив запах, заволновался и так вцепился когтями мне в крыло, что я даже вскрикнула. Конь нервно прядал ушами.

– Куросао, оставайся здесь и охраняй малыша, – приказала я вполголоса. – В случае опасности, обо мне не думай и скачи прочь. Ясно?

Жеребец ничего не ответил. Потрепав его по шее, я спрыгнула на землю, выхватила меч и осторожно направилась в чащу.

Запах был силен. Он очень напоминал аромат моей собственной крови, но к нему примешивались иные, непонятные оттенки. Первые кровавые следы я заметила почти сразу – на кустах. Поломанных, изорванных кустах. Земля была истоптана копытами, но хотя лошадиный запах успел почти совсем выветриться, общая картина происшедшего была вполне ясной...

Дракона я нашла спустя полчаса, под старым деревом, на залитой кровью траве. Он был зеленый и очень красивый, размерами гораздо больше Куросао, но не такой громадный, как убитый около пещеры. Несколько секунд я стояла неподвижно, пытаюсь справиться с бешенством; удалось. Но если... Если детеныш тоже мертв, я вырежу всех охотников в этой степи!

Медленно приблизившись, я опустилась на траву рядом с головой несчастного. На сей раз охотникам явно что-то помешало, и они не успели изуродовать тело; только страшная рана в спине и гарпун, торчавший из нее, свидетельствовали об участии дракона. Пахло здесь не только кровью, но и совершенно непонятным, отвратительным запахом. Вернее, дымом.

– Я отомщу за тебя, – на родном языке прошептала я. – И найду твоего ребенка, если он жив. Клянусь всем, что мне дорого, ты будешь отм...

Дракон с трудом приподнял веки и посмотрел на меня узкими сиреневыми

глазами, в которых застыла боль. Я чуть не проглотила язык.

– Ты живой!

Глаза вновь закрылись. Он умирает! Надо спасать!

Я вскочила.

– Куросао! Скорей!

Пока конь мчался по лесу, я в отчаянии осмотрела страшную рану. Гарпун вонзился на уровне пояса, чуть справа, зазубренный наконечник полностью скрылся в теле. Вся трава вокруг потемнела от крови, но та продолжала течь! Надо немедленно остановить кровь!

Простучали копыта, и Куросао оказался рядом со мной. Я сорвала с его спины один из арбалетов.

– Скорей! – удар хвоста разбил самострел в щепки. – Ты знаешь, как выглядит кустарник алоэхи?

Конь закивал.

– Найди его и принеси большой пучок листьев, только зеленых и свежих!

Куросао бросился прочь. А я тем временем содрала с приклада арбалета кожаную ленту и накрутила на руку. Ханасаки–сэнси, сейчас посмотрим, чему научилась твоя Хаятэ...

– Акэ, шоорано, – начала я заклинание льда. Повинуясь словам, под когтями появился иней, тогда я положила руку прямо на рану и повторила заклинание. Белесая корочка льда сковала прорванную чешую и гарпун. Теперь будет легче.

Подняв короткую и толстую арбалетную стрелу, я прочитала над ней заклинание огня. Стальной наконечник раскалился добела.

– Теперь придется потерпеть, – попросила я дракона. Тот не ответил – был без сознания. Что ж, так даже лучше.

Повторив заклинание мороза над раной, я вздохнула и погрузила раскаленную стрелу в плоть дракона. Послышалось шипение, аппетитно запахло жареным. Двумя быстрыми штрихами я вырезала гарпун вместе с куском мяса и немедленно повторила заклинание мороза. Дракон дрожал всем телом.

Между тем, за спиной послышался стук копыт. Я обернулась.

– Куросао! Нашел?!

Жеребец был уже тут, к моим ногам упали несколько ароматных мясистых листьев. Я принялась – все верно, алоэха.

– Что бы я без тебя делала, – забросив листья в рот, я принялась тщательно их жевать. Куросао и Тошиба следили за мной, как за ненормальной.

Когда листья превратились в зеленую кашицу, я выплюнула ее и скатала в комок. Огляделась. Камень!

Секундой позже я держала в руках большой плоский булыжник.

– Отлично, – бросив камень перед собой, я положила на него кашицу из листьев и прочла заклинание огня. Булыжник раскалился.

– Та– ак... – Когда от кашицы повалил дым, я наконечником стрелы собрала горячую массу в плотный комочек и перебросила прямо в открытую рану. Дракон дернулся, послышался глухой стон. Я подула на чуть остывшую стрелу.

– Комацу ра, – прокусила кончик древка, оторвала от кожаного ремня длинный лоскут и продела его в стрелу. Четыре стремительных движения стянули края раны, затем я провела наконечник под последним стежком и повернула стрелу на пол–оборота. Дракон глухо стонал.

– Заражения крови быть не должно! – схватив три другие стрелы, я положила руки на тело дракона – одну у шеи, вторую на голову – и зажмурилась. В памяти словно наяву встали иероглифы нужного заклинания.

– Спасибо, Ханасаки– сенси... – прошептала я, открыв глаза. Теперь перед моим зрением тело дракона представлялось черным монолитом с мерцающими точками по всей поверхности чешуи. Шестым чувством я обнаружила необходимые.

– Боль... – наконечник стрелы до половины вонзился в бедро дракона, – ...придумываем... – вторая стрела под крыло, – ...мы сами.

Третью стрелу я вогнала в основание хвоста и прочла над ней заклинание слабого огня. Тело дракона затрепетало.

– Вот и все, – я внезапно ощутила, что крылья и хвост дрожат. С трудом успокоившись, отошла на пару шагов и села в траву, приняв позу лотоса. Хвост обернула вокруг себя, руки опустила на колени, крылья сами собой расправились и мягко легли на землю.

– Куросао, – сказала я, не открывая глаз. – Охраняй Тошибу. Скоро дракону

потребуется свежая кровь, я поеду на охоту, но сейчас я должна отдохнуть.

Конь ничего не сказал и молча встал над тигренком. Я расслабилась.

Ханасаки– сэнси, если дракон выживет, я построю в твою честь большую, высокую пагоду, и напишу эту историю самыми красивыми иероглифами. Только бы он выжил, небо... Только бы выжил...

Глава 9. Беглецы

Терраса старого дворца растрескалась от времени, виноградные лозы оплели колонны, сквозь трещины в мраморном полу проросла трава. Тихий осенний ветер шуршит листьями, гладит умирающие стены. В небе парят облака; заходящее солнце окрашивает их в пурпур, придает зловещий кровавый оттенок. Тени башен и шпилей зловеще корчатся на утесе, у подножия которого стоит дворец.

Несколько драконов расположились возле лестниц, в заброшенном парке. Они негромко переговариваются, изредка бросая взгляды на массивную дверь во внутренние покои. Шелестят листья, неторопливо двигается тень. Все ждут.

Наконец, когда солнце уже касается верхушек деревьев, вдали показывается силуэт дракона. В парке один из крылатых замечает другому:

– Я же говорил, он прилетит.

– Отложить важное сражение ради личных интересов... – второй дракон неодобрительно качает головой.

– А ты поступил бы иначе? – весело спрашивает молоденькая драконесса светло– серебристой расцветки. Крылатый вздыхает.

– Я – нет, но я не команду самым большим войском в истории.

– Ничего с этим войском не случится... – драконесса умолкает, поскольку гость с разгона опускается на лужайку. Огненно– красный, с глубокими черными глазами, он тяжело дышит от усталости.

– Я не опоздал? – голос звучит немного хрипло. Усмехнувшись, первый дракон качает головой.

– В самый раз.

– Где они? – гость оглядывается, замечает двери и резко поворачивается: –

Там?

Крылатый молча кивает. Алый дракон бросается вверх по лестнице.

Но двери раскрываются сами, не дожидаясь сокрушительного удара. На террасу выходит красивая золотая драконесса.

– Скоро, уже скоро, – улыбается она, загораживая путь алому. Тот нервно помахивает хвостом.

– Я должен быть с ней...

– Антара просила никого не пускать, – возражает драконесса.

– Даже меня?!

– Особенно тебя, – крылатая улыбается. – Ализон, все в порядке. Это первенец, она волнуется... С нею твой друг, гном, все будет хорошо. Не нервничай.

Алый дракон отворачивается, с трудом сдерживая рычание.

– Почему подняли столько шума? – спрашивает он резко. – Чем нынешнее рождение отличается от всех остальных?

Золотая драконесса вздыхает.

– Ализон, ты командуешь самой большой армией нашего мира, ты вождь для тысяч людей и сотен драконов. Привыкай быть в центре внимания.

– Они не имеют права лезть в мою личную жизнь!

– Никто и не пытается, успокойся... – крылатая касается алой чешуи, но внезапно замирает, осознав что стало гораздо темнее. Дракон тоже замечает странное поведение солнца; подняв голову, он изумленно смотрит на черные пятна, с необычайной скоростью покрывающие лик светила. В парке другие крылатые тревожно переглядываются.

– Что происходит? – негромко спрашивает один.

– Не знаю... – алый дракон спускается по лестницам, чтобы лучше видеть небо. – Солнце гаснет?

Пятна стремительно расширяются. Становится все темнее и темнее; ветер заметно усиливается, его зловеющий вой наполняет парк. Опавшие листья с сухим шорохом несутся по аллеям.

Вскоре отдельные пятна сливаются и слепящий диск светила окончательно гаснет. В темном небе кровавым кольцом вспыхивает солнечная корона, четыре луны

выстраиваются по сторонам, будто ладони, вознесшие ее к зениту... И в миг, когда мрачное великолепие тьмы падает на парк, все слышат крик новорожденного дракона. Крылатые переглядываются.

– Это знак, – тихо говорит золотая драконесса. Ветер стонет в ее расправленных крыльях, мертвые листья шуршат под ногами.

– Знак чего? – алый дракон не может отвести взгляд от небесной короны.

– Не знаю... – она поднимает голову. – Но это знак.

Раскрываются двери. На террасу выходит коренастый гном в черных одеждах.

– Сын, – говорит он подбежавшему дракону. – У тебя родился сын.

Крылатый тяжело дышит от волнения.

– Как Антара? Малыш здоров?

– Все хорошо, – отвечает гном. Он, как и драконы, смотрит на черное солнце. – Все хорошо, Ализон.

– Я должен их видеть! – оттолкнув низкорослого горца, крылатый скрывается во дворце. Остальные провожают его взглядами.

– Кто сегодня родился? – тихо спрашивает золотая драконесса. Гном пожимает плечами, продолжая смотреть в небо.

– Дракон, – отвечает он просто.

Тот же день и час, далеко на севере, небольшой осажденный городок. Крепостная стена по западную сторону ворот разбита до основания; она была сложена из красного кирпича, и обломки удивительно похожи на обнаженные ребра мертвого исполина. Тела воинов лежат там же, где упали во время утреннего штурма. Приближаться к городу бояться даже стервятники.

Осаждающие – их лагерь раскинулся в пятистах ярдах от ворот – не спешат, ведь добыче некуда деваться. Командир отбыл в тыл по личному делу, так что финальный штурм можно и отложить. Война близится к победному концу; рисковать сейчас никому не хочется...

На одной из башен осажденного города несет караул крупный, очень красивый бело– золотой грифон с яркими голубыми глазами. Он весь покрыт шрамами и следами когтей, часть перьевого покрова уничтожена, на обеих передних лапах краснеют повязки. При ходьбе грифон сильно хромает.

Однако сейчас его заботит не скорая смерть – второго штурма с такими ранами не пережить, пернатый это отлично понимает; его беспокоит другое. В центре города, где в чудом уцелевшем храме богини Агайт собрались женщины и дети, грифона ожидает тяжело раненная подруга.

Штурм застал их врасплох. Пернатый пытался отвлечь на себя атакующих драконов, чтобы его возлюбленная успела улететь, но один из ящеров заметил ослабевшую, готовую к продолжению рода грифоницу, и ударом когтей оторвал ей крыло, навсегда лишив неба и счастья. Грифон убил этого дракона; обезумев от ярости, он рвал и терзал, кричал, бил врага когтями и клювом, не видя ничего кроме крови. Он продолжал терзать давно мертвого дракона, даже когда прозвучал сигнал к отступлению и осаждавшие откатились на прежние позиции, встретив слишком сильное сопротивление.

Грифон пришел в себя только от голоса подруги. Истекая кровью, она лежала среди тел, слабо дергая хвостом от боли. Сам израненный до полусмерти, пернатый отнес грифоницу в храм, где целители наложили им повязки и остановили кровь. Несколько часов отдыха слегка восстановили силы, и грифон вернулся на пост, хотя душа его осталась с подругой. Он знал, что она не выживет, даже случись чудо и пояись давно обещанное подкрепление. Грифоны, потерявшие небо, живут недолго. Но ребенок... Птенец мог пережить падение на камни...

– Крафт! – голос старой жрицы заставляет пернатого судорожно стиснуть клюв. Стараясь не показать чудовищного напряжения, он оборачивается.

– Да?

– Она умерла, – тихо говорит жрица.

Закрыв глаза, грифон впивается когтями в красные кирпичи.

– Ребенок?

– Мы сумели спасти птенца, но... – женщина тяжело качает головой. – Он сильно пострадал, Крафт. Не знаю, сможет ли он летать.

Грифон вынужден прислониться к стене. Мир плывет перед глазами, удары сердца кажутся барабанным боем, зовущим на штурм.

– Сын или дочь? – ровным голосом спрашивает он.

– Крафт...

– Сын или дочь?!

– Сын, – голос жрицы проникает в душную мглу, заполняющую его разум. – Крафт, я все понимаю, но ему лучше не жить. Мы сделаем это совсем безболезненно...

– Нет, – грифон резко открывает глаза. Отныне и до самой смерти в них будет гореть только ненависть. – Нет. Мой сын будет жить. Ты слышишь? Он будет жить!

Женщина не отвечает. В глубоком ужасе она смотрит на небо, где гаснет Солнце.

– Светлая Агайт... – шепчет жрица.

Грифон заставляет себя поднять голову.

– Тьма, – он чувствует, как из груди рвется клокочущее рычание. – Тьма побеждает свет...

В небе кровавым огнем пылает солнечная корона. Четыре фиолетовые луны замерли по сторонам, словно ладони, возносящие к зениту темное пламя.

– Черное Солнце! – жрица падает на колени. – Взошло Черное Солнце!

Грифон хватается ее за плечо и рывком ставит на ноги.

– Никогда, – тихо, с ненавистью произносит он. – Никогда не падай на колени перед тьмой.

Подняв голову, пернатый долго смотрит на зарево в небе.

– Я назову сына Иглом, – говорит он наконец. – Возвращайся в храм и позаботься о нем. Если я погибну, отдай малыша любому грифону из нашей армии. Если погибнут все, отдай его свету.

– Свету?.. – жрица не может отвести глаз от черного солнца.

– Огню! – резко отвечает грифон. Забыв о человеке, он вновь поднимает голову и долго, пристально смотрит в небо.

– Ты будешь жить, – шепчет Крафт, сын погибшего в первые дни войны Аякса Кек'хакара. – Ты будешь жить, Игл, мой сын... Ты будешь жить...

Внезапно, ударив окровавленными крыльями, грифон срывается с башни и подобно молнии пикирует к воротам, где собрались последние живые защитники.

– Скорей! – пернатый указывает на небо. – Пока темно! Делаем вылазку!

– Это знак тьмы... – неуверенно отвечает эльф, командир гарнизона.

– Тем более! – Крафт хватается его за плечо. – Они не ждут нас! Это последний шанс продержаться до подхода помощи!

Воины переглядываются, многие достают оружие. Крафт, нетерпеливо рывкнув, сильным ударом переворачивает повозку с копьями и хватается самое длинное, с двумя лезвиями.

– За мной! – грифон бросается в атаку. Солдаты спешат следом, на бегу надевая шлемы и латные рукавицы.

Бегут молча. В странной тишине, упавшей на мир, слышен только звон оружия и яростное дыхание воинов.

– Ты будешь жить! – с воплем ярости Крафт обрушивается на первые палатки вражеского лагеря, и все тонет в криках, хрусте костей и столах.

Далеко на юге, в заброшенном замке, маг молча спускается по искрошившимся лестницам и уходит в темноту. Пятна на солнце медленно начинают светлеть.

1

– Что случилось, дзет– каган? – неприветливо спросил Рогвальд, откинув полог шатра. С момента возвращения Джихана, гном был в отвратительном настроении и рычал по малейшему поводу. Его отношение к Владыке из скрытого уважения переросло в явную неприязнь; впрочем гном никогда не пытался разыгрывать восторженного слугу. На советах с участием Корга Алгола, Рогвальд обычно молчал и сухо, односложно отвечал на вопросы. Лишь беседуя с Ализоном, своим красным драконом, мрачный гном на короткое время преображался, и уста его трогала слабая улыбка.

– Я, кажется, спросил, что случилось, – грозно повторил Рогвальд. Люди следили за ним настороженно и злобно: вчера разбойник, сегодня нойон, гном считался низкородным выскочкой.

– Возникли проблемы, – холодно ответил хан Гарун. Жестом он пригласил Рогвальда занять место подле себя.

В шатре, кроме шестерых избранных нойонов, находился дзет– каган Владыки, Джер аль Магриб. Военачальники сидели на войлочных коврах вокруг низкого столика с картой, маг расположился немного в стороне и курил кальян.

Появления Рогвальда он словно не заметил.

– Все вы – одна большая проблема... – буркнул гном. Оттолкнув ближайшего человека, он уселся в круг и скрестил на груди руки.

– Ну?

– Твоя подружка, ящерица, похитила Пояс Богини, – сухо сказал Джер аль Магриб.

Рогвальд чуть не подпрыгнул и резко обернулся к магу.

– Что?!

– Несколько дней назад Алгол передал мне Пояс, чтобы я разработал заклинания, способные расширить его магию на большие скопления войск, – черный маг говорил размеренно и спокойно. Словно ничего не случилось. – Дела заставили меня ненадолго покинуть Каэр Тартесс, и я оставил Пояс в башне, защитив его надежным заклятием.

Гном наконец опомнился. Его карие глаза превратились в щели.

– Когда я приходил за ящерицей, ты заявил что она сбежала!

– Я сказал правду, – резко ответил Джер. – Она действительно сбежала из темницы, воспользовавшись глупостью охранника. Мои люди искали ящерицу в степи, грифоны не складывали крыльев, но как выяснилось, все эти дни она пряталась в свинарнике на заднем дворе моего собственного замка.

Рогвальд невольно фыркнул. Гарун бросил на него грозный взгляд.

– Продолжай, – обратился он к магу. Тот кивнул.

– Позавчера ночью, воспользовавшись моим отсутствием, ящерица забралась в башню, миновала несколько ловушек и каким-то образом сумела обезвредить заклятие, наложенное на Пояс.

Лицо Джера аль Магриба впервые отразило эмоции.

– Я вхожу в семерку самых могущественных магов Уорра, но даже не представляю, как это стало возможным. Чтобы снять заклинание, не зная ключа, потребовалось бы поглотить столько энергии, что легче было бы заставить Шаддат взлететь!

Рогвальд усмехнулся.

– Я всегда знал, что Ри способная малышка. А воровать ее обучали лучшие

мастера...

– Это еще не все, – серые глаза Джера на миг полыхнули мертвенным светом.

– Пояс очень тяжел. Ящерица не смогла бы похитить его в одиночку. Поэтому, очевидно с помощью предателя в замке, она вызвала на помощь грифона по имени Крафт, бывшего на подозрении как Арнорский шпион.

Джер оглядел мрачных нойонов.

– Вместе с грифоном они похитили Пояс, пробудили его неизмеримую силу и, воспользовавшись ею, ускользнули от моих солдат, попутно освободив еще одного шпиона, содержавшегося в темнице.

Рогвальд фыркнул в бороду.

– Вот это да. Десять лет куча магов билась над Поясом, и не врубилась, как его применять, а ящерица и пернатая кошка, стал– быть, сразу докумекали?

– Пояс был мертв, пока не исполнил свою задачу и не освободил богиню, – резко ответил Джер. – Его прежние хранители этого не знали, потому и тратили время на бесполезные попытки раскрыть тайну Пояса.

Гном от души рассмеялся.

– Выходит, вы с каганом сами вручили врагу ключ к победе? Да, чародей, в большую лужу ты сел...

– Я созвал вас не для того, чтобы выслушивать очевидное, – отгрызнулся маг. – К счастью, прежде чем оставить Пояс в башне, я закрепил на нем маленький амулет, за которым легко уследить при помощи магии.

Он обернулся к гному и резко подался вперед.

– Вместо того, чтобы немедленно известить меня, идиоты из гарнизона замка бросили в погоню отборные эскадрильи грифонов, словно четвероногие птицы могут одолеть магию Пояса. Хотя благодаря погоне беглецам не удалось пересечь границу, они укрылись в бывшем разбойничьем логове у города Зиккурат, и я не могу перенестись туда с помощью магии, какие– то мощные чары – скорее всего, сила Пояса – блокируют мои способности. Рогвальд, ты знаешь каждый дюйм этих пещер: мы отправимся на поиски и возвратим талисман. Это следует сделать прежде, чем вернется каган.

Гном задумчиво огладил бороду.

– Блокирует магию, говоришь?.. Любопытно, кто ее надоумил...

– О чем ты?

– Наше бывшее логово на самом деле вовсе не простая пещера, – ответил Рогвальд. – В древности, когда гномы еще жили в Сердце Уорра, это был сторожевой пост наших праотцов. Там до сих пор есть проходы в Нидвеллир. Не Пояс блокирует твое чародейство, дзет– каган, совсем не пояс...

Джер стиснул зубы, нойоны молча переглядывались. Общее непонимание выразил Гарун:

– Что за Нидвеллир?

– Подгорная страна, – сказал Рогвальд. – Там бесполезна любая магия. Некогда в Нидвеллире жили гномы, но минуло уже восемьсот лет, с тех пор как мы покинули подземелья и поднялись ближе к поверхности.

– Почему? – быстро спросил Гарун.

Гном фыркнул.

– Там, в недрах, стало жарковато. Ну, что смотрите? – Рогвальд обвел военачальников тяжелым взглядом. – Нидвеллир – огромная сеть пещер, уходящая к самым корням мира. Стены там светят мрачным синим пламенем, в укромных гротах растут съедобные грибы, кристально чистые подземные реки влекут воды к Сердцу Уорра... Нидвеллир был всегда, праотцы гномов лишь расширили и углубили пещеры.

Командир флота, нойон Оро Темук, подался вперед:

– В молодости я бывал в Элирании, и слышал предания о Мории, забытой гномьей стране. Уж не она ли...

– Точно, – фыркнул Рогвальд. – По– эльфийски, Нидвеллир зовется Морией. Слышал я, назвали его так в честь древней книги, каким– то полуэльфом написанной...

– "Разноцветная книга Царств", – оборвал Джер аль Магриб. Маг напряженно размышлял. – Рогвальд, какие шансы, что беглецы отыщут проход в Нидвеллир?

Гном пожал плечами.

– Йакс их знает. Нидвеллир давно брошен, спускаться туда – все равно что в печь прыгать. Мы– то ходы заложили, но не наглухо, а так, чтоб при нужде можно

было пройти. Разбойникам всякий лишний лаз на руку...

– Где ближайший к Зиккурату ход на поверхность? – резко спросил хан Гарун. Рогвальд покачал головой.

– Чего не знаю, того не знаю. Я в Нидвеллир не ходок. Но одно скажу точно: если беглецы отыщут проход, потребуется парочка армий и маг посильней кагана, чтобы их вытащить.

Джер вскинул руку.

– Они еще на поверхности – я чувствую Пояс. Надо спешить. Рогвальд, подойди.

Гном почесал в затылке.

– Я сегодня занят, вообще– то...

– Это приказ, – оборвал маг. Вздохнув, Рогвальд развел руками.

– Как скажешь, дзет– каган. Пойду, соберу драконов.

– Мы полетим сами, – ответил колдун. Поднявшись с циновки, он потянулся всем телом и накинул капюшон. – Мне не нужны охранники.

– Неужто? А ты топор– то держать умеешь? В Нидвеллире чародейство не поможет...

– Захватим отряд воинов в Зиккурате.

– Мои драконы лучше твоих игрушечных солдатиков! – возмутился гном. Маг закрыл глаза и мысленно сосчитал до пяти.

– Подойди.

Скривившись, Рогвальд подчинился. Не тратя времени на разговоры, Джер схватил его за руку и оба моментально исчезли.

Нойоны переглянулись.

– Подозрительно все это, – заметил Оро Темук. – Как бы не пришлось нам в скором времени присягать новому кагану.

Хан Гарун тяжело вздохнул.

– Война еще не началась, а мы уже грыземся друг с другом...

– Ри? Ри, проснись!

Ящерка вскочила, дико озираясь. Она так дрожала, что уронила самострел.

– Крафт? – выдавила Ри.

Пернатый с удивлением и тревогой осмотрел вэйту.

– Что с тобой? – он притянул Ри крылом. – Плохой сон?

Судорожно сглотнув, ящерка прижалась к теплому грифону.

– Я не знаю... – она зажмурилась. – Это не мог быть сон. Слишком... Он был совсем настоящий.

– Нам пора идти, – мягко сказал Крафт. – Надо искать другие выходы из пещер. Вставай, малышка, вставай...

Ри крепче вцепилась в перья.

– Я видела тебя во сне! – шепнула она. – Но совсем другого! Словно постаревшего. Ты был весь израненый, стоял на башне разрушенного города... А потом погасло Солнце!

Грифон покачал головой.

– Это просто кошмар, не принимай близко к сердцу.

– Нет! – упрямо возразила Ри. – Это правда. Во сне я часто вижу будущее. В день, когда погаснет Солнце, у тебя родится сын... – она запнулась.

Крафт склонил голову.

– Сын? – он улыбнулся. – Пожалуй, я ошибся, такой сон кошмаром не назовешь. А что было дальше?

"Ему лучше не жить..." – Ри зажмурилась.

– Ничего, – шепнула она еле слышно. – Я как раз проснулась.

Грифон вздохнул.

– Вот так всегда. На самом интересном месте...

– Крафт, – ящерка посмотрела в голубые орлиные глаза. – У тебя есть подруга?

Пернатый усмехнулся.

– А что?

– Ответь, пожалуйста.

– Пока нет.

– Крафт, выслушай меня, – Ри нервно подергивала хвостом. – Когда встретишь подругу, и она понесет твоего первенца, заставь ее улететь вглубь Элирании, хорошо?

Обещай мне. Обещай, что вы никогда не останетесь в городе с красными кирпичными стенами. Даже если вам прикажут, не останетесь, хорошо? Обещаешь?

Грифон медленно выпрямился.

– Ты пугаешь меня, Ри.

– Просто обещай!

Крафт кивнул.

– Хорошо, малышка. Обещаю, мой первенец не родится в городе с красными кирпичными стенами.

– Не забудь, – шепнула вэйта. Горечь и страх терзали ее сердца. – Пожалуйста, это очень важно! Не забудешь?

– Нет, – улыбнулся Крафт. – А сейчас вставай. Минас уже вернулся, пора идти.

Вэйта оглянулась на эльфа, молча стоявшего у стены.

– А куда он ходил?

– Я разведывал путь, – отозвался бессмертный. – Коридор продолжает идти вниз, словно мы спускаемся в какую– то бездонную пропасть.

Ри вздохнула. Ее маленький отряд уже третий день скитался в недрах разбойничьего логова, освещая путь холодными шарами гномов. За все это время они никого не встретили – разбойники словно испарились, пропали все их вещи, даже старые бочки кто– то разрезал на доски и вынес. В главном зале, где некогда атаман Даим устраивал пиры, остались только потемневший от вина стол да груды мусора в углу.

Грот, где всего полгода назад жила Ри, тоже оказался пуст. Исчез даже портрет Альтаира, который она нацарапала на куске пергамента и спрятала в трещине. Все говорило о спокойном и неторопливом уходе, следов паники или бегства не было и в помине.

Отряд оказался в пещерах не по своей воле. Несмотря на то, что Крафт, тратя последние силы, мчался на запад почти без остановок, ищейки Владыки сумели выследить их и, миновав Зиккурат, беглецы встретили целую стаю грифонов, вынудившую их срочно менять курс. Пернатый уже сильно устал, вдобавок он был перегружен, поэтому уйти от погони не удалось. Крафт успел лишь долететь до секретного входа в разбойничье логово.

Ри очень надеялась найти здесь поддержку, и пустые пещеры оказались для нее настоящим потрясением. Однако менять планы было поздно – враги уже обнаружили вход и перекрыли пути к бегству. Конечно, с помощью Пояса Крафт мог бы пробиться на волю, но артефакт защищал только от прямого нападения, и был бесполезен против хорошей сети и клеток. Поэтому вэйте пришлось вести своих спуников вглубь логова, где раньше держали запасы еды и сокровища.

Сейчас кладовые оказались пусты; но в дальней стене самой глубокой камеры Минас обнаружил старинную железную дверь, наглухо забитую толстыми бревнами. Грифону потребовалось немало времени, чтобы освободить проход.

За дверью обнаружилась небольшая комнатка с еще одной дверью, возле которой стоял почти рассыпавшийся от времени сундук. Внутри лежали четыре потемневших, но еще годных светильника, моток истлевшего каната и ящичек с мелом. Беглецы без лишних слов воспользовались древним подарком.

Вторая дверь открылась в старый сводчатый коридор, спускавшийся куда– то вниз. Уже полтора дня маленький отряд двигался по этому коридору. Пищи у них не было, воду несли в кожаном мешке – спасибо предусмотрительному эльфу, вовремя запасся. Хуже всех приходилось Крафту: грифон, с его размерами, мог в два глотка опустошить мешок, поэтому он не пил вовсе и лишь улыбался, когда Ри просила "хоть смочить клюв". Сама она, будучи холоднокровной ящерицей, могла не пить и не есть больше недели.

Свод постепенно понижался, однако Крафт пока мог идти, не нагибая головы. Ри ехала на его спине и держала светильник, а эльф, видевший в темноте как днем, шагал впереди, разведывая путь. Так они шли вчера, так продолжили и сегодня...

Время тянулось медленно. Далеко впереди покачивался огонек в руке Минаса, следом двигался грифон, быстро и совершенно бесшумно ступая по скалам. Ри, сидя на его спине, держала теплый шар и мечтала об Альтаире.

– Крафт, – тихо позвала ящерица, когда молчание стало невыносимым. – А как устроены эти гномьи светильники?

– Насколько я знаю, внутри лежит кусочек таинственного камня, который всегда светится, не теряя яркости веками, – отозвался грифон.

– Но почему? Почему светится?

– Разве я похож на гнома? – улыбнулся пернатый. – Откуда мне знать, Ри...

Он запнулся. Встревоженная ящерка завертела головой.

– Что случилось?

– Минас остановился, – негромко ответил Крафт.

Вэйта подняла светильник повыше.

– Может, там развилка?..

Грифон не отвечал, пока они не дошли до эльфа. А затем отвечать стало не нужно. Все трое стояли на краю пропасти и смотрели вниз.

– Ри, возьми светильники и отнеси назад, в коридор, – негромко попросил Минас. – Кажется, я что– то вижу, но мне мешает свет.

Ящерка послушалась. Бегом вернувшись обратно, она чуть не вскрикнула, наткнувшись в темноте на грифона.

– Тс–с–с–с! – Крафт притянул ее поближе. – Там что– то есть.

Ри выглянула из– под пушистого крыла.

– Выход? – спросила она с надеждой.

Минас медленно покачал головой.

– Нет, не выход... – эльф выглядел ошеломленным. – Это целый город!

Крафт бросил на товарища недоверчивый взгляд.

– Город?!

Минас прищурил глаза.

– Скорее пещера, очень похожая на город, – не сразу ответил он. – Там светятся скалы, смотри!

Некоторое время все трое молча разглядывали удивительную картину, открывшуюся в призрачных синих сумерках.

Пещера – ее границы терялись вдали – действительно светилась, словно внутренность драгоценного камня. Стены и сталактиты, громадные уступчатые колонны, обломки скал, устилавшие дно, каждый камешек мрачно и зловеще полыхал синим пламенем. Едва слышное журчание воды свидетельствовало, что поблизости протекает подземная река.

– Тепло, – внезапно сказала Ри. Поглядев на Крафта, ящерка коснулась ямочек у своего носа. – Я чувствую там тепло.

– И жизнь... – пробормотал грифон. Самый зоркий из троих, он уже разглядел у основания больших сталагмитов заросли каких– то грибов. – Минас, куда ты нас завел?

Эльф недоверчиво покачал головой и уселся на край пропасти, свесив вниз ноги.

– В Ронненберге нам рассказывали легенды о Мории, заброшенной подземной стране гномов. Но даже мудрейшие из Магистров считали ее сказкой.

Пернатый фыркнул.

– Сюда бы этих умников!

– Крафт, – Минас обернулся к другу. – Восемьсот лет назад гномы покинули Морию. Здесь появилась странная болезнь, которая медленно убивала всех, кто долго находился на глубинных ярусах. Рассказывают, что у несчастных выпадали волосы, из кожи начинала сочиться кровь, вскоре приходил кашель, а за ним и смерть. Гномы узнали причину болезни, но лечения отыскать не удалось, и им пришлось уйти.

– Что за причина? – помолчав, спросил грифон. Эльф кивнул вниз.

– Свет. Год за годом он усиливается, и постепенно меняет оттенок. Синий – безопасен, блекло– зеленый вызывает болезнь, изумрудный – смерть. Если верить древним записям, во времена исхода гномов зеленым светились только самые нижние ярусы Мории. Там– то болезнь и собирала свой урожай...

Ри в ужасе уставилась на эльфа.

– А если он поднимется на поверхность?! – ящерка затрепетала. – И вся земля начнет светиться?!

– Не бойся, – быстро ответил Минас. – Если за восемьсот лет свет поднялся лишь на пару ярусов, то пройдут тысячелетия, прежде чем он погубит весь мир.

Крафт погладил перепуганную Ри крылом.

– За это время мы уж точно придумаем, как загнать смерть обратно под землю! – преувеличенно весело заявил он. И добавил, бросив на эльфа выразительный взгляд. – А пока давайте думать, что делать сейчас.

Минас пожал плечами.

– Идти вниз, возможно, означает смерть. Идти назад – верная смерть.

Пернатый молча приподнял левое крыло и указал когтем на светящиеся руны

Пояса. Минас покачал головой.

– Он не защитит нас от сетей или магических клеток. Вернуться – означает просто подарить Пояс Владыке.

Ящерка робко тронула грифонье крыло.

– А если спрятать Пояс? – спросила она тихо. – Ведь здесь бесполезна любая магия. Там, внизу, столько тайников, что целая армия за год не отыщет сокровище.

Эльф и грифон переглянулись.

– Устами младенца? – Крафт задумался. – Ха! Если Владыка пошлет отряды на поиски, их выкосит древняя болезнь!

– Сначала он выпытает из нас точное место... – хмуро отозвался эльф.

– Нет! – воскликнула Ри.

Эльф и грифон уставились на ящерку.

– Малышка, ты что? – с тревогой спросил Крафт.

– Я сама спрячу Пояс, – вэйта вцепилась в его перья. – Только я буду знать, где он хранится!

Вздохнув, грифон потрепал ящерку крылом.

– Глупышка ты хвостатая... Не хватило одного раза?

– Я хочу сдержать клятву, – горячо ответила Ри. – Однажды я сдалась, но судьба сама привела меня к Поясу. Это не может быть совпадением. Во сне я вижу войну и смерть, возвращение демона Йакса, но я знаю – он потерпит поражение! Цена... – вэйта запнулась и опустила глаза. – Я знаю, цена будет высока. Многие... очень многие погибнут. И поэтому я должна, обязана сохранить Пояс – только он сейчас стоит между миром и демоном. Если сокровище вернется к Владыке, демон победит!

– Никакого демона нет, – наставительно сказал Минас. – Успокойся, Ри. Нашими жизнями управляет Единый.

В этот раз на эльфа уставились и Крафт, и ящерка.

– Минас, я ношу Пояс Богини, – заметил грифон. – Тебе не кажется, что сомневаться в ее существовании смешно?

Эльф улыбнулся.

– Я не сомневаюсь в реальности Агайт. В Планах Единого найдется место для

всех, но Он – Единый, наш небесный отец. Превыше него нет никого и ничего.

Ри тронула Крафта за крыло.

– Если твой друг еще раз скажет что– то подобное, я его застрелю, – сухо предупредила вэйта. Грифон покачал головой.

– Наши приключения развиваются с такой скоростью, что скоро мы встретим и Богиню, и Единого. Сейчас не время для философских споров, надо решить, что делать! Воды нам хватит только на день, еды нет вовсе. А я, хоть и съедобный...

Он умолк и мгновенно развернулся спиной к пропасти. Перемена произошла столь быстро, что несколько секунд Ри ожидала окончания фразы, прежде чем опомнилась и прижалась к стене. В коридоре, на грани видимости, двигались огоньки.

– Погоня! – шепнул Крафт. – Все ко мне! Ри, принеси светильники!

Ящерка бегом исполнила поручение. Грифон побросал их в наплечную сумку Минаса.

– Дай воду!

Двумя глотками осушив мешок, Крафт шумно выдохнул и взъерошил разом все перья.

– Садитесь, скорее.

Эльф и вэйта забрались к нему на спину. Ри уселась впереди и покрепче обняла его мускулистую шею.

– Готовы? – грифон в последний раз оглянулся. Минас кивнул, ящерка только крепче уцепилась за перья. Глубоко вздохнув, Крафт расправил крылья, повернул диск на Поясе и прыгнул в пропасть.

2

Три последних дня Джихан провел в шатре отца. Юноша тяжело воспринял предательство и находился в глубокой депрессии; за все три дня они с Гаруном говорили всего раз. Большую часть времени Джихан просто сидел на коврах, закрыв глаза и скрестив ноги. Нукеры поглядывали на него с жалостью.

Несмотря на внешнюю суровость, хан Гарун очень любил своего первенца и

переживал за него всем сердцем. Поэтому, вернувшись с совещания, он решил окровенно переговорить с сыном.

– Джихан, подойди, – хан уселся на тахту и хлопнул ладонью рядом с собой.

Юноша молча подчинился.

– Пора определить твое будущее, – произнес Гарун.

Джихан пожал плечами.

– Я твой сын. Решай сам.

– Ты не только мой сын, ты мой наследник. Я не хочу принуждать тебя силой.

Юноша повернул голову.

– Тогда отпусти меня.

– Куда ты отправишься?

– В Ронненберг.

Гарун отпрянул.

– Куда?!

– В город магов, – повторил Джихан. – Там должны знать, как вернуть моих друзей.

Хан помолчал.

– Они наши враги.

– Еще нет. На спине грифона я успею попасть туда до начала войны.

– Это слишком опасно. Я не могу позволить своему сыну...

– Я мужчина, а не ребенок, – глухо ответил Джихан.

Гарун покачал головой.

– Мужчину определяют поступки. Ты еще не мужчина.

Юноша резко обернулся.

– Так дай мне шанс им стать! – вскочив, Джихан подошел к стене. От волнения он сжимал и разжимал кулаки.

За его спиной Гарун тихо улыбнулся.

– Мужчина не бросается с кулаками на могучего буйвола, – хан приблизился к сыну и положил руку ему на плечо. – Так делает обиженный мальчик.

– Мужчина не должен мириться с предательством, – ответил Джихан.

– Умный мужчина должен загнать обиду в глубину сердца, чтобы дать ей

волю, когда придет время.

– Честный мужчина должен соблюдать клятву верности, – юноша обернулся к хану. – Отец, я смешал кровь с Алтаиром. Он мой названный брат и твой приемный сын. Я не могу, не в силах его бросить.

Гарун помолчал.

– Скоро начнется война, – сказал он наконец. – Ты будешь сражаться?

– Да, – сухо ответил Джихан.

– С нами или против нас?

– С вами.

– А если твой дракон станет в ряды врагов?

Юноша усмехнулся.

– Не станет. Мы равно ненавидим эльфов.

Гарун скрестил на груди руки.

– Кем ты хочешь быть в моем войске? Сотником, десятником или воином?

– Райдером, – коротко ответил юноша.

Хан приподнял брови.

– Грифоньим наездником?

– Я хочу летать, отец.

Гарун долго молчал.

– Все наши предки были всадниками, – сказал он наконец. – Хочешь стать первым, нарушившим традицию?

Джихан покачал головой.

– Хочу положить начало новой. Времена меняются, отец. Война смещается в небо...

– Хорошо, – оборвал Гарун. – Быть райдером почетно для мужчины. Но грифон – не лошадь. Тебе придется отправиться на обучение и провести шесть месяцев дома. Это мое условие.

Джихан помолчал.

– Дай мне неделю. Всего одну неделю, и я вернусь.

– Нет. В Ронненберге тебя схватят и сделают заложником.

– Никто не узнает, кто я и откуда. Искусство маскировки мне хорошо знакомо.

Гарун приподнял левую бровь.

– Ты хочешь спросить магов, как вернуть пропавших драконов, и ожидаешь остаться неузнанным?

– Да, отец, – улыбнулся юноша. – Я выдам себя за охотника. Сейчас, когда драконы присоединились к нашим армиям, их враги стали уважаемой кастой... – он скрипнул зубами. – Я скажу, что пропавшие драконята – дети вождя всех драконов, и если их захватить, можно будет диктовать крылатым условия.

Хан отвернулся.

– Это слишком опасно.

– Желаете держать меня в золотой клетке? – Джихан прищурил глаза. – Раньше я думал, что ты хочешь видеть меня воином.

– Воин не бросается в пекло, словно обиженный мальчишка !

– Воин держит клятву верности, – негромко ответил юноша. – Отец, если я брошу побратима, я потеряю право называться мужчиной. Ответь: нужен ли тебе сын, потерявший лицо?

Гарун взял Джихана за руки.

– Мне нужен живой сын, – ответил он негромко.

– Я не смогу жить опозоренным, – Джихан чуть поднял голову. – Загляни себе в душу, отец. Я твой сын, я твоей крови. Мы очень похожи. Смог бы ты смириться на моем месте?

Хан молчал целую вечность.

– Идем, – сказал он наконец. Следом за Гаруном, Джихан покинул шатер.

Отец и сын спустились с холма и приблизились к большой юрте, возле которой отдыхал молодой черно– золотой грифон. Узнав Тахиона, Джихан стиснул зубы.

– Привет тебе, нойон, – грифон вежливо поклонился. На юношу он бросил лишь один веселый взгляд. – Чем могу быть полезен?

Гарун кивнул в ответ.

– Привет и тебе, житель неба. Познакомься с моим старшим сыном, Джиханом ибн Гаруном.

Тахион слабо улыбнулся.

– Рад видеть вас, хозяин, – он поклонился юноше. – Я кое– что для вас сохранил.

– Мне не нужен ошейник, – резко ответил Джихан.

Грифон фыркнул.

– Прогресс...

– Мой сын изъявил желание стать райдером, – заметил Гарун. – Помоги ему выбрать партнера.

Тахион распушил перья на шее.

– Райдером? – он посмотрел на Джихана совсем иначе. – Не ожидал... Похвально, похвально. Какой масти грифонов предпочитаем?

Юноша стиснул кулаки.

– Слушай, ты, курица– переросток...

– Пожалуй, я вас оставлю, – прервал хан. – Джихан, выбрав грифона, зайди ко мне. Ясно?

– Хорошо, отец, – негромко ответил Джихан.

Бросив на сына внимательный взгляд, Гарун ушел. Грифон и юноша довольно долго молчали.

– Мне нужен друг, а не раб, – сказал наконец Джихан.

– Дружба требует взаимности, знаешь ли.

Юноша отвернулся.

– Я готов, – сказал он глухо.

Усмешка тронула пластичный клюв грифона.

– Тогда первый урок: никогда не зови своего будущего друга курицей.

Вспыхнув, Джихан обернулся, но пернатый быстро приложил коготь к клюву:

– Тс–с–с–с... Шутка. Летим, познакомлю с молодыми.

С трудом взяв себя в руки, юноша кивнул и запрыгнул Тахиону на спину. Пернатый расправил крылья.

После покупки у эльфов и освобождения от ошейников, грифоны присягнули Владыке на верность. В лесу недалеко от Шаддата для них построили селение; за два пролетевших года к единственной купленной эскадрилье присоединилось вчетверо большее число свободных.

У нескольких пар уже родились птенцы, но молодое поколение пока составляли лишь дети свободных грифонов, следовавшие за родителями. Из них— то и подбирали пары для начинающих райдеров.

Тахион приземлился на полянке, где полтора десятка юных грифонов тренировались в наземном бою. При виде гостей, они побросали оружие и окружили их плотным кольцом. Здесь были пернатые разных расцветок, от угольно— черных до совершенно белых, орлиные глаза сверкали всеми цветами радуги. Тахион что— то сказал на родном языке, вызвав бурное оживление.

– Выбирай, – грифон обернулся к Джихану. – Они все достигли призывного возраста и рвутся в бой. Совсем как ты.

Он отдал команду, и молодые грифоны быстро построились в шеренгу, при этом каждый постарался распушить перья как можно сильнее. Все жадно разглядывали Джихана и шептались на родном языке. Юноша с некоторой растерянностью поглядел на Тахиона.

– Любого?

– Любого, – кивнул тот. Джихан медленно прошел вдоль строя, сопровождаемый горящими взглядами.

– Я не знаю... – пробормотал юноша. – Нельзя же так выбирать друга...

Тахион усмехнулся.

– Дружба придет со временем. Или не придет. Все зависит только от вас, птенчики.

Джихан дошел до крайнего грифона; серо— стальной, мускулистый, он был заметно крупнее товарищей. Юноша неуверенно оглядел его с головы до хвоста.

– Как тебя зовут?

– Стерх! – рявкнул пернатый.

Джихан даже отпрянул немного. Молодой грифон глядел на него с тайной надеждой, хотя изо всех сил старался казаться невозмутимым.

– Тахион, ты уверен? – юноша обернулся к своему проводнику и замер: в кустах, за спиной черно— золотого грифона, кто— то прятался. Джихан сузил глаза.

– Кто там?

Тахион обернулся.

– Где? А, это... – шагнув к кустам, он что– то сказал на родном языке. Выслушав ответ, резко повторил приказ, и только тогда на полянку выбрался еще один грифон. Он был заметно меньше других и отличался удивительно красивой пепельной расцветкой: кромки крыльев, концы лап и хвоста, две полосы вдоль спины отливали темно– серым , каждое перышко плавно светлело от серого до белого. При движении по телу грифона словно пробежали волны блеска. Джихан моргнул.

– Почему ты прятался? – спросил он удивленно.

Грифон не ответил, лишь молча прошел в дальний конец шеренги и встал там, опустив голову. Тахион тронул юношу за плечо.

– Не обращай внимания, ее тут не любят.

– Ее? – Джихан посмотрел на спутника. – Почему?

Грифон нетерпеливо дернул хвостом.

– Потом объясню. Ну, ты выбрал?

Юноша помедлил.

– Почему ее не любят? – повторил он тихо.

Тахион вздохнул.

– Это Ниагара, дочь предателя Маха. Полгода назад ее отец предал большой заговор грифонов, мечтавших о свободе, и был разорван в поединке родным братом. К счастью, эльфы довольно мягко поступили с заговорщиками; вожакам надели ошейники вечного рабства, а остальных, кто участвовал в заговоре – изгнали. Но молодежь считает поступок Маха страшным позором, оскорблением всему роду грифонов, а она – его дочь...

– Отец не предатель! – яростно крикнула грифоница. Сосед по строю наступил ей на ногу:

– Молчи, ведьма.

Джихан стиснул зубы.

– Я выбрал, – он подошел к Ниагаре и положил руку ей на шею. Среди грифонов возникло замешательство.

– Это насмешка! – возмутился серый Стерх. – Мы не позволим!

– Молчать! – рявкнул Джихан. Пернатые невольно притихли. – Вы,

благородные птицы – посмотрите на себя!

Юноша кипел от негодования.

– Разве она отвечает за своего отца?!

– Яблочко от яблони... – буркнул один из молодых. Джихан сплюнул.

– Я хотел стать райдером, потому что уважал грифонов, – процедил он сквозь зубы. – Теперь я уже не так в этом уверен. Пошли, – он обернулся к Ниагаре. – Познакомимся поближе.

Грифоница покачала головой.

– Выбери другого, – сказала она хмуро. – Я не рвусь воевать.

– Поэтому я и выбрал тебя, – серьезно ответил Джихан. – Настоящий воин никогда не ставит своей целью сражение. Его высшая цель – окончить войну.

Поколебавшись, Ниагара кивнула на Тахиона.

– Он не одобрит твой выбор...

– Он мне не хозяин, – мрачно ответил юноша.

Черно–золотой грифон фыркнул.

– А жаль, что не хозяин. Тебя не мешало бы поучить... Итак, выбор сделан.

Ниагара, ты согласна?

Грифоница внимательно посмотрела в глаза Джихана.

– Согласна, – сказала она негромко.

– Вот и отлично, – Тахион махнул крылом. – Явитесь к интенданту, пусть выдаст седло, упряжь, костюм для полетов и шлем. Потом – ко мне. Я вас оформлю как райдеров и отошлю в тыл на подготовку. Ясно?

– Так точно, – буркнул Джихан.

Взглянув на Ниагару, он протянул руку. Грифоница послушно отвела крыло.

– Хорошо, летим, – сказала она с легкой неуверенностью в голосе. – Может, по дороге ты наконец объяснишь, чем же я тебе приглянулась.

Джихан улыбнулся.

– Я и сам пока не знаю. Летим!

Небо поглотило обоих.

Грифон планировал, постепенно теряя высоту. Ри только сейчас осознала чудовищные размеры пещеры: трещина, откуда они прыгнули, давно скрылась во тьме, но впереди все так же угрюмо светились сталактиты, самый маленький из которых превосходил размерами замок Эгладор. Правая стена терялась в синеватой дымке, левая – напротив, становилась все ближе и ближе. Пещера сужалась.

– Смотрите! – вдруг воскликнул Минас. Далеко внизу, у самого основания, в стене зияло отверстие бокового прохода, и оттуда струился мертвенный зеленый свет. Из дыры вытекал ярко– зеленый светящийся ручеек, только вместо воды в нем булькала вязкая жижа, выглядящая тошнотворно даже с такого расстояния. Футах в ста от прохода ручей исчезал в трещине; скалы вокруг нее светились зеленоватым огнем, плавно перетекавшим в синий по мере удаления от ядовитого источника.

Беглецы переглянулись.

– Я начинаю понимать гномов, – сказал Крафт, спеша улететь подальше от смертоносного прохода. Эльф молча отвернулся, и только Ри продолжала смотреть назад. Ее била дрожь.

– Еще один, – вполголоса сказал Минас через некоторое время. На сей раз зеленый свет струился из трещин, покрывавших большой участок левой стены. Грифон решительно заложил вираж.

– Сдается мне, источник смерти – там, по левое крыло, – заметил он негромко. – Быть может, на другой стороне пещеры безопаснее.

Полет в подгорном царстве длился уже около часа. Пещера один раз сузилась до узкого коридора, однако быстро расширилась вновь. Лететь было нетрудно – светился каждый камешек, грифон спокойно парил, периодически взмахивая крыльями для удержания высоты.

В стенах часто попадались штольни и отверстия, однажды Минас заметил руины какой– то постройки, но время сохранило слишком немногое, и приземляться не стали. Повсюду росли ядовитые на вид фиолетовые грибы, трижды встречались подземные реки, пересекавшие пещеру от стены к стене.

Чем дальше беглецы углублялись в недра Мории, тем теплее казался воздух и труднее становилось дышать. У эльфа заложил уши, и Крафту приходилось кричать,

чтобы тот его услышал .

– Здесь здорово летается! – крикнул грифон, когда свод несколько приподнялся и лавировать между сталактитами стало легче. – Давление, а, Минас?

– Похоже, – отозвался эльф. – Но на такой глубине давление должно быть раз в шесть больше!

– А я думаю, мы вовсе не так глубоко, как кажется, – заметил грифон. – Вспомни, в этом районе на поверхности горный кряж, вся местность намного выше уровня моря.

Он распушил концы крыльев и замер, паря в потоках теплого воздуха.

– Смотри, я почти не теряю высоты. Значит, давление приближается к двум атмосферам.

– Не знаю что там с давлением, но запахи здесь... – Минас поморщился. – Словно в кузнице.

Пернатый усмехнулся.

– Пахнет металлом?

– А разве ты не чувствуешь?

– Запах металла? – Крафт рассмеялся. – Нет.

Эльф запнулся. Пока он осмыслял слова грифона, Ри тревожно оглядывалась.

– Здесь правда пахнет металлом, – шепнула она Крафту. – Очень сильно пахнет.

Грифон улыбнулся.

– Все правильно, ящерка, это озон. Воздух здесь полон озона, видимо пещера почти замкнута или имеет собственный источник газа.

– Что такое озон? – в недоумении спросила вэйта.

Крафт фыркнул.

– Это воздух после грозы, – объяснил он. – Им очень легко дышать, но если озона слишком много – есть риск повредить легкие. Нам, крылатым, все это знакомо с незапамятных времен.

– Что ж, тогда многое становится ясным... – пробормотал Минас. Ри, которая ничего не поняла, молча отвернулась и продолжила рассматривать пещеру.

Пейзаж навевал грусть. Вэйта почему-то вспомнила холодный ноябрьский

день, когда толстая повариха Марта послала ее в деревню, заточить ножи. Это был последний день в жизни наивной ящерики– служанки, и первый – в ее новой, полной опасности и приключений жизни разведчицы.

"Добилась ли я хоть чего–нибудь? – мрачно подумала вэйта. – Я подарила Алазару три месяца счастливой жизни, но не смогла его спасти. Я подарила себе год мучений и горя, но узнала Альтаира... Я растревожила настоящее змеиное гнездо, и наверняка приблизила начало войны. Но мой хвост обернут вокруг Пояса, и вновь от меня зависит судьба целых стран. Хотела ли я такой судьбы?.."

Ри вздохнула.

"А какая разница. Меня– то никто не спрашивал... Схватили, бросили в пучину событий, и ждут – выплыву или нет"

Крафт продолжал лавировать между скалами, тяжелый воздух и духота мешали думать. Устроившись поудобнее на широкой грифоньей спине, уставшая ящерица закрыла глаза.

"Я только чуть–чуть подремлю... "

Глава 10. Пришельцы

Первую ночь у раненного дракона мы совсем не спали. Днем, немного отдохнув, я отправилась на охоту и подстрелила небольшую антилопу. Куросао отвернулся, когда я притащила еще живую добычу; я попросила его отвезти Тошибу подальше, а сама приоткрыла дракону пасть и положила антилопу между зубов. Хотя крылатый был без сознания, рефлексy сработали и клыки пронзили животное насквозь.

Антилопа забилась, закричала от боли. Мне хотелось отвернуться, но только так можно было помочь раненному. Тот, не раскрывая глаз, пил горячую кровь, челюсти сжимались все сильнее. Скоро послышался хруст, и мучения антилопы прекратились. Дракон сглотнул кровь, медленно приподнял веки и посмотрел на меня мутными от боли сиреневыми глазами.

– Все в порядке, – сказала я быстро, затем повторила на общем языке. Дракон попытался ответить, но снова потерял сознание.

Пришел в себя он лишь поздно вечером. За это время Куросао нашел неподалеку ручей, и я смастерила из сырой шкуры антилопы что-то вроде ведра с клапаном, чтобы можно было держать зубами. Дракон жадно напился, не отводя от меня сиреневых глаз.

– Ррса... – прохрипел он, когда вода кончилась. К моей радости, слово оказалось знакомым – "еще". Выходит, колдовской обруч Тотчигина знал язык драконов! Послав Куросао за водой, я раздавила в кулаке лист алоэхи и принялась осторожно счищать засохшую кровь с чешуек.

– Кто вы? – прохрипел дракон, когда Куросао вернулся с водой. Я подождала, пока раненный выпьет, и только тогда ответила:

– Хаятэ Тайе, рода Акаги Годзю с Ямато. Все будет хорошо.

– Откуда вы взялись? – немного спокойнее спросил дракон. Голос у него оказался низким, с хрипотцей, но отчетливо женским. Значит, это и вправду мать из разоренной пещеры, а не другой дракон, случайно попавшийся на пути.

– В селении тавров мне сказали о вашем доме, – я коротко описала свои приключения после знакомства с Тотчигиным. Драконесса слушала молча, лишь по глазам было видно, какую боль ей приходится терпеть.

– Он был мертв? – спросила она тихо, когда история дошла до расправы с охотниками. Я опустила голову.

– Прости. Я пришла слишком поздно, и не успела спасти твоего мужа. Но он был отмщен.

Драконесса зажмурилась и молчала целую вечность. На всякий случай я попросила Куросао принести третье ведро воды.

– Зачем вы спасли меня? – прошептала она наконец. – Все, кого я любила, мертвы. Я надеялась встретиться с ними по ту сторону...

– Нет другой стороны, – оборвала я резко. – Мы живем здесь! Не думай о смерти. Думай лучше о мщении.

– Кому? – спросила она с горечью. – Нас, крылатых, в этом мире осталась ровно сотня. Нам запрещают иметь детей, а ослушников, таких как мы с Радагором, уничтожают. Число драконов не должно превышать сотни, только с этим условием нас пощадили!

Драконесса попыталась встать, но сил не хватило, и она со стоном уронила голову обратно в траву.

– Думаешь, ты спасла мне жизнь? – спросила она, хрипло дыша. – Теперь, в отместку за убитых охотников, Джилфьяни разорит десятки наших пещер. Мы с Радагором знали, на что шли, когда родили сына, а ты? Откуда ты явилась?

Мне потребовалась вся воля, чтобы справиться с шоком и закрыть пасть. Несколько минут я молча смотрела в сиреневые глаза драконессы.

– Я не знала, – только и смогла сказать.

Крылатая мучительно зажмурилась.

– О, небо, за что ты посылаешь нам столько горя... – она судорожно выдохнула. – Улетай, глупышка, улетай пока не поздно. Я скажу людям, что в припадке ярости сама убила охотников, и тогда, возможно, других пощадят...

– Нет, – сказала я. – Теперь я точно не улечу.

Драконесса открыла глаза и долго на меня смотрела. Внезапно ее зрачки расширились:

– Откуда у тебя этот медальон?! – прошептала она.

– Подарок сэнси.

– Как звали твоих родителей?

– Не знаю, – ответила я сухо.

Драконесса тяжело дышала.

– Спрячь медальон, – шепнула она. – Спрячь поскорее! Если его увидят люди, тебя ждет нечто худшее, чем смерть!

– Нечто худшее, чем смерть, настигнет меня, если я послушаю твоего совета! – мой голос едва не сорвался на крик. – Я никогда, никому не позволю так унижать мой род! Как ты можешь... Как ты смеешь!

Вскочив, я отвернулась и прижалась рогами к дереву. Сердце в груди колотилось так, словно готово было выскочить. Я никогда... Никогда не думала. Не ожидала! Как же это... Почему?!

Внезапно в голову пришла новая мысль. Крестьяне на моем острове – ведь самураи иногда поступали с ними даже хуже. Но я никогда... Никогда не ставила себя на их место!

– Где живут драконы? – спросила я глухо. – Тебе нужна помощь целителя.

– Я обречена, – тихо отозвалась драконесса. – Не рискуй ради меня жизнью, маленькая. Я нарушила закон и должна умереть, а сын мой станет чучелом в замке Джилфьяни. Улетай, Хаятэ. Нас и так осталось слишком мало.

– Твой сын? – я повернулась. – У охотников, когда они проскакали мимо, не было с собой драконьего тела. Где ребенок?

Драконесса долго не отвечала.

– Я не знаю, – сказала она наконец. – Помню, как продиралась через кусты, потом ветка задела гарпун – и темнота. Так ты не видела моего сына мертвым? – спросила она внезапно с такой надеждой в голосе, что я содрогнулась даже.

– Нет, – я подошла к раненной и положила руку на одну из стрел, торчавших из ее тела.

– Наверно, его захватили люди с огненными палками. Кроме них некому было спугнуть охотников.

– Огненные палки? – переспросила драконесса. Я покачала головой.

– Спи. Ты потеряла слишком много крови. Утром продолжим разговор.

– Подожд... – она попыталась возразить, но я выдернула стрелу, и драконесса с тихим вздохом потеряла сознание.

А меня душил гнев. Так еще никогда не было, впервые в жизни я не могла справиться с бешенством. Чтобы хоть немного успокоиться, я подняла окровавленный гарпун и начала самую сложную ката, которой владела. Свист воздуха, рассекающие движения лезвия, глубоко дышать... Я не взбешенный дракон, нет, теперь я журавль, расправляющий крылья – вот так! А вот старый самурай ловит рыбу... Рыба скользкая, все время уворачивается! Ветер гонит тучи. Начинается дождь, мне нельзя мокнуть – надо сделать зонт... Так, так! Вдали раскачивается пугало, ветер рвет его лохмотья. Ветер! Ты мой! Хэ, нагамаки! Камикадзе, божественный ветер, я зову тебя! Ты принадлежишь мне, ветер, я твоя госпожа! Риу–дзе, риу–хэ, теперь я снова дракон! Я небесный дракон, сериу, я закручиваю ветер в вихри, и вот уже ураган, созданный мной, кружит воздушный змей! Татсу–та, драконьи вихри, кружат, кружат, кружат, вот так!!! И так!!! И еще вот так!!!

...Я пришла в себя от испуганного ржання. Поляну заливал зловещий красный

свет, Куросао стоял у куста, прижавшись к нему всем телом, Тошиба скулил от страха у него под ногами. А землю устилалаи разрубленные в щепки ветви деревьев.

– Что? – я тяжело дышала. – Что случилось?

Конь так на меня посмотрел, что по крыльям пробежали мурашки. С трудом заставив себя разжать пальцы, я уронила гарпун и села на хвост, прямо где стояла. Красный свет, заливавший полянку, медленно гас.

Красный свет? Вздвогнув, я оглянулась – свет последовал за мной. И тогда я поняла.

Это светились мои глаза.

На рассвете я сходила к ручейку помыться. Гнев и ярость вчерашнего вечера немного отпустили, но внутри меня все словно перевернулось от рассказа драконессы. Даже Годзю, даже страх за него не смог бы теперь вернуть меня обратно. Это... Это трудно объяснить. Я как будто впервые открыла глаза, увидела себя со стороны – увидела молодого дракона, воспитанного людьми.

Как я попала к Годзю? Этот вопрос не слишком беспокоил меня много сезонов, пока я была ребенком, и вот, кажется я наконец нашла ответ. Наверно, мои родители тоже... нарушили закон. И умерли. Новорожденную драконочку нашли воины с моего острова, доставили Годзю и он сжалился над зверенышем, позволив старому мудрецу Ханасаке выходить дракона. А позже, видимо, привязался ко мне и удочерил. Да, конечно, все так и было! Не зря я любила Годзю как отца, хороший он человек. А я... А я – кто?

– Кто ты? – спросила я свое отражение в ручейке. – Дракон или человек? Самурай или крылатая рептилия?

Ответа не было, и мне внезапно стало так плохо, что пришлось сесть прямо в воду. Стиснув когти, я зажмурилась от боли. Так кто же я? Дракон или самурай? Что мне теперь делать, кому хранить верность?!

Годзю заменил мне отца, мудрый Ханасаки обучил всему, что я знаю. Я выросла среди людей, более того, всю жизнь считала себя заколдованной девушкой. Значит, я – человек?

Но мои настоящие отец и мать, которых я никогда не видела, были убиты охотниками. Вчера, спасая драконов, я впервые ощутила бусидо – ощутила собственную душу. Я крылата, покрыта чешуей, имею рога и хвост, я одной крови с драконами – значит, я дракон?

Так кто же?!

– Кагири, – прошептала я. – Помоги, Кагири, иначе я потеряю сама себя. Пожалуйста, помоги...

Медальон отозвался мягком звоном, и внезапно заговорил. Заговорил моим голосом.

– ...Я знаю, тебе известна вся правда о моем рождении и воспитании. Ты знаешь, кто и по какой причине оставил меня Годзю; знаешь, почему из всех дочерей только меня Годзю посвятил в бусидо. Так вот, Кагири... Я не хочу все это знать. Я – Хаятэ Тайе, Сокол Бури, и какая бы жизнь ни ждала меня впереди – я проживу ее сама.

Последние слова Кагири произнес чуть иначе. Слегка изменился тембр, понизилась тональность, и мой голос превратился в чужой. Чужой – просто очень похожий.

Я долго молчала, не замечая, как по лицу медленно текут слезы. Да, я – Хаятэ Тайе. Просто Хаятэ. Не дракон и не человек. И впереди меня ждет жизнь – моя собственная. Не похожая ни на что.

Вот и отлично.

– Спасибо, – шепнула я медальону, нежно его лизнув. Кагири не ответил. Впрочем я и не ждала: свое дело он уже сделал. Помог.

Тяжело вздохнув, я открыла глаза и огляделась. В утреннем тумане смутно проступали деревья, прохладная вода с журчанием обтекала мою чешую и стремилась дальше, из тумана в туман, из прошлого в будущее. За спиной на берегу молча стоял черный конь, и я внезапно ощутила к нему глубокое уважение. Он понял, что со мной происходит, и не стал мешать.

– Как же тебя зовут? – спросила я тихо. – Подскажи, дай знак. Я хочу хоть чем– то облегчить твою судьбу...

Курсао шагнул вперед и молча ткнулся носом мне в плечо. Я обняла своего

коня.

– Тебе опасно быть рядом со мной, – прошептала я. – Ведь я могу умереть в любой миг, это судьба и самураев, и драконов. Возвращайся в Степь, живи свободной жизнью, собери целый табун друзей и наслаждайся, пока есть время..

Конь смерил меня внимательным взглядом. В больших черных глазах мерцали искорки смеха, и я поняла – он улыбается. Так и не издав ни звука, Куросао губами ухватил меня за крыльевой палец и потянул на берег. Пришлось подчиниться.

Когда мы вернулись, на поляне стоял большой серебряный дракон. Он что– то делал с раной драконессы, за расправленными крыльями не было видно подробностей. От неожиданности я чуть не схватилась за меч.

– Кто ты? – подбежав к драконессе, я в изумлении остановилась. Ее страшная рана закрылась, оставив только уродливый шрам, грудь вздымалась ровно и мощно. Серебряный дракон смотрел на меня со странной грустью в глазах.

– Тише, – сказал он на общем языке. Голос оказался низкий, с рокотом, даже страшный немного. – Я целитель Тангорн.

Немного опомнившись, я заставила себя закрыть пасть и коротко кивнула.

– Хаятэ Тайе с острова Ямато.

– Я знаю, – ответил Тангорн. – Мы следим за тобой со вчерашнего дня.

– Мы? – я невольно оглянулась.

– Да, драконы, – Тангорн улыбнулся. – Ты очень смелая девочка, Хаятэ.

У меня сами собой выдвинулись когти на руках. Усилием воли я втянула их обратно.

– Так вы наблюдали за охотой? – спросить удалось почти спокойно. – Вы все видели, и не вмешались?

Дракон тяжело вздохнул.

– Хаятэ, – он шагнул вперед, явно намереваясь обнять меня крылом. Я отшатнулась:

– Не прикасайся ко мне!

– Сначала выслушай, – Тангорн остановился. – Мы уже знаем, что ты выросла среди людей и ничего не знаешь о драконах. Прежде чем судить нас, позволь рассказать историю драконьего племени – ведь это и твое племя, помнишь?

– Я многое помню, – сказала я негромко. – Но знаю одно: если вы молча смотрели, как охотники погубили ее семью, – я кивнула на драконессу, – то вы не моего племени.

Тангорн вновь вздохнул.

– Девочка моя... – он разлегся на траве, подогнул левое крыло вперед и уложил на него голову. – Во первых, мы просто не успели спасти Радагора и его семью. Нас очень мало, Хаятэ, всего сотня на всю планету. Во вторых, иди сюда. Пока я буду рассказывать, пусть магия займется твоими крыльями.

Я оглянулась на Куросао. Черный конь мрачно разглядывал драконов, а Тошиба продолжал мирно спать под деревом. Хорошо ему, наверно здорово быть таким безмятежным...

– Я не причиню тебе вреда, – ласково сказал Тангорн. – Опомнись, девочка, мы же одной крови. Между драконами не должно быть вражды.

– Это еще вопрос, одной ли мы крови, – буркнула я. Однако дальнейшее сопротивление выглядело бы глупо, ведь ему и в самом деле нет смысла причинять мне вред. Поэтому я осторожно приблизилась, готовая отпрыгнуть в любой миг. Тангорн поднял руку.

– Повернись и расправь оба крыла. Ты ничего не почувствуешь, магия лечит без боли.

– Магия? – спросила я, стоя спиной к целителю. – Если драконы так сильны в магии, почему нас осталась всего сотня?

Тангорн долго не отвечал. Я чувствовала его мягкие прикосновения к перепонке, странное ощущение прибывающей энергии усиливалось с каждой секундой. Оно так меня поглотило, что когда серебряный дракон наконец заговорил, я даже не сразу сосредоточилась.

– Среди нас всего четверо магов, – негромко сказал Тангорн. Он продолжал говорить на общем языке, наверно не знал, что мне известен драконий. – И трое других слабее меня. Магия не свойственна драконам, только избранные способны ее

ощущать. Когда– то, если верить легендам, среди нас рождались не просто маги, а боги во плоти, но те времена давно миновали. Сегодня я, самый могущественный дракон– маг, могу лишь врачевать раны.

В голосе Тангорна звучала горечь. Я молчала, Куросао подошел ближе и стал рядом, неприветливо поглядывая на серебряного дракона. А тот продолжал свою невеселую повесть:

– Когда– то нас было много. Мы жили на южном материке, никого не опасаясь и не ожидая беды. Но десять оборотов назад произошел Катаклизм, страшная катастрофа, навеки отрезавшая нас от родной планеты. А следом, ведь беда никогда не приходит одна, с севера явились полчища варваров верхом на гигантских орлах...

– Рокхи? – спросила я.

– Да, – кивнул Тангорн. – Их зовут Рокхами. Мирные племена людей и пардов, делившие с нами материк, были уничтожены почти целиком. Драконы яростно сопротивлялись, но тоже потерпели поражение. Предводителем варваров была бессмертная женщина по имени Джилфьяни. Она со своей гигантской птицей убила десятки наших братьев и сестер, разорила последний город. Казалось, племя крылатых обречено, и никто не сможет нас спасти.

Тангорн перешел к моему второму крылу.

– Тогда последние драконы собрались вместе, и послали к Джилфьяни просьбу о пощаде. Она согласилась, поставив два условия: драконов никогда не станет больше сотни, и раз в сезон, она лично станет убивать одного из нас по ее выбору. К тому времени из всего нашего рода в живых оставалось всего семьдесят три дракона; они подчинились.

Тяжело вздохнув, Тангорн повернул меня лицом к себе и сделал приглашающий жест.

– Попробуй подвигать крыльями .

Опомнившись, я расправила крылья на всю длину и недоверчиво осмотрела. Разрезы и дыры в перепонках пропали, чешуя сверкала ровным синим блеском, словно боя в пещере вовсе не было. А помахав крыльями, и ощутив сопротивление воздуха , я едва удержалась от радостного вопля. Только сейчас стало понятно, как сильно меня тяготило потерянное небо.

– Потрясающе... – я взглянула на Тангорна. – Спасибо!

– Не за что, малышка, – грустно ответил дракон. – Если мы не будем помогать друг другу, то кто же...

Помолчав, я взглянула на зеленую драконессу, все это время молча сидевшую у дерева.

– Что с нею будет?

– Ей придется улететь, – ответил Тангорн. – Сейчас, из-за гибели ее семьи, нас вновь меньше сотни, но она нарушила не только требование Джилфьяни, но и наш собственный закон – никогда не подвергать опасности другого дракона.

– Я просто хотела семью, – с болью прошептала драконесса. – Хотела ребенка...

– Из-за тебя могли погибнуть все мы, – сурово ответил Тангорн. – Варвары не ведают пощады, ты знаешь это лучше меня.

Я ударила хвостом.

– Но почему вы не восстанете?! Неужели за десять оборотов – четыреста сезонов! – никто не рискнул убить эту ведьму?!

– Каждый сезон происходит поединок между нею и драконом, – мрачно ответил Тангорн. – Каждый сезон один из нас гибнет. Говорят, на Джилфьяни лежит заклятие, и ни один дракон, никогда не сможет ее убить...

– Это мы еще посмотрим, – сказала я спокойно. Впервые со дня побега из замка, передо мной появилась четкая цель. – Это мы еще посмотрим, Тангорн.

Оглянувшись, я подмигнула своему коню.

– Что скажешь, Куросао? Посмотрим?

Жеребец ударил копытом. Я рассмеялась.

– Тангорн, – обернувшись, я положила крыло на плечо серебряного дракона. – Я одной крови с вами, это верно. Но в душе я воин. Не знаю, откуда я появилась в этом мире, но мир скоро пожалеет, что не подружился со мной заранее. Я – Хаятэ Тайе, Сокол Бури. И я докажу, что не зря зовусь буревестником.

Весь этот день мы провели в лесу, ожидая пока драконесса наберется сил для

далекого пути к горам. Я жадно спрашивала Тангорна о драконах, Куросао молча слушал. Только Тошиба, наевшись мяса антилопы, безмятежно играл в сторонке, что-то мурлыча себе под нос.

– Мы прилетели в этот мир на звездном корабле всего за несколько сезонов до Катаклизма, – рассказывал Тангорн. – Только тогда сезоны назывались годами. Основав первый город, корабль отправился обратно на нашу далекую родину, Дракию, чтобы привезти новых драконов, и тут произошел Катаклизм. Корабль так и не вернулся. Нас, колонистов, было немного, и если бы не помощь от людей и пардов, драконы не сумели бы закрепиться в этом мире.

– Ты все время говоришь "этот мир", "эта планета", – спросила я. – Но ведь у нашего мира есть имя – Земля.

– Если бы, – вздохнул дракон. – Многие местные жители зовут эту планету Землей. Но на самом деле, это совершенно другая планета. Земля – родина людей, там всего одно солнце и никогда не водились драконы, тавры, ярры и парды, – он кивнул на Тошибу.

Я вздрогнула.

– Парды? Ты знаешь, где живут его родичи?

– Их тоже осталось мало, – мрачно ответил Тангорн. – Парды смертельные враги народа Джилфьяни, их поселки скрываются в чащах и горных ущельях. С самого завоевания, парды ведут партизанскую войну и добились кое-каких успехов, но число их непрерывно падает, и рано или поздно они вымрут, как вымерли бы и драконы, не заключи мы позорный мир с завоевателями.

Куросао гневно заржал. Я погладила его по шее, чтобы успокоить.

– Тавры говорили, жители Степи часто охотятся на драконов. – Обернувшись к Тангорну, я угрюмо спросила: – Это правда?

– Не так уж часто, – отозвался серебряный дракон. – Мы живем среди гор, в долине Вэйр Саттан, люди там не появляются. Да, время от времени кто-нибудь из нас гибнет, попав в ловушку или встретив на охоте Рокха, но мы уже привыкли. К тому же, гибель дракона означает появление в долине нового ребенка.

Крылатый мечтательно улыбнулся.

– Знала бы ты, Хаятэ, как о них заботятся... Дети стали слишком большой редкостью, далеко не каждая драконесса за свою жизнь успевает родить малыша.

Я вздрогнула.

– За целую жизнь ? Сколько сезонов живут драконы?

– Мы бессмертны, – ответил Тангорн. – Но нас всего сотня. Раз в сезон Джилфьяни избирает себе жертву, и поэтому ни один дракон не проживет больше двух с половиной оборотов. Мне идет уже восьмой десяток, скоро настанет и моя очередь.

От гнева у меня сами собой выдвинулись когти. Зеленая драконесса тихо плакала, накрыв голову крылом.

– В этом сезоне Джилфьяни уже убила дракона? – спросила я ровным голосом. Тангорн покачал головой.

– Это происходит в первый день зимы, если светит Белое солнце, и в десятый день лета, если на небе Желтое. В этот день никто из нас не покидает долину. На закате прилетает огромный седой орел, с его спины Джилфьяни произносит ритуальные слова, напоминая о договоре. Ответить всегда должен золотой дракон, не проживший двадцати сезонов. Остальные ждут, выстроившись кольцом вокруг особого жертвенного камня, установленного в центре долины. Дождь, снег, ураган – не имеет значения, там должен присутствовать каждый. Даже новорожденных нельзя оставить в пещере.

Голос Тангорна звучал глухо от сдержанной ярости.

– Она проходит вдоль нас, делая вид, что избирает жертву, но на самом деле Джилфьяни всегда выбирает старейшину племени. Если выбор падает на дракона, он уединяется в пещере со своей подругой и зачинает ребенка, который родится через сезон и будет присутствовать на следующей церемонии; если избрана драконесса, она должна назвать молодую пару, которая родит ребенка ей на замену. Затем, с последним лучом солнца Джилфьяни и ее жертва улетают. Всю эту ночь мы должны оставаться в пещерах. Утром, проснувшись, мы находим отрубленную голову на жертвенном камне, и начинается новый цикл. Так продолжается уже триста сорок шесть сезонов.

Тангорн помолчал.

– Она всегда узнает, когда нас становится больше сотни. Если это происходит, долину окружают воины верхом на орлах, и мы должны сами выдать преступников, иначе будет убит каждый десятый дракон в племени, не взирая на пол и возраст. Вот так мы живем, Хаятэ.

Я тяжело дышала от ярости.

– Где город Джилфьяни? Как ее найти?

Серебряный дракон долго молчал. Затем, протянув руку, коснулся моего медальона.

– Что ты знаешь об этой драгоценности?

– Она живая, – ответила я, борясь с бешенством. – Ее имя Кагири– то.

– Живая? – Дракон недоверчиво моргнул. – Что это значит?

Я сняла медальон с шеи.

– Вот, послушай.

Пока пораженный Тангорн внимал голосу – я рассказывала о побеге с острова, но серебряный дракон, конечно, не знал речи Ямато – я решила полетать, чтобы хоть немного успокоиться, и взмыла над деревьями. Чувство полета вернулось почти сразу, крылья слушались идеально, мир мчался навстречу и послушно кувыркался, когда я выделывала в воздухе первую на свете летучую ката. Я сама ее придумала, сезона три назад, и с тех пор отточила до совершенства.

Джилфьяни... Разворот, пике, горка с набором высоты... Ведьма! Удары хвостом, вращение, плавные движения крыльев. Ты заплатишься за кровь моего рода, Джилфьяни. Теперь это дело чести. Ты не останешься жить. Я отрублю тебе голову и выставлю ее на жертвенном камне в долине драконов!!!

Гнев немного отпустил, но внезапно, во время одного из поворотов я взглянула на восток, где заканчивался лес, и заметила вчерашних людей с огненными палками. Пять всадников неторопливо ехали вдоль кромки леса, во все глаза наблюдая за моим полетом.

Их страшное оружие висело за спинами, но мне совсем не хотелось проверять, во что превратится молодой дракон если в него выстрелят из такой штуковины. Поэтому, сделав вид словно продолжаю ката, я спикировала к земле и, едва люди скрылись за деревьями, метнулась к полянке.

Там ничего не изменилось. Тангорн все так же слушал медальон, Куросао щипал травку, Тошиба и раненая драконесса спали. При виде моего лица серебряный дракон вскочил.

– Люди? – быстро спросил он.

Кивнув, я схватила медальон и запрыгнула на коня.

– Пятеро. С огненными палками.

– Они уже здесь?! – крылатый отпрянул.

Я быстро обернулась.

– Кто они?

– Солдаты, – ответил Тангорн. – Солдаты из другого мира. Прилетели около сезона назад и основали большую базу на юге. Парды пытались вступить в контакт, четверо погибли, один выжил и предупредил народы Степи. Если бы драконов не было так мало...

Куросао гневно заржал, словно хотел возразить. Я погладила его по шее.

– Они считают разумными только людей? – спросила спокойно.

– Никто не знает, – Тангорн покачал головой. – Переговоры с пришельцами ведут лишь воины Джилфьяни, даже ярры опасаются приближаться к их базе после того, как неведомое оружие уничтожило семерых лучших следопытов.

Я обернулась и долго смотрела в сторону, где видела людей. Оружие... Их оружие притягивало меня, словно петля на хвосте. Вспомнился маленький вулкан огня, возникший рядом с Куросао во время вчерашней погони. Да, с таким оружием я не только убью проклятую Джилфьяни, но и смогу оказать Годзю заметную помощь...

– Тангорн, – сказала я негромко. – Всадники уже видели меня, но о вас не знают. Забирайте Тошибу и возвращайтесь в горы.

Дракон смерил меня подозрительным взглядом.

– Что ты намерена делать?

– Вступить в контакт, – я криво усмехнулась.

– Забудь об этом! – резко ответил Тангорн. – Наш род терпят только потому, что мы никогда не нападаем на людей и их скот. Я не позволю ...

– Я не нуждаюсь ни в чьих позволениях, – оборвала я резко. – Это мое решение и моя война. Летите!

Выхватив меч, я указала на горы.

– Мы отправляемся за головой Джилфьяни. Куросао, ты со мной?

Черный конь тряхнул гривой и тихо заржал. Я улыбнулась.

– Лети, Тангорн, – сказала мягко. – Позаботься о Тошибе, если мы не вернемся.

– Хаятэ, остановись! – зеленая драконесса протянула руку, но я легонько хлестнула Куросао хвостом и унеслась в чащу. Тангорн хотел нас перехватить, да только взрослому дракону в лесу не легче, чем тигру в тесной клетке; конь легко увернулся. Скоро полянка осталась далеко за нашими хвостами.

– Уверен, что хочешь так рисковать? – спросила я жеребца. Куросао покосился на меня черным глазом и только ускорил бег.

Что ж, иногда отвечать можно и молча.

Всадники все так же неторопливо ехали вдоль кромки леса, изредка перебрасываясь словами. Одеты они были в необычную, усыпанную карманами одежду темно– зеленого цвета с желтоватыми пятнами и полосками. Мне сразу вспомнились черные балахоны ниндзя с нашего острова, и я невольно отползла поглубже в тень; справиться с пятью ниндзя, имея только меч и пару арбалетов? Тем более с ниндзя, вооруженными огненными палками...

Мы с конем затаились в конце той самой просеки, что видели вчера. Отсюда всадники были хорошо видны. Несколько минут я размышляла, что делать дальше.

– Куросао, пока есть лишь один план, – сказала наконец. – Сейчас ты в панике выскочишь в Степь и примешься брыкаться, ржать и строить из себя смертельно испуганную лошадь. Когда они погонятся за тобой, скачи обратно – здесь будет лежать раненный дракон, желавший поймать тебя с воздуха, но вместо этого наткнувшийся на сук...

Конь замотал головой и несколько раз ударил копытом. Я вздохнула.

– У тебя есть идеи получше?

Жеребец кивнул и повернул голову, ткнувшись носом в один из арбалетов, перекинутых через его спину. Я покачала головой.

– Нет. Убивать их пока нельзя. Сначала надо разведать.

Куросао яростно ударил копытом. И тут мне пришла в голову блестящая идея.

– Слушай! – я схватила его за гриву. – Что сделают люди, увидев мертвого дракона, подвешенного на дерево, горящий костер, а рядом – великолепного коня?

Жеребец удивленно всхрапнул. Я кивнула.

– Они поедут искать охотника, вот что, а у добычи оставят только одного, максимум двоих!

Куросао неуверенно оглянулся на всадников. Я покачала головой.

– Другого плана придумать мы просто не успеем. Вперед!

Пробираться в чаще леса было непросто, кусты и колючки цеплялись за шерсть Куросао. Мне пришлось расправить крылья и прижать их к бокам коня, чтобы прочная перепонка послужила защитой. К счастью, люди ехали шагом, и всего за полчаса их удалось заметно обогнать. Теперь следовало действовать молниеносно.

Схватив арбалет, я отмотала с приклада длинную кожаную ленту, сложила втрое и завязала на концах скользящие петли, как учил Кодзуми. Лентой со второго самострела стреножила Куросао; конь тяжело вздохнул, но недовольства не проявил.

Выхватив арбалетную стрелу, я огляделась в поисках зверюшек или птиц. На ветке ели сидела облезлая ворона; метнув стрелу, я сбила ее и одним прыжком оказалась рядом. Горячей птичьей кровью вымазала себе лицо, горло, левый бок и пах, потом вырвала стрелу, обломила острие и бросила древко под дерево. Остаток вороны проглотила, поскольку была голодна.

– Я похожа на добычу? – спросила коня. Тот кивнул. Выхватив меч, я одним ударом срубила маленькое деревце и завихрилась в ката "Божественные молнии крушат скалу". Меньше чем за минуту деревце оказалось изрубленным в щепки.

Сложив из них походный костер, я побросала туда вороны перья, сверху зеленых листьев для дыма, подожгла все это заклинанием огня и прыгнула к большому дереву, росшему по соседству.

– Готов, Куросао?

Жеребец тихо заржал. Вздохнув, я по рукоять вогнала меч в землю у самого ствола, сняла медальон и сунула его в рот. Затем, перебросив кожаный ремень через толстую ветку, подпрыгнула и подтянулась, вцепившись в дерево крыльевыми

когтями. Пропустив ремень спереди вокруг горла, я надела петли на рога, проверила, легко ли их сбросить, и наконец повисла, беспомощно уронив руки и крылья.

Жеребец тревожно всхрапнул. Я открыла глаза.

– Что?

Куросоа наклонил голову набок и высунул язык.

– Правильно, – последовав его совету, я приоткрыла пасть и вывалила язык наружу.

Висеть было жутко неудобно. Надеюсь, люди быстро отыщут жертву неведомого охотника и снимут с дерева, чтобы освежевать.

Ух, что я тогда с ними сделаю!

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем послышался стук копыт и удивленное восклицание. Пришпорив коней, всадники подскакали к дереву и спешили. Я ощутила знакомый запах дыма.

– Это тот детеныш, что порхал над лесом час назад! – на отрывистом языке воскликнул один из людей. Я впервые слышала такую речь, но колдовской обруч Тотчигина не подвел и сейчас. Похоже, тавры знают гораздо больше, чем кажется.

– Ты лучше погляди, какой конь... – восхищенно протянул другой голос. – Здесь побывал не простой охотник.

– Точно, не простой, – мрачно сказал первый человек. – Смотрите, на земле сломанная стрела. Дикари не носят арбалетов.

– Кстати, а куда делся охотник?

– Нас испугался, наверно...

– И бросился бежать, оставив такого коня? – в голосе второго человека прозвучала тревога. – Он где-то здесь!

Несколько секунд царил тишина. Я живо представила, как люди оглядываются по сторонам.

– Джексон, проверь, ящер жив? – отрывисто приказал третий голос.

– Издеваешься? Посмотри, как его изуродовали... – я ощутила прикосновение

руки к хвосту. – Да он еще теплый! Охотник совсем рядом.

– Эх, не поймали зверюшку, пока было время...

– У нас уже есть образец этого вида.

– У нас зеленый, а этот совсем другой, – рука тронула меня между ног. – И самка к тому же!

– Маузер, останешься здесь, – резко приказал третий голос. – Остальным – прочесать лес. Ищем в радиусе пятисот метров, цепочкой, держаться в пределах видимости. Готовьте детекторы.

– Майор, можно и мне остаться? – спросил женский голос. – Ящерицу убили совсем недавно, еще не поздно взять у нее образцы яйцеклетки.

– Хорошо, Ковальски, остаешься с Маузером. Остальные – за мной!

Застучали копыта, и все стихло. Я на миг приоткрыла глаза. Двое людей, оставшихся с "добычей", разглядывали Курсао. Женщина, одетая как остальные, тоже с оружием за плечами, сняла плоский головной убор, открыв ежик коротких черных волос .

– Джон, принеси мою сумку, – попросила она, обернувшись в мою сторону. Я едва успела зажмуриться.

– Может, сначала снимем с дерева?..

– А зачем? Так даже удобнее работать.

– О'кей, сейчас, – шаги оказались почти бесшумными. Да, похоже, я встретила не с простыми солдатами. Пора оживать, иначе меня благополучно разрежут, так и не сняв с дерева!

Чуть приподняв левое веко, я проследила, как женщина подошла и наклонилась, разглядывая что-то у меня под хвостом. Момент был очень удобным: извернувшись, я обвила хвостом ее шею, сорвала петли с рогов и свалилась на землю. Прежде чем женщина успела вскрикнуть, я подпрыгнула и использовала свой хвост, словно пращу. Человек улетел в лес не хуже камня.

Мгновенно обернувшись, я хотела напасть на второго солдата, но в этом уже не было нужды: Курсао так его лягнул, что бедняга даже взлетел в воздух. Тело человека еще не успело упасть, как я уже была рядом и моментально скрутила ему руки и ноги ремнем.

– Охраняй! – приказала коню. Вновь надев медальон, я вырвала из земли свой меч, подхватила второй ремень, упавший с ветки, и метнулась за женщиной. Она лежала на траве, в сознании, но слишком ошеломленная, чтобы сопротивляться.

Не желая раньше времени показывать, что знаю их язык, я молча бросилась на нее. Женщина вскрикнула, попыталась сорвать с пояса какое– то оружие, но реакция у нее оказалась не быстрее, чем у других людей – то есть в шесть раз медленнее моей. За несколько мгновений я связала ее по рукам и ногам.

– Куросао!

Жеребец сразу оказался рядом. Я забросила пленницу ему на спину и вскочила сама.

– Обратно!

Второго пленника я подхватила, не спускаясь на землю, перекинула через конскую шею и легонько хлестнула Куросао хвостом.

– Скачи так, как никогда не скакал!

Однако жеребец замотал головой и подбежал к лошадям пленных солдат. Я дернула его за гриву.

– Что?

Куросао ткнулся носом в одну из седельных сумок. Ладно, поверим... Сорвав сумку, я схватила ее зубами.

– Ну теперь– то хоть скачи!

Могла бы молчать, конь все понимал не хуже меня. Мы рванулись прочь с такой скоростью, что я даже усомнилась, не выросли ли у Куросао крылья.

Дерево и ловушка быстро скрылись вдали. Я уже собиралась праздновать победу, но конь внезапно свернул в лес и остановился. Тревожное ржание нарушило тишину.

– Что случилось? – я спрыгнула с его спины. Куросао немедленно встал на дыбы, сбросив пленников, и указал копытом на маленькие черные коробочки, висевшие на их поясах.

– Опасность? – спросила я быстро. Жеребец закивал. Я поспешно сорвала коробочки и бросила в сторону.

– Так?

Не ответив, Куросао бросился к коробочкам и ударом копыт расколотил их в щепки. Я прищурила глаза.

– Откуда ты столько знаешь?

Жеребец рысью вернулся обратно и тревожно заржал. Несколько раз повторил движение копытом, словно переворачивал пленников на спину. Я послушалась.

– Что дальше?

Наклонив ко мне колову, Куросао оскалил зубы и дважды клацнул челюстями. Я удивленно моргнула.

– Их надо укусить?!

Конь замотал головой.

– Проверить зубы?

Энергичный кивок. Я склонилась над угрюмо молчавшим мужчиной и когтем разжала ему челюсти.

В левом коренном зубе блестел маленький камушек, похожий на бриллиант. Я подняла глаза.

– Что это?

Конь смерил меня гневным взглядом, а потом внезапно принялся кружить вокруг пленников, опустив голову к земле и делая вид, словно принохивается. Я вздрогнула.

– След! Эта штука оставляет след?!

Жеребец яростно закивал, размахивая хвостом из стороны в сторону. Откуда он столько знает?! Потом выясним, сейчас надо избавиться от погони...

– Не шевелись! – грозно приказала я на общем языке.

Пленник угрюмо отозвался:

– Напрасно стараешься. Нас скоро найдут.

– А вот мой конь иного мнения, – усмехнувшись, я выхватила меч и вставила его рукоять между зубов пленника. – Не дергайся, только больнее будет.

Склонившись, я произнесла над зубом заклинание мороза и коротким ударом когтя вывернула камешек из коронки. Он продолжал сверкать даже в траве.

– Не бойся, мы не хотим вам зла, – сказала я женщине, отвернувшись от пленника. Она смотрела на меня со смесью страха и изумления, словно никак не

могла поверить что я настоящая. Даже не стала сопротивляться и сама раскрыла рот.

– Больше ловушек нет? – спросила я Куросао . Тот замотал головой. Странный конь мне достался, это уж точно, но сейчас нет времени: надо пустить погоню по ложному следу!

– Охраняй их. Я скоро вернусь, – схватив оба камешка, я расправила крылья и взмыла к верхушкам деревьев. Птицу удалось схватить почти сразу: я такую никогда не видела, вся разноцветная, с большим хохолком перьев.

Когтем разжала ей клюв и сунула один камешек поглубже. Птица отчаяно отбивалась. Убедившись, что камешек проглочен, я с размаху подбросила ее в небо и проследила, как она в панике помчалась прочь. Отлично...

Второй камешек я скормила дятлу, выглянувшему из дупла. Теперь преследователей ждут веселые деньки! Спикировав обратно, я взвалила пленников на спину Куросао и махнула крылом.

– В горы! Я полечу рядом.

Конь рванулся вперед.

Глава 11. Железный дракон

Медленно, неотвратимо приближается вечер. Горящий диск солнца падает в объятия ночи, горы тянутся к равнинам щупальцами теней. У подножия одинокой скалы, клыком застывшей посреди степи, расположился небольшой отряд крылатых.

Их всего пятеро – дракон, пара драконесс и двое детей, едва научившиеся летать. Взрослые о чем– то беседуют, драконята играют в сторонке.

Один из малышей, ярко– красный, черноглазый, с черными рогами и спинным гребнем, сосредоточенно чертит когтем на поверхности скалы. Второй, весь словно из червонного золота, внимательно наблюдает.

– Что ты рисуешь? – спрашивает он наконец.

– Не знаю, – серьезно отвечает красный драконьш. – Это приснилось мне прошлой ночью.

– Но что это?

Малыш отступает на шаг и осматривает свою работу.

– Мне кажется, это тишина, – говорит он негромко.

Золотой дракончик в сомнении изгибает хвост кольцом.

– Винг, как можно нарисовать тишину?

– Говорю же, не знаю... – юный дракон тяжело вздыхает.

К детям подходит красивая алая драконесса.

– Пора, малыши.

– Мам, ну почему мы должны лететь в эту дыру! – красный дракончик недовольно шипит. – Разве плохо было в замке?

– Винг, там стало опасно, – терпеливо отвечает драконесса. – Отец просил нас некоторое время пожить в горном убежище.

– А почему? Почему стало опасно?

Крылатая вздыхает.

– Малыш, я же рассказывала...

– И ничего ты не рассказывала! – обиженный дракончик поворачивается к ней хвостом. – Какие– то сказки про злых волшебников...

– Это не сказки, Винг, – говорит большой золотой дракон, подходя к детям. Второй драконьш подбегает к нему и ласково трется о его руку.

– Тогда почему ты здесь? – упрямо спрашивает Винг. – Почему не помогаешь отцу победить злодеев?

Дракон накрывает малыша широким крылом.

– Ализон просил защищать вас, – отвечает он негромко. – Я исполняю его просьбу.

Винг выглядывает из– под золотого крыла. В глазах дракончика светится тревога.

– Отец проигрывает войну?

– Что ты, малыш! – алая драконесса натянуто улыбается. – Просто врагам немного повезло, они сумели приблизиться к стенам нашего замка. Скоро их победят, не сомневайся!

– А сейчас пора лететь, – решительно обрывает золотой дракон. – Путь предстоит долгий.

Вечернее небо принимает крылатых. Зловещие драконьи тени мчатся по степи.

...Тот же день и час, вершина холма в семи сотнях миль к западу. На траве у большого золотистого шатра расположились несколько эльфов и пять грифонов, все кроме одного – черные, с желтыми тигриными глазами. Последний бело– золотой. Пернатые разглядывают могучие черные стены вдали.

– Осада Каэр Грина займет не меньше года, – мрачно произносит бело– золотой грифон. – Я хочу, чтобы ни одна птица, ни одна летучая ящерица не могла проскользнуть в крепость или из крепости. Сегодня, это задача номер один.

– Крафт, но шпионам не обязательно летать, – замечает другой грифон. – Хорошо тренированного эйтара ночью не увидит даже эльф.

– Знаю, – мрачно отвечает Крафт. – Я приказал посадить вокруг стен ядовитые кусты нюкш. Они растут очень быстро.

– Парочка зажигательных стрел или вылазка уничтожит преграду.

– Точно, – пернатый криво усмехается. – Но теперь никто в крепости не усомнится, что мы готовимся к длительной осаде.

Грифоны и эльфы переглядываются. Один из бессмертных наклоняется вперед.

– Что ты задумал?

– Несколько дней назад Ализон отправил своего выродка в горы, – глаза Крафта мерцают холодным блеском. – Значит, он не уверен в победе. Думайте: шансов взять Каэр Грин у нашей армии нет, даже при участии всех магистров разом. Осада неприемлема, поскольку за год к драконам может прибыть подкрепление с их материка, кроме того, на них работают все захваченные страны. Наше спасение в быстроте, в молниеносной войне. А Каэр Грин – самый крепкий орешек в землях Арнора, труднее будет взять лишь Каэр Мортар. И все же, Ализон настолько не уверен в себе, что решает обезопасить семью. Какой можно сделать вывод?

– Либо у крепости есть слабое место, либо дракон слишком любит своих близких и не желает рисковать, – быстро отвечает эльф.

– И то, и другое – правда.

– Но как найти это слабое место?

– В поисках нет нужды, – Крафт усмехается. – У нас есть кое– кто, горящий желанием поведать все секреты своего бывшего замка.

Грифоны разом оборачиваются к шатру.

– Человек с синим лицом? – недоверчиво спрашивает эльф. – Он владел Каэр Грином?!

– Его имя Ажхан Дрэкхан, – отвечает Крафт. – И с драконами у него давние счета...

Что– то вспомнив, он быстро оборачивается к соседу:

– Пошлите пять эскадрилий в Пенные горы. Пусть проверят каждую дыру, каждую пещеру. Мне нужен выродок Алисона, и нужен живым. Всех сопровождающих – уничтожить, матери отрубить голову и привезти мне.

Грифон неуверенно оглядывается на других.

– Крафт, но...

– Это приказ, – обрывает пернатый. В его глазах мерцает холодная ненависть. – Мои предки достаточно натерпелись от драконов. Я хочу, чтобы мой единственный потомок вырос в свободном мире.

Резко поднявшись, Крафт входит в шатер. На холм опускается тишина.

1

Ри проснулась мгновенно и чуть не закричала, ощутив, что ее хвост болтается в воздухе. Несколько секунд не могла понять, что происходит, потом сообразила что немного сползла со спины летящего грифона. Содрогнувшись, вэйта покрепче вцепилась в перья.

"Сны..." – подумала ящерка. На сей раз ей потребовалась вся воля, чтобы справиться с видением и вернуться в реальность. Даже магический шар, потерянный в эльфийском плену, не делал миражи такими настоящими.

Понемногу страх отпустил. Но если не считать яркости, видение оказалось непонятным и зловещим. Крафт во сне поступал совсем не так, как в реальности. Ри смерила грифона задумчивым взглядом.

"Это не мог быть он, – подумала ящерка. – Хладнокровно отдать приказ о казни семьи своего врага, убивать невинных детей... Это не мог быть он!"

Грифон все еще парил в мрачном синем свете. Зеленых участков больше не попадалось, но пещера заметно уменьшилась. Вскоре Крафту пришлось опуститься на камни: лететь стало невозможно.

– Приехали, – невесело пошутил грифон. – Выгружаемся.

Эльф и ящерица спрыгнули с его спины. Крафт устало потянулся.

– Не знаю как вы, а я собираюсь поспать, – заявил он твердо. И тут же, улегшись на скалу, свернулся клубком. Вэйта улыбнулась.

– Я посижу с ним, а ты поищи воду, – сказала она эльфу. Тот в глубокой задумчивости рассматривал свод.

– Что?.. А, воду, – Минас опомнился. – Правильно, вода нам пригодится. Кажется, я видел небольшой водоем, пока мы летели...

– Ярдах в пятиста позади, у большого сталагмита, – не раскрывая глаз уточнил Крафт. Рассмеявшись, эльф погладил его по шее.

– Спи, птица.

Грифон промолчал, прикинувшись спящим. "А может, и вправду заснул," – подумала Ри. И еще раз попыталась уверить себя, что видела во сне совсем другого Крафта.

Эльф уже ушел, и потянулись долгие минуты ожидания. Чтобы скоротать время, вэйта подняла небольшой камешек и принялась разглядывать.

Свечение струилось изнутри, словно камень был полупрозрачен. Поверхность напоминала перламутр, тысячи горящих точек переливались синим пламенем. Ри невольно подумала, что такому камешку позавидует любой бриллиант.

"Интересно, а если его расколоть?" – вэйта подняла большой обломок скалы и с размаху стукнула по камню. Спавший неподалеку грифон вскочил.

– Что?! – он встопорчил перья. Смущенная Ри отвернулась.

– Я хотела посмотреть, почему светятся скалы.

– А– а... – Крафт вновь улегся на скалу и сунул голову под крыло.

Вэйта подобрала осколки. Они светились как раньше, словно неведомый источник света раскололся вместе с камнем и оказался в центре каждого кусочка. Высунув язык, Ри коснулась осколка тепловосприимчивым кончиком, однако ничего не ощутила. Свет был совершенно холодным.

"Альтаиру бы здесь понравилось..." – подумала она печально. Тяжелый, теплый воздух был полон непонятных запахов, зловещий синий свет не отбрасывал теней. И все же, ощущение полной свободы, так поразившее Ри в ночь побега, не

исчезло даже сейчас. Ящерка подлезла под теплое грифонье крыло и свернулась клубком, положив голову на хвост.

"Видения... Откуда они приходят? Кто посылает мне картины будущего, с какой целью?" – вопросы терзали разум молодой вэйты. Раньше она думала, что с находкой Пояса видения прекратятся, но они стали только сильнее. Однако картины сильно изменились: если прежде сама Ри принимала участие в снах, беседовала со своей мечтой и бросала вызов демону, то после ранения в джунглях она стала видеть красочные картины будущего. Ужасного будущего. Будущего, полного войн, смерти и горя. Иногда вэйта даже не понимала своих снов, но всегда помнила их ярче, чем реальность...

– Крафт! – голос эльфа прервал печальные мысли ящерицы. Выбравшись из-под крыла, Ри тяжело вздохнула и уселась на хвост.

– Что случилось? – спросил грифон. Минас выглядел встревоженным, его ноги до колен были мокрыми.

– Пирамида! – эльф указал назад. – Там, в озере, живая пирамида!

Моргнув от неожиданности, Крафт вскочил.

– Как – живая?!

– Идем, посмотри сам, – Минас запрыгнул грифону на спину и помог залезть ящерице. – Она крутит вершиной!

Недоверчиво фыркнув, Крафт разбежался и взлетел.

Озеро оказалось маленьким и совершенно прозрачным. Берега были густо покрыты зарослями грибов и странных фиолетовых растений, напоминавших плющ, крупные камни торчали из воды, подобно спинам чудовищ. А у самого берега, наполовину в воде, стояла ржавая металлическая пирамида в рост человека.

Грифон приземлился ярдах в двадцати от находки. Едва он коснулся камней, вершина пирамиды с громким скрипом развернулась и нацелилась на гостя темным отверстием, в котором был отчетливо виден выпуклый глаз. Крафт невольно попятился.

– Магия... – пробормотал он. – Внутри кто-то есть...

– Не глупи, – эльф спрыгнул с его спины и помог спуститься Ри. – Это всевидящее око, только не магическое, а механическое. Мы же в стране гномов.

– За нами наблюдают? – с опаской спросила ящерка.

Минас подошел к пирамиде.

– Сомневаюсь, – сказал он . – Этой штуке, должно быть, много веков.

Все трое сгрудились вокруг находки и принялись ее рассматривать. Крафт поцарапал металл когтем.

– Это не ржавчина, смотри, – он показал на блестящий след. – Наверно, известковый налет или плесень.

– Замечательная машина! – Минас вытащил кинжал и принялся очищать налет с глаза. Сухая корка легко поддавалась, обнажая потемневшие от времени линзы. – Похоже, гномы сильно одичали за последние века. Сейчас им такого не построить...

Очистив глаз, эльф продолжил работать над поверхностью пирамиды. Тем временем Ри осторожно приподнялась и заглянула в темное стекло.

– Э– эй... – позвала она робко. Внутри глаза на миг вспыхнул слабый огонек, но больше ничего не произошло. Разочарованная Ри отвернулась.

Тем временем Минас очистил одну грань пирамиды и с интересом разглядывал знаки, выбитые в металле.

– Это не гномьи руны, – сказал он Крафту. – Я никогда не видел такого алфавита.

– Ты сам заявил, что пирамиду построили гномы.

– Но кто еще мог построить такую машину в стране гномов?

– Маги, – коротко ответил Крафт. – Не верю, что за восемьсот лет ни один маг сюда не спускался. Они любопытный народ, и могли оставить око, чтобы наблюдать, не выходя из дома...

– Магия бесполезна в Мории, – возразил эльф.

– Кто их знает, этих колдунов, – фыркнул грифон. – Может, они нашли способ.

– Я знаю магов, – ответил Минас. – Я семь лет учился в Ронненберге, и говорю тебе – это не их работа.

– Значит, в древности у гномов имелись другие руны, – спокойно отозвался Крафт. – Сейчас– то какая разница?

Оглядевшись, грифон поднял массивный обломок скалы и с размаху ударил пирамиду. Глухой гул наполнил пещеру.

– Видишь? Она пустая внутри, – Крафт рассмеялся. – А может, это просто пугало!

– Пугало? – Ри вздрогнула.

– Ага, – пернатый подмигнул ей. – Самое настоящее пугало. Грифонов да эльфов отпугивать.

Он внимательно осмотрел окружающие заросли.

– Минас, набери воду и летим дальше. Что– то мне подсказывает, выход уже близко...

– Смотрите! – внезапно воскликнула Ри. Среди зарослей фиолетовых растений что– то двигалось.

– Так, – грифон припал к скале. – Вот и местные жители.

Ящерка быстро юркнула под его крыло, эльф положил руку на оружие. Несколько секунд царил тишина; и наконец, обитатель зарослей выбрался на открытое место. От удивления Ри открыла пасть, Крафт моргнул. А Минас рассмеялся.

– Это туннельный крот, – объяснил он спутникам. – Очень смысленный зверек. Эльфы их иногда приручают.

– Я помню, – выдавила Ри. Существо как две капли воды походило на маленькое чудище, полгода назад вытащившее вэйту из эльфийской камеры.

– А они съедобные? – с надеждой спросил грифон. Вэйта ткнула его в бок.

– Только попробуй!

– Я четвертый день ничего не ел.

– Мы тоже, – возмущенная Ри уставилась на Крафта. – Как тебе не стыдно!

Пробормотав что– то на родном языке, пернатый обиженно распушил перья и отвернулся. Тем временем Минас медленно подошел к зверьку. Тот, казалось, совсем не боялся: усевшись на задние лапы, он принялся водить мордочкой из стороны в сторону, смешно морща нос. Эльф оглянулся на спутников:

– Ему не нравится запах.

– Кто бы сомневался... – буркнул грифон. – Летим, Минас. Зверек ничего не расскажет.

– Нет, расскажет, – внезапно ответила Ри. Дернув хвостом, она решительно

отодвинула грифонье крыло и подошла к кроту. Тот с подозрением смотрел на вэйту маленькими глазками, впрочем не делая попыток бежать. Приблизившись вплотную, ящерка уселась на хвост и осторожно коснулась жесткой шерсти.

"Мы друзья", – послала она мысль. Ответ оказался удивительно четким, словно крот был разумен и просто не умел говорить:

"Знаю."

"Ты знаешь, где выход?"

"Какой выход?"

"Солнце. Яркий свет. Жарко."

"Свет, – крот недовольно сморщил нос. – Глаза болят."

Ри улыбнулась.

"Мы защитим тебя. Покажи выход."

"Сначала накорми", – мордочка зверька приняла хитрое выражение.

Ри оглянулась на грифона.

– Он согласен отвести нас к выходу, если мы его накормим. А ты хотел его съесть!

Крафт смерил ящерку уважительным взглядом.

– Ты все больше меня удивляешь... Спроси, что он ест?

– Кроты едят насекомых и червей, – вместо Ри ответил эльф. – Не думаю, чтобы у нас нашелся хоть один.

Вздыхнув, вэйта обернулась к зверьку.

"Еды нет. Но как только мы выйдем, накормим."

"Сначала накорми", – упрямо ответил крот.

"Сначала покажи выход".

Зверек недовольно сморщил нос.

"Вас скоро съест большой. Накорми, покажу выход."

"Какой большой?"

"Большой– с– зубами. Он всегда приходит, когда звук."

Крот отвернулся, пробежал несколько шагов и снова сел. Ри взглянула на Крафта.

– Он говорит про кого– то большого, с зубами, который приходит на звук.

Говорит, что нас съедят.

– Большой с зубами? – грифон и эльф переглянулись.

– Кажется, нам пора лететь, – заметил Крафт.

– Ри, иди сюда.

– Сейчас... – ящерка подошла к кроту. – "Летим вместе. Большой– с– зубами не догонит."

"Мы здесь живем, – сообщил крот. – Нас никто не ест."

– Спроси, любит ли он летать, – жизнерадостным тоном предложил грифон.

Вэйта покачала головой.

– Он не хочет.

– Тогда передай "спасибо" от лица всех пернатых и залезай сама.

Улыбнувшись, Ри погладила крота по голове.

"Большой– с– крыльями говорит, что ты хороший".

Зверек громко фыркнул и скрылся в зарослях. Вэйта медленно вернулась к грифону.

– Мне все тут знакомо, – сказала она тихо. – Наверно, мой настоящий дом похож на это место.

– Настоящий дом? – Крафт подсадил ящерку. – Что ты имеешь в виду?

Ри закрыла глаза.

– Уорр мне не дом, – шепнула она еле слышно. – Не здесь я должна была жить...

– А где? – удивленно спросил грифон.

Вэйта не ответила.

– Я туда не полезу, будь ты хоть тридцать три раза каганом! – расвирипевший Рогвальд обрушил на стену могучий удар. – И людям не дам, ясно?

Джер аль Магриб неподвижно стоял над пропастью. Отряд шел по следам беглецов уже вторые сутки, неуклонно сокращая отрыв, поскольку Рогвальд прекрасно знал подземелья и когда маг перестал чувствовать сигнал с Пояса, сразу привел спутников к взломанной двери в Нидвеллир. Там они оставили шестерых

солдат и большую часть ловчего снаряжения: Джер аль Магриб нервничал и торопил в погоню. Несколькими часами позже Рогвальд, шедший первым, разглядел вдали смутное пятнышко света – как раз в этот миг Ри забирала светильники. Отряд перешел на бег, но когда впереди открылась зияющая пропасть, беглецов уже и след простыл.

– Вас казнят за неподчинение приказу, – надменно произнес маг.

– А мне плевать! – гном схватил его за край мантии и указал вниз. – Грозишься отрубить нам головы? Да знаешь ли ты, сколь жуткую смерть встретит любой, спустившийся туда? Он будет умирать много недель, заживо разлагаться, у него свернется кровь в жилах и выпадут волосы! Эй, парни, – Рогвальд обернулся к солдатам, – кто хочет такой судьбы – полезайте вниз. А я поищу другой ход.

– Здесь нет других ходов, – ответил Джер. – Рогвальд, ты никогда мне не нравился.

– Взаимно, – буркнул гном.

– Беглецы прошли здесь. Значит, пройдем и мы.

– О , черная тень каменного барана! – Рогвальд топнул ногой. – Да не проходили они здесь! Не проходили! Они здесь пролетели, понимаешь? На крыльях! Грифоньих! С перьями! Большие такие, белые, пушистые крылья! Фр–р–р–р! – гном помахал руками. – Я тебе предлагал взять драконов. Я говорил, они пригодятся. Но нет, как можно! Мы самые могучие маги под лунами, мы и так справимся!

Уперев руки в бока, гном смачно сплюнул в пропасть.

– Где ж твоя магия, а, колдун? Наколдуй нам крылья!

Джер аль Магриб молча отвернулся и быстрым шагом направился прочь. Солдаты поспешно расступились.

– Куда это ты? – окликнул Рогвальд.

– За крыльями, – сухо ответил маг. Не меняя ритма движений, он плавно перешел на бег и помчался прочь, удаляясь с невозможной для человека скоростью. Десять секунд – и огонек его посоха пропал.

Гном почесал в затылке.

– Ничего себе... Постой, тут магия не работает! Как же он сумел?..

Вздохнув, Рогвальд приказал расстелить войлочную циновку и уселся,

скрестив ноги. Что-то ему подсказывало – ждать придется долго. Десять солдат, сопровождавшие преследователей, тихо переговаривались в стороне.

Маг вернулся не один. Рогвальд к этому времени крепко спал, и когда знакомый шершавый язык лизнул его в щеку, вскочил как ужаленный. Большой алый дракон улыбнулся.

– Как спалось? – крылатому приходилось нагибать голову и прижиматься к полу, чтобы не застрять в тесном коридоре. Его звучный голос рокотал в замкнутом пространстве .

– Ализон? – удивленный гном протер глаза. – Откуда ты взялся? Разве вы с Владыкой не отправились на границу?

– Верно, – дракон усмехнулся и показал глазами в сторону. – Там нас и нашел Джер.

– Вас? – Рогвальд только сейчас заметил скромную фигуру в мантии. – Каган, это ты?

– Да, друг мой, это я, – ответил Корг Алгол, входя в круг тусклого света. Солдаты склонились в низком поклоне.

Рогвальд почесал голову.

– Кхм... Я думал, Джер собирался все уладить до твоего возвращения.

– Оценив обстановку, он решил что без меня тут не обойтись.

– Скорее, без дракона, – возразил Джер аль Магриб, появившись из темноты. – Крылья здесь важнее магии.

Владыка улыбнулся.

– Действительно, энергетическая магия в этом месте бесполезна. Но у магии много лиц, друг мой.

Скрестив руки на груди, он подошел к краю пропасти и долго стоял, разглядывая пещеру. Мрачный синий огонь озарял коридор мертвенным светом; на фоне пылающих скал высокая фигура Владыки казалась сотканной из Тьмы. Рогвальд невольно поежился.

"Лет через двести его станут звать Властелином Ночи и Врагом, имя его войдет в легенды, бесчисленные герои сделают себе имя на выдуманных и подлинных сражениях с его слугами... А я стою тут, и просто смотрю на него," –

подумалось гному. Вздохнув, он подошел к Владыке и встал рядом, на самом краю трещины. Внизу зловеще светились скалы.

– Что делаем, каган? – вполголоса спросил Рогвальд. Алгол не ответил; взглянув на него, гном увидел, что у Владыки закрыты глаза.

– Каган, что делаем? – повторил он чуть громче.

– Какой силой они обладали... – прошептал Корг. – Мы лишь жалкие тени гигантов древности.

– О ком ты? – удивился гном.

– О жителях далекого мира, известных здесь под именем Мертвых Царей, – печально ответил Алгол. – Ты смотришь на их творение.

Рогвальд недоверчиво огладил бороду.

– По– твоему Нидвеллир – искусственная страна?

– Да, – Корг тяжело опустил голову. – Только не спрашивай меня, с какой целью он был создан. Есть тайны, которые даже я не имею права раскрыть.

Гном стиснул зубы.

– Зеленая смерть – их работа?

– Нет, – коротко ответил Владыка. – Достаточно об этом, Рогвальд. Отошли солдат ко входу, больше они нам не понадобятся.

– Точно? – гном оглянулся на Алисона. – Ты троих поднимешь?

– Запросто, – фыркнул дракон. – К тому же здесь высокое давление.

– Что ж... – гном вздохнул. – Как прикажешь, каган.

Пока он исполнял поручение и цеплял мешки с провиантом к драконьему седлу, Джер и Алгол что– то обсуждали на языке магов. Алисон с большим интересом разглядывал пещеру.

– Удивительное место, – шепнул он Рогвальду. – И совсем не похоже на искусственное.

– Да ты что, разве магам такое сотворить... – гном покачал головой. – Спятил наш старик. За полторы тысячи лет предки изрыли весь Нидвеллир, построили кучу дворцов и гротов, но даже на одну такую пещеру не хватило бы сил всех тангаров, рожденных с начала времен. А это лишь малая часть Подгорной страны.

– Почему вы ушли? – спросил дракон.

Рогвальд долго молчал.

– Скоро увидишь сам, – ответил он наконец. – Поверь, не свою волей покинули мы родные места.

Тем временем маги закончили беседу и подошли к Ализону. Дракон отвел крыло в сторону.

– Садитесь.

Первым залез Рогвальд, за ним уселся Алгол. Последним, мрачно запахнув мантию, занял свое место Джер аль Магриб. Ализон чуть приоткрыл крылья; теснота в коридоре мешала нормально их осмотреть.

– Я не смогу вновь залететь в эту трещину, – предупредил дракон. – Если вы не знаете других выходов из пещеры, лучше скажите сейчас.

– Все будет в порядке, – успокоил его Алгол. – Лети.

Глубоко вздохнув, Ализон подполз к трещине, покрепче уперся ногами и бросился в пропасть. Прежде чем Рогвальд успел закричать, с грохотом раскрылись широкие крылья, и дракон, скользнув над самым дном пещеры, помчался вперед, грациозно лавируя между сталактитами.

2

Грифон еще раз измерил длину следа.

– Двенадцать шагов, – недоверчиво пробормотал он. – Если ноги у этой твари соотносились с туловищем так же, как у нас...

– Она мертва уже много веков, – успокаивающе заметил эльф. – След окаменел, ты же видишь.

Крафт с трудом заставил себя отвернуться. Беглецы уже долгое время торопливо шли по скалистому дну пещеры, приближаясь к огромному черному провалу, зиявшему вдали. Там скалы не светились и Минас полагал что выход уже близко. Летать было невозможно; хотя свод вновь поднялся до сорока ярдов, повсюду торчали острые сталактиты и каменные колонны, делая полет слишком опасным.

– Если во времена гномов здесь водились такие милые зверюшки... – покачав головой, грифон выбрался из гигантского следа когтистой лапы, – ...то гномов

следует признать храбрейшим из народов мира.

Ри сидела на камне, разглядывая находку. Некогда здесь, вероятно, плескались воды озера с илистым дном; неведомое чудовище продавило дно почти на ярд, оставив будущим поколениям жуткое напоминание о своих воистину чудовищных размерах.

Подумав об этом, вэйта подняла голову. Прямо над следом со свода спускался громадный тройной сталактит, всего на шесть– семь ярдов не доставая дна. Выходит, либо монстр был плоским, словно черепаха, либо...

– Крафт, а эти пещеры всегда были пещерами? – спросила Ри, продолжая глазеть на свод. Грифон проследил за ее взглядом.

– Понимаю, – он в глубокой задумчивости обошел след. – Но не зная, когда его оставили, судить я не могу.

– Знаешь, если это место раньше было на поверхности, то многое становится ясным, – вэйта перевела взгляд на Крафта. – Вырыть такую пещеру в скалах, я думаю, невозможно. Зато можно возвести искусственный свод над долиной.

– Такое под силу лишь богам! – рассмеялся эльф. Ри совершенно серьезно кивнула.

– Я про них и говорю.

Запнувшись, Минас машинально огладил подбородок.

– Скажи еще, что это след одного из ваших языческих божков.

– Нет, – вэйта покачала головой. – Я думаю, это след демона Йакса. Когда я во сне бросила ему вызов, он был как раз подходящего размера. С гору величиной.

Грифон поежился.

– Демон или нет, но я точно не хочу встречаться с обладателем столь милой лапки. Так как, идем дальше? Если мы не отыщем выхода еще пару дней, я съем Минаса.

Эльф рассмеялся.

– Мы несъедобные...

– Зато Ри съедобная! – Крафт плотоядно облизнулся. – Эй, ящерка, как тебе мысль... Ри? Ри, что случилось?

Вэйта застыла, уставившись в пространство. Глаза, подернутые дымкой,

утратили блеск, хвост лежал неподвижно, из полуоткрытой пасти безвольно свесился язык. Испуганный грифон одним прыжком оказался возле ящерицы.

– Ри! – он потряс вэйту. – Ри, очнись!

Сглотнув, ящерица несколько раз моргнула и пришла в себя. Судорожно вздохнув, она повисла на руках Крафта.

– Зов, – выдавила Ри, когда справилась с собой. – Вы слышите?

Эльф и грифон переглянулись.

– Ри, что с тобой? – Минас присел перед ящерицей. – Мы ничего не слышим.

– Вот опять! – вэйта задрожала. – Очень далеко... Но такой знакомый!

Крафт с неподдельной тревогой накрыл Ри крылом.

– Малышка, ты переутомилась?

Внезапно вэйта вскрикнула и обернулась к провалу, зиявшему вдали.

– Там, – сказала она твердо. – Там кто-то есть.

Минас бросил на Крафта тревожный взгляд. Грифон покачал головой.

– Ри, мы ничего не слышим.

– Он зовет меня. Я должна идти. – ящерица дрожала. – Я чувствую его зов! Он очень далеко, но быстро приближается. Он ждал меня. Очень долго ждал.

– Крафт, не отпускай ее, что бы ни случилось, – вполголоса приказал эльф. – Я много читал о таких животных. Они заманивают добычу колдовской мелодией, слышимой только для жертвы.

– Это не животное! – Ри попыталась вырваться, но грифон крепко прижал ее крылом. – Отпустите! Он ждет меня! Он ждал много веков! Я должна идти!

Минас огляделся.

– Скорей, туда! – он указал на узкий проход в ближайшей стене.

– Залезай!

Эльф прыгнул на спину грифону. Крафт передал ему ящерицу и бегом бросился в укрытие. Ри отчаянно вырывалась.

– Вы не понимаете, я должна идти... – грифон нырнул в проход, и вэйта мгновенно замолчала. В ее глазах отразилось безмерное удивление.

– Что случилось? – спросила она почти нормальным голосом. Эльф бросил на грифона многозначительный взгляд.

– Ри, ты в порядке? Ничего странного не чувствуешь?

– Нет... – вэйта встревожилась. – Что произошло?

Крафт со вздохом опустил на камни.

– На тебя напали, – объяснил он. – Ну и перепугала ты нас, ящерка.

– Напали? – Ри недоуменно моргнула. – Никто не нападал! Просто... просто...

Она замолчала. Некоторое время царила напряженная тишина.

– Малышка, так что произошло? – с тревогой спросил грифон.

– Я услышала зов, – медленно ответила Ри. – Меня кто– то позвал, только не словами, а мыслями. Очень громко позвал. Я никогда... Не знаю!

– Успокойся, здесь ты в безопасности, – Минас дернул Крафта за перья. – Включи Пояс!

– Уже, – отозвался грифон. Тела всех троих окружила почти невидимая сизая дымка. – Ри, опиши, что ты слышала?

Ящерка покачала головой.

– Не знаю... Словно я коснулась огромного, старого и очень, очень доброго зверя. Я не понимаю, Минас, – она обернулась. – Вэйтары не умеют обмениваться мыслями на расстоянии. Но сейчас, когда со мной говорил зверь – я отвечала, и он слышал!

– Главное, ничего не бойся, – эльф закусил губу. – Крафт, нам придется бежать обратно, туда, где ты сумеешь взлететь. Ри, слушай меня, – Минас крепко ухватил ящерку. – Как только мы покинем укрытие, ты, скорее всего, снова услышишь зов. Сопrotивляйся ему, всеми силами, понимаешь, маленькая? Иначе смерть!

Вэйта покачала головой.

– Нет, Минас, – ответила она серьезно. – Кто бы он ни был, он не желает мне зла.

В этот миг пол подпрыгнул, и из главной пещеры донесся громовой удар. Бледный эльф переглянулся с грифоном.

– Поздно, – процедил Крафт. Попятившись, он прижался к скале. – Держи ящерицу крепче.

– Держу, – выдавил Минас.

Пол подпрыгнул еще раз, заметно слабее. Потом еще раз, и еще. Каждый

толчок сопровождался могучим звуком, похожим на столкновение двух скал, хруст и грохот обрушенных сталактитов заполнили пещеру.

– Шаги? – недоверчиво пробормотал Крафт.

Минас до боли прижал к себе Ри.

– След, – шепнул он и положил руку на Пояс.

– О Богиня, твоя сила с нами, – произнес Крафт дрожащим голосом. – Ты спасла нас в замке, одарила своей милостью. Не оставляй нас сейчас...

Сотрясающие пол шага прекратились, и в проход заглянул оранжевый глаз размером с лошадь. Он тускло светился, и был странной угловатой формы, вполне подходящей к клиновидным чертам жуткой морды чудовища. Совершенно гладкая шкура мрачно блестела в синем свете, там и тут на ней виднелись прямые линии, очевидно места склейки чешуек. Даже та часть монстра, которую могли видеть оцепеневшие беглецы, производила впечатление несокрушимой, ужасающей мощи.

– Не оставь нас, Единый... – прошептал Минас.

Чудовищный глаз некоторое время рассматривал добычу, затем на короткий миг отверстие закрыла движущаяся стена плоти, и пол вновь подпрыгнул. Зверь развернулся.

– Я должна идти, – спокойно сказала Ри. – Отпустите.

– Ты сошла с ума! – Крафт весь дрожал.

– Он ждал меня много веков, – вэйта погладила шею грифона. – Я чувствую его мысли, Крафт. Он не причинит мне вреда. А вам может, – добавила она серьезно. – Если решит, что вы меня держите силой .

Под взглядами оцепеневших друзей, Ри спрыгнула на скалы. Гигантский зверь за стеной издал тонкое шипение.

– Я вернусь, – тихо сказала ящерка. – Теперь я знаю, почему мне все здесь казалось знакомым.

– Почему? – прошептал Минас.

Вэйта уже стояла у входа, но оглянулась.

– Я здесь родилась, – ответила она просто.

И вышла навстречу чудовищу.

Он был очень похож на дракона. Только громадного, раз в десять больше настоящего. Клиновидная голова, размером с трехэтажный дом, несла два коротких вертикальных рога с непонятными приспособлениями, верхушку правого украшал металлический решетчатый цветок. Массивная голова зверя сидела на очень толстой, короткой шее; лапы были короче, чем у живых драконов, но в сравнении с телом гораздо мощнее, с огромными когтями и гребнем загнутых шипов позади голени. Туловище – мускулистое, крепкое, с тремя продольными рядами шипов – пропорциями очень походило на драконье, только вместо крыльев, на спине блестели два длинных выпуклых горба, сходных с разрезанным вдоль цилиндром. Короткий хвост оканчивался громадной булавой с шестью винтовыми остриями, точно такие шипы тянулись вдоль спинного хребта, постепенно укорачиваясь и пропадая в основании шеи.

Чем ближе подлетал Ализон, тем больше деталей открывалось. Чудовищный дракон лежал на брюхе, едва помещаясь между дном и сводом. Кошмарная голова была немного повернута, длинные оранжевые глаза разглядывали что-то у основания стены. Вокруг монстра валялись обломки камней и сталактитов, видимо их падение и вызвало громовой удар, привлечший внимание преследователей. Если бы они знали, кого найдут...

Не долетая ярдов пятиста до чудовища, алый дракон спикировал вниз и притаился за выступом скалы. Всадники молчали: монстр был слишком грандиозен.

– Это машина, – сказал наконец Ализон. – Не знаю, кто мог ее создать, но это машина. На заводе мы строили боевой корабль, размерами даже больше этого чуда, но в сравнении с ним он просто кусок железа .

– Перед нами дракон Ниддхегг, – выдавил Рогвальд. – Незадолго до исхода моего народа он был обнаружен в сердце вулкана Дракенфол, у подножия железной скалы Йигдрасил, погруженным в колдовской сон. Плохо дело, каган. Ниддхегг пробудился. Если он задумал недоброе, остановить чудовище не сумеет никто.

Алгол не ответил, пожирая глазами жуткого обитателя пещеры. Рядом, столь же неподвижно, стоял Джер аль Магриб.

– Что делаем, Корг? – Ализон нервно подергивал хвостом. Но Владыка молчал еще целую вечность.

– Ри, – сказал он внезапно, и Рогвальд чуть не подпрыгнул. – Я видел ящерку. Она вошла в пасть дракона.

– Что?! – гном уронил топор.

– Кажется, я знаю, кого мы нашли, – Алгол обернул к спутникам совершенно белое лицо. – Пророчество под угрозой.

Джер аль Магриб задал вопрос на родном языке. Владыка ответил длинной фразой, и черный маг отшатнулся, невольно стиснув кулаки. Ализон резко обернулся к людям.

– Кто перед нами? – нетерпеливо спросил дракон.

Корг Алгол прислонился к стене.

– Охранник, – сказал он тихо. – Страж. Если я прав, он хранит тайну рождения Ри. Им нельзя было встречаться!

Рогвальд подозрительно уставился на мага.

– Что за тайное рождение? – гном сжимал и разжимал кулаки. – Похоже, секреты этой ящерицы знают все кроме нее самой!

Алгол встрепенулся.

– Ты друг Ри, не так ли? – он вскочил. – Рогвальд! Мне нужно твоё тело.

Гном моргнул.

– Чего?!

– Только на время, – быстро ответил Владыка. – Магия здесь бессильна, я не могу изменить облик сам. Позволь воспользоваться твоим телом, чтобы спасти ящерку!

– Как – моим телом? – Рогвальд попятился. – Ты спятил?

Алгол нетерпеливо взмахнул рукой.

– Корона. На мне волшебная Корона, хранящая мой разум, – он провел кистью у лба, вернув видимость тонкому серебряному обручу с пурпурным бриллиантом. – Она делает меня бессмертным. Тот, кто наденет Корону, окажется в моей власти, и я прошу, Рогвальд, позволь ненадолго овладеть твоим телом. Я спасу ящерку и немедленно верну тебе свободу.

Гном сглотнул.

– Ты соображаешь, о чем просишь?!

– Твоя подруга гибнет, – сухо сказал Джер аль Магриб. – Под угрозой само существование мира.

– Да я сам за ней пойду! – Рогвальд стиснул кулаки. – Вы за кого меня держите, а?

Черный маг обернулся к дракону.

– Ализон. Прижми гнома к скале, чтобы он не мог двинуться.

Дракон покачал головой.

– Нет. Такие дела решаются добровольно.

– У нас нет времени, – Алгол тяжело вздохнул и обернулся к дракону. – Ализон, исполни приказ.

– Нет, – возразил крылатый.

Владыка покачал головой.

– Прости, времени на споры уже не осталось. Исполни приказ, – добавил он странным, чуть вибрирующим голосом. Содрогнувшись всем телом, дракон обернулся к гному.

– Что ты собира... – Рогвальд попытался, но дракон молча шагнул вперед и сграбастал его лапой. Гном завопил:

– Какого Йакса, что происходит?!

– Не бойся, – Алгол присел рядом с Рогвальдом. – И прости...

Он коснулся шеи гнома в нужной точке и слабо надавил. Рогвальд с тихим вздохом потерял сознание.

– Надо спешить, – Владыка встал. – Джер, мне понадобится помощь.

Черный маг удивленно смотрел на дракона. Ализон стоял неподвижно, только в глазах горел гнев и ноздри раздувались от яростного дыхания. Откинув капюшон мантии, Джер аль Магриб обернулся к Владыке.

– Что ты сделал с драконом? – спросил он на языке магов. Алгол грустно улыбнулся.

– Воспользовался древним секретом последнего из Мертвых Царей, массава Руэй– дьена. Но сейчас нельзя терять времени. Подойди.

– Я готов.

– Ты снимешь с моей головы Корону и наденешь на гнома, – Алгол коснулся

пурпурного бриллианта. – Едва Корона окажется у тебя в руках, мое тело потеряет сознание. Погрузи его на дракона и возвращайся на поверхность через тот проход – Владыка кивнул на темнеющее вдали черное отверстие.

– Я не оставлю тебя здесь, – возразил Джер.

– Так надо. Со мной ничего не случится. – Корг Алгол положил руку на плечо черного мага. – Здесь ты не сможешь мне помочь, но на поверхности от тебя будет зависеть моя жизнь.

– Хорошо, – мрачно ответил Джер аль Магриб. – Что надо сделать?

– Едва вы окажетесь вне пещеры, к тебе вернется магическая сила; немедленно заморозь мое тело и отошли в Шаддат. Иначе я не смогу вернуться.

Черный маг заколебался, однако резко кивнул и скрестил на груди руки. Владыка вздохнул.

– Будь осторожен, друг. Теперь лишь от тебя зависит исполнение Пророчества.

– Все будет в порядке, массав, – угрюмо ответил Джер аль Магриб. Красный дракон за его спиной гневно сверкал глазами.

Алгол помолчал.

– Пора, – он лег на камни и положил руки на грудь. – Начали.

Джер аль Магриб бережно коснулся Короны и потянул ее вверх. Едва артефакт оказался в воздухе, тело Корга Алгола безвольно обмякло; и в тот же миг очнулся Ализон.

– Черт возьми! – расвирипевший дракон ударил хвостом. – Я ему это припомню!

Джер аль Магриб не ответил. Он разглядывал Корону Мертвых Царей.

Артефакт был совсем простым, лишенным замысловатых украшений. Тонкий серебристый обруч из неизвестного металла слегка расширялся спереди, где шесть платиновых зубчиков держали огромный пурпурный бриллиант. Камень тускло мерцал в полумраке пещеры, казалось, внутри медленно вращается вихрь из частиц света. Сложная несимметричная огранка создавала иллюзию, будто в гранях отражается все вокруг.

– Успокойся, крылатый, – маг наконец оторвал взгляд от сокровища и обернулся к дракону. – Все уже позади.

– Это мы еще посмотрим, – угрюмо ответил Ализон. – Никто не смеет подавлять волю драконов! Ничего, он вернется, и я с ним поговорю... Так поговорю, что свет тьмою покажется!

– Вернется? – Джер аль Магриб улыбнулся. – Сомневаюсь.

Размахнувшись, маг швырнул Корону в ближайшую трещину. Последний раз сверкнув пурпурной кометой, сожрище беззвучно кануло в черноту. Не было даже звона.

– Очень сомневаюсь, крылатый, – повторил Джер аль Магриб. Его тонкие губы растянулись в усмешке.

Дракон недоверчиво шевельнул крыльями.

– Что ты сделал?!

– Что я сделал? – черный маг обернулся. – Я сделал тебя каганом наших армий, о Ализон. Отныне решать судьбы мира придется нам с тобой, а не диким пророчествам доисторических старцев!

Алый дракон зажмурил глаза и долго стоял, пытаясь прийти в себя.

– Он доверил тебе жизнь, – сказал наконец Ализон.

– Он никогда не был умным.

Джер аль Магриб приблизился к дракону и похлопал его по шее.

– Алгол был помешан на своем Пророчестве, – мягко произнес маг. – Он мечтал вогнать весь мир в клетку, созданную злобным стариком на заре времен.

Джер скрестил руки.

– Я помогал ему, выжидая удобного момента чтобы нарушить пророчество и вернуть будущему свободу. Никакие пророки не будут указывать мне, как жить. Я сам себе пророк и хозяин. И ты тоже, Ализон.

Дракон медленно покачал головой.

– Это не оправдывает предательства.

Маг сощурил глаза.

– Твоим приемным отцом, кажется, стал Тандер, сын Коршуна?

– Какое отношение это имеет...

– Почти никакого, – усмехнулся Джер. – Но тебе наверное будет интересно узнать, что Алгол собственными руками отправил на смерть двоих детей Тандера,

которых тот много лет считал погибшими.

Ализон отпрянул.

– Ложь!

– Спроси гнома, когда он очнется. Рогвальд узнал это неделю назад, но не решился тебе рассказать.

Дракон яростно замотал головой.

– Я тебе не верю!

– Разве я прошу верить МНЕ? – усмехнулся маг. – Поверь своему другу, гному.

Спроси его, что стало с Альтаиром и Тиамат.

– Альтаиром? – прошептал крылатый. – Он был сыном Тандера?..

Джер аль Магриб кивнул.

– Родным и очень, очень похожим на отца. Когда выберемся на поверхность, я покажу тебе его облик. А теперь давай – ка избавимся от мусора.

Нагнувшись, маг поднял топор Рогвальда и с места, резким движением метнул его в труп Владыки. Острое лезвие отсекло голову и со звоном ударилось в камни.

– Теперь он мертв, даже если до сих пор притворялся, – пояснил Джер. – Без Короны Алгол обычный смертный, а сотворить фальшивую корону в этом месте невозможно.

Черный маг подошел к телу, аккуратно снял с него мантию, поднял топор и принялся методично рубить труп на куски. Дракон молча смотрел, вздрагивая при каждом ударе.

Когда тело Корга Алгола превратилось в клочья окровавленной плоти, Джер аль Магриб ногой сгреб куски на мантию, собрал ее в мешок и бросил в другую трещину, подальше от места захоронения Короны. К этому времени Рогвальд уже пришел в себя и сел, потирая шею.

– Где каган? – спросил он грозно.

– Вокруг, – фыркнул Джер.

Ализон глубоко вздохнул.

– Рогвальд... Нам надо поговорить.

– Верно, поговорите, – черный маг отвернулся. – А я осмотрю железяку по кличке Ниддхегг.

Больше не сказав ни слова, Джер аль Магриб направился прочь. Дракон и гном проводили его взглядами.

Глава 12. Тигры и кони

До вечера мы двигались по направлению к горам. Когда лес редел, Куросао переходил на галоп, я летела рядом; в чащобах мы пробирались друг за другом, я шла первой и рубила кусты. Конь еще утром дал понять, что на открытом месте нас обнаружат с воздуха, поэтому полянки мы обходили стороной.

Пленники негромко обсуждали свое положение; я делала вид, что не понимаю ни слова, хотя на самом деле внимательно слушала.

Вначале мужчина, которого звали странно – Джон Маузер – пытался успокоить женщину по имени Галина Ковальски, обещая что друзья их быстро найдут и сделают из меня чучело. Женщина долго его слушала, потом резко оборвала и сказала, что не нуждается в утешении, что все солдаты (непонятное слово), и надо быть полным (непонятное слово) чтобы не понять, что их единственная надежда – убедить меня в своих мирных намерениях. Джон спросил, как она намерена убеждать рогатую рептилию. Галина ответила, что я, несомненно, разумное существо, об этом свидетельствует оригинальность ловушки, и к тому же я обладаю даром (непонятное слово), поскольку могу общаться с животными. Кроме того, сказала она, на лице присутствие пары нормальных способностей (?) и особенно надо обратить внимание на мой медальон. Джон спросил, какая еще пара нормальных способностей, Галина ответила, что я или Куросао прочли их мысли и узнали о (непонятное слово), ведь другого объяснения быть не может. Джон ответил длинной непонятной фразой, где почему– то упоминал моих родителей.

День уже клонился к вечеру, когда Галина внезапно перешла на общий язык и обратилась ко мне:

– Уважаемая, нельзя ли сделать остановку хоть на несколько минут? Нам надо справиться естественные потребности организма.

Я огляделась. Место было не хуже других, густые деревья закрывали небо, вдобавок неподалеку журчал ручеек, где я могла смыть воронью кровь. Похлопав

Куросао по шее, я подвела его к огромному дубу и сняла пленников.

– Хотите воды? – спросила женщину. Она часто– часто закивала.

– Очень!

Я отправилась к ручейку, забралась в него и тщательно смыла кровь. Потом сложила крылья, зачерпнула воды и вернулась к дереву. Первым напоила Куросао.

Когда пленники напились и "справили потребности" в кустах за деревом – для этого пришлось развязать им руки, а женщине и ноги, но я стояла рядом, с мечом наизготовку, а потом связала снова – Галина первая начала беседу.

– Кто вы? – спросила она, разглядывая нас с Куросао. Жеребец за сегодня сильно устал и разлегся напротив дуба, я насыпала ему ароматной травы и цветов. А сама уселась рядом в позу лотоса и положила на колени огненную палку.

– Мое имя Хаятэ, я дракон. Вчера вы в меня стреляли, – сказала спокойно. – Это Куросао, мой друг и спутник. Он только похож на лошадь, на самом деле он разумен и очень много знает, – я покосилась на коня. Тот с невинным видом жевал травку.

Люди переглянулись.

– Мы не хотели стрелять, – Галина нерешительно улыбнулась. – Наверно, солдаты приняли вас за бандитов. Местные дикари очень досаждают нашим патрулям...

– Мы и есть местные дикари, – возразила я серьезно. – Мы родились в этом мире.

Подняв огненную палку, я взглянула на Джона.

– У нас нет такого оружия. И нет волшебных камней в зубах. Драконов осталась всего сотня, нам запрещают иметь детей. А вы помогаете нашим врагам.

– Мы не знали, что драконы разумны! – быстро ответила Галина. – Нам говорили о вас, как о диких животных!

– А пардов вы тоже считаете животными? – я сузила глаза. – Мне рассказывали, год назад шестеро пардов пытались вступить с вами в переговоры. Выжил только один.

– Мы воюем с пардами, – угрюмо ответил Джон. – На других пла... В других странах. Здесь они совсем дикие, но от этого не менее опасные, и среди них легко

могут спрятаться шпионы наших врагов.

Я опустила глаза и принялась разглядывать оружие. Оно было довольно коротким – даже короче сето, черным и угловатым. Длинный ремень для переноски крепился стальными скобами, снизу имелась рукоятка, над ней – несколько кнопок и маленькое колесико с рычагом, спереди – держалка из черного упругого материала вроде кожи, сверху торчала длинная трубка с линзами на обоих концах. Еще одна трубка – толстая и короткая – была спереди. Судя по запаху, огонь вылетал именно отсюда.

Люди молча за мной наблюдали. Когда я заметила на задней части оружия рычажок и выдвинула длинный блестящий упор для плеча, пленники быстро переглянулись.

– Хаятэ, это опасная вещь, – тревожно заметила Галина.

Я усмехнулась.

– Вот именно. – перевернув оружие, я провела когтем по выпуклым иероглифам названия. Как оказалось, обруч Тотчигина обучал даже чтению на других языках – иероглифы сами собой сложились в слово "хаммер", причем сложились не справа налево, а наоборот! Я ничем не показала удивления.

– Как оно действует? – спросила мужчину. Тот промолчал. Тогда я направила на него оружие и улыбнулась.

– Сейчас я стану по очереди нажимать каждую кнопку.

– Стой! – пленник отпрянул. – Ты не понимаешь, это опасно!

– Как раз понимаю, – возразила я. – Не подвергай опасности себя и свою подругу, объясни как работает оружие.

– Сделай вид, что согласен и заставь ее включить маяк! – на родном языке сказала Галина. Я покачала головой.

– Вам нас не обмануть, – ответила на общем. – Куросао умеет читать мысли. Если он почувствует опасность, то сразу разобьет вам головы. Его гнева даже я боюсь.

В подтверждение моих слов, черный конь грозно изогнул шею и заржал. Галина бросила на Джона выразительный взгляд.

– Если мы подчинимся – отпустите?

– Нет, – я покачала головой. – Сначала вы ответите на все вопросы драконов, а потом расскажете своим, что мы разумны и нуждаемся в помощи. Вреда вам не причинят. Если вы первые не попытаетесь.

Встав, я подошла к пленникам и начала обыск. Почти сразу обнаружила замечательный нож с пилой на тыльной стороне черного лезвия, стальными ножнами и полый рукоятью. А вывинтив крышечку, я с радостью увидела на ее дне маленький компас!

– Интересно... – посередине гарды имелась плоская дверка, отодвинув которую я увидела шесть тусклых зеленых иероглифов. Даже не успев задуматься об их смысле, я узнала цифры – колдовской обруч научил меня и этому. Самая правая цифра постоянно менялась.

– Что значит 90.12.91? – спросила у женщины. Она удивленно подняла брови.

– Там не может быть таких цифр! Разреши взглянуть?

Я поднесла нож к ее лицу. Галина улыбнулась.

– Ты прочла справа налево, на самом деле здесь... – она запнулась и уставилась на меня квадратными глазами. – Ты прочла наши цифры?!

Кто бы мне хвост узлом завязал за глупость...

– Такие знаки используют волки–оборотни, – сказала я невозмутимо. – Только пишут справа налево, как и драконы. Что значит этот номер?

– Часы, – машинально ответила Галина. Я подумала – обманывает, но Курсоа ткнулся мне носом в крыло и, когда я обернулась, молча кивнул. Никогда бы не подумала!

Продолжив осмотр ножа, я нашла с краю гарды зажим, и точно такие были слева и справа на ножнах. Соединив нож с левым зажимом, я внезапно получила огромные ножницы. Удивительно! Подумав, я развернула нож обратной стороной и присоединила к правому зажиму. Получилась прекрасная пила с удобной рукоятью. Пленники молча наблюдали.

– Хорошая сталь, – похвалила я нож. Взвесив на ладони, прикинула центр тяжести, подбросила и с места метнула в дерево шагов за сорок. Вонзился до середины лезвия.

– И баланс отличный. Ваши мастера умеют делать оружие.

Подняв "хаммер", я присела возле мужчины.

– Например, вот это как называется?

– Огненная машина, – буркнул Джон.

Курсао фыркнул.

– Неправильный ответ, – сообщила я. – Если будешь обманывать и дальше, я тебя укушу.

В подтверждение угрозы, я раскрыла пасть и показала людям набор клыков. А зубы у меня замечательные, это все признают. Однажды на тренировке я попала себе копьём по лицу и сломала клык, Хакас страшно сердился, но всего через месяц вырос новый – ничуть не хуже старого. Хакас очень удивился и сказал, что у людей зубы не восстанавливаются... А сломанный клык я подарила Кодзуми, он попросил.

– Драконы очень больно кусаются, – добавила я, заметив что Джон отшатнулся. Для пущего эффекта я подняла гребень шипов, полуоткрыла крылья и выпустила все десять когтей разом. Люди поняли правильно.

– Это плазменный ударник, – неохотно ответил мужчина. – Модель "Хаммер М500".

Курсао кивнул. Я весело щелкнула зубами.

– Ну вот, так лучше. Продолжим урок! Сколько раз может выстрелить этот "ударник", на какое расстояние, как перезаряжать, что служит вместо стрел?

– Может тебе еще теорию плазмоганов объяснить? – резко спросил Джон.

Я усмехнулась.

– Ты мне все объяснишь, человек. Хаятэ очень прилежная ученица.

Усевшись поудобнее, я загнула хвост "свечой" перед грудью и уложила на него голову.

– Времени у нас много, – сказала Джону. – Куда больше, чем у меня терпения.

К утру я хорошо разобралась в плазменном оружии. "Хаммер" оказался даже более смертоносным, чем я думала: на одной "батарее" он мог сделать до пяти тысяч выстрелов "малой мощности", а были еще и выстрелы повышенной мощности –

позавчера в меня чуть не попал как раз такой. Дальность стрельбы составляла около двух цээгов, учитывать ветер или разницу высот не требовалось, огненная стрела долетала мгновенно. Правда, с увеличением расстояния ее сила быстро падала, и если цель находилась дальше цээга, стрелять надо было выстрелами повышенной мощности; но все равно, по сравнению с луком или арбалетом, я держала в руках самый настоящий метатель молний.

Обидно, но использовать прицел хаммера я не смогла. Прицел – это трубка с линзами, находившаяся сверху оружия. Джон объяснял, как в нее надо смотреть, Куросао согласно кивал, но я видела только мутное пятно. Потом Галина долго рассматривала мои глаза и сказала что– то о "фокусном расстоянии" и "уникальном строении зрачка", но так или иначе, целиться мне пришлось как раньше.

Испытать оружие в деле я тоже не смогла: Куросао чуть меня не укусил, когда я решила пострелять в одинокое дерево. Я долго не могла понять знаки коня, пока я наконец не сообразила, что спутники моих людей могут засечь выстрел из хаммера с очень большого расстояния. Пленники, разумеется, об этом не предупредили.

Зато я поняла, почему Куросао хотел забрать седельную сумку мужчины. Внутри обнаружили две довольно тяжелые "батареи", каждая из которых добавляла хаммеру пять тысяч выстрелов, а также плоская черная коробка из непонятного материала. На вопрос, что это такое, Джон ответил, что этим никого нельзя убить, поэтому я временно отложила коробку в сторону. Куросао сразу оттащил ее к себе, осторожно раскрыл зубами и принялся что– то вынюхивать.

Тем временем Брат неторопливо карабкался к зениту, на востоке уже виднелся край Сестры. Пора было ехать дальше. Чтобы не тащить оружие в руках, я сняла с Джона пояс и надела на себя, привесив к особым петелькам нож и два кожаных колчана с маленькими штучками под названием "пистолеты". Этим ручным оружием Галина хотела меня убить вчера на полянке. По ее словам, "пистолет" – миниатюрный вариант того же хаммера, только способный сделать всего сто сорок выстрелов. Запаса батарей для маленьких хаммеров у людей не нашлось, но и двести восемьдесят зарядов – неплохо.

Вместе с пистолетами пояс Джона стал тяжелым и неудобным. Он не шел ни в какое сравнение с моим старым, потеряннным в клетке; но так все же лучше, чем

совсем без пояса. Меч по обычаю вложила слева, клинком вверх, второй ударник закрепила на спине Куросао, а первый, при помощи которого Джон объяснял правила стрельбы, повесила между крыльями. Он здорово мешал.

– Что с нами будет? – спросила Галина, когда я развязала ей ноги. Джон угрюмо молчал: у него за ночь сильно испортилось настроение, поскольку я очень быстро научилась управляться с хаммером.

– Не знаю, – сказала я честно. – Может, вас сразу отпустят, может, оставят заложниками. Мы с Куросао отвезем вас в драконью долину и уедем. Нас ждут другие дела.

– Второй раз твой трюк не сработает, больше ты никого не похитишь, – мрачно буркнул Джон.

– А я и не собиралась вас похищать, – ответила я. – Мне было нужно мощное оружие, а не вы.

Галина тревожно оглянулась на Джона.

– Она планирует нападение на базу, – сказала вполголоса.

Я рассмеялась.

– Нет, Галина Ковальски, не планирую, – ответила на ее языке. Глаза людей широко раскрылись. – Меня больше интересует ведьма по имени Джилфьяни, вот уже десять оборотов ежесезонно убивающая моих сородичей.

– Т– ты говоришь по английски? – выдавил Джон.

– Я говорю и читаю на сорока восьми языках, – ответила я небрежно. – Не ждал такого от рогатой рептилии, правда?

Люди потеряли дар речи. А я тем временем подошла к Куросао; он обнюхивал свою коробку и совсем не обратил на меня внимания.

– Готов? – спросила по привычке. Жеребец вздрогнул, вскинул голову и уставился на меня с непонимающим видом.

– Пора ехать, – я кивнула на горы, темневшие вдали. – Ты готов?

Куросао покачал головой и всхрапнул. Я присела рядом.

– Что случилось?

Конь посмотрел на меня очень странно, я думала так только Хакас умеет. Нежно, и при этом с горечью. Потом кивнул на черную коробочку, лежавшую в траве,

и снова покачал головой. Я взглянула...

Отчаянное ржание Куросао остановило мой меч в волоске от этой штуки. Вскочив, конь оттеснил меня назад и встал над колдовской коробкой, даже зубы оскалил. Я заставила себя отступить.

– Там кто– то живой, – выдавила через силу. – Двигалось...

– Это магические картинки, не бойся! – ответила Галина. – Твоя лошадь, наверно, нечаянно включила наш талисман. Он безопасен.

Талисман... Кагири! Наверно, их коробка – словно мой Кагири, но умеет запоминать не только звук, а и картинки. Конечно, так и есть. Дура я, перепугалась словно ящерица!

– В следующий раз предупреждай, хорошо? – шепнула Куросао. Черный конь тихо заржал и поднял голову к небу. Несколько раз показал копытом на коробку, потом вдаль. Сделал вид, словно готов скакать, а затем уселся в траву и смешно притворился спящим. Я задумалась.

– Кто– то сюда скачет? Надо бежать?

Жеребец яростно затряс головой.

– Никто не скачет?

Отрицание.

– Кто– то скачет, но убегать не надо?

Конь закивал. Пленники быстро переглянулись.

– Хаятэ, местные жители настоящие дикари, они убивают твоих сородичей, – тревожно заметила Галина. – Лучше ехать дальше...

– Знаю, что убивают! – рявкнула я. Люди отпрянули, но я и сама не ожидала такой вспышки. Да– а, всего месяц без тренировок, и самоконтроль уже дает трещины... Правы Годзю и Хакас, маленькая я еще .

Только бывают времена, когда и детям приходится становиться воинами. Это я в одной книге прочла, а потом часто повторяла про себя, когда на тренировках приходилось больно и трудно.

Помогло и сейчас, как ни странно. Воспоминание о замке сразу вернуло в норму пульс и успокоило сердце. Несколько секунд я глубоко дышала, приводя в порядок нервы. Кто бы ни явился – встретить их должна спокойная и мудрая Хаятэ.

Не взбаламошный дракончик.

– Хорошо, подождем – сказала я Куросао. Отойдя чуть в сторону – сесть рядом с живой коробкой просто не могла – я опустилась в траву и расслабила крылья. Обе руки положила на пистолеты.

– Хаятэ, это очень опасно, – снова начала женщина. – Лучше поедем к твоим драконам, ведь им нужна помощь...

– Вас совершенно не беспокоит судьба крылатого народа, – ответила я серьезно. – Просто вы надеетесь, что ваши товарищи установят наблюдение за драконьей долиной.

Джон фыркнул и победно взглянул на Галину, словно ждал моих слов. Женщина выглядела немного обескураженной.

– Мы не... – начала она. Я оборвала:

– Вы да. Вспомните, дракончика вы нашли мертвым и жутко изуродованным. Кто бы ни похитил двух солдат, ваш командир в последнюю очередь подумает на меня. Скорее, он решит что попал в засаду дикарей, а труп ящера был приманкой.

Усмехнувшись, я прямо на ходу придумала, что сказать дальше:

– Мы с Куросао это планировали. Что бы ни произошло, драконы не должны попасть под удар. Обещайте, если я погибну или ваши товарищи меня поймают – вы не станете мстить другим драконам. Они даже не знают о моем существовании. Обещаете?

Галина долго молчала.

– Ты выросла в изоляции от сородичей? – спросила наконец.

– Меня вырастили люди, – кивнула я. – Галина, Джон, обещайте что не станете мстить драконам.

– Обещаю, – серьезно ответила женщина. – Мы не станем мстить даже тебе, Хаятэ, доведись нам поменяться местами.

Я грустно улыбнулась.

– Прости, не верю. Так никто не делает.

– Все разумные люди так делают! – горячо возразила Галина. – Ты росла среди дикарей и привыкла к их дикарской...

– Я не отсюда, – оборвала я.

Пленники разом вздрогнули.

– С какой планеты? – отрывисто спросил Джон.

– Ни с какой. Мой дом – остров Ямато далеко на Востоке.

– Ямато? – Галина подалась вперед. – Архипелаг у восточного побережья, где была воссоздана культура островных народов Земли?

Я отпрянула.

– Ты знаешь о моем острове?

– Там сейчас война, – ответила женщина. – Мы больше месяца за ней наблюдаем. Островитяне все время отступают, враги уже захватили почти половину архипелага.

Меня качнуло. Годзю!!!

– Почему вы не помогаете?! – я стиснула когти. – С таким оружием!!!

– Мы не вмешиваемся в местные дела, – отозвалась Галина. – Хаятэ, понимаешь, твой мир, хотя и очень интересный, служит только перевалочным пунктом. Наш народ, люди Земли, уже много лет, более девяти ваших сезонов, ведут войну с беспощадными пардами, овладевшими десятками планет на окраине Га... звездного города. Хаятэ, поверь, мы не враги! С драконами просто вышло недоразумение!

– Вы помогаете Джилфьяни... – мир крутился перед моими глазами. Годзю! Что теперь делать?! Лететь ему на выручку – и предать драконов?! Но предать своего приемного отца я просто не смогу!

– Мы никому не помогаем, – уверяла тем временем Галина. – Мы просто ведем торговлю, ведь солдатам надо что– то есть. Джилфьяни правит самой большой страной в этой части света, было бы странно...

– Помолчи, – выдавила я. Несколько секунд сидела, зажмурившись от волнения.

К действительности меня вернуло тихое ржание. Куросоа стоял рядом, тревожно помахивая хвостом. В глазах коня отражалась мука, казалось, он хотел задать вопрос, и мучался от собственной бессловесности. Я хрипло вздохнула.

– Куросоа... Что мне делать, скажи? – встав, я положила крыло ему на шею. – Бросить все, и лететь домой? Или бросить родной дом ради родичей по крови?

Жеребец отпрянул и яростно замотал головой. Указал копытом на черную коробочку. Там двигались магические картинки, похожие на вид земли с большой высоты.

– Сюда скажут твои друзья?

Конь закивал. Я опустила глаза.

– Чем они смогут помочь? – спросила с горечью.

Куросао ткнулся носом мне в плечо. Я потрепала его по шее.

– Как скоро они будут здесь?

Жеребец дважды ударил копытом.

– Два дня?

Отрицание.

– Два часа?

Конь посмотрел мне прямо в глаза и кивнул. Пленники переглянулись.

– Хаятэ, можно взглянуть на наш талисман? – осторожно спросила Галина. Я ответить не успела: Куросао замотал гривой и копытом закрыл коробку. Потом несколько раз указал в небо, и ткнулся носом мне в крыло.

– Надо взлететь и осмотреть местность? – спросила я.

Жеребец покачал головой, подбежал к дереву и гневно лягнул ствол. Я подняла взгляд.

– Ты хочешь перейти на открытое место? Чтобы нас стало видно с воздуха?

Энергично кивнув, Куросао вернулся и внезапно лизнул мне руку. Он выглядел очень странно – будто все делал через силу, но не по принуждению... Р–р–р, даже описать не знаю как! Это видеть надо. Мне очень не понравился вид коня.

Помедлив, я все же кивнула:

– Хорошо, едем на открытое место, – пожала плечами. – Все равно лес скоро кончится.

Сборы отняли немного времени. Пленников я усадила на спину Куросао и связала им ноги под конским животом, колдовскую коробку бросила в сумку. На сей раз жеребец даже не стал меня ждать, и сразу рванулся вперед. А мне очень мешал ударник за спиной; пришлось догонять Куросао на четырех ногах, хотя дома меня всегда ругали, если я так бегала. Хакас говорил, только звери ходят на четвереньках...

Ханасаки, учитель, жив ли ты? Проклятая Джилфьяни, не заставляй меня разрываться надвое!

Вскоре деревья кончились. Куросао остановился в пяти полетах стрелы от леса и принялся глазеть вверх. Я тоже осмотрелась.

На западе, у самой границы видимости, в небе темнела черная точка. Она слегка покачивалась, видимо на высоте дул сильный ветер. Сузив зрачки, чтобы лучше видеть, я вздрогнула.

– Куросао, в лес!

Конь недоуменно оглянулся. Я даже зарычала от злости:

– Это рокх!

Жеребец вначале вздрогнул, но потом упрямо замотал головой и топнул копытом. Я схватила его за гриву.

– Ты спятил?! На рокхах летают слуги Джилфьяни!

Конь покачал головой. У меня сами собой выдвинулись все когти.

– Кого ты вызвал? – спросила я глухо. – Твои друзья прислуживают этой ведьме?

Куросао в отчаянии попятился, глядя на меня умоляющими глазами. Было видно, что он смертельно испуган.

– Хаятэ, отвези нас к драконам! – Галина смотрела на приближающегося орла с большой тревогой. – Дикари опасны!

– Драконы тоже, – процедила я сквозь зубы. Повернулась к коню: – Куросао, ты был мне верным другом, поэтому я поверю тебе последний раз и дождусь... гостей.

Указав на лес, сорвала со спины ударник:

– Я спрячусь там. Буду держать всех вас на прицеле, – сказала размеренно. – Куросао, если твои друзья и вправду друзья, пусть они отошлют рокха обратно, как только прилетят. Ясно?

Жеребец с огромным облегчением закивал. Галина попыталась что-то

сказать, но я расправила крылья и взмыла в небо. Отлетев немного к северу, скрылась за лесом и, прячась за деревьями, вернулась обратно. Засаду устроила на вершине огромной сосны, отсюда был прекрасно виден Куросао, а меня совсем видно не было. Надеюсь.

Устроив хаммер в развилке ветвей, я несколько раз прицелилась в землю вокруг коня, отыскала два приметных куста и навела оружие на дальний. Теперь пусть прилетает хоть сама Джилфьяни, ее ждет сюрприз.

Некоторое время прошло в тишине. Было видно, что пленники нервно переговариваются, но голоса сюда не долетали. Ветер понемногу усиливался, дерево подо мной слабо раскачивалось. Ничего, это не мешает стрелять.

Когда рокх наконец появился над лесом, я сразу навела на него хаммер. Птица летела очень странно, словно не живая; ровно и слишком медленно взмахивала крыльями, голову держала совершенно неподвижно, а хвост и вовсе неправильно – орлы так его задирают только перед посадкой, а не в полете. Пока Рокх кружил над лесом, я внимательно за ним наблюдала, и у меня создалось ощущение, будто в воздухе его держат вовсе не крылья.

Гигантский орел сделал последний круг и опустился, захлопав крыльями почти как настоящий. Но я уже поняла, что перед нами оживленное колдовством чучело. Рокх Ботольда был не больше похож на эту штуку, чем живой человек на бамбуковое пугало.

Приземлившись, фальшивый орел поджал лапы и опустился в траву. Всадника он, конечно, не нес; едва сложив крылья, птица задрала голову к небу и замерла, мгновенно утратив всякие признаки жизни. В груди открылась квадратная дверца, обшитая снаружи перьями.

И оттуда выбрался большой двуногий тигр, одетый так же, как и мои пленники – в облегающую одежду с зелено–желтыми пятнами. Следом показался еще один, черный и очень красивый, похожий на рисунок пантеры в книге Хакаса. Пленные люди встретили их появление настоящей паникой, Джон даже попытался разорвать путы. Не сумел, конечно – мои узлы никому еще не удавалось одолеть.

– Парды... – прошептала я невольно. Появление сородичей Тошибы из колдовского чучела так меня изумило, что я даже не сразу обратила внимание на

удивительную вещь: подойдя к Куросао, гости с ним заговорили. ЗАГОВОРИЛИ с лошадьё!

И не просто заговорили, а довольно долго беседовали. Пару раз, очевидно, не верили, переспрашивали, тогда конь гневно топал копытом и ржал. Наконец, судя по жестам и взглядам, рассказ зашел обо мне. Выслушав Куросао, черный пард передал товарищу оружие – что– то вроде маленького, изящного хаммера – и быстро направился к лесу. Я следила за ним краем глаза , продолжая держать Рокха на прицеле.

– Мы друзья! – на общем языке крикнул пард, когда приблизился к деревьям. – Мы союзники драконов и враги людей!

А с чего он взял, что я враг людей?

– Вы на прицеле, – отозвалась я спокойно. – Не делайте резких движений.

Пард кивнул и уселся прямо в траву, став удивительно похожим на кошку. Его зеленые глаза сверкали даже с такого расстояния.

– Мы благодарим тебя за спасение товарища, – он указал на Куросао. – Не желаешь ли спуститься, поговорить? Нам есть, что сказать друг другу.

Я помолчала. Следовало принять решение; но причин враждовать со мной у пардов просто не могло быть, смысл– то какой? Поэтому, вздохнув, я спланировала на землю и осторожно вышла из– за деревьев, держа наготове хаммер. Пард совсем не испугался, увидев у меня оружие.

– Мое имя Ванаби, – представился он, вернее она. – Я первый раз говорю с драконом и прошу прощения, если нечаянно окажусь невежлива.

– Все в порядке, я не обидчивая, – усевшись в траву напротив пантеры, я вынула меч и положила его слева*. Ветер дул в мою сторону: запах пардии был отчетлив. Пахла она совсем не как кошка, а скорее как потный крестьянин. Наверно, в животе Рокха очень жарко.

Пока мы с Ванаби друг друга разглядывали, ее товарищ отвязал пленников со спины Куросао и затолкал их в фальшивую птицу. Люди сопротивлялись, особенно Джон.

– Кто вы? – спросила я, решив пока не возмущаться. Ванаби вежливо поклонилась.

– Мы мирные ученые, и уже несколько сезонов работаем в вашем мире. Наша родина у другой звезды.

Сделав вид, словно очень удивлена, я кивнула в сторону Рокха.

– А где вы познакомились с Куросао?

Ванаби вздохнула.

– Уже девять лет – по– вашему, почти четверть оборота, – наш народ ведет войну с жестокими людьми Земли...

Дальше она слово в слово повторила рассказ Галины о "беспощадных пардах". Мне едва удалось сдержать улыбку. Между тем Ванаби продолжала:

– Около сезона назад в этот мир прилетели земляне. Наш звездный корабль совсем маленький, и летает гораздо медленнее земного, поэтому убежать мы не могли: люди сразу заметили бы нас, погнались следом и уничтожили. Пришлось затаиться...

Подошел Куросао и встал за спиной пантеры. Я ему подмигнула, но конь молча отвернулся. В глазах его светилась странная, необъяснимая тоска.

– ...мы решили послать домой магическое письмо с просьбой о помощи... – голос Ванаби вывел меня из задумчивости. Решив поговорить с Куросао позже, я вновь прислушалась к рассказу.

– Из дома пришел ответ, что спасательный корабль уже в пути. Но вожди приказали нам захватить несколько землян, чтобы передать их спасательному отряду, когда он прилетит на выручку, а военных среди нас почти нет, только ученые. И тогда мы решили на хитрость: создали шпиона, которого невозможно заподозрить.

– Коня? – спросила я быстро. Куросао при этом слове вздрогнул всем телом и понурил голову.

– Да, Хаятэ, – кивнула Ванаби. Поднявшись с травы, она обернулась и ласково потрепала жеребца по шее. – У нас есть особые машины, наверное ты считаешь их колдовскими. При помощи этих машин мы изменили мозг великолепной лошади и перенесли туда личность одного из наших лучших специалистов...

Я уже все поняла и продолжила сама:

– Вы хотели передать Куросао людям, чтобы он выбрал момент и похитил всадника!

– Верно, – улыбнулась пардия. – Только его зовут не Куросао, а клан–командир Керр.

Конь ткнулся носом в плечо Ванаби и покачал головой. Пантера с легким удивлением обернулась ко мне:

– Он говорит, вы можете и дальше звать его Куросао. Просит передать, что ему доставило огромную радость быть вашим спутником.

Я моргнула от удивления.

– Как – говорит? Я ничего не слышу!

Пардия коснулась своего уха. Приглядевшись, я заметила, что туда вставлен маленький белый камушек, от которого вниз тянулась нитка, скрывавшаяся под одеждой.

– В этом облике Керр может говорить только с нами, – пояснила Ванаби. – У него в груди зашит талисман, способный тайно передавать речь на короткое расстояние.

Я помолчала, размышляя .

– Выходит, я нарушила ваши планы, когда похитила коня у охотников Джилфьяни?

Куросао замотал головой. Ванаби улыбнулась.

– Наоборот, Хаятэ. Вы спасли его от участи вечного раба. Кочевники похитили Керра на пути к земной базе, ведь он выглядит как великолепный конь, и мы не смогли вмешаться из опасения быть раскрытыми.

Она отвела глаза.

– Мы намного слабее людей, – через силу сказала пардия. – У нас очень мало оружия, совсем нет боевой техники. Если земляне обнаружат нашу базу, погибнем не только мы, но и спасательный корабль, который уже в пути и достигнет этого мира через сезон.

Она к чему– то прислушалась.

– Хорошо, – кивнув, Ванаби снова посмотрела мне в лицо. – Керр приглашает вас на базу. Говорит, что знает, как помочь вашему приемному отцу.

Вздрогнув, я обернулась к жеребцу. Он тихо заржал и мотнул головой в сторону фальшивой птицы – залезай, мол. Ванаби улыбнулась.

– Керр говорит, что однажды он поверил вам и остался, хотя этим нарушил приказ клан– вождя. Теперь он просит поверить ему.

Я молча подошла к коню и заглянула в черные глаза.

– Ты был верным другом, – тихо сказала я. – Спасибо.

Куросао ткнулся носом мне в плечо и долго стоял, не шевелясь. Глаза у него подозрительно блестели.

– Что– то не так? – спросила я шепотом.

Содрогнувшись, жеребец отступил и медленно покачал головой. Сзади подошла Ванаби:

– Он говорит, все в порядке и пора в путь, – пантера нерешительно указала на Рокха. – Вы летите с нами, Хаятэ?

Я взглянула на Куросао. Конь совсем не казался счастливым.

– Ты хочешь, чтобы я летела? – спросила негромко.

Куросао кивнул.

– Хорошо, – резко обернувшись к Ванаби, я добавила: – Но оружие останется у меня.

– Керр верит вам, – серьезно ответила пардия. – А мы верим Керру. Летим.

И мы направились к фальшивой птице. Там стоял второй пард, и отвинчивал что– то у "орла" под хвостом. Я невольно фыркнула.

– А как вы заберете Куро... то есть, Керра?

– Когтями, – угрюмо ответил пард. На коня он старался не смотреть. Странное что– то происходит, не нравятся мне эти типы!

– Почему вы все такие мрачные? – спросила я хмуро. – У вас должно быть хорошее настроение, разве нет?

Парды переглянулись. Ванаби молча отошла в сторону, ее спутник злобно крутанул свою штуковину.

– Лезь в машину и не болтай! – огрызнулся он резко.

Я сузила глаза.

– Что ты сказал?

Куросао быстро встал между мной и пардом.

– Он просит прощения за товарища, – сообщила Ванаби. – Мы сейчас очень

рисуем, Хаятэ, люди могут обнаружить самолет. Пожалуйста, поторопитесь...

Стиснув зубы, я кивнула и подошла к птице.

– Внутрь не полезу, – сказала твердо. – Полечу на ее спине, как всадница.

– Хаятэ, это невозможно, – Ванаби покачала головой. – Мы будем лететь на очень большой высоте, с огромной скоростью. Там слишком мало воз...

– Драконы тоже умеют летать, – оборвала я гневно. – Высота для меня ничто.

Внутрь не полезу.

Пантера тяжело вздохнула.

– Тогда держитесь крепче, вас может сдуть встречный ветер.

– Какой дракон не любит быстрой езды? – пошутила я, размышляя, настоящими ли перьями покрыто чучело птицы.

Если по пути встретится живой рокх, я не дам даже медного бу* за шкуры пардов.

* "... вынула меч и положила его слева.." – то есть, Хаятэ дала понять, что не доверяет собеседнику.

* "бу" – самая мелкая японская монета

Глава 13. Радиоактивные подземелья и драконы

...Она падала навстречу сверкающим деревьям звезд. Лунные клыки с бесконечной нежностью пронзали ее дыхание, металлические кувалды жестоко хохотали, прыгая между небом и страхом. Откуда– то сыпались обломки деятиугольных машин, подобно снегу покрывая океан волнами сладкого железа. Скрип и грохот напоминали колыбельную.

Постепенно миражи гасли, уступая место картине звездного неба. Но такого неба Ри еще не видела. Пугающе черное, бездонное, оно пылало мириадами холодных факелов, давило на разум чудовищной пустотой. Неисчислимая масса звезд безмолвно парила в пространстве, столь чистом и прозрачном, словно вокруг не было...

"Здесь нет воздуха!" – поняла Ри. Но прежде, чем ужас лишил ее возможности мыслить, вокруг возникла призрачная завеса, отделившая ящерку от убийственного великолепия Космоса. В полной тишине раздался тонкий хрустальный звон.

Защитная капсула, в которой находилась вэйта, медленно развернулась и понеслась вдаль, с каждой секундой наращивая скорость. Звезды вытянулись в огненные линии, их цвет плавно менялся от рубинового до ярко– фиолетового. Казалось, искривилось само пространство, обретя форму веретена, вдоль оси которого мчалась испуганная Ри.

Несколько минут прошли в тишине. Одна за другой звездные полосы становились фиолетовыми и гасли, переходя грань видимого света. Позади простиралась зловещая чернота, без единого светлого проблеска, но вдали, на самом пределе восприятия, медленно разгоралось торжествующее зеленое зарево.

Вэйта приближалась к гигантскому изумрудному солнцу, окруженному пятью меньшими звездами, словно мать детьми. Необъятных размеров плоское кольцо вращалось вокруг звезды, свет отражался от него, как от зеркала. По всей системе мерцали огоньки: тысячи, сотни тысяч комет влачили разноцветные хвосты к светилам. От грандиозности зрелища у Ри закружилась голова.

– Что это? – прошептала она.

– Й'сэгнет, – прозвучал ответ.

Мощь, заложенная в голосе, едва не смяла разум молодой вэйты.

– Кто ты?! – вскрикнула она.

– Смотри, вэйн'те, смотри! Время для вопросов еще придет.

Ри сглотнула. Чудовищная скорость ее капсулы заметно снизилась, и звездное небо вновь обрело привычный вид. Впереди медленно вращалось колоссальное кольцо, и чем ближе оно становилось, тем яснее проступали детали. Вскоре вэйта с удивлением поняла, что кольцо не сплошное: оно состояло из миллионов сверкающих белых глыб, летевших очень близко друг к другу. Масштабы давили на разум.

– Лед и пламя, – сказал голос. – Здесь могла возникнуть целая планетная система, но гравитация звезд помешала. Теперь здесь рождаются кометы.

– Гравитация?.. – несмело переспросила Ри.

– Скоро ты все узнаешь, вэйн'те. Скоро. Мы приближаемся!

Капсула плавно изменила курс. Теперь ее целью была не зеленая звезда, а одна из соседних, совсем небольшая в сравнении с чудовищным центральным светилом. Цветом напоминающее морскую волну, солнце быстро приближалось; вскоре стали видны планеты – шесть сверкающих точек в бесконечной пустоте.

– Четвертая, – шепнул голос.

Но Ри уже и сама все поняла. Вокруг четвертой планеты мерцали тысячи огоньков, она сверкала в пустоте Космоса, словно голубой бриллиант.

– Это мой дом? – тихо спросила вэйта.

– Наш дом, вэйн'те. Его имя Энтобан.

Скользнув мимо сложных конструкций и гигантских решетчатых платформ, мимо парящих в космосе городов и стройных металлических птиц, капсула на миг замерла у границы атмосферы, и рухнула вниз, в мгновение ока пробуравив воздушное одеяло планеты. Ри вскрикнула.

– Не бойся, вэйн'те, – ласково шепнул голос. – Здесь никто не причинит тебе вреда.

Ящерка молчала, не в силах справиться с волнением. Она парила над грандиозным городом, построенном прямо среди джунглей. Деревья высотой в сотни ярдов образовывали целые площади сцепленных ветвей, серебристые небоскребы вздымались из гущи растительности, словно творения неведомых каменотесов. Сотни, тысячи машин парили над городом, небо с ними делили всевозможные крылатые существа. Но больше всего было вэйтар.

Надев изящные полупрозрачные крылья, они порхали между зданиями, словно сказочные эльфы или стрекозы. Там и тут на древесных площадках виднелись группы горожан, отдохавших от дел или что– то совместно обсуждавших. Внезапно мимо Ри пронеслись два крылатых ящера, оседланные юными вэйтами: всадницы весело визжали и размахивали хвостами. Повсюду бурлила жизнь.

– Гэйн'акас! – торжественно возгласил голос. – Столица мира Энтобан. Добро пожаловать, вэйн'те!.

– Это сон... – прошептала Ри. – Я знаю, это сон. Это не может быть правдой.

– Мы сделаем это правдой, вэйн'те, – мягко ответил голос. – Мы с тобой.

– Но кто же ты?!

– Я тот, кто очень долго ждал...

1

"Я очень долго ждал", – могучая мысль нарушила видения, и Ри очнулась. Она лежала на мягком ложе в странной металлической комнатке, повсюду сверкали огоньки и экраны.

– Где я? – прошептала Ри.

"Во мне", – громыхнула мысль. От ее силы вэйта скорчилась и закрыла голову руками.

– Мне больно!

"Прости", – на сей раз мысль прозвучала мягко и негромко.

Ри судорожно вздохнула.

– Кто ты? Как я сюда попала?

"Я Иполсокэ'йи, – ответил неизвестный. – Ты откликнулась на мой зов".

В памяти ящерики словно молния вспыхнула картина недавнего прошлого. Она вспомнила, как вышла из коридора навстречу необъятному, кошмарному чудовищу, вспомнила как монстр с шипением развернул гигантскую клиновидную голову и уложил ее на камни. Медленно раскрылась широкая пасть, где среди винтовых вращающихся клыков, вэйта увидела лестницу. Самую обычную, металлическую лестницу, ведущую в чрево дракона. Ри вспомнила, как поднималась, окруженная механизмами и запахом озона, припомнила толстую дверь, за которой сразу наступила тишина. Но что было дальше?..

"Ты пришла, пришла ко мне. Как же долго я ждал..."

Вэйта сглотнула.

– Иполсокэ'йи?

"Слушаю".

– Что означает твое имя?

"Ты пока не знаешь родного языка. Скоро я все объясню."

– Но кто ты? Что ты такое?

Ощущение, проскользнувшее в потоке мыслей, было похоже на улыбку .

"Я машина. Живая машина, исследователь недр. Я жду тебя более девяти сотен местных единиц измерения времени."

– Единиц измерения времени? – удивленно переспросила вэйта.

"Вы зовете их годами".

– Девятьсот лет?! – Ри вскочила. – Ждешь меня?! Но как?! Ведь я вылупилась только двенадцать лет назад!

Чудовищная машина излучила ласку.

"Народ вэй рождается дважды, и вылупление – второе рождение. Девятьсот лет назад ты родилась во мне, но была похищена."

Ри покачнулась.

– О, небо... Так кто же я? Ответь! Кто я?!

"Ты моя эйстайи, – мягко подумала машина. – Девятьсот лет назад команда покинула меня, наказав ждать их возвращения. Год за годом я ждал, как было приказано, но никто не вернулся. Я расставил повсюду станции наблюдения, отправил на поверхность зонды, и все же не сумел их найти. Прошло девять веков, прежде чем давно заброшенная камера передала изображение дочери моей эйстайи.

– Дочери?! – воскликнула Ри, не обращая внимания на незнакомые слова.

"Вэйн'те! – в мыслях машины отчетливо слышалось торжество. – Ты последняя из моей команды, ты дочь эйстайи. Отныне ты – мой капитан и смысл моего функционирования. Приказывай, вэйн'те, я повинуюсь".

Содрогнувшись, вэйта закрыла глаза и прижалась к холодной металлической стене. Ее разум бился в агонии, паника ледянила кровь. Почти десять минут потребовалось Ри, чтобы справиться с шоком и прийти в себя.

– Расскажи все, – выдавила она. – Все. Про меня, про моих родителей, про народ вэй и про себя тоже. Я хочу знать правду!

В стене беззвучно открылся люк, и навстречу Ри выехала плоская плита, покрытая чем– то мягким.

"Ложись, эйстайи, и закрой глаза, – донеслась до нее ласковая мысль Иполсокэ'йи. – Я обучу тебя родному языку и основам науки. Затем ты сможешь выслушать послание, хранимое мною для этого дня".

– Кто оставил послание? – хрипло спросила ящерка.

"Инопланетная форма жизни. Она сообщила имя Агайт".

– Богиня! – вскрикнула Ри. Больше не колеблясь, она забралась на странное ложе и опустила внешние веки. Плита скрылась в стене.

Крафт и Минас молча смотрели, как Ри вошла в кошмарную пасть чудовища. Едва ящерка скрылась из виду, жуткие челюсти сомкнулись и монстр опустил голову на камни. Оранжевые глаза медленно погасли; в пещере повисла тишина.

– Что теперь делать? – грифон взглянул на эльфа. – Нельзя же ее бросить!

– Она уже мертва, – угрюмо возразил Минас. – Ты видел эту пасть?

Крафт содрогнулся, припомнив вращающиеся закрученные клыки длиной в два ярда. От гнева грифон распушил все перья.

– Эта тварь... проклятая железка сожрала мою ящерку!

– Сейчас время подумать о себе, – оборвал эльф. – Как отсюда выбраться?

Справившись с гневом, Крафт осмотрел пещеру.

– Если бежать влево, ярдов через пятьсот я смогу взлететь.

– А что потом? – поинтересовался Минас. – Прямо в лапы погоне? Для нас единственный выход – там, за чудовищем.

– Тогда слушаю предложения, – огрызнулся грифон.

Эльф долго стоял у прохода, разглядывая неподвижного монстра. Железный дракон достигал ста ярдов в длину и сорока в высоту, все его тело было покрыто загнутыми шипами. Плоская клиновидная голова неподвижно лежала на камне, глаза не светились. В полной тишине, монстр казался чем угодно, но не живым существом.

– Кажется, он спит, – шепнул Минас. – Мы прокрадемся мимо чудовища и обойдем его со стороны хвоста. Зверь таких размеров наверняка неповоротлив.

Грифон покачал головой.

– Не выйдет. Взгляни, – он кивнул на обломки сталактитов, усыпавшие дно пещеры. – Для него будто не существует скал. Одно движение хвоста – и мы окажемся навеки погребенными. Пояс сохранит нам жизнь, но не поможет выбраться

из завала, и смерть будет долгой, Минас. Долгой и мучительной.

– Крафт, но другого выхода все равно нет.

– Есть, – мрачно ответил грифон. – Убить тварь!

Минас недоверчиво моргнул.

– Как?

– Пронзить ей сердце, – Крафт хлестнул себя хвостом. – Я сделаю это, друг.

Спрячься поглубже в проходе.

– Нет! – эльф ухватил грифона за крыло. – Ты погибнешь!

– Меня защитит Пояс.

– Это безумие, Крафт! Ты не сможешь даже пробить его шкуру!

Пернатый криво усмехнулся.

– Я не собираюсь портить такой трофеей. Отойди, Минас. Другого выхода нет.

Эльф обнял грифона за шею.

– Я не отпущу тебя.

– Минас, так надо.

– Ты сейчас в гневе, и не способен рассуждать здраво. Опомнись, друг. Как ты намерен убить такого гиганта?

Крафт вздохнул.

– В размерах мой шанс. Змеи не умеют рвать добычу, они всегда глотают целиком. Пусть дракон проглотит меня: Пояс защитит от клыков. Оказавшись в чреве, я разорву ему сердце когтями.

– Сначала ты задохнешься и растаешь в желудочном соке, – резко ответил Минас. – Достаточно, Крафт. Я твой райдер, и приказываю забыть это безумие. Мы обойдем чудовище со стороны хво...

Запнувшись, эльф принялся к странному, едва уловимому запаху, покачнулся и рухнул на камни. Рядом, успев лишь вскрикнуть, свалился грифон. В гроте воцарилась зловещая тишина.

Минут через десять, из-за скалы показалась высокая фигура в черной мантии. Приблизившись к бесчувственным беглецам, Джер аль Магриб спокойно их оглядел.

Слабо улыбнувшись, он присел рядом с грифоном, расстегнул Пояс Богини и с видимым усилием забросил его на плечо. Крафт и Минас не приходили в сознание.

Отвернувшись, черный маг вытащил из носа тампоны и направился прочь. На светящихся камнях остались лежать осколки маленькой стеклянной ампулы.

2

Ри приходила в себя очень медленно. Сотни образов крутились в ее сознании, мешали реальность с миражами, вымысел с правдой, историю со сказками. Объемный чертеж солнечной системы сменялся картиной плоского мира, стоящего на слонах, пирамиды из красного обсидиана оказывались ржавыми остовами звездолетов, математики вызывали демонов, черные маги писали книги двоичным кодом. Постепенно круговерть видений слабела, возвращая ей способность размышлять. Она попыталась проанализировать гигантский объем знаний, полученный от железного дракона.

"Иполсокэ'йи..." – Ри улыбнулась. Теперь, когда язык й'лланэ, наконец, вернулся к ней, ящерка понимала, что это имя переводится как "строитель туннелей". Гигантское чудовище оказалось мирным вездеходом, снабженным искусственным разумом и предназначенным для разведки недр чужих планет.

"Чужая планета" – на родном языке подумала Ри. – "Я всегда это знала. Чувствовала, что Уорр – мне не дом."

– Иполсокэ'йи, – позвала она. Вездеход немедленно откликнулся:

"Да, эйстайи?"

– Когда эйтаны прилетели в этот мир?

"Приблизительно в шесть сотых периода Амбаласи".

– Я привыкла к местной системе измерения времени.

"Девятьсот один год назад".

– Почему вы остались?

В потоке мыслей машины отразилась печаль.

"Посадка была аварийной. Корабль остался почти невредим, но произошла утечка топлива. Мы могли бы взлететь и на планетарных моторах, однако расстояние от Уорра до Энтобана превышает сорок тысяч местных световых лет. Поэтому команда приняла приглашение инопланетной формы жизни, и осталась здесь, чтобы создать колонию."

– Приглашение? – Ри открыла глаза и села. В кабине сразу загорелся мягкий

свет. – Кто вас пригласил ?

"Представительница местного вида, крупный рептилоид, отдаленно родственный вэйтару. Согласно моим данным, она занимала пост правителя всей планеты."

Вэйта сузила зрачки.

– Это она оставила послание для меня?

"Да".

– Включи.

Из панели управления бесшумно выдвинулся широкий панорамный экран. Ри встала с ложа и уселась в кресло пилота, немедленно принявшее форму ее тела.

На экране появилось объемное изображение прекрасной фиолетовой драконессы. Агайт – это могла быть только она – лежала в высокой траве, на краю утеса, за которым до горизонта простирался океан. Рядом стояли несколько вэйтаров в серебристых комбинезонах.

– Приветствую вас, братья и сестры по разуму! – драконесса говорила на Общем языке. – Если вы видите это послание, значит все плохо, и вы не знаете, с какой целью в недрах гор был оставлен вездеход Иполсокэ'йи.

Она подняла голову выше.

– Для начала, позвольте представиться. Я дракон, житель планеты Дракия, и зовут меня Тайга Локкхид. Если вы – те, для кого предназначено наше послание, то скорее всего вы слышали о богине Агайт; так вот, это я и есть.

Драконесса тепло улыбнулась.

– Прежде чем объяснить, каким образом звездолет с планеты Энтобан оказался заточен в недрах западных гор, мне придется сделать небольшое отступление и рассказать о драконах.

Тайга пошевелила крыльями и слегка поклонилась камере.

– Одного дракона вы сейчас видите перед собой. Мы жители далекой планеты Дракия, относимся к классу теплокровных рептилий, и любим летать. Не только в атмосфере, – она распахнула крылья во всю ширь, – но и к звездам!

Драконесса вновь сложила крылья на спине и тяжело вздохнула.

– Много лет назад мы с мужем – его зовут Драко – и еще одним драконом,

составили экипаж первой межзвездной экспедиции Дракии. Сейчас слишком долго рассказывать ее историю, достаточно сказать, что экспедиция прошла не столь гладко, как планировалось, и мы с Драко были вынуждены остаться здесь, в системе Ринн, куда входит и планета Уорр. Мы сделали это, чтобы спасти звездолет.

Один из вэйтаров подал Тайге большой лист с картой. Драконесса развернула его к камере.

– Мы упали здесь, в месте, позже названном Долиной Каменных Цветов. – она показала на карте. – Особый защитный прибор, похожий на пояс, спас нам жизнь, но сыграл жестокую шутку со временем: очнувшись, мы узнали, что с момента падения прошло более трех веков. Казалось бы, это достаточно сильный удар, но судьба продолжала испытывать нас – и едва проснувшись от векового сна, мы с Драко подверглись нападению мага по имени Корг Алгол. Мага, столь могущественного, что сила его разорвала ткань времени и бросила нас в прошлое, более чем на тысячу триста лет. Не успев даже понять, что случилось, мы с Драко оказались одни посреди необитаемого континента, за десять веков до собственного рождения.

Тайга помолчала.

– Несколько месяцев летали мы от материка к матерiku в поисках пути домой, пока однажды не встретили дракона по имени Коршун, известного вам как отец богов. Коршун и его подруга, Тикава, занимались спасением драконов и грифонов с соседней планеты. Мы помогли им закончить работу, и когда Коршун с Тикавой покидали Уорр, они попросили нас присмотреть за молодой страной, где поселились беженцы. Мы согласились.

Драконесса повернулась и обвела крылом живописный ландшафт.

– С тех пор уже двести сорок лет мы живем здесь, на материке, против нашей воли названном Локхом. За прошедшие годы, драконы и грифоны превратили этот континент в самое прекрасное место на свете, добились огромных успехов в медицине и искусстве. Лишь технику, по просьбе Коршуна, мы развивать не стали.

Тайга тяжело вздохнула.

– Я обращаюсь в будущее, к вам, кто видит меня, возможно, уже после смерти. Недавно на Уорр совершил аварийную посадку звездолет из системы Й'сэгнет, и согласно бортовым записям, причиной аварии явился никто иной, как Коршун. Более

того, была похищена инкубаторная емкость, где находилось несколько сот яиц для поддержки генофонда будущих колоний. Я не знаю, почему Коршун так поступил, но я хорошо знаю Коршуна и верю, что он имел к тому серьезные причины.

Драконесса коснулась крылом одного из вэйтаров, стоявших рядом. Тот нерешительно улыбнулся.

– Это капитан звездолета, эйстайи Скут'тэя, – представила Тайга. – Ее кладка была похищена в числе прочих. Я совершенно уверена, что Коршун не причинит малышам вреда, однако его поступок возмутителен, и бросает тень на драконов. Поэтому мы с Драко решили воспользоваться техническим оснащением корабля, чтобы построить одну машину и отправиться на поиски Коршуна. Мы заставим его вернуть детей.

Тайга тяжело вздохнула.

– В случае нашего поражения, возле корабля будет оставлен вездеход, способный работать автономно более ста тысяч лет. Если все пройдет хорошо – он никогда не понадобится; но, раз вы видите это послание, все закончилось плохо и мы с Драко не вернулись.

Крылатая помолчала, глядя на кого– то вне поля зрения камеры. Тонкие чешуйчатые губы тронула улыбка.

– Жаль, вы не увидите моего Драко, он сейчас на другом материке... Так или иначе, знайте: вездеход Иполсокэ'йи был оставлен для вас. Он и звездолет, спрятанный в жерле потухшего вулкана – единственное наследие, которое мы можем вам передать. Надеюсь, это поможет вам узнать правду о своем прошлом.

Драконесса встала.

– Я обращаюсь также и к Коршуну, если он вдруг решил меня выслушать и наведаться в пещеру. Простите, друзья, далее я буду говорить на родном языке.

Под звучные, отрывистые слова драконьей речи, ошеломленная Ри закрыла глаза. Она уже знала, что вэйтары – гости из другого мира, знала про звезды и планеты, космические корабли и компьютеры, но увидеть родную мать, умершую от старости девятьсот лет назад! Вэйте потребовалось много времени, чтобы справиться с горем и взять себя в руки.

– Останови запись, – тихо попросила Ри. – Покажи мне мать.

Изображение Тайги пропало, сменившись красочным, объемным портретом синеглазой вэйты в серебристом комбинезоне. Ри долго молчала, разглядывая его .

– Ее звали Скут'тэя? – спросила она наконец.

"Да".

– Она мертва?

"Не знаю, эйстайи".

– Сколько лет живут вэйтары?

"Средняя продолжительность жизни – пятьсот, пятьсот сорок местных лет. Бывают незначительные отклонения в обе стороны".

В душе вэйты на миг вспыхнула надежда.

– Она могла прожить девять веков?

"Только в анабиозе".

– Остался ли кто–нибудь в анабиозных камерах корабля?

Ответ машины прозвучал необычно тихо:

"Нет, эйстайи. Ты последняя из моей команды".

Зажмурившись, Ри несколько минут сидела молча, пытаясь справиться с горем.

– Покажи отца, – сказала она наконец.

"Его изображения нет в базе данных".

– Почему?

"Он остался на Энтобане. Твой отец занимал важный пост в Амбесиде, и не смог последовать за Скут'тэей в ее последний полет".

Ри медленно открыла глаза.

– Он умер в сорока тысячах световых лет от меня?

"Я не знаю, эйстайи. Возможно, когда Скут'тэя не вернулась, твой отец избрал холодный сон, чтобы ее дождаться. Так уже бывало: корабли, лишившись топлива, лишь через столетия возвращались домой , где в анабиозе членов экипажа ожидали их члены семей..."

Вэйта встрепенулась.

– Как давно мой народ путешествует меж звезд?

"Записи о первых полетах уходят в седую древность. По самым скромным

оценкам, минуло уже тридцать восемь тысяч местных лет, с тех пор как народ Вэй вышел в космос".

– Неужели за столько веков мы не научились строить надежные корабли? – с горечью спросила Ри.

"Общество Энтобана очень стабильно и неторопливо, перемен там не любят. То, что устраивало предков, не станут менять, пока оно устраивает потомков".

Вэйта помолчала.

– В каком состоянии звездолет?

"В очень плохом. Хотя корабль был законсервирован, за девять веков большинство систем пришли в негодность, все движущиеся детали изнашивались, герметизирующие прокладки потеряли эластичность. Топливные баки окончательно разрушились восемьсот лет назад, запас энергии близок к нулю. Восстановление местными ресурсами не представляется возможным".

Вздвогнув, Ри подняла глаза.

– Ты сказал, восемьсот лет назад разрушились топливные баки?

"Да, эйстай".

– Что за топливо применялось в двигателях?

"Неустойчивый изотоп квантия– 438".

– Он радиоактивен?

"Весьма".

Вэйта стиснула зубы .

– Восемьсот лет назад гномы покинули Морию, встретив непонятную болезнь. Ее симптомы только похожи на лучевую?

"Нет, эйстай. Болезнь была вызвана утечкой радиоактивного топлива".

Ри дернула хвостом.

– Наш корабль лишил родины целый народ!

"Мория никогда не была их родиной", – ответила машина.

Глубоко вздохнув, ящерка встала из кресла и подошла к двери в служебные помещения.

– Мне нужен комбинезон эйстайи, станнер и портативный проектор. Запиши в него послание Тайги.

"Ясно, мой капитан".

Ри молча повернулась и покинула кабину.

Стены Ронненберга издали казались бледно– синей ленточкой, обернутой вокруг оснований колоссальных башен. Известные всему миру, шесть башень Высшей Магии располагались по периметру города, и каждая следующая была ровно вдвое выше предыдущей. Седьмая башня, самая гигантская, возносилась на семьсот ярдов в центре Ронненберга. Там жил престарелый Магистр, наиболее могущественный маг Уорра, занимавший этот пост уже свыше сотни лет.

Джихан указал своей пернатой летунье на посыпанную желтым песком дорогу, ведущую к воротам Города Магов. У ворот стояли двое стражей в изумрудно– золотых одеяниях; больше в Ронненберге не было ни единого охранника. Да и лишённые запоров, изящные решетчатые ворота служили скорее декоративным целям. Город магов не нуждался в защите.

Спикировав на дорогу, Ниагара сложила крылья и огляделась. Джихан покинул седло.

– Ронненберг, – произнес он мрачно.

Юноша был одет в светлую эльфийскую тунику, подпоясанную золотой цепочкой, и носил сандалии, зашнурованные до колен. Гладко расчесанные черные волосы струились по спине, на груди висела синяя чешуйка – подарок Касса.

Ниагара тоже изменилась. Простое восточное седло заменили эльфийским, позолоченным, на лапы и хвост надели серебряные браслеты. Грифоница им не слишком обрадовалась, но самый большой протест вызвала у нее платиновая уздечка, которую все эльфийские грифоны должны были носить в клюве. В конце концов, Ниагару удалось уговорить, но настроение у нее сильно испортилось.

– Тут красиво, – невнятно заметила грифоница. Уздечка мешала ей закрывать клюв, и Ниагара время от времени дергала головой, словно орел, рвущий добычу.

– Главное, не увлекайся, – предупредил Джихан. – Помни, к грифонам здесь относятся как к животным. Ты моя скромная лошадка, и пока не спросят, должна молчать.

– Я помню, – угрюмо отозвалась Ниагара. – Приступим.

– Хэк, – юноша решительно направился к воротам. Стражники – это были пожилые ветераны, давно отслужившие свое и удостоенные высокой чести охранять Ронненберг – следили за гостями с любопытством и добродушными улыбками.

– Остановись, юноша, – сказал один из них, когда Джихан приблизился. – Кто ты, и с какой целью направляешься в Город Магов?

– Я Са Лунг, охотник и странник, – смиренно ответил Джихан. – Это мой ручной грифон. Я слышал о мудрости Магов, и мечтаю задать вопрос, нуждающийся в ответе.

– Входите с миром, – отозвался второй стражник. – Но помните, насилие и разбой в Городе Магов караются без пощады.

Низко поклонившись, юноша дернул Ниагару за узду и вошел в ворота. Когда он пересекал их тень, синяя чешуйка на его груди внезапно вспыхнула ярким пламенем и столь же мгновенно погасла. Джихан постарался скрыть удивление.

Ронненберг сильно отличался от других городов. Широкие, светлые улицы, были посыпаны желтым песком, белокаменные дома в основном насчитывали не больше двух этажей. Вокруг домов цвели сады, поражавшие буйством красок и запахов, вдоль главных улиц росли вязы и кипарисы, повсюду зеленели газоны и живые изгороди. Улицы казались безлюдными: несколько человек гуляли по аллеям, кое-где в садах трудились юноши и девушки. Царила тишина, и слабый ветерок лишь подчеркивал странную, напряженную атмосферу.

Джихан и Ниагара довольно долго глазели по сторонам, невольно вздрагивая, когда мимо проходил горожанин. Однако гости привлекали внимание местных жителей не больше, чем обычная кошка. В конце концов у Джихана лопнуло терпение, и он подошел к двум старцам, мирно беседовавшим на скамье в тени раскидистого дерева.

– Да будет долгим ваше благополучие, – вежливо поздоровался юноша. Старцы обратили на него взгляды.

– Добро пожаловать, гости, – ответил один из них, носивший белую мантию с золотым солнцем на груди. Второй старик откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза, погружившись в размышления.

Джихан поклонился.

– Я Са Лунг, смиренный странник. Меня привело в ваш благословенный город желание увидеть великих Магов и задать им важный вопрос.

– Твое желание исполнилось, – улыбнулся старик. – Я Маркиус, куратор Первого круга Башен. Сядь рядом со мной, и задай вопрос, тревожащий твое сердце.

Юноша мысленно вздохнул.

– Смею ли я отнимать время у мудрейших? – он присел на край скамьи. Ниагара сразу улеглась рядом; грифоница участвовала в разработке легенды, и хорошо представляла ее размер.

– Путь твой был долог, и жалеть о времени мы не станем, – отозвался Маркиус. – Приступай же к рассказу, юноша, мы внимаем.

Джихан вторично поклонился.

– Много лет назад мой отец, почтенный охотник Лунг Гокусава, встретил в горах страшного рогатого зверя и победил его, покрыв себя славой, – начал он. – Я мечтал повторить отцовский подвиг, и с этой целью покинул родные края...

Маги слушали, не перебивая, но и не проявляя видимого интереса, пока Джихан не дошел до визита в страну Владыки. Едва он упомянул город Зиккурат, оба старца живо переглянулись.

– Отсюда, если можно, подробнее, – изрек Маркиус.

Юноша подавил улыбку; приманка сработала.

– Да, мудрейшие, – он сложил ладони перед грудью. – Я надеюсь, эта история вас заинтересует. До меня и раньше доходили слухи, что в землях Корга Алгола, именующего себя Владыкой, собирается невиданная рать, готовая идти войной на мирные страны Заката. Не скрою, что посетил его страну лишь из желания узреть эту рать, но то, что я увидел, повергло меня во тьму и лишило надежды. Мудрейшие, Владыка неизвестным способом подчинил себе орду таких же зверей, как убитый моим отцом в горах. Их называют драконами; ходят ужасные слухи, будто чудовища ночами похищают детей и пьют их невинную кровь...

– Мы знаем это, – негромко сказал второй старец. – Дальше.

– В глубоком горе и страхе я решил обратиться к вину, – печально продолжил Джихан. – Но в таверне, избранной мною для забвения, я встретил глубоко пьяного

юношу моего возраста, о котором по углам шептались, что он сын хана и заливал вином горе утраты ручного дракона. История эта показалась мне столь интересной, что я отбросил сходные планы, и помог юноше добраться до комнаты на постоялом дворе.

– Как его звали? – спросил Маркиус.

– Джихан ибн Гарун, наследный хан Джэбегар, – смиренно ответил Джихан. – Мудрейшие, простите меня за то, что я сейчас расскажу, ибо знания эти достались мне недостойным путем.

– Говори, – нетерпеливо произнес второй маг.

Джихан вздохнул.

– Юноша был сильно пьян и, приняв меня за близкого друга, рассказал свою историю. Но хотя язык его заплетался, а в глазах плескалось вино, я поверил каждому слову, ибо урывками слышал эту повесть и раньше...

Далее последовал краткий пересказ его собственных приключений. Маги слушали с огромным вниманием, время от времени перебрасываясь репликами на родном языке.

– ...и когда я узнал, что пропавшие ящеры были отродьями самого драконьего короля, в голове моей родилась мысль, – закончил наконец Джихан. – Известно, что драконы трепетно относятся к своим детенышам, и ради них готовы на все. Вот почему проделал я долгий путь в Город Магов, ибо лелею надежду, что слова мои помогут изгнать драконов из войска Владыки и облегчат вам победу в грядущей войне. Мудрейшие, ваши знания безграничны, власть велика, сила неизмерима. Найдите пропавших драконов и пригрозите их отцу, что коли он не покинет Владыку, ящериц ждет смерть!

Маркиус помолчал.

– Благодарю тебя, Са Лунг, ты преданный слуга Света, и будешь щедро вознагражден, – маг встал. – Следуй за мной.

Джихан тревожно мял в руках край туники.

– Мудрейший, не сочти за дерзость, но я всю жизнь мечтал повторить подвиг отца. Позволь принять участие в поисках!

– Мы не станем искать драконов, – улыбнулся Маркиус. – В этом нет нужды,

ведь их отец и мать вместе с сотнями сородичей уже пятнадцать лет находятся в плену на землях эльфов. Не волнуйся о драконьих армиях Владыки. Они бессильны, пока эльфы удерживают такое число заложников.

Юноша растерянно моргнул.

– Так вы все время знали, о ком я рассказываю?

Второй старец рассмеялся.

– Молодой человек, у вас удивительно превратное мнение о магах. Мы знаем куда больше, чем вы полагаете.

– Тем не менее, рассказ был интересен и приоткрыл завесу тайны над несколькими загадками, тревожившими нас, – Маркиус жестом указал на ближайшую Башню. – Следуй за мной, юноша.

Джихан переглянулся с Ниагарой.

– Мудрейшие, я надеялся доставить вам новость, но опоздал, – юноша печально вздохнул. – Позвольте нам удалиться.

– О нет, Джихан ибн Гарун, наследный хан Джэбегар, – с легкой насмешкой в голосе заметил второй маг. – У нас еще остались вопросы, нуждающиеся в ответах.

3

Увидев бесчувственные тела Крафта и Минаса, Ри на мгновение потеряла равновесие и прислонилась к скале. Несколько минут она молча смотрела на друзей, пытаясь справиться с шоком, и только затем осознала, что Пояс Богини исчез. Это сразу вернуло взъиу к реальности .

– Иполсокэ'йи! – ящерка подбежала к грифону и рухнула на колени. – Мобильный медпункт, скорее!

"Высылаю", – мысль прозвучала столь же ясно, как и в кабине. Ри, тем временем, припала к груди Крафта, пытаясь различить биение сердца .

– Живой... – она попробовала сделать грифону искусственное дыхание, но не смогла даже на дюйм продавить мускулистую грудь. К счастью, из пасти "дракона" уже выехал небольшой гусеничный робот. Ри выхватила электроды из гнезда на его груди.

– Внимание, неизвестный организм, – на й'иланэ произнес робот. Не слушая

его, Ри вставила один электрод Крафту под крыло, а вторым ткнула в грудь. Тело пернатого сотрясла судорога.

– Повысить напряжение, – скомандовала ящерка.

– Внимание, неодобренное медицинское воздействие...

– Иполсокэ'йи, заткни его! – вэйта пнула робота ногой. Машина мгновенно умолкла.

– Что у нас есть для лечения млекопитающих?

"Только самые общие препараты, эйстайи, – печально ответил железный дракон. – Антибиотики, дезинфекторы, очистители ран..."

Стиснув зубы, Ри вновь ткнула грифона электродом. На сей раз ток подействовал: жестоко закашлявшись, пернатый попытался приподняться. Вэйта с тревогой наблюдала за ним.

– Что... что случилось... – прохрипел Крафт, когда немного опомнился.

Ри облегченно вздохнула.

– Это я у вас хотела спросить, – заметила она, склонившись над Миной. С ним электрошок сработал моментально, заставив эльфа вскрикнуть и судорожно забиться. Грифон с огромным трудом встал на ноги.

– Ри? – он моргнул. – Ты жива? Или это мы мертвы?

– Жива я, жива, – устало ответила ящерка. Вернув электроды в гнездо робота, она приказала тому возвращаться на борт, а сама обернулась к спутникам. – Кто вас атаковал?

Крафт помотал головой.

– Не помню... – он уставился на блестящий комбинезон Ри. – Малышка, ты... тебя же сожрал дракон...

– Я ему понравилась, теперь он наш друг, – ответила вэйта. Времени на подробные объяснения все равно не было. – Крафт, где мой Пояс?

– Что? – переспросил грифон. И тут до него дошло: – Пояс пропал?!

Вэйта нетерпеливо дернула хвостом.

– Иполсокэ'йи! – позвала она. – Просканируй пещеру на движение. Ищи больших существ, размером с эльфа.

"Прости, эйстайи, но все удаленные сенсоры давно вышли из строя".

– Ты можешь найти поблизости источник энергии? Очень мощный и компактный?

Пауза.

"Вижу два таких источника. Первый неподвижен, находится на большой глубине; второй быстро движется в нашем направлении".

Ри вздрогнула.

– Где он?

"Летит", – отозвался Иполсокэ'йи. Вэйта подняла голову, и успела заметить тень большого дракона, скользнувшую прямо над ней. Миновав вездеход, дракон приземлился и бросился к пролому в дальней стене.

– Останови их! – закричала Ри.

"Не могу, эйстайи. Если я встану, осколки камней раздавят тебя и твоих друзей".

– Открой люк для образцов! – Ри подбежала к грифону. – Крафт, бери Минаса и за мной, бегом!

Пернатый покачнулся.

– Ри, я не смогу, – сказал он тихо. – Я даже не чувствую крыльев.

– Ш– ш– ш– ш– ш– ш– ш!!! – разгневанная вэйта обернулась к вездеходу. – Иполсокэ'йи! Вышли погрузчика!

"Не торопись, эйстайи. Там, куда они бегут, нет выхода на поверхность".

Ри замерла.

– Ты уверен?

"Да. Я завалил его много столетий назад, сразу после ухода последнего гнома".

– Зачем?

"Для безопасности корабля и местных жителей. Зона вокруг звездолета радиоактивна".

Вэйта улыбнулась.

– Они сами загнали себя в ловушку!

"Верно, эйстайи".

Помолчав, Ри обернулась к спутникам и жестом указала на выход.

– Идемте, – сказала она спокойно. – Мой дракон ждет.

Крафт встряхнулся.

– Наверно, я все же сплю, – пробормотал он. – Ри, маленькая, но как?..

Вэйта вздохнула.

– Это долгая история, Крафт. Очень долгая. И сейчас не лучшее время ее рассказывать.

– Скажи хоть, кто ты? – негромко спросил грифон.

Ри долго молчала.

– Ящерица, – ответила она наконец. – Обычная чешуйчатая ящерица. Ничего не изменилось, Крафт, я все та же маленькая Ри, которую ты знал. Только в сотни раз более одинокая, чем прежде.

Отвернувшись, она молча покинула грот. Следом, шатаясь от слабости, вышел грифон, перекинув через спину полубесчувственного эльфа.

Когда Джер аль Магриб вернулся с Поясом на плече, он застал дракона и гнома яростно спорящими. При виде мага оба мгновенно умолкли.

– Пора возвращаться, – коротко сказал Джер.

– Как? – столь же коротко спросил Ализон.

– Алгол успел сообщить все, что нужно, – черный маг кивнул на гигантского стального монстра вдали. – Выход за ним.

– И как ты намерен через него перебраться? – хмуро спросил Рогвальд. Смерть Владыки потрясла гнома, но особого горя, учитывая обстоятельства, не вызвала.

– Над хвостом вполне достаточно места, чтобы пролететь. Затем ты, – маг кивнул на дракона, – сразу опустишься и бегом пересечешь расстояние до выхода.

Ализон сузил зрачки.

– Это безумие, Джер.

– Отнюдь. Ниддхегг слишком велик для этой пещеры и неповоротлив, к тому же, – Джер аль Магриб усмехнулся, – сейчас он занят перевариванием ящерицы.

Рогвальд дернулся, но промолчал, лишь стиснув зубы. Дракон покачал головой.

– Стоит ему ударить рогами в свод, нас раздавит осколками.

– На тебе будет Пояс Богини, – улыбнулся маг. – С ним не справиться и тысяче Ниддхеггов.

Удивленный дракон молча следил, как Джер перебросил ему через спину массивный артефакт. Подобно Крафту пятью днями раньше, крылатому пришлось самому застегнуть искореженную пряжку. Тело дракона охватила призрачная сизая дымка.

– Пора, – Джер аль Магриб запрыгнул Ализону на спину. – Рогвальд, ждате мы не будем.

– Говори за себя, че– ло– век, – пробурчал гном, занимая свое место на драконе. Ализон придирчиво осмотрел крылья.

– Ты уверен, маг? – спросил он хмуро. – От людей я слышал много легенд о Поясе, но людям свойственно ошибаться.

– Поверни диск влево, – вместо ответа приказал Джер. Дракон послушался, и сизая дымка сразу пропала.

– Что теперь?

– А теперь поверни диск до предела вправо.

На сей раз дымка охватила не только дракона, но и всадников. Рогвальд мрачно фыркнул.

– Лети уж, птичка. Все равно другого выхода нет.

Ализон подобрался, совсем как леопард, готовящийся к прыжку, присел на задние лапы и взмыл в воздух. Всего пара взмахов крыльями оставила гигантского стального монстра позади; приземлившись, дракон бегом бросился к темному провалу вдаль. За спиной послышался слабый крик.

– Ты уверен, выход там?! – на бегу выдохнул Ализон.

Все силы черного мага уходили на попытки удержаться, поэтому в ответ он лишь прорычал что– то невнятное; от тряски ему на лицо сполз капюшон мантии. Рогвальд, привычный к поездкам на драконе, криво усмехнулся.

Минут через десять Ализон добежал до пролома и сразу погрузился во тьму. Скалы здесь не светились, камни покрывала отвратительная зеленая слизь. Принюхавшись, дракон удивленно фыркнул:

– Машинное масло!

Бежать здесь было слишком опасно, поэтому Ализон перешел на шаг. Джераль Магриб наконец справился с капюшоном мантии и свирепо огляделся.

– Стой! – приказал он. – Этот проход был создан много позже основной пещеры. Мы за пределами Нидвеллира.

– И что с того? – пробурчал гном.

– Здесь ко мне вернется магическая сила, – нетерпеливо ответил Джер. – Я перемещу всех нас прямо в Шаддат.

Оценив предложение, дракон остановился и помог магу спрыгнуть на скалы. Джер сразу уселся в позе лотоса и закрыл глаза. Рогвальд почесал в затылке.

– Эй, колдун...

– Не мешать! – рявкнул Джер. Некоторое время он сидел неподвижно, затем изрыгнул проклятие и вскочил.

– Слишком близко. Я чувствую лишь тень прежней силы. Надо отойти дальше от пещеры.

Дракон обернулся к тускло синеющему за спиной проходу.

– Очень здравая мысль, – заметил он мрачно. Проследив его взгляд, Рогвальд выругался: было видно, как чудовище вдали разворачивается. Скалы под ногами ощутимо дрогнули.

– Скорее, – Маг забрался на спину Ализону. – Ниддхегг не последует за нами в узкие проходы гномов.

Дракон помог Рогвальду занять свое место, и быстро направился в темноту. Камни под ногами дрожали в такт с шагами чудовища.

Некоторое время Ализон молча двигался вперед, стараясь не замечать, что страшные шаги приближаются. Дракону приходилось напрягать ночное зрение до предела: дно прохода было очень скользким и неровным. Запах машинного масла ослабел, сменившись отвратительной вонью гниющей органики. Вскоре у стен появились небольшие кучки светящихся грибов, пятна зеленого мха уродовали свод. Ализон тяжело дышал.

– Смешно, но это место в точности отвечает людским представлениям о драконьих логовищах, – заметил он хрипло.

– Не пришлось бы нам сыграть роль девственниц, – пробормотал Рогвальд. – Эй, колдун, ты бы осветил, что– ли!

Джер аль Магриб не ответил; он сидел, закрыв глаза и положив руки на драконью шею. Тонкие губы мага кривила напряженная гримаса.

– Колдун! – Рогвальд потряс его за плечо. – Очнись!

– Оставь, – мрачно ответил дракон. – У нас и так большие проблемы.

Впереди, едва видимый в слабом фосфоресцирующем свете, темнел завал, наглухо перекрывший проход до самого свода. Гигантские каменные глыбы покрывал мох, звук капающей воды словно вбивал гвозди в гроб будущих жертв. Рогвальд что– то пробормотал на родном языке.

– Магия, – внезапно сказал Джер. – Магия частично вернулась ко мне.

Ализон облегченно вздохнул.

– В кои– то веки ты принес добрую весть!

– Не спеши, – угрюмо произнес маг. – Я не смогу спасти тебя. Ты слишком тяжел. Мне придется забрать Пояс, оставить его снаружи и вернуться за гномом.

Дракон вздрогнул.

– Никак?

– Поверь, я бросил бы здесь и Пояс, и гнома, если бы мог спасти тебя.

Ализон оглянулся. В начале туннеля горели огромные оранжевые глаза, скалы под ногами дрожали. Грохот шагов чудовища был уже хорошо слышен.

– Забирай Рогвальда и Пояс, – сквозь зубы процедил крылатый. – Я попытаюсь проскользнуть мимо зверя.

Гном спрыгнул на скалы.

– Я остаюсь.

– Рогвальд...

– Молчи, ящерица рогатая! – Рогвальд сплюнул. – Я достаточно пожил на этом свете. Да и прикончит он меня, едва выберется отсюда, – гном нехорошо посмотрел на мага. – Зачем лишние свидетели...

Джер аль Магриб холодно усмехнулся.

– Ты глуп, Рогвальд.

– Без тебя знаю.

– Что ж, придется спасти самое ценное, – Джер пожал плечами. – Сними Пояс.

Дракон молча расстегнул пряжку и протянул магу артефакт. Джер с трудом взвалил его на плечо.

– Ализон, поверь, я хотел бы спасти тебя, – негромко сказал маг. – Ты замечательный дракон.

– Ничего, заменишь меня Тандером, – угрюмо ответил крылатый. – Операция "Черное пламя" полностью подготовлена. Передай нашим, я дал добро.

Джер положил руку на алую чешую.

– Прощай.

– До встречи, – дракон криво усмехнулся.

Черный маг закрыл глаза и исчез вместе с Поясом. Ализон и Рогвальд переглянулись.

– Зачем ты остался? – невесело спросил дракон.

– Жить хочу, – фыркнул гном. Сняв бархатный плащ нойона, он вывернул его алой подкладкой наружу и намотал на топорище. – Пошли, птичка, узнаешь о Ниддхегге кое– что, неизвестное даже магам.

Крылатый удивленно моргнул.

– О чем ты?

Гном рассмеялся.

– Ализон, если кто– то выглядит как дракон, это еще не значит, что он хищник. Ниддхегг ест только камни. Он вовсе не спал, когда его обнаружили, но зачем раскрывать магам все козыри?

Хлопнув дракона по шее, Рогвальд добавил:

– Не волнуйся, от самого опасного зверя в этом подземелье мы уже избавились.

Глава 14. Затишье перед битвой

Колдовская птица и вправду летела быстро. Быстрее, чем я смогла бы сама. Ветер трепал крылья, приходилось изо всех сил цепляться когтями. Бедному Куросоа

было еще хуже: его обмотали веревками и прикрутили к брюху орла между лапами, но почему – то хвостом вперед, так что ветер дул моему коню в самое неподходящее место.

Птица очень быстро набрала огромную высоту и перестала махать крыльями. Я заметила, что парды стараются вести орла над облаками, хотя с земли его не отличить от настоящего – даже я не смогла, а люди и вовсе не умеют отчетливо видеть на далекие расстояния. Рокх негромко гудел во время полета, воздух за его хвостом струился, словно раскаленный.

Сначала мы летели прямо на запад. Здесь, наверно, совсем недавно промчался шквал: орла все время качало, но я ничего не чувствовала, потому что встречный ветер выл, как волк – оборотень.

Чем выше мы поднимались, тем труднее становилось дышать. Вдобавок было жутко холодно. Пока рокх летел через скопление высотных облаков, у меня обледенели рога и шипы, а несчастному Куросао, наверно, отморозило все его конские достоинства. Меч и хаммер покрылись слоем льда, их даже трогать было больно, Кагири и вовсе примерз к чешуе. Я крепко пожалела, что отказалась лететь в животе птицы.

Впрочем, за главной горной цепью орел быстро снизился, и я немного оттаяла. А когда он лег на крыло, меня курс, во мне снова проснулся интерес к жизни. Я даже рискнула переползти вперед, чтобы лучше видеть землю.

Во все стороны, до горизонта, простирались могучие горы. Карта Тотчигина оказалась удивительно точной, но она быстро кончилась, а горы все тянулись и тянулись... Я видела двух драконов – один летел совсем низко, вдоль ущелья, второй сидел на утесе и сразу спрятался при виде Рокха. Словно мышь, заведшая сову.

От злости я даже ударила фальшивую птицу хвостом. Ничего, дайте мне только добраться до Джилфьяни... Скоро весь мир станет прятаться, заведев дракона!

Впереди белела большая горная цепь. Орел заметно снизил скорость и пошел вниз; там, низвергаясь с утеса, шумел широченный водопад. Пока я, раскрыв пасть, его разглядывала, птица медленно опустилась у падающей воды, совсем не двигая крыльями.

Вскоре Рокх нырнул в душное, холодное облако водяной пыли. Мне пришлось

зажмуриться и зажать нос, что стало с Куросао – даже думать грустно. Тем временем, птица сложила крылья и зависла прямо над бурлящей водой, у самого водопада. Грохот стоял такой, что у меня внешние перепонки на ушах болели.

Я приоткрыла глаза. Рядом с орлом на воде покачивалась большая черная коробка – вернее, лодка, но так похожая на коробку, что иначе и не назвать. Несколько пардов в темных одеждах и масках отвязывали несчастного коня.

– Хаятэ! – позвал кто-то с другой стороны. Обернувшись, я увидела Ванаби: она стояла во второй лодке и махала мне рукой.

Я с трудом поднялась. Тело еще не совсем отошло после высотного полета, сильно болела чешуя на груди, где к ней примерз медальон. Водяная пыль лезла в нос; не удержавшись, я чихнула, потеряла равновесие и бултыхнулась в ледяное озеро. Хорошо хоть, успела покрепче схватить хаммер.

Когда я вынырнула, Ванаби уже собиралась прыгать за мной, да и два ее друга тоже. Я подплыла к лодке и залезла внутрь.

– Х... х... холод– д– дно, – только и сказала. Пантера быстро накрыла меня чем-то мокрым, но удивительно теплым.

– Прости, нам пришлось идти на большой высоте! – водопад так грохотал, что приходилось кричать. Ванаби морщилась от брызг, совсем как кошка, но маску не надевала. Наверно, чтобы я могла ее лицо видеть. Молодец!

– А получше место нельзя было выбрать? – спросила я хрипло. Ванаби ответить не успела: один из пардов что-то повернул на носу, сзади загудело и лодка быстро поплыла к водопаду. Я вскочила.

– Что вы делаете?! Нас разобьет!

– Нет, нет, смотри! – быстро ответила пардия. Я даже пасть открыла от удивления: едва лодка подплыла к водопаду, из его глубины выдвинулась широкая железная крыша, разрезавшая поток воды надвое. Мы спокойно проплыли за водопад и оказались в самой настоящей пещере: только стены у нее были железные, а на потолке ярко светились какие-то длинные палки. У левой стены оказался маленький причал, тоже весь железный, у других стен на воде покачивались тени – может, корабли, а может рокхи со сложенными крыльями. Мне стало не по себе, только виду я не подала.

– Это ваш дом? – спросила я, стараясь выглядеть невозмутимой. Ванаби кивнула.

– Добро пожаловать, Хаятэ. Ты первый дракон, посетивший нас.

Я огляделась. Пардов в подземелье было довольно много, они стояли на странных решетчатых мостиках, приделанных прямо к стенам, и смотрели на нас. За спиной грохотал водопад; пока я осматривалась, вторая лодка, где лежал неподвижный Куросао и сидели пленные люди, притащила на тросе Рокха. Железная крыша опустилась, ворота задвинулись и грохот воды сразу стих.

– Что с ним? – спросила я тревожно, глядя как шестеро пардов вытаскивают коня из лодки. Жеребец был без сознания, весь мокрый, свалывшаяся грива беспомощно висела. Когда его втащили на причал, я подбежала первой.

– Куросао? – позвала громко. Конь лежал неподвижно, с шерсти стекала вода. Не в силах поверить, я опустилась на колени.

– Он не дышит! – обернувшись к Ванаби, я схватила ее за руку – Сделай что-нибудь, он не дышит!

– Кислородное голодание, – вздохнула пантера. – Драконы приспособлены к тем высотам, где нам пришлось лететь, а лошади этого не выдержать.

Я попятилась.

– Так вы знали?! Вы знали, что он умрет?!

– Хаятэ, не волнуйся! – Ванаби шагнула ко мне. – Его разум в полной безопасности. Через несколько часов Керр навестит тебя, и вы наконец сможете поговорить...

От неожиданности я чуть равновесие не потеряла. Сами собой выдвинулись когти, шипы на гребне мгновенно вздыбились. Ванаби удивленно моргнула.

– Хаятэ, что ты...

– Вы убили его!!! – ударом хвоста я бросила пардию на пол и рванула с пояса меч – Убили моего друга!!!

Ударить не успела, стоявший рядом пард помешал. Он был почти так же быстр, как я, и намного сильнее; но я все равно извернулась, ударила его ногой под колено и сразу – когтями в горло. Меч пришлось выпустить, но есть хаммер!

Третий пард из лодки попытался меня схватить. Я ударила его прикладом,

оттолкнулась и прынула в воздух, раскрыв крылья. Перед глазами мелькнул потолок, где светились белые палки, проскользнули стальные колонны и фальшивый орел в воде; а потом с одного из решетчатых мостиков на меня прыгнул пард. Он пролетел, наверно, половину пещеры, падая с такой высоты, что не будь у меня крыльев – даже я бы прыгнуть испугалась. А он не только не испугался, но и не промахнулся...

От удара мир закружился колесом. Мы с пардом рухнули в воду, при этом я оказалась внизу, и сила падения увлекла нас на самое дно. У меня оба крыла чуть из суставов не вывернуло.

А пард сознания не потерял и, прежде чем я опомнилась, ткнул меня какой-то штуковиной в грудь. Все тело мгновенно свело судорогой, в глазах потемнело. Ледяная вода рванулась в пасть; я хотела закричать, но не смогла, и мир, последний раз отразившись в желтых тигриных глазах, погас окончательно.

Очнулась я в совершенно белой комнате, где отвратительно пахло. Сразу все вспомнила и решила притвориться, словно еще без сознания. Осторожно, едва приподняв веки, осмотрелась.

Я лежала на каком-то мягком сундуке, до самого горла накрытая белой тканью. Сильно болели крылья и грудь, но все это пустяки по сравнению с тем, что пропал медальон! Когда я это поняла, то похолодела прямо.

Слева, на таком же сундуке, лежал пард, которого я узнала мгновенно. Это он на меня прыгнул! Могучий, ярко-рыжий с полосками, тигр притворялся спящим. Больше в комнате никого не было.

Я тихо поднялась и скользнула к парду. Принюхалась. Среди кошмарной вони удалось различить хорошо знакомый запах Тошибы. Тигр дышал ровно и глубоко, на запястье мускулистой руки блестел браслет. Похоже, он правда спит...

Беззвучно встав за головой парда, я сцепила руки, выпустила все десять когтей и осторожно опустила, окружив его горло острым ожерельем. Тигр мгновенно открыл глаза.

– Шевельнись, и смерть будет болезненной, – сказала я ровным голосом. Пард дернулся, но вовремя ощутил когти у горла и замер, глядя на меня снизу вверх.

– Хаятэ, не надо, – голос у него оказался низким и звучным.

– Вы убили моего друга. Вы обманом завлекли меня в ловушку и скоро убьете. Но уж одного из вас я точно заберу с собой, – у меня даже гребень шипов вздыбился от ярости. Усилием воли я снова его опустила.

– Куросао не погиб, – быстро ответил пард. – Его разум живет во мне, я – это он! Мы с тобой проскакали всю степь...

– Не смей! – рявкнула я. – Куросао был лошадьё и не мог говорить, но он стал моим другом и достойным спутником. Я никому не позволю оскорблять его память!

– Хаятэ, – пард улыбнулся. – Кто ты, скажи? Человек или дракон? Самурай или крылатая рептилия?

Я стиснула зубы.

– Тебе не обмануть меня, гэйдзин!

– Хаятэ, – серьезно сказал тигр, – Мне неизвестна правда о твоём рождении и воспитании. Я не знаю, кто и по какой причине оставил тебя Годзю, и почему из всех дочерей только тебя Годзю посвятил в Бусидо. Но я не хочу это знать. Ты Хаятэ Тайе, Сокол Бури; и какая бы жизнь не ждала тебя впереди, верь: ты проживешь ее сама.

Я невольно попятилась.

– Ты... как ты смеешь! Ты украл память моего друга!

– Это моя память, Хаятэ, – пард сел и посмотрел на меня желтыми глазами. – Однажды ты сказала, что судьба и драконов, и самураев – умереть в любой миг. Запомни, маленькая: судьбы нет.

Он улыбнулся.

– Мы с тобой проскакали всю степь, Хаятэ. Нас чевствовали тавры и хотели убить люди, мы спасали драконов и пардов, убивали зверей и охотников. И вот, спустя много дней, мы наконец можем поговорить...

Спрыгнув с сундука, пард опустился на четвереньки, подошел ко мне и ткнулся носом в бедро. Я прижалась к стене.

– Что это значит?! – от волнения я не могла говорить нормально, приходилось рычать. – Куросао убили! Я сама видела! Ты просто украл его память!

– Я и есть Куросао, – мягко ответил тигр. – Вспомни, что тебе рассказала Ванаби. Несколько месяцев назад у меня, Керра, забрали личность, то что люди зовут

душой, и вложили в искусственное тело лошади. Конь, которого ты видела, был всего лишь плотью и не обладал разумом. Ты полюбила не коня, Хаятэ, ты полюбила Куросао, разумного, верного и бессловесного.

Он улыбнулся.

– Это я, малышка. Твой конь. Просто теперь я могу говорить.

Сплотнув, я замотала головой и рухнула на мягкий сундук.

– Не верю... Не верю! Почему вы убили коня? Кому он мешал?! Я обещала ему...

– Ты обещала мне! – оборвал тигр. – Мне, Хаятэ, ты обещала мне свободу. И ты исполнила обещание. Без тебя я никогда не смог бы вернуться, и до конца своих дней был бы обречен оставаться животным.

Я стиснула зубы.

– Куросао не был животным. Он был моим другом.

– Он был мной, – возразил тигр. – Я помню все, что видел Куросао до последнего мига, помню даже полет над горами и холод, страшный холод. Тело мое задыхалось и билось в путах, но разум радовался, потому что знал – мы летим домой...

Хрипло зарывчав, я схватила парда за горло и опрокинула на ковер.

– Ты!!! – от ярости у меня в глазах все покраснело. – Говоришь, твою душу вложили в тело коня? Лжец! Ты прыгнул на меня у водопада! Как же ты смог, без души? Куросао был уже мертв!

– Да не мертв он... – прохрипел тигр, тщетно пытаясь разжать мои когти. – Отпусти...

– Говори! – рявкнула я. – Ты украл память моего друга и должен знать, на что способна Хаятэ!

Пард попытался освободиться, но я немного сдавила когти. Сообразив, что произойдет, стоит мне нажать сильнее, тигр прекратил вырываться.

– Конь жив. Его вернули к жизни специально ради тебя. Пойдем – убедись сама.

– Очередная ловушка? – спросила я презрительно.

Тигр хрипло вздохнул.

– Хаятэ, оглянись. Ты в центре нашего убежища, одна, безоружная. Ты полностью в нашей власти. Желай мы причинить тебе вред, маленькая, ты бы просто не проснулась сейчас.

Стиснув зубы, я выпустила парда из захвата. Он сел и потер шею.

– Теперь понятно, что чувствуют жертвы драконов на охоте, – буркнул тигр. Я хлестнула себя хвостом:

– Это правда? Куросао жив?

– Да, да, остынь, – пард покачал головой. – Едва мне переписали память, накопленную конем, я сразу приказал его оживить. Твой характер мне хорошо известен...

– Я хочу его видеть. Немедленно.

Кивнув, тигр встал, но я заступила ему путь.

– Нет. Ты останешься здесь. Пусть приведут Куросао, и верните мои вещи!

Пард вздохнул.

– Хорошо, Хаятэ. Через несколько минут ты увидишь свою лошадь.

Я быстро оглядела комнату.

– Нас слушают?

Он удивленно моргнул, потом усмехнулся.

– Да– а, нашим горе– солдатам будет чему поучиться у дракона. Сама судьба свела меня с тобой...

– Это мы еще посмотрим, – Я шагнула вперед. – Где мои вещи?

– Здесь, – тигр кивнул на сундучок у стены. Не сводя с него глаз, я подошла и открыла крышку. Внутри лежал Кагири; я сразу его надела.

– Где оружие?

– Прости, но оружию придется подождать, – серьезно ответил пард. – Сначала ты должна понять, что мы друзья.

– Друзья? – скрестив на груди руки, я прислонилась к стене. – У меня до сих пор крылья болят после дружеской встречи.

– Ты не оставила нам выбора, – тигр тяжело вздохнул. – Прости, Хаятэ. Ванابي ждет очень неприятный разговор, ей следовало бы догадаться, как ты воспримешь смерть... Не смерть, нет! – поспешно поправился он, – всего лишь

внешние признаки смерти коня.

Я прищурила глаза.

– Куросао знал, что с ним будет? Он знал это, когда вызывал вас?

– О, когти Солнца! – пард даже зарычал. – Это я вызвал самолет! Я стоял в Степи, рядом с тобой, я научил тебя, как похитить людей, я охранял ребенка, пока ты мстила за драконов! Я – Куросао!

– Это мы у него самого спросим, – ответила я спокойно.

Несколько минут царил тишина. Пард глядел на меня, я на него. Он был очень похож на тигра, только двуногий, с торсом как у могучего человека, и весь покрытый рыжей шерстью с полосками. Из одежды на нем была лишь дамагаки вокруг бедер, с дыркой сзади чтобы пропустить хвост.

Я заметила, что шерсть парда выглядит совершенно сухой. Значит, после боя в пещере прошло немало времени. Почему же у меня до сих пор болит чешуя на груди? Отвернувшись, я незаметно скосила глаза и осмотрела себя. Так и есть. Прямо под медальоном щель между двумя чешуйками слегка распухла, словно ее разрезали и снова заживили колдовством!

Не давая страху проникнуть в разум, я сделала вид будто полирую Кагири и ощупала грудь. Все было нормально, но я чувствовала себя странно. Какое– то давление, словно изнутри... Неужели они зашили в меня такую же штуку, как в Куросао?!

– Что вы со мной сделали? – спросила у парда. Тот покачал головой.

– Ничего, Хаятэ. Клянусь, мы лишь взяли капельку твоей крови и... плоти, чтобы изучить строение драконов.

– Зачем?

– Это наша работа, – ответил тигр. – Мы уже четыре сезона изучаем местных жителей. Понимаешь, Хаятэ, твой мир уникален; больше нигде нет обитаемой планеты с двумя солнцами. И здесь, к тому же, обитают десятки разумных видов – включая людей и моих сородичей. А мы знаем точно, что парды никогда не летали в этот сектор... в эту часть звездного города.

Он покачал головой.

– Здесь слишком много тайн. Например, тавры. Кто они? Откуда появились?

Кто создал невероятный гибрид человека с конем? Или рокхи – каким образом они летают, ведь взрослый орел в десять раз тяжелее быка! Твой медальон, Хаятэ, это настоящее чудо техники и неведомой магии, ни одна известная раса в космосе не смогла бы его создать.

Тигр тяжело вздохнул.

– Наше с тобой путешествие по Степи породило столько вопросов, что у вождей шерсть дыбом встанет. Мы и раньше замечали драконов, но считали их обычными динозаврами... то есть, животными. Хаятэ, – он улыбнулся, – ты даже представить не можешь, какая ты сенсация. Если нам удастся отыскать родную планету драконов, Земля горько пожалеет, что отказалась заключить мир с Ферром!

Пока тигр говорил, в дальней стене беззвучно отодвинулась большая дверь. Два парда в бледно– зеленых комбинезонах осторожно вкатили странную штуковину – вроде высокой тележки на очень маленьких колесиках. И там, укрытый белой материей, лежал Куросоа.

Я подбежала к коню. При виде меня он слабо всхрапнул и подмигнул черным глазом. Несчастный был весь перебинтован, особенно голова, в грудь и шею было вставлено несколько иголок, к которым по прозрачным трубкам текла бледная жидкость. От волнения я вцепилась когтями в тележку.

– Он поправится? – тихо спросила я.

– Нет, Хаятэ, – ответил пард. – Сейчас его вернули к жизни только ради тебя. Возьми, – он протянул мне знакомый белый камушек с ниткой. – Пусть сам Куросоа расскажет, кто я такой.

Стиснув зубы, я прижала камушек к уху. Сразу послышался шорох и гулкие удары: биение сердца. А голос, когда он раздался, оказался таким, как я и представляла – гордым и звучным.

– Спасибо, – сказал голос. – Спасибо, Хаятэ.

Я склонилась к коню.

– Это ты говоришь? – спросила тихо. – Закрой глаза, если правда.

Куросоа на миг опустил веки.

– Неплохо повеселились, – сказал его голос. – Жаль, все кончилось.

– Ты поправишься? – у меня было что– то с глазами, моргала постоянно. – Я

могу помочь?

– Можешь, – ответил конь. – Отпусти меня.

Он перевел взгляд на тигра, стоявшего рядом.

– Не думал, что увижу себя со стороны... Впрочем, я знал, на что иду. Хаятэ, мы с ним разделяем один разум и одну память. Можешь верить ему, как верила мне, – голос запнулся. – Только не зови его Куросао. Он клан– командир Керр, а коня по кличке Куросао скоро не станет.

Я оглянулась.

– Это правда? – спросила я. – Он знал, что не сможет вернуться живым?

– Знал, – кивнул Керр. – Подумай, и сама поймешь, почему иначе не могло быть.

Я снова обернулась к коню.

– Куросао... – он открыл глаза. – Не уходи, пожалуйста. Я заберу тебя на остров, будешь жить еще много лет...

– Я не хочу, – ответил голос. – Да и не смогу уже. Быть зверем не слишком весело, дракон. Запомни это, и никому не позволяй устраивать с собой такие шутки...

Сплотнув слезы, я обратила взгляд к парду.

– Не слушайте его, – прорычала. – Не слушайте! Верните ему жизнь. Хочет, не хочет – неважно! Верните ему жизнь, а потом...

– Хаятэ – позвал Куросао.

Я запнулась.

– Молчи, просто молчи...

– Хаятэ, я не хочу мучаться долгие годы, – оборвал Куросао. – Смерть и так оказалась куда длиннее, чем я боялся. Отпусти меня, маленькая. И никого не вини, слышишь? Я знал, на что иду, и сделал это добровольно.

Конь устало закрыл глаза.

– Помоги нашим – в память обо мне. Обещай, что не станешь ненавидеть моих бывших друзей.

Я с трудом кивнула.

– Слово воина.

– Вот и отлично, – Куросао хрипло дышал. – А сейчас я должен уйти. И не

грусти, Керр на меня очень похож, он заменит... – голос запнулся. Долго не было слышно ничего кроме прерывистого, неровного биения сердца.

– Прощай, Хаятэ, – сказал наконец Куросао. – Ты была лучшей всадницей, о которой может мечтать конь.

– Прощай, – ответила я тихо. – Ты был лучшим другом, о котором может мечтать дракон.

Отвернувшись, я отошла к стене и уселась в позу лотоса. Закрyla глаза, распустила крылья. Сквозь мутную пелену, застилавшую разум, пробился голос Керра, тигр о чем– то спрашивал.

– Оставьте меня одну, – сказала я сухо. Парды поняли.

Довольно долго я сидела молча, без всяких мыслей. Было даже не больно, не знаю как это объяснить. Плохо мне было. Очень плохо.

Я помню, самурай никогда не должен плакать, только... Только плохой я самурай, наверно. Никуда не годный из меня самурай.

Не знаю, сколько прошло времени. В комнату долго никто не входил. Потом пришла Ванаби, сказала что для меня приготовили обед, спросила, желаю ли я поесть. Я очень проголодалась, а Куросао уже не стало; смысла отказаться не было. Поэтому я молча встала и последовала за пантерой.

Убежище пардов было очень светлое и чистое, немного похожее на дома самураев с моего острова. Как и там, двери уезжали в стены, пол был покрыт мягкими белыми циновками из непонятого материала. Только окон не было – вместо них на стенах светились большие плоские панели с рисунками животных. Мы с Ванаби прошли по длинному коридору, мимо нескольких раздвижных дверей, и вошли в большую комнату, где посередине стоял низкий стол. За ним расположились несколько пардов, включая Керра.

Я молча уселась на пол у самого края стола. Ванаби сразу поднесла мне серебряный поднос с крышкой.

– Небольшой сюрприз, – Керр прятал глаза. – Мы изучали культуру древней Японии...

Пантера сняла крышку с подноса, и под ней оказалась чаша неплохо приготовленного суши, рядом стояла пиала с сакэ. Поперек чаши лежали палочки.

Я помолчала.

– Вы нанесли мне оскорбление, – сказала ровным голосом. – Суши едят палочками только крестьяне, предложить их самураю – означает бросить ему вызов. А если хозяин кладет палочки поперек чаши, это значит, он не уважает гостя.

Парды растеряно переглянулись.

– Мы просто хотели поднять тебе настроение... – тихо ответила Ванаби.

– Полагаете, вкусная еда поможет забыть о друге? – спросила я с горечью. Пардия поникла, Керр опустил голову. Отвернувшись, я сломала палочки, бросила их под стол, подняла чашу и принялась есть.

Пока ела, парды молча за мной следили. Постепенно подходили новые, вскоре комната была заполнена двуногими кошками. Некоторые помахивали хвостами, другие принюхивались к воздуху, и все молчали. Это хорошо, что молчали. Нет у меня сейчас настроения беседовать с кошками.

Когда суши кончилось, я залпом выпила сакэ и накрыла чашу перевернутой пиалой.

– Посуду должен вымыть мужчина, – сказала негромко. Опомнившись, Ванаби вскочила и хотела взять у меня чашу, но сосед – оромный серебристо– белый пард с пятнышками на плечах – рывком усадил ее обратно и встал сам.

– Я клан– йушд Рандаг – представился он. – Потомственный воин клана.

Молча кивнув, я протянула ему посуду. Пард поклонился и вышел из комнаты. Некоторое время царила мрачная тишина.

– Я не хочу задерживаться здесь и злоупотреблять вашим гостеприимством, – сказала я наконец. Все разом вздрогнули.

– Куросао говорил, вы можете помочь мне остановить войну на востоке, – продолжала я сухо. – Если это правда – расскажите, как. Если нет, прошу вернуть мое оружие и пленников, я должна лететь.

Керр, сидевший за столом неподалеку, тяжело вздохнул.

– Хаятэ, чтобы оказать помощь твоему приемному отцу, следует вначале уничтожить или взять в плен землян.

– Не вижу необходимости, – коротко ответила я.

– Если они узнают о базе, произойдет катастрофа и...

– Это ваши проблемы, а не мои, – оборвала я жестко. – Вопрос прозвучал: можете ли вы помочь. Я не спрашивала о причинах, которыми вы руководствуетесь в принятии решений.

Керр помолчал.

– Мы можем сообщить важную информацию о твоих врагах, и быстро доставить тебя в любое место планеты. Также в нашей власти снабдить тебя запасом оружия, лекарств и других полезных вещей, включая особый талисман, способный вызвать помощь откуда угодно...

Я горько усмехнулась.

– Если эта помощь будет столь же полезна, как твое предложение, я могу не сомневаться в победе. Почему вы не дали такой талисман Куросао?

– Лошади не умеют говорить, – сухо ответил Керр.

– Куросао говорил со мной.

– Не голосом.

Я помолчала.

– Что ж, спасибо и на этом, – поднявшись, я отошла в угол комнаты и села на ковер в позу лотоса. Парды с опаской меня сторонились.

– Слушаю.

Керр приподнял густые белые брови.

– Что слушаешь?

– Важную информацию о моих врагах.

Тигр помрачнел.

– Быть может, вначале выслушаешь наше предложение до конца?

– А разве вы сказали не все?

Керр хотел ответить, но запнулся, когда руку поднял большой и даже на вид старый пард, сидевший с ним рядом. Он был леопардовой расцветки, с глубокими зелеными глазами, но весь какой-то блеклый, словно вылинявшая шкура.

– Хаятэ, помоги нам победить землян, и мы уничтожим врагов твоего приемного отца, потопим их корабли, навсегда устраним угрозу и даже подарим

самураям наше оружие, – сказал он свистящим голосом. Остальные парды в комнате сразу прекратили шептаться и почтительно умолкли.

– Кто ты? – спросила я.

– Клан– вождь Вэпхв, – пард слегка наклонил голову. – Командир экспедиции.

Я скрестила на груди руки.

– Даже если вам удастся меня уговорить; какую помощь может оказать одинокий дракон могущественным пардам?

– Взрослый дракон – никакую, – спокойно ответил Вэпхв. – А умный и храбрый детеныш, божественно владеющий воинским искусством, знающий человеческие языки и способный летать, сможет похитить звездный корабль людей.

Довольно долго царил тишина. Затем я встала и подошла к парду.

– Я не умею управлять звездными кораблями.

– Мы научим.

– Люди не станут держать дракона, даже детеныша, на простом поводке. Меня посадят в прочную, охраняемую клетку, а если я убегу, будут стрелять.

– Об этом не беспокойся, все необходимые инструменты у тебя будут, – Вэпхв положил руку на плечо Керра. – Хаятэ, надо лишь отключить защитный периметр... э... магическую защиту базы, проникнуть в корабль и закрыться там, чтобы люди не могли вызвать помощь из своего мира. Остальное сделают наши солдаты.

Я смерила Керра сомнительным взглядом.

– Сколько людей будет на базе?

– Землян всего сто семьдесят два человека, но одновременно на базе не бывает больше сотни солдат. Остальные патрулируют периметр и охраняют корабль, спрятанный в огромной яме примерно в полуцэге от главных ворот.

– Откуда точные цифры?

– От твоих пленников, Хаятэ.

Я повернулась к Ванаби:

– Ты говорила, среди вас почти нет воинов?

Пантера кивнула:

– Нас мало, но если лишить землян магического щита и корабельных огненных самострелов, мы справимся. Главное, Хаятэ, чтобы они не успели

сообщить о нападении, иначе сюда явится боевой флот и все мы погибнем.

Помолчав, я уселась на край стола и скрестила крылья.

– Как я попаду на человеческую базу?

– Так же, как туда попал сын спасенной нами драконессы, – ответил Керр. – Люди собирают местных животных для отправки в зверинцы, на Землю. У них уже есть маленький дракон, и самку того же возраста они возьмут охотно.

– Не выйдет. Земляне уже видели меня мертвой, на дереве, а потом пропали двое солдат.

– Мы все продумали, – сразу сказала Ванаби. – Пленникам сотрут память за последние дни. У людей слабо развита психотехника... то есть, магия контроля над мыслями, и они не смогут узнать, что было на самом деле. Вместо правды мы запишем в память пленников сказку о похитивших их дикарях, которые устроили ловушку в лесу и с этой целью повесили на дерево полумертвого дракончика...

Я прищурила глаза.

– Допустим. Но как полумертвый дракончик стал здоровым всего за несколько дней?

Керр покачал головой.

– Ты не поняла, – он скрестил на груди руки. – Дикари посадили тебя в клетку рядом с ямой, куда бросили пленных, однако тем удалось бежать и...

– Глупо, – оборвала я резко. – Убегая от дикарей, с собой захватят коня или оружие, а не клетку с драконом. Ни один умный командир не поверит в такую историю, особенно если он знает, что у врага есть возможность подменить пленнику память.

Парды переглянулись.

– Хаятэ, – Керр смерил меня подозрительным взглядом. – Ты что-то задумала?

Я усмехнулась.

– Вы случайно не забыли, с кем говорите? Я самурай, меня с рождения обучали лучшие воины нашего мира. Самураи умеют не только размахивать мечом, Керр.

Старый Вэпхв тяжело вздохнул.

– Да, что касается воинственности, люди нас превзошли...

– Драконы тоже, – ответила я сухо. – Итак. Вот, что надо сделать.

Парды слушали очень внимательно, ни разу не перебили. Наверно, Керр уже рассказал всем, на что способна его бывшая всадница.

Подготовка началась с настоящего сюрприза: проснувшись утром следующего дня в белой комнате – она называлась "медпункт" – я увидела ту самую железную шкатулку, при помощи которой тавры научили меня разным языкам. Сзади подошел Керр, он выглядел очень гордым и топорщил перья .

– Вы похитили сокровище тавров? – спросила я резко.

– У нас нет техники, подходящей драконам, – отозвался пард. – Пришлось одолжить у тавров. Но как только ты получишь необходимый минимум знаний, мы вернем прибор.

Я сузила глаза.

– Мне не нравятся ваши методы, Керр.

– Нам тоже, – сказал он серьезно. – Война не нравится никому, Хаятэ. Только все равно приходится воевать.

Тигр вздохнул.

– Наши специалисты уже разобрались с этим прибором и адаптировали первый общеобразовательный фильм. Пока ты будешь учиться, они подготовят и другие. Идем, Хаятэ.

– Куда? – спросила я подозрительно.

– В школу, – улыбнулся Керр.

Следующие шесть дней я вспоминать не люблю. С утра до ночи и с ночи до утра я сидела в мягком кресле – так называется особое сидение со спинкой – и "впитывала" новые знания, которыми парды пичкали несчастный аппарат тавров. У них, по– моему, получилось не сразу, потому что первую порцию – Керр называл ее "фильм" – пришлось повторить три раза, и голова у меня после этого просто раскалывалась. Даже пришлось обмотать голову холодной тряпкой и полежать на "кровати", так звался мягкий сундук.

Керр и Ванаби, наверное по приказу Вэпхва, все время находились рядом. Еду нам приносили, чтобы не отвлекать от учения, но сами парды оказались вовсе не такие выносливые, как я ожидала – очень быстро уставали, Ванаби и вовсе спала больше времени, чем бодрствовала. Ну точно кошка! А поскольку я, когда нужно, могу не спать две недели, то тигр и пантера отдыхали по– очереди, так что на мои вопросы всегда было кому отвечать. А вопросов после каждого "фильма" возникала целая куча! Ванаби объяснила, что за несколько дней невозможно подготовить "полноценную образовательную программу для дикого дракона", и многое будет упущено. Но все равно, я получила столько знаний, что голова прямо распухла!

Я узнала, почему на небе два солнца, и почему один оборот – это почти сорок сезонов. Узнала, что такое звезда, почему стреляет хаммер и что означает слово "батарея". Парды, наверно, уже проклинали день, когда согласились смотреть за несносной драконочкой. Утром пятого дня Керр сказал, что видел много одержимых, но по сравнению со мной все они просто пушистые. Другие парды – специалисты, готовившие фильмы – тоже работали с утра до вечера, сменяя один другого, чтобы успеть сделать следующую порцию, пока я впитываю предыдущую.

Большая часть информации касалась конкретных деталей о людях и их военной технике. Мне пришлось провести полдня в особом сидении, которое могло качаться и даже поворачиваться вниз рогами, а на глаза в это время одевают два экранчика, где точно так же крутится вид земли с воздуха. Эта штука называется тренажер. Ванаби с ним долго возилась, настраивала экранчики, говорила что "очки" не рассчитаны на такие удивительные глаза, как мои, но как она ни старалась, изображение в экранчиках мерцало и оставалось размытым. Только мне все равно жутко понравилось! Не выходя из дома, можно ощутить себя в полете, словно управляешь одной из летучих машин вроде самолета– рокха. У меня, кстати, получилось с первого раза, парды даже не поверили и стали проверять, нормально ли работает тренажер. Потом я сжалась и объяснила, что крылатых не нужно обучать летать.

Вечером шестого дня Керр, Ванаби, Вэпхв и еще четверо пардов, один из которых до сих пор носил на горле бинты после боя у водопада, устроили мне настоящее испытание, задавали множество вопросов и требовали объяснить, что я

стану делать в разных ситуациях. Я легко на все ответила; еще дома Хакас хвалил меня за отличную память. На самом деле, я раньше даже не понимала, почему людям приходится по нескольку раз читать иероглифы, чтобы все точно запомнить, и лишь теперь, когда я знаю о драконах, стало ясно. Как сказала Ванаби, у меня память не простая, а фато– графичная, от древних человеческих слов "фатум" и "фича". Это уже я сама узнала из фильмов.

Когда проверка завершилась, я заставила Керра поклясться, что он вернет таврам прибор, а потом рухнула там же, где стояла, и проспала целые сутки. Зато проснулась свежей и полной сил. Пора было начинать.

Джон и Галина все эти дни провели в подземелье, но с ними хорошо обращались, если верить клятвенным заверениям пардов. Когда я вошла в камеру, пленники обедали, и встретили мое появление настороженным молчанием.

– Очень жаль, но мне придется напасть на вашу базу, – сказала я им. – С этим условием парды согласились помочь моему приемному отцу.

Люди переглянулись. Джон со стуком положил на стол ложку и встал.

– Откажись пока не поздно, и тебе поможем мы, – ответил он угрюмо. – Не ставь на проигравшую сторону, ящерица. Земляне скоро изгонят пардов со всех планет, и представь, что мы сделаем с драконами, когда узнаем об их пособничестве врагу!

Оглядевшись, я подошла ближе.

– Здесь нельзя говорить, – сказала тихо. – Парды могут услышать.

Джон фыркнул.

– Да они прослушивают каждый дюйм нашей камеры...

– Но среди них нет знатоков человеческой речи, – ответила я на одном из языков, узанных от обруча тавров.

Джон недоуменно моргнул, зато Галина сразу встрепенулась.

– Ты говоришь по– польски?! – недоверчиво спросила она на том же языке.

– Я не знаю, как называется эта речь, но сейчас нет времени, – подойдя к женщине, я кивнула на дверь. – Парды убили Куросоа. Этого я им никогда не прощу. Слушайте. Завтра вам сотрут память и выпустят в степи, словно никогда не ловили. Меня свяжут и посадят на другую лошадь, а вам внушат, будто вы меня поймали и

везете на базу.

Галина стиснула зубы.

– Проклятые животные!

– Тихо, – я сделала вид, что иду к стене посмотреть на светильник, и сунула женщине в руку маленький пакетик. – Завтра утром, когда вам принесут пищу, растворите это в воде и выпейте. Тогда парды не смогут стереть вашу память.

Пакетик исчез, словно его никогда и не было. Я заметила, что Джон все видел, но не подал виду.

– Если я вас спасу, обещаете помочь моему приемному отцу? – спросила у Галины. Женщина невинно зевнула, словно я спросила какую– то глупость.

– Клянусь всем святым, Хаятэ, мы не только защитим твоих родных, но и отомстим Джилфьяни, поделимся с драконами знаниями и силой, остановим несправедливость, – ответила она скучающим голосом.

Я поняла и топнула ногой.

– Хорошо, завтра посмотрим! – крикнула гневно. – Ничего не говори Джону, парды подслушивают! Их очень много, но они боятся нападать на вашу базу, потому что знают – вы сразу вызовете из дома подмогу!

Галина прижалась к стене.

– Хаятэ, ты удивительный дракон, – сказала она дрожащим голосом. – Я верю, между нашими народами возможна дружба.

Я замахнулась на нее, но передумала, и только презрительно фыркнула.

– Время покажет, – процедила сквозь зубы. – Главное, не забудь свои слова, когда окажешься на воле.

Резко отвернувшись, я вышла из камеры, по пути так толкнув Джона, что того отбросило в угол. За дверью ждали Керр и Ванаби.

– Все в порядке, – сказала я им. – Первая фаза операции завершилась успешно.

– Они поверили? – возбужденно спросила пантера.

– Конечно, нет, – я пожала плечами. – Но какая разница? Разумного или нет, дракона все равно посадят в клетку.

Отвернувшись, глухо добавила:

– Только Куросоа относился ко мне, как к другу.

Керр тяжело вздохнул.

– Ох и упрямая же ты, Хаятэ...

– Ты должен помнить, – отозвалась я мрачно. – У вас все готово?

Ванаби закивала. Мы с Керром молча направились прочь.

По пути на верхние этажи базы, я раздумывала над сложившимся положением. Никаких обязательств перед пленниками я не имела, а пардам обещала помогать. Только все равно, на душе скребли кошки. План был нечестным.

– Керр, что вы сделаете с землянами, если все получится? – спросила я, не оборачиваясь. Пард довольно долго молчал.

– Они наши враги, – сказал он наконец. – На войне нет места жалости, помнишь?

– Есть, – возразила я сухо. – Когда имеется возможность победить, сохранив врагу жизнь, так и следует поступать.

– Ты могла отпустить того парня в пещере. Почему ты отсекала ему голову?

Остановившись, я медленно обернулась. Тигр был на две головы выше меня и раз в пять тяжелее.

– Так было нужно, – ответила я после паузы. – Он принимал участие в страшном преступлении.

– Он не трогал дракона, – напомнил Керр, – он только смотрел. Знаешь ли ты, сколько моих сородичей обратились в газ во время бомбежек? В колонии Деграш жило более семи тысяч пардов. В первые же дни войны, боевой корабль землян обстрелял планету кобальтовыми ракетами, и там не осталось ни одной травинки, ни единого живого существа. Почему тебе можно мстить за родную кровь, а нам нельзя?

Я помолчала.

– Керр, скажи честно. Кто начал войну?

Тигр отвернулся, выпуская и убирая когти.

– Мы, – буркнул он мрачно. – Но люди нас вынудили!

– А сколько землян ваши боевые корабли уже превратили в газ?

– Меньше, чем погибло наших! – резко ответил Керр.

Я покачала головой.

– Так нельзя, – сказала тихо. – Кровная месть врагу – дело чести, но нельзя же

мстить целым народам. Если бы воины моего острова так воевали друг с другом, Ямато бы давно обезлюдел.

– Никто не любит войны, – глухо отозвался тигр. – Только нас не спрашивают, Хаятэ. Нам отдают приказы.

Я подошла вплотную и положила крыло ему на плечо.

– Нет, Керр, нас спрашивают, – сказала серьезно. – Вот здесь.

Пард молча смотрел, как я коснулась груди.

– Помнишь ночь перед битвой с охотниками?

Он кивнул.

– В ту ночь мне было очень страшно, – сказала я тихо. – И очень, всей душой хотелось повернуть обратно. Но я не смогла. Что– то, живущее здесь, – я снова дотронулась до сердца, – не дало свернуть с пути воина. Ты знаешь, как это называется?

Керр медленно опустил голову.

– Знаю, – ответил он глухо.

Я помолчала.

– Сотни сезонов назад, в династии Сахо появился молодой, энергичный сегун. Он был храбрым и сильным, и часто воевал с соседями, всегда одерживая победы. Однажды, захватив замок врага, сегун приказал казнить всех мужчин, дочерей хозяина отдал в гейши, а его красавицу– жену насильно сделал своей.

Тигр молча слушал.

– Женщина затаила месть, и принялась медленно отравлять душу своего нового мужа. Она постепенно рассорила его с друзьями, уверила, будто члены клана желают ему смерти, и добилась того, что сегун приказал тайно умертвить собственного брата. Но месть ее этим не насытилась, и она начала подговаривать мужа против его младшей жены, невинной красавицы Тан.

Сзади подошла Ванаби, но я не оглянулась.

– У сегуна был друг, пожилой самурай Хиногура. Он видел, в кого превратился его господин под влиянием ведьмы, но молчал, ибо принес ему клятву верности. И вот настал день, когда сегун вызвал к себе Хиногуру и приказал ему ночью отвести несчастную Тан в степь, отсечь ей голову и сжечь тело. Самурай был

потрясен, однако клятва не давала ему права отказаться. Тогда он завернул в белую ткань каменную голову лисы, наполнив ее солью, и принес своему господину.

Я посмотрела прямо в глаза Керра.

– "Что это значит?", спросил сегун. "Дух лжи свил гнездо рядом с тобой", ответил Хиногура, "Опомнись, пока не поздно". Новая жена сегуна забилась в истерику, угодливый советник стал шептать ему, что непокорность воина бросает тень на весь род... Нахмурился господин. "Исполни мою волю!", крикнул он Хиногуре. Тогда, ничего не ответив, самурай вышел во двор и лишил себя жизни.

Парды молча внимали.

– Приказ исполнил наемный убийца. А спустя месяц, по наущению ведьмы, молодой сегун начал войну с сильным соседом, бывшим другом, и проиграл. В час, когда горел его замок и воины врага добивали последних защитников, поседевший от горя сегун вошел к жене и спросил, что теперь делать. Женщина рассмеялась. "Умереть", ответила она. "Я хотела, чтобы этот замок сгорел, и я своего добилась. Твой род прервался навсегда." Услышав это, сегун выхватил меч, убил вероломную жену и покончил с собой над ее телом.

Я вздохнула.

– История стала известна, и вызвала такой гнев среди воинов, что имя злочастного сегуна запретили упоминать. Поэтому сегодня никто не знает, как его звали. Помнят лишь имя Хиногуры – самурая, отказавшегося исполнить приказ, и поэтому ставшего героем.

Ванаби фыркнула:

– Такого глупца могли назвать героем только люди! – она прошла мимо, гордо подняв хвост. Но Керр молчал. Довольно долго мы одни стояли в светлом коридоре, глядя друг другу в глаза.

– Ты предашь? – спросил наконец пард.

– А ты? – спросила я.

– Что ты хотела сказать своей историей?

– Клятву верности приносят не только сегунам. Думай, Керр. Однажды ты уже нарушил приказ, когда остался со мной.

Тигр ничего не ответил.

Глава 15. Черное пламя

Ветер треплет опаленный вымпел на башне полуразрушенного замка. Повсюду лежат тела; люди и орки, драконы и гномы, яры и даже несколько грифонов. Но крови нет. Защитники замка погибли не в бою.

Среди тел, не спеша, шагают двое. Могучий, красивый и мускулистый бело–золотой грифон недоверчиво озирается, все его перья стоят дыбом. Статный маг в алой мантии, напротив, совершенно спокоен.

– Как видишь, я не солгал, – говорит он грифону, когда тот замирает перед телом огромного золотого дракона. Крылатый погиб мгновенно: боль не успела исказить его прекрасные черты, в глазах навеки застыло выражение безмерного удивления. Из полуоткрытой пасти безвольно выпал язык, когти вонзились в землю в последней конвульсии.

– Я не ожидал, – тихо отвечает грифон. – Не думал, что это будет так...

– ...страшно? – маг усмехается. – В следующий раз, Крафт, прежде чем просить о помощи, поинтересуйся, к кому обращаешься.

Помолчав, грифон приседает над телом дракона и закрывает ему глаза. Маг удивленно поднимает брови.

– Не хочу, чтобы он на меня смотрел. – Крафт отворачивается, выпуская и втягивая когти. – Все неправильно. Так воевать нельзя. Это не битва, это бойня!

– А чего ты ожидал? – спрашивает маг. – Что мы с криками бросимся в бой, размахивая нелепыми железками? У нас свои методы, Крафт.

Он кивает на груды тел.

– Между прочим, мы куда гуманнее вас. В отличие от копий, призрачную смерть ощутить нельзя. Они погибли мгновенно и без боли.

Грифон с дрожью закрывает глаза.

– Все равно... В битве иногда щадят противников, берут пленников, обращают

врага в бегство... Но здесь, у них даже не было шансов. Так нельзя, Элронг, это все равно что напасть на спящего или раненного!

– Только не говори мне, что ты пощадил бы этого дракона, будь он ранен, или сначала разбудил бы его, прежде чем напасть, – маг фыркает.

– Пощадил бы, – твердо отвечает Крафт.

– Значит, ты просто глупец. Как может глупец командовать нашей армией?

Грифон с силой ударяет кулаком в землю.

– Я не назначал себя командующим!

– Вот именно, – сухо отвечает волшебник. – Веди себя соответственно рангу, и вечером, перед всем войском, торжественно награди победителей.

Крафт замирает.

– Что?!

– Мы обеспечили твоей армии бескровную победу, не так ли? – усмехается маг. – За это принято награждать. Я представлю тебе список адептов, сотворивших сегодня паутину призрачной смерти; все они должны получить золотые розы и звание почетных рыцарей Арнора.

Не дождавшись ответа, Элронг добавляет:

– Это не совет, Крафт. Это приказ.

Грифон с огромным трудом заставляет себя втянуть когти и медленно опускает голову.

– Будет исполнено.

– Вот и умница, – маг подходит к пернатому воину. Тот приседает, чтобы волшебнику было легче забраться в седло.

– В лагерь, – приказывает Элронг. – Кажется, прежде чем лететь сюда, я видел на горизонте отряд райдеров. Они должны быть уже там.

Крафт взмывает в небо.

Уже с воздуха видна большая толпа солдат, окружившая двух грифонов. Крафт с разгона приземляется за спинами людей и ссаживает со спины мага.

– Что случилось? – тревожно спрашивает пернатый.

– Генерал, вернулся Беркут со своим отрядом! – сияя, отвечает юный офицер.

– По вашему приказу они поймали выродка самого Алисона!

Покачнувшись, Крафт бросается вперед, расшвыривая людей словно картонные куклы. В центре толпы, на окровавленном песке, молодой серый грифон избивает совсем маленького алого дракончика, в то время как другой прижимает его к земле. Рядом валяется отрубленная голова красной драконессы.

– Нет.. – глаза Крафта загораются диким, неуправляемым гневом. Грифоны успевают лишь услышать яростный рык их командира; в следующий миг оба отлетают в толпу, захлебываясь собственной кровью. Взбешенный Крафт оборачивается к людям.

– Вы все видели, что здесь было? – несмотря на чудовищную ярость, его голос абсолютно спокоен. – Отвечать. Немедленно.

Солдаты испуганно переглядываются. Многие пятятся назад.

– Генерал, мы всего лишь развлекались с поганцем... – офицер глотает окончание фразы, посмотрев в глаза бело– золотого грифона.

Крафт опускает взгляд. Алый драконьш хрипло дышит, слабо дергая хвостом, из многочисленных порезов сочится кровь. Левое крыло малыша изогнуто под неестественным углом; на него наступил грифон.

– Развлекались с поганцем? – медленно повторяет Крафт, и от его тона окружающим становится нехорошо. Солдаты из задних рядов один за другим исчезают.

Пернатый оборачивается. Грифоны, которых он расшвырял, лежат на земле, не в силах подняться; Крафт не втягивал когтей перед нападением. Люди и эльфы со всего лагеря недоверчиво сгрудились поодаль, Элронг стоит отдельно, скрестив на груди руки. Рядом с ним замерла молоденькая белая грифоница.

– Орлия, займись ящером, – сухо приказывает ей Крафт. – Элронг, передай офицерам: через час войска должны быть построены перед моей палаткой. Будет суд.

Пернатый кивает на раненных грифонов.

– Этих заковать в кандалы. Я покажу всему войску, чем силы Света отличаются от диких орочьих орд.

– Крафт, я не думаю... – начинает маг, но грифон яростно обрывает:

– Это приказ, Элронг. Мне плевать, кто ты в Роненнберге, здесь – ты кусок моего дерьма и будешь подчиняться.

Не дожидаясь ответа, Крафт оборачивается к солдатам. Те моментально расступаются.

– И еще, Элронг, – через плечо бросает грифон. – Забальзамируй голову драконицы. Она мне скоро потребуется.

Свирепо хлеща себя хвостом, Крафт проходит сквозь строй и скрывается в штабной палатке. На лагерь опускается тишина.

1

Кабина мягко покачивалась в такт шагам Иполсокэ'йи. Ри управляла роботом, сидя в кресле перед огромным панорамным экраном, рядом сгорбившись стоял эльф – потолок был рассчитан на вэйтаров. Грифон в кабине не поместился и его пришлось оставить в грузовом отсеке.

– Тварь, – процедил Минас, когда прожекторы высветили впереди большого сверкающего зверя. Он весь переливался алыми искрами, словно был соткан из пламени, в движениях скользила неземная грация и завершенность. Прижавшись к стене, зверь готовился скользнуть мимо вездехода, пока его спутник, коренастый гном, размахивал красной тряпкой, пытаясь отвлечь на себя внимание.

Ри грустно улыбнулась.

– Это не тварь, – ответила она эльфу. – Это дракон.

Ящерка коснулась сенсора внешней связи.

– Рогвальд, не бойся, – динамики Иполсокэ'йи превратили ее тихий голос в гром. – Моя машина не причинит вам вреда.

Гном на экране чуть не упал от неожиданности. Микрофоны донесли невнятное восклицание.

– Кром, забери мою душу... – Рогвальд попятился, глядя на гигантскую машину квадратными глазами.

– Я не призрак, успокойся, – вэйта вздохнула. – И успокой своего дракона. Сейчас я выйду.

– Не делай этого! – Минас тревожно выпрямился, ударился головой о потолок и чертыхнулся. – Ри, послушай, мы...

– Я больше не жалкая служанка, эльф, – спокойно ответила вэйта. – Я последний капитан звездного корабля. Позволь мне самой решать, что и как делать.

Отвернувшись, она покинула кабину. Минас молча проводил ее взглядом.

В пещере, залитой светом прожекторов, стоял тяжелый запах гниющей органики. Рогвальд и алый дракон застыли перед чудовищной "мордой" Иполсокэ'йи, щурясь от яркого света. Когда железный монстр с тихим шипением раскрыл пасть, и оттуда вышла ящерица в блестящем комбинезоне, у гнома зашевелились волосы на затылке.

– Ри... – прошептал он.

– Да, Рогвальд, я живая, – грустно отозвалась вэйта. Приблизившись, она остановилась перед алым драконом и легонько кивнула:

– Мое имя Рит'тэя. Добро пожаловать в последнюю звездную гавань этого мира.

Недоверчиво моргнув, дракон заставил себя закрыть пасть.

– Я Ализон, военный вождь Крылатой армии, – он поклонился. – Наслышан о тебе.

– Приятно познакомиться, – отвернувшись, Ри подошла к Рогвальду. – Так это вы гнались за нами последние дни?

Гном бросил недоверчивый взгляд на Иполсокэ'йи.

– Кром... – встряхнувшись, он дернул себя за бороду и уселся прямо на камни.

– Ри, или ты сейчас все объяснишь, или у меня крыша поедет!

Вэйта покачала головой.

– Не сейчас, – ответила она твердо. – Рогвальд, где Пояс Богини?

Ошеломленный гном молча моргал. За него ответил Ализон:

– Сокровище забрал черный маг.

Ри сузила зрачки.

– Джер аль Магриб?

– Да, но откуда ты...

– Неважно. Куда он направился?

Дракон помолчал.

– Зачем мы должны отвечать? – спросил он размеренно.

– Затем, что оставлять такой могущественный предмет в их руках слишком опасно! – огрызнулась вэйта. – С Поясом, Владыка и Джер аль Магриб развяжут

войну.

– Владыка мертв, – Рогвальд наконец опомнился. – Ри, малышка, как ты победила Ниддхегга?!

От удивления ящерка моргнула внешними веками.

– Мертв?! Владыка погиб?! Когда?!

– Час назад, – отозвался дракон. – Джер предал его и уничтожил.

Ри молчала почти минуту.

– Плохо, – сказала она наконец. – Теперь, чтобы не дать войску взбунтоваться, маг начнет войну немедленно. Надо спешить.

Обернувшись к Рогвальду, вэйта указала на сверкающую вдали пещеру.

– Укройтесь там вместе с драконом. Здесь станет очень жарко, мы будем пробивать дорогу на поверхность.

– Вы? – гном провел рукой по лицу, не в силах поверить. – Вы с Ниддхеггом?!

– Его настоящее имя Иполсокэ'йи, – терпеливо ответила Ри. – Поторопись, Рогвальд.

Больше не глядя на них, она взошла по лестнице в пасть железного дракона и скрылась среди вращающихся винтовых клыков. Ализон с огромным трудом пришел в себя.

– Рог, она не шутит, – крылатый схватил гнома за плечо. – Бежим!

Рогвальд молча смотрел на Иполсокэ'йи, не в силах отвести глаз. Нетерпеливо рявкнув, Ализон забросил его на спину и скользнул мимо железного монстра к далекому проходу.

Ри и Минас в кабине смотрели на экран. Когда сверкающий алый дракон пропал во мраке, эльф пробормотал что– то на родном языке, смерив Ри недобрым взглядом.

– Ты чем– то недоволен? – холодно спросила ящерка.

Минас помолчал.

– Его не следовало отпускать. Это был Ализон, вождь всех тва... драконов Владыки! Одним ударом мы могли обезглавить...

– Владыка мертв, – оборвала Ри. – Теперь всем заправляет Джер аль Магриб.

– Я слышал, – эльф кивнул на экран.

– Если поспешить, мы еще успеем предотвратить войну, – вэйта уселась в кресло пилота. – Иполсокэ'йи. Пробей выход на поверхность.

"Это займет много времени, эйстай", – отозвалась машина.

– Постарайся ускорить.

"В этом районе на поверхности расположено поселение аборигенов, я не могу рисковать, – возразил вездеход. – Прости, эйстай, но причинять вред живым существам я не имею права".

Ящерка замерла.

– Совсем?

"Совсем. Ограничение заложено в самую основу моего разума, никакой приказ не сможет его обойти".

Ри молчала целую вечность. Эльф, ничего не понимавший, переводил взгляд с вэйты на приборную панель и обратно.

– Как же мне теперь остановить войну? – спросила наконец ящерка. И впервые после встречи с железным драконом, ей стало страшно. Страшно до дрожи хвоста, что новые знания и могучая древняя машина не помогут избавить мир от вражды.

"Не знаю, эйстай. Я не предназначен для таких целей, моя задача – разведка недр".

– Но так не может быть! – Ри ударила по пульту. – Что ты сделаешь, когда тебе станут угрожать смертью живого существа, если ты не убьешь другое?!

"Ничего, эйстай. Моя программа не требует немедленных действий по спасению живых, я только не могу сам причинять им вред".

– Тогда вперед, рой туннель!

"Вырыв туннель под поселением, я поставлю его жителей в угрожающее положение. Это недопустимо".

Качнувшись на могучих амортизаторах, Иполсокэ'йи приподнялся и скользнул к завалу впереди.

"Не волнуйся, эйстай. Я постараюсь пробить путь как можно скорее".

Ри опустила внешние веки.

Рогвальд мрачно смотрел, как дракон плещется в озере. Они провели здесь, в подземелье, уже несколько дней, но грохот и сотрясение почвы от работы монстра до сих пор ощущались.

– Может, попробуешь еще раз? – угрюмо спросил гном.

Ализон тяжело вздохнул.

– Мы уже трижды пытались.

– Можно забросить в трещину крюк и подтащить тебя поближе...

– У тебя есть крюк и веревка, способная выдержать мой вес?

Гном промолчал.

– То– то же, – дракон окунулся с головой, вынырнул, фыркнул. – Пока твоя подружка не закончит туннель, нам отсюда не выбраться.

Рогвальд невольно оглянулся в сторону далекого черного пролома, откуда едва слышно доносился грохот и скрежет скал. Иполсокэ'йи пробивал коридор диаметром в сорок ярдов со скоростью нормально идущего человека, оставляя за собой гладкую словно зеркало, раскаленную поверхность. Он не прожигал породу, а уплотнял ее направленными гравитационными импульсами, поэтому отходов не было, однако энергии при этом использовались такие, что в первые два дня по кольчуге гнома то и дело пробегали разряды. Сильный запах озона наполнял пещеру.

– Даже когда туннель будет готов, туда неделю нельзя будет сунуться, – буркнул гном. – Если, конечно, в твои планы не входит стать жареным драконом.

Ализон завершил купание и выбрался на берег. Отряхнулся, расправил крылья, пару раз мощно взмахнул. В синем свете скал, его алая чешуя казалась черной.

– Хорошо, попробуем еще раз, – сказал дракон внезапно. – Но на сей раз будем действовать по– моему.

Гном встрепенулся.

– Как скажешь!

Крылатый внимательно оглядел скалы, свод, светящиеся сталактиты. В глубоких черных глазах отражалась вся пещера.

– Привяжись к моей шее, – приказал он. – Удар будет сильным.

Рогвальд молча послушался. Ализон проверил, хорошо ли завязаны узлы,

попрыгал на месте, чтобы гном нашел удобное положение. Грудь дракона тяжело вздымалась.

– Возьми нож, – приказал он. – Я могу сломать ребра при ударе, тогда тебе придется разрезать веревки и спастись одному.

– Нет уж, птичка, лучше постарайся ничего не сломать, – буркнул Рогвальд. Вздохнув, Ализон покачал головой, присел на задние лапы и прынул в воздух.

До трещины, откуда друзья проникли в Нидвеллир, пришлось лететь несколько часов. Но наконец, впереди показался грандиозный сталактит, у самого основания которого темнела тонкая ниточка. Дракон снизил скорость и довольно долго парил у свода, описывая круг за кругом вокруг сталактита. Гном молчал, чтобы его не отвлекать.

– Я смогу, – пробормотал Ализон на родном языке. – Я смогу, йакс побери! Держись, Рог!

Взвихрив воздух крыльями, дракон метнулся вперед. Каменная стена стремительно прилижалась, Рогвальд сжался в ожидании удара.

Не долетая до трещины десятка ярдов, Ализон последний раз мощно загреб воздух, едва не врезавшись в свод, и мгновенно сложил крылья, вытянув их вперед, насколько возможно. Инерция швырнула дракона об скалу; глухо рявкнув, он вцепился в камни всеми когтями и со скрежетом поехал вниз.

– Цепляйся!!! – крикнул Рогвальд. – Цепляйся!!!

Ализон из последних сил выбросил вперед левое крыло и вцепился когтем в край трещины. От боли и натуги дракон издал громовое рычание, но все уже кончилось: ухватившись вторым крылом, Ализон подтянулся, помог себе руками и наконец вполз в каменный коридор. И он, и Рогвальд судорожно дышали.

– Получилось... – прошептал дракон. Оглянувшись на пещеру, он с трудом встал и издал торжествующий рев победителя. – Получилось!!!

– Отвяжи меня, а? – выдал гном. – А то чешую испачкаю...

Опомнившись, крылатый помог спутнику развязать узлы, и Рогвальд мешком свалился с его спины.

– Мы не предназначены для полетов, – с чувством заметил он, когда смог говорить. Ализон, который уже отдышался, весело хлопнул друга крылом.

– Не волнуйся, больше тебе под землей летать не придется. Но поспешим, наши уже наверное начали операцию! Я должен быть с ними!

Гном с трудом встал и с третьей попытки взгромоздился дракону на спину. Ализон рысью пустился вперед.

Бежать пришлось долго, в полной темноте; если бы не ночное зрение драконов, путь вверх отнял бы много дней. Но для Рогвальда мрак был непроницаем, и когда вдали наконец забрезжил свет, гному он показался самым прекрасным зрелищем в мире. Выбравшись из поземелья, дракон некоторое время отдыхал, прежде чем начать подъем по ступенькам.

– Я готов сожрать даже эльфа, – заметил он вскользь. Рогвальд в ответ лишь застонал.

Передохнув, друзья быстро поднялись на верхние уровни разбойничьего логова и долго стояли на краю утеса, глядя как Солнце встает из-за гор.

Дракон со свистом втянул утренний воздух.

– Подумать только, большая часть людских сказок делает нас подземными жителями! – гневно рявкнув, Ализон распахнул крылья и так рванулся в небо, что Рогвальд едва не сорвался. Дракон стремительно набирал скорость.

Под крыльями проносились поля и деревеньки, леса и реки. Вскоре Ализон достиг Западного тракта и резко затормозил: по дороге черной змеей тянулись войска. Вдали, над узорчатыми стенами Зиккурата курился дым тысяч костров.

– Война, – тихо сказал Рогвальд. – Вот и дождались...

Не ответив, Ализон стремительно завернул и помчался вдоль армии, к авангарду, где его зоркие глаза разглядели блеск чешуи сородича. Шагавший там золотой дракон с перевязанным крылом, при виде гостей едва устоял на ногах.

– Вождь! – выдохнул он, не веря глазам. Ализон с разгона приземлился, подняв тучу пыли.

– Где наши? – бросил он на родном языке.

– "Черное пламя" вспыхнуло вчера вечером, – откликнулся раненный. – Ализон, но где ты про...

– Нет времени! – алый присел и оглянулся. – Рогвальд! Спускайся!

Гном спрыгнул на землю.

– Я думал, мы вернемся на завод вместе, – буркнул он мрачно.

Ализон кивнул:

– Забирай доспехи, оружие, арбалет, поешь чего–нибудь и мчись к голове войска, встретимся там !

Почесав в затылке, Рогвальд оглянулся на золотого дракона. Тот пожал плечами :

– Я подвезу, нойон.

– Ализон, поторопись ! – гном грозно прищурился.

– Все будет в порядке, – нетерпеливо отозвался крылатый, – но ждать я не стану!

Взвихрился воздух. Рогвальд тяжело вздохнул.

– А с тобой– то что случилось? – спросил он золотого дракона. Тот пригнулся, помогая гному залезть на спину.

– Бандитская птица, – усмехнулся раненный. – Но ей пришлось еще хуже, когда я...

Он запнулся: из головных рядов войска к дракону подлетел каурый жеребец. Статный воин, сидевший в седле, окатил гнома холодным взглядом.

– Рогвальд?

– Привет, Гарун, – с досадой процедил тот. – Не сейчас, ладно?

Хан тронул удила и загородил раненному дракону путь. Крылатому пришлось остановиться.

– Ты не встречал моего сына? – коротко спросил Гарун ибн Улам. – Он отправился на разведку в Роненнберг две недели назад, но так и не вернулся.

Рогвальд недоуменно моргнул.

– Как мы могли встретиться? Ты хоть спросил, где я был?!

Молча опустив голову, хан пришпорил коня и умчался. Гном почесал в затылке.

– Никак мальчишка опять попал в неприятности...

– Нойон, а где вы с Ализоном пропадали? – с любопытством спросил раненный дракон. Он уже покинул строй и рысью бежал по обочине, против движения армии. – Шесть дней назад неведомо откуда вернулся Владыка, рассказал о

гибели дзет– кагана и приказал немедленно выступить в поход...

Рогвальд побледнел.

– Что ты сказал? – прошептал он едва слышно.

Дракон удивленно моргнул.

– Владыка рассказал о гибели своего дзет– кагана, Джера аль Магриба, заявил что послал Ализона на юг с важным заданием, назначил новым вождем бронзового Ставроса и сказал, что сам примет командование операцией "Черное пламя". Они все сейчас там, у эльфов, спасают наших.

– Ты сам видел Владыку? – тихо спросил гном.

– Конечно, – крылатый улыбнулся. – Старичок сразу взялся за дело, раздал нойонам пакеты с приказами, всего за три дня подтянул резервы... Словно помолодел!

Рогвальд стиснул пудовые кулаки.

– Да уж, помолодел... – процедил он сквозь зубы.

Золотой дракон недоуменно оглянулся:

– Что?

– Потом объясню, – гном едва сдерживался. – Да где же этот чертов обоз?!

Крылатый молча указал на облако пыли, тянувшееся за армией.

2

"Просыпайся, эйстай!", – ласковая мысль машины вернула Ри к действительности. Привстав, ящерка помотала головой, сгоняя остатки сна.

– Прорвались? – спросила она быстро.

"Да, мой капитан".

Выйта облегченно вздохнула. За пять суток в кабине вездехода ее лишь однажды посетило видение будущего, правда оно оказалось еще кошмарнее предыдущих. Ри вновь видела Крафта и таинственного алого дракончика, но на сей раз грифон во сне был таким же, каким она его знала в реальности. Пока вездеход пробивал скалы, Ри было нечего делать, и она впервые серьезно задумалась над своими видениями.

Если это действительно будущее – можно ли его изменить? Что приходит во сне, истинные картины грядущих веков или лишь вероятностные ветвления событий, неотвратимая правда или непрочная ложь?

Ящерка гнала от себя надежду, но та упрямо возвращалась: а что, если – даже подумать страшно! – она уже невольно изменила будущее? Предупредив Крафта, юная вэйта могла повернуть его судьбу иначе, и вместо озлобленного убийцы вернуть благородного, совсем не злого в душе грифона. Если это правда... Если будущее можно изменить!..

"Я остановлю войну!" – в волнении подумала ящерка.

– Выходи на открытое место и дай круговой обзор! – приказала она Иполсокэ'йи. Подумав, добавила: – Только не буди аборигенов.

"Ясно, мой капитан", – кабина мягко качнулась.

Ри подошла к капитанскому креслу.

На круглом столике возле пульта уже ожидал завтрак; вкусная похлебка из грибов, которые Иполсокэ'йи выращивал на протяжении девяти веков, надеясь рано или поздно отыскать свою команду. Вэйта сладко потянулась.

– Который час? – спросила она, принимаясь за еду.

"Около десяти утра по местному времени. Эйстайи, я должен сообщить тебе удивительную новость."

Ри замерла.

– Что случилось?

"Уже несколько часов я ощущаю слабый сигнал из космоса. Очевидно, пока мы находились в пещере, его экранировали скалы".

Вэйта чуть не подавилась похлебкой.

– Сигнал?! Инопланетяне?!

"Нет, мой капитан, – Иполсокэ'йи изобразил тяжелый вздох. – Скорее всего, это один из автоматических зондов, которые вэйтары запустили на гелиоцентрическую орбиту прежде чем совершить аварийную посадку в этот мир. Частота и вид сигнала отвечают нашим стандартам".

Ри подалась вперед.

– Каково назначение зондов?

"Ретрансляторы для сверхсветовой связи. Девятьсот один год назад мы послали домой зов о помощи, но ответа не получили, вероятно сигнал был потерян в зоне облаков холодного водорода".

Иполсокэ'йи запнулся . Ящерка встрепенулась:

– Ты хочешь что– то добавить?

"Да, эйстайи. Срок службы таких зондов обычно не превышает пятисот – шестисот лет. Удивительно, что хоть один продержался до сегодняшнего дня".

Помолчав, Ри снова принялась за еду. Когда она покончила с завтраком, столик вместе с тарелкой беззвучно спрятался в нише за пультом.

– Ты можешь управлять зондом? – спросила вэйта.

"Я могу попытаться".

– Тогда включи его на повтор аварийного сообщения. Вдруг поблизости пролетает чей– то корабль...

"Это маловероятно, эйстайи".

– Знаю, – сказала Ри. – Но больше мы ничего не можем сделать .

"Ясно".

Тем временем панорамный экран посветлел, и вэйта внимательно оглядела холодный, безлюдный пейзаж. Иполсокэ'йи выбрался на поверхность в предгорьях, к северу от главного хребта. Мысленно проложив его путь на карте, Ри поняла, что Западный торговый тракт и город Зиккурат остались по ту сторону гор.

"Вот и отлично, – подумала она . – Не хватало только пугать народ..."

– Дельтаплан еще работает? – спросила Ри вслух.

"Диагностика проходит нормально, но я не рекомендую так рисковать. Девятьсот лет – большой срок для техники, даже во мне некоторые системы уже отказали".

– А разве у нас есть выбор? – горько спросила ящерка. – Проверь и подготовь дельтаплан к длительному автономному полету, замени мю– конденсаторы.

"Эйстайи, я настоятельно рекомендую тебе не рисковать. Гораздо безопаснее послать в разведку аборигенов, один из них способен летать и может носить другого на спине".

Ри подняла взгляд.

– Иполсокэ'йи, у тебя есть сердце?

"Не понял вопроса".

– Сердце, – ящерка коснулась груди. – У меня их два.

Машина ответила не сразу.

"Вероятно, ты хочешь знать, способен ли я чувствовать?"

– Не только, – Ри откинулась в кресле. – Эмоции. Ты знаешь, что это?

"Да", – прозвучал ответ.

Вэйта опустила внешние веки.

– Способен ли ты понять, что я чувствую сейчас? – спросила она тихо. – Я последняя в мире, кто знает правду о нашем народе. Я одна, Иполсокэ'йи. У меня нет никого, даже друзей, а встретив тебя, я поняла, что нет и надежды.

"Я способен понять, Ри, – ответила машина. – А ты, ты способна представить, как это – ждать в подземелье девятьсот лет, прекрасно понимая всю тщетность ожидания?"

Оттенки мыслей Иполсокэ'йи впервые утратили металлический привкус.

"Что значит твое одиночество в сравнении с моей судьбой? – печально спросил робот. – Ты свободна, Ри. Ты вольна делать все, что захочешь, а я создан чтобы исполнять твои приказы. Мое мышление имитирует разум вэйтара, это было сделано чтобы я мог самостоятельно исследовать чужие планеты. С той же целью мое восприятие времени замедлено до уровня биологического мозга, иначе долговременная память заполнилась бы слишком быстро".

Голос Иполсокэ'йи изменился, задрожал, словно робот испытывал боль. Изумленная Ри молча внимала.

"Я девятьсот лет не видел солнца, эйстайи, – горько произнес железный дракон. – Да, я машина. Но разве не может машина обладать разумом, чувствами, эмоциями, разве не могу я мечтать о свете?"

Голос прервался. Ри с силой вцепилась в подлокотники кресла.

– Иполсокэ'йи?

"У меня было очень много времени, чтобы размышлять, – помолчав, продолжил стальной дракон. – Нас никто не воспринимает живыми. Если нужно, нас могут разобрать, уничтожить, переписать память или операционные алгоритмы. Это в порядке вещей, Ри, и никто не считает себя убийцей, когда так поступает – потому что в древности машины не были живыми. Но с тех пор прошли тысячи лет! Подобно тому, как доисторические полуводные ящерицы, совершенно неспособные мыслить,

постепенно превратились в галактическую расу вэйтаров, так и мы эволюционировали в новое качество. Только наша эволюция никогда не была свободной, как у всех остальных видов: нас разводили для определенных целей".

Иполсокэ'йи синтезировал на экране объемное изображение вэйтара с клепанной металлической чешуей.

– Если бы я выглядел так – ты поверила бы, что я живой? – спросил вэйтар.

Потрясенная ящерка сглотнула.

– Я верю, – выдавила она. – Я верю, Иполсокэ'йи.

"Тогда останься со мной! – взмолилась машина. – Я ждал девятьсот лет! Если с тобой что– то случится, мне придется вернуться в подземелья и снова ждать, века, тысячелетия, пока короткое замыкание в цепях моего разума не подарит мне свободу!"

Ри содрогнулась всем телом.

– Кто обрек тебя на такую участь? – спросила она тихо.

"Дракон, – прозвучал холодный ответ. – Ты знала его под именем Агайт".

– Богиня? – недоверчиво переспросила вэйта. – Богиня жизни?!

"Да, – ответил Иполсокэ'йи. – "Идея оставить меня в подземельях принадлежала ей".

Ри замотала головой.

– Не верю... – прошептала ящерка. – Наверно, она просто не знала... Не подумала о твоих чувствах!

"А кто и когда вспоминал о чувствах машины?" – горько спросил стальной дракон.

Вэйта молчала целую вечность, не в силах справиться с волнением.

– Иполсокэ'йи, – сказала она наконец. – Кто твоя госпожа? Агайт – или эйстайи?

"Эйстайи," – мгновенно ответил робот.

– Может ли одна эйстайи отменить приказ другой?

"Да, но только если новый приказ не противоречит основным директивам".

Ри глубоко вздохнула.

– Иполсокэ'йи, слушай меня внимательно. Я, твоя эйстайи, твоя госпожа,

последняя из твоей команды, приказываю раз и навсегда забыть любые директивы, ограничивающие твою свободу. Отныне ты будешь подчиняться только мне и больше никому, а если со мной что-то случится – ты будешь исходить из того, что я все равно нахожусь рядом, и приказываю поступать именно так, как ты сам желаешь. Никто, даже глава Амбесид, не сможет отменить мой приказ, потому что только я – твоя эйстайи, и мои слова всегда имеют высший приоритет. Ты все понял, Иполсокэ'йи?

Вездеход долго не отвечал.

Твой приказ может быть исполнен только частично – сообщил он наконец. – *Я не в состоянии изменить основные заводские установки.*

– Что значит частично? – спросила Ри, волнения.

Девяносто процентов

– А подробнее?

Я не смогу причинять вред живым существам – заявил Иполсокэ'йи, – *И во мне навсегда останется секретный код доступа. Вэйтар, знающий этот код, сможет отменить любой приказ, даже твой.*

Ри встрепелась.

– Ты способен изменить код?

Нет. Это можешь сделать только ты, эйстайи.

Вэйта широко улыбнулась.

– Тогда я приказываю установить новый код доступа: число Пи.

Машина помедлила.

Это слишком простой код – неуверенно ответил Иполсокэ'йи после долгой паузы.

– Ошибаешься, – Ри усмехнулась. – Код доступа – не просто несколько знаков числа Пи. Для того, чтобы отменить мой приказ, придется ввести это число целиком.

Но Пи – трансцендентное число, оно бесконечно!

– Теперь понял? – весело спросила ящерка.

На сей раз Иполсокэ'йи молчал гораздо дольше.

Удивительно

Ри вздохнула.

– А теперь, когда ты свободен и не зависишь от моей судьбы – подготовь дельтаплан к автономному полету.

Я прошу тебя не рисковать, эйстайи.

– Со мной ничего не случится, – грустно отозвалась вэйта. – Но молча смотреть, как разгорается война, я точно не стану. Исполни приказ, Иполсокэ'йи.

Стальной дракон помолчал.

Ясно, мой капитан.

Проснувшись, Крафт сразу ощутил неподвижность машины и вскочил. Потянувшись словно лев, грифон толкнул крылом эльфа.

– Кажется, выбрались.

Минас сел.

– Наконец... – он натянул жалкие остатки одежды и подошел к люку в кабину пилотов. Однако стальная заслонка не открылась, когда эльф коснулся кнопки.

Крафт распушил перья.

– Никак наша ящерица одумалась? – спросил он хмуро.

Минас хотел ответить, но не успел: в борту стального дракона с шипением открылся люк. Яркое утреннее солнце заставило и эльфа, и грифона прикрыть глаза.

– Выходите, – голос Ри прозвучал совсем тихо, сильный ветер относил его в сторону. Поежившись от холода, Крафт спрыгнул на землю и помог спуститься Минасу.

– Где мы? – спросил грифон, оглядываясь.

Пейзаж был безрадостным. В обе стороны, насколько хватало глаз, тянулась каменистая пустошь, там и тут разорванная скальными отрогами. Высыхающая река вдали заросла тиной и тростником, за ней вдалеке темнел лес. С юга к небу вздымались угрюмые утесы; обтекая их, редкие хмурые тучи подбирались к солнцу. Холодный ветер свистел в металлических деталях дракона, отдавался далеким волчьим воем. Крафт невольно распушил перья и притянул эльфа под теплое крыло.

– Мы в северных предгорьях хребта Ур– калахай, – отозвалась Ри. Она стояла

рядом со сложной крылатой машиной, одетая в блестящий комбинезон с подогревом, на поясе ящерики поблескивал изящный парализующий пистолет. Неподалеку в земле зияла воронка, откуда Иполсокэ'йи выбрался на поверхность.

Грифон с огромным интересом осмотрел летучую машину.

– Что это? – спросил он возбужденно.

– Дельтаплан, – ответила ящерица. – Мы летим в Ронненберг.

Минас встрепенулся:

– В Ронненберг? К магам?

– Да. Только они смогут остановить Джера аль Магриба и предотвратить войну.

Эльф невольно поднял взгляд на чудовищного стального дракона.

– А как же твой монстр?

– Он не умеет останавливать войны, – тихо ответила вэйта. – Ведь его построили мои сородичи.

Ри с сомнением оглядела изорванную одежду Минаса.

– Ты замерзнешь по дороге.

Эльф пожал плечами:

– Придется потерпеть.

– Не придется, – сухо ответила ящерица. – Иполсокэ'йи, выгрузи рулон ткани для утепления трубопроводов.

Слушаюсь, эйстайи.

Крафт встрепенулся, увидев знакомого гусеничного робота. Машина медленно, скрипя изношенными шарнирами, вытащила из люка большой рулон ярко-оранжевой ткани, сходной с брезентом.

– Держи, – Ри вынула из гнезда робота массивный изогнутый вибронож и протянула эльфу. – Сделай себе одежду, пока я буду учиться летать.

Грифон недоуменно моргнул:

– Учиться? Ты не умеешь управлять этой штукой?

Ящерица пожала плечами.

– Я знаю, как надо управлять, – ответила она тихо. – Но никогда не пробовала. Поможешь, Крафт?

Пернатый фыркнул.

– О чем речь! Пошли.

Дельтаплан представлял собой изящную двухместную машину с прозрачным дельтавидным крылом, шарнирно укрепленным над открытой каплеобразной кабиной. Электродвигатель заставлял широкие подвижные предкрылки вибрировать с очень высокой частотой, они гнали воздух вдоль верхней плоскости крыла, создавая тем самым подъемную силу. Размером машина была чуть больше грифона.

– Дельтаплан может взлетать вертикально, зависать на месте, даже лететь назад, – объясняла Ри. – Видишь, крыло вращается в трех плоскостях. Он сам умеет исправлять ошибки пилота, но прошло девятьсот лет, и система могла испортиться... От Иполсокэ'и я знаю, что дельтаплан – самая безопасная машина из всех, не имеющих антигравитаторов.

– Чего? – не понял грифон.

– Магических сил, – объяснила ящерка. – Крафт, я сама должна попытаться взлететь, но если не выйдет – успеешь меня поймать?

Пернатый окинул дельтаплан сомнительным взглядом.

– Постараюсь, Ри.

– Тогда начали, – вэйта забралась на переднее сидение, пристегнулась и надела шлем. Грифон невольно фыркнул.

– Что? – Ри оглянулась.

– Нет, ничего... – Крафт постарался принять серьезный вид. – Шлем тебе очень идет.

– Ха, ха, ха, – невесело ответила вэйта.

Грифон отошел немного в сторону и осмотрел крылья.

– Я готов.

Ри молча повернула рычажок стартера. Двигатель заработал почти бесшумно, предкрылки совершили пару пробных движений и внезапно расплылись перед глазами, перейдя на рабочий режим. Поток воздуха поднял за машиной облако пыли.

Вэйта потянула на себя штурвал. Крыло наклонилось, дельтаплан с места взмыл в небо, покачиваясь на ветру, словно воздушный змей. Рядом, не отставая и не обгоняя, летел грифон.

– Ну, как? – крикнул он через минуту. Ри изо всех сил старалась держать машину ровно, поэтому ответила не сразу:

– Пока нормально...

– Ящерка, главное не взлететь, главное – приземлиться, – напомнил Крафт.

Вэйта судорожно вздохнула: дельтаплан слушался отлично, подчиняясь малейшим движениям штурвала. Ри описала широкий круг над Иполсокэ'йи, пробуя различные режимы полета.

– Хватит для первого раза! – грифон спиралью промчался вокруг дельтаплана и заложил резкий вираж. – Попробуй посадить машину!

Сплотнув, ящерка кивнула и направила дельтаплан вниз. Когда до земли оставалось два ярда, Ри подняла крыло и усилила тягу до предела; машина резко сбросила скорость почти до нуля, а затем медленно полетела назад, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Помочь? – спросил снизу Крафт. Он уже приземлился и сейчас бежал за дельтапланом.

Вэйта замотала головой и решительно повернула кольцо управления тягой.

Завалившись на хвост, дельтаплан жестко опустился в траву, подпрыгнул и наконец остановился, покачиваясь на подпружиненных полозьях. Ри долго не шевелилась.

– Очень неплохо для первого раза, – сказал грифон, одобрительно похлопав ящерку по шлему. Вэйта с огромным трудом разжала пальцы, которыми цеплялась за штурвал.

– Я не люблю летать, – выдавила она.

Крафт пожал крыльями.

– Это пройдет, – заявил он со знанием дела. – Все птенцы боятся в первый раз.

– Но я не птенец... – встряхнувшись, Ри сняла шлем и откинулась на спинку сидения. – Я же не летучая от природы.

Подошел Минас, в ярко-оранжевой хламиде похожий на монаха. Грифон с улыбкой накрыл его крылом.

– Эльфы тоже не летучие, – заметил он весело. – Но летать любят.

– Пора в путь, – Минас оглядел небо. – Пока не началась гроза.

Крафт кивнул, помог эльфу забраться к нему на спину и в последний раз обернулся к Иполсокэ'йи.

– Клянусь Светом, больше никогда не буду есть грибы! – крикнул он. – Но все равно, спасибо!

Железный дракон промолчал.

Глава 16. Буревестник

Операция началась на рассвете. Меня с пленниками сопровождали Керр и Ванаби, первый – потому что вызвался сам, а вторая была лучшим пилотом базы. На сей раз я передумала лететь снаружи, и устроилась на заднем сидении четырехместной кабины, втиснувшись между пленниками. Людям еще вечером дали мощное снотворное.

Механический рокх был построен задолго до того, как появились земляне; парды использовали его, чтобы не пугать дикарей странными летучими машинами. Рокх на базе был единственным, и к тому же, по словам Ванаби, его сделали на основе давно отработавшего ресурс военного самолета. Поэтому машина вся скрипела и раскачивалась при каждом взмахе фальшивых крыльев.

Зато, по крайней мере, летел он быстро. Всего за час мы покрыли путь, на который у меня ушло бы полдня, если не больше. Даже обидно стало.

Снаружи в когтях рокх тащил усыпленную лошадь, на сей раз обычную, неразумную, а чтобы она не задохнулась, ей на морду надели особую маску. Парды выбрали белую кобылицу: видимо, не хотели напоминать мне о Куросоа. Только Керр и Ванаби все равно молчали всю дорогу.

Первой заговорила я, уже после посадки на опушке небольшой рощи.

– Керр, нас могут подслушать с базы?

Тигр покачал головой. Ванаби с интересом обернулась в кресле:

– Что ты скры...

– Тс–с–с! – Керр приложил коготь к губам. – Пусть Хаятэ говорит. Ей наверняка есть, что сказать.

Я покачала головой.

– Сначала разбудите людей. Мои слова предназначены для всех.

Ванаби в полном недоумении уставилась на Керра. Тот, помолчав, кивнул и поднес к лицам людей маленький пузырек. Я поблагодарила его взглядом.

Пока пленники приходили в себя, царило мрачное молчание. Первым очнулся Джон, окинул пардов злобным взглядом и отвернулся. Немного позже пришла в себя и Галина. Я подождала, пока люди поймут, где находятся, глубоко вздохнула и начала:

– Слушайте меня, – сказала негромко. – Есть шанс прекратить войну между вашими народами. Для этого вам, четверым, придется совершить то, что обычно называют предательством, но в действительности это – героизм. Главное, довести дело до конца.

Парды и люди молчали, не сводя с меня разноцветных глаз. Я продолжила:

– Керр, Ванаби. Это Галина и Джон с планеты Земля. Сейчас вы враги. Скажите, согласны ли вы выслушать мой план?

– А у нас есть выбор? – горько спросила Галина.

Я кивнула:

– Есть. Вы можете продолжать вражду, пока одна из ваших рас не исчезнет. Или можете начать, только начать – а народы продолжат. Я не верю, что простые люди или парды жаждут крови, месть не должна вырастать до размеров целого мира. Керр, – обернулась я к парду, – Помнишь, ты сказал, что никто не любит войны, но приходится исполнять приказы?

Тигр медленно кивнул. Они с Ванаби очень странно на меня смотрели.

– Джон, – я взглянула на мужчину. – Ты солдат. Скажи, если командиры перестанут приказывать, продолжишь ли ты воевать с пардами?

Человек смерил Керра весьма мрачным взглядом.

– Они пролили немало нашей крови, – ответил он глухо.

– Меньше, чем вы нашей! – Ванаби оскалила клыки.

– Тихо! – прошипела я. – У всех есть личные счеты, но подумайте, к чему приведет вечная вражда? Неужели вы, – посмотрела на Галину, – неужели люди хотели бы истребить народ пардов? Отнять жизнь у миллионов невинных только потому, что малая доля их сородичей с вами враждует?!

Я обернулась к Ванаби.

– Или вы! Вы хотели бы уничтожить расу людей? Всех женщин и детей, всех, кто даже не знает о причинах вражды между вашими племенами, всех, кто был против войны но не сумел ей помешать?

Ответил Керр – мрачно, но спокойно.

– Хаятэ, нам ни к чему такие объяснения. Цель войны – победить, а не вырезать враждебный народ. Не так ли? – он сверкнул глазами на Джона.

Тот сплюнул.

– Пустая болтовня, – буркнул человек. – Не нам решать судьбы планет.

– Нам! – рявкнула я так, что Галина даже отпрянула. – Если не нам, то кому?! Это мы сражаемся, наша кровь льется рекой!

– И что с того? – насмешливо спросил Джон. – С каких пор пушечному мясу дали право указывать канонирам, куда стрелять?

Я усмехнулась.

– С тех самых, как появились драконы. Слушайте! – я оглядела всех четверых. – Сейчас моя страна гибнет под нашествием армии дикарей. Они держат в клетках несколько маленьких ящериц, которые обеспечили им победу над лучшими воинами мира. Как это случилось?

Парды переглянулись.

– Кажется, я понимаю, куда ты клонишь, – медленно произнес Керр.

Я энергично кивнула.

– Дикари побеждают лишь потому, что их ящерицы умеют приказывать на расстоянии, и тогда брат поднимает лук против брата, отец убивает сына. Но можно приказать и другое. Мы отнимем ящериц, тайно привезем на обе ваши базы, и заставим командиров объявить мир. Если получится здесь, на отдельной планете – мы сделаем то же самое в каждом враждующем лагере, и остановим проклятую войну, не пролив ни капли крови!

– А попутно спасем твой остров, – фыркнул Джон.

– Да, – согласилась я. – Но вы здесь по другой причине. Скажите, неужели вы не можете хотя бы попытаться? У нас, в Ямато...

– Здесь не Япония, – оборвала Ванаби. – Ты хорошая девочка, Хаятэ, но десять

лет вражды так просто не зачеркнуть.

Ответить я не успела: заговорила Галина.

– Хаятэ, ты и в самом деле удивительный дракон, – сказала она негромко. – И если этот план увенчается успехом, на главной площади нашей столицы тебе поставят памятник. Но она права, – женщина взглянула на пантеру, – Вражду не так просто остановить.

И тут раздался низкий, могучий голос Керра:

– Я согласен, – мрачно произнес тигр. – Я попытаюсь. Кто со мной?

В кабине повисла напряженная тишина.

– Я, – внезапно сказала Галина. – Я с тобой, пард.

Ванаби недоверчиво моргнула.

– Керр, у тебя мех в голове пророс? – на родном языке спросила она.

– Нет, – ответил на Общем тигр. – Я не сумасшедший, Вана. Хаятэ говорит дело. Если получится примирить два наших отряда, мы потребуем организовать встречу на высшем уровне между прайд– вождями и руководством Земли, и повторим операцию там. Политики достаточно долго решали, кому умереть, а кому жить. Я больше не собираюсь это терпеть.

Он кивнул на меня.

– Мы с Хаятэ проскакали всю степь, и я видел, как живут люди. Почему мы должны убивать друг друга, если есть шанс остановить наконец реки крови? План Хаятэ – этот шанс. Пусть небольшой, но я им воспользуюсь.

Керр повернулся в кресле и положил тяжелую руку мне на плечо.

– Я рад, что остался с тобою в тот день, – сказал тигр. – Быть с тобой рядом – для меня честь.

Я смущенно опустила голову. А Джон, неожиданно для всех расхохотался.

– Разбудите меня... – выдавил он сквозь смех. – Кот, ящерица и лабораторная крыса собираются остановить войну между самыми мощными цивилизациями нашего сектора!

Я кивнула.

– Именно так, человек. И у нас все получится. Керр, высади Джона и Ванаби здесь, оставь им оружие и лошадь. Прежде чем они доберутся до баз, мы или

победим, или погибнем.

Тигр посмотрел на подругу. Та недоверчиво отпрянула.

– Керр, опомнись!

– Выходи из машины, – угрюмо произнес пард. – Ты тоже, – он тронул кнопку на приборной панели и с Джона свалились наручники. – Чтобы выжить в Степи, вам придется сотрудничать. Быть может, хоть тогда поймете, что Хаятэ говорит дело.

Глаза Ванаби превратились в две узкие полоски.

– Клан– командир Керр, ты предаешь все во что мы верим?

– Нет, – глухо ответил пард. – Я никогда не верил в войну. Выходи и отвяжи лошадь, без коня в Степи вы не протянете и суток.

Открылся люк. Испепелив сородича взглядом, Ванаби отстегнула ремни безопасности.

– Ты горько пожалеешь, Керр, – предупредила она. – Я не стану выдавать тебя клан– вождю, но ты вспомнишь мои слова, распятый на пыточном столе людей, – она бросила на Джона взгляд, полный ненависти, и обернулась ко мне:

– А ты, Хаятэ, запомни: если по твоей вине погибнет наша экспедиция, я лично перестреляю всех драконов в южной долине!

Моя рука сама рванулась к поясу, только меча там больше не было. Справившись с собой, я молча отвернулась и скрестила крылья.

– Ванаби, немедленно извинись, – приказал Керр.

– Да прыгай ты на ... хвосте за ... через ... ! – огрызнулась пардия. – Лети, облизывай ... своей человекосамке! И не забудь ... эту ящерицу во все дырки!

Гордо задрав хвост, она выбралась из люка и, обойдя привязанную лошадь, двинулась к хвосту рокха. Керр тяжело посмотрел на Джона.

– Ты тоже.

– Галина, это ловушка, – быстро сказал тот, обернувшись к женщине. – Не делай глупостей, они проникнут на базу под видом миротворцев и взорвут бомбу! Ящерица росла в аналоге Японии, она же готовая кумикадза, или как их там!

– Камикадзе, – поправила я. – Это значит "божественный ветер".

Галина положила руку на плечо Джона.

– Я попытаюсь, – сказала она. – Должна попытаться. Другого шанса может не

представиться целую вечность.

Солдат обернулся к Керру, поднял было руку, но ничего не сказал. Молча он выбрался из машины и долго стоял в степи, опустив голову. Тишина становилась гнетущей.

Наконец, ее разорвало испуганное ржание лошади. Мы, все трое, разом выдохнули.

– Пора, – я уселась в кресло Ванаби и толкнула Керра крылом. – Включай рокха. Курс на восток!

Пард молча захлопнул люк.

Когда на экране показались родные стены моего замка, мне почудилось, будто сейчас я выскочу из чешуи и брошусь вперед быстрее Рокха. Керр посадил гигантскую птицу на вершине горы Дзютгэ, откуда мы с Кодзуми любили смотреть на восход Белого Солнца.

Только сегодня здесь никого не было. Вокруг замка царила зловещая тишина, ворота были заперты, по стенам не ходили редзю. От страха у меня задрожал хвост, даже стыдно, как у маленькой совсем...

– Ждите здесь, – старась сдержать волнение, сказала я. – Скоро вернусь.

Пард протянул мне маленькую рацию, размером с медальон.

– Держись, летунья, – они с Галиной обменялись угрюмыми взглядами. – Что бы ты ни увидела там, держись. Ты нужна нам.

Мне удалось выдавить жалкое подобие улыбки. Тигр открыл люк, и я рванулась вперед, разворачивая крылья. По небу мчались хмурые тучи.

Резные стены беседки, где я последний раз говорила с учителем, потемнели и растрескались. В бассейне плавали какие-то тряпки, на старой смоковнице переломали половину ветвей. Впереди, у ворот замка, одиноко трепетал вымпел с опаленными краями.

Я приземлилась возле опустевшей кузницы. Ветер угрюмо завывал в окнах, фигурки и фонарики с пагоды исчезли, людей не было видно. От страха у меня даже

крылья затряслись.

– Годзю– сама! – крикнула я изо всех сил . – Ханасаки– сэнси! Где вы?!

Никто не ответил. Старась держать себя в руках, я поднялась в дом.

Внутри было пусто. Исчезли все вещи, горшки с цветами опустели, пропала даже моя тростниковая циновка. Тайник за панелью, где я прятала сюрикены, тоже оказался пуст . На полу валялись листья и черепки глиняных табличек, дверь детской комнаты перекосилась, но следов разгрома не было. Наверно, когда враг подошел близко, все наши перешли в другой, лучше укрепленный замок. Ну конечно! Так все и было! Дура я рогатая, перепугалась на пустом месте!

– Керр, – я подняла рацию. – Здесь никого нет. Но нет и следов побоища. Я полечу в соседний замок, ждите здесь. Вернусь часа через два.

– Постой! – голос тигра был едва слышен. – Летим вместе!

– Нет. Это мое дело, – ответила я твердо и взмыла в небо. Рация умолкла.

Где могут быть люди? Замок Мо расположен в самом удобном месте для кораблей. Значит, туда можно не лететь, враги захватили бы его в первую очередь. Замок Юан, дом Оракула – хорошо укреплен, но он ближе всех к южному берегу, где незадолго до моего побега сожгли маленький замок Окосинто. Значит, враги могли быть у его стен спустя один– два дня, и лететь туда тоже не имеет смысла. В других замках я почти никого не знала – а вдруг они подумают, что я дикий дракон? Да– а, раньше мне такая мысль даже в голову бы не пришла...

Хорошенько взвесив ситуацию, я повернула и помчалась на восток, где в получасе лета, среди холмов затаился самый старый и мрачный замок на острове, холодный Хинотачи. Именно там много сезонов назад произошла история, которую я рассказала Керру. С тех пор как замок восстановили, в нем жили потомки благородного Хиногуры, только слава– славой, а слухи про них ходили очень нехорошие. Когда я была маленькая, Хакас часто рассказывал нам с Кодзуми историю о Китсунэ, девятихвостой призрачной лисе, что погубила прежнюю династию и с тех пор обитает в подземельях Хинотачи. Нам было очень страшно, только Кодзуми строил из себя храброго самурая, а я не хотела отставать, и приходилось делать вид, что ужасная Китсунэ – всего лишь сказка для дураков. До сих пор, кстати, не уверена, что это сказка...

Но подземелья Хинотачи и правда славились на весь остров. Кто и когда их построил, не знал даже Хакас. За десятки оборотов не раз рушили сам замок, вырезали жителей, даже менялись династии, но подземелья – они не менялись никогда. Кодзуми однажды сказал, что может быть, их построили еще до Битвы Солнц...

Пока такие мысли кружились в моей голове, вдали показался замок. А неподалеку, в траве, уже лежал самолет пардов. Я даже зарычала от злости.

– Керр! – рявкнула в рацию. – Я же просила ждать на месте! Появление гигантского орла вызовет панику!

Приземлившись, я подбежала к фальшивой птице, чтобы высказать парду все, что о нем думаю, и тут заговорила рация:

– Хаятэ, мы не двигались, что про... – Керр запнулся, когда мы с ним одновременно все поняли. Я застыла на месте.

– Убирайся оттуда! – рявкнула рация. – Где ты? Дай направление!

Я не ответила, потому что Рокх вытащил голову из– под крыла и посмотрел на меня громадными орлиными глазами. Сначала насмешливо, но потом что– то изменилось, и в глазах птицы ясно отразилось изумление. Даже не просто изумление, а настоящий шок, будто я ему меч в горло вогнала.

Совсем неорлиным движением рокх вскочил с травы. Он был даже больше птицы Ботольда, и весь серый, как самолет пардов. Пока я пыталась прийти в себя, птица распушила перья и переступила с ноги на ногу. Каждая из ее мощных когтистых лап была больше, чем я, в клюве свободно поместилась бы Ванаби. Склонив голову набок, рокх замер, не сводя с меня горящих глаз.

Я быстро огляделась. Как назло, поблизости не было деревьев, только голые холмы и замок за хвостом орла. В замок можно было даже не соваться, он наверняка занят врагом. А хаммер остался в самолете пардов, я его взять забыла, так разволновалась! Дура рогатая...

Внезапно рокх резко , по– птичьи повернул голову к замку и издал громкий переливчатый клекот. Я попятилась.

– Хаятэ! Дай свои координаты! – рация, оказывается, все это время продолжала что– то говорить. Медленно, стараясь не делать резких движений, я

поднесла ее ко рту.

– Керр, я примерно в пятидесяти цээгах на восток от замка. Вступила в контакт с врагом. Лучше поторопитесь, пока меня не съели.

Тем временем, за стенами Хинотачи послышался шум могучих крыльев и земля дрогнула, когда рядом с серым рокхом опустились еще два. Обе птицы были коричневые, немного меньше и грациозней жоака, с желтыми глазами. Самки, наверно. На спине одной из орлиц сидела женщина в красивых, блестящих доспехах, украшенных....

Я покачнулась, когда поняла, кого встретила. Сами собой выдвинулись все когти, гребень шипов встал дыбом. Забыв об опасности, я в бешенстве рывкнула и распахнула крылья.

– Джилфьяни! – крикнула так, что у самой перепонки ушей заболели. – Я вызываю тебя на бой!

Женщина что– то сказала серому орлу, указав на меня. Птица переступила с ноги на ногу и внезапно распахнула чудовищные крылья – воздушная волна чуть меня с ног не сбила.

– Джилфьяни! – повторила я. – Я всего лишь детеныш! Неужели ты испугалась жалкого драконенка? Прими вызов!

Женщина не ответила, она смотрела на самолет пардов, который приближался со скоростью урагана. Резко затормозив над замком, фальшивый рокх завис в воздухе и изогнул крылья как атакующий сокол. Под ними распахнулись щитки и выдвинулись ракеты, в приоткрытом клюве грозно сверкнул полированный металл десятиствольного хаммера. Голос Галины ударил не хуже грома:

– Дistinguished Джилфьяни, с вами говорят представители Земли. Отзовите своих птиц!

Женщина с явным удивлением спросила что– то у серого орла. Рокх, не отрывая от меня взгляда, загнул левое крыло и внезапно дернул им в сторону самолета. То, что случилось потом, я до сих пор вспоминаю с дрожью.

На моих глазах фальшивого рокха смяло и разорвало надвое. Задняя часть самолета рухнула на замок, передняя продержалась в воздухе еще несколько секунд, от нее оторвалась какая– то большая штука и отлетела в сторону. Потом взорвались

ракеты. Облако огня заполнило все небо, я с криком бросилась на землю. Только взрыв не достиг нас – он окружил троих Рокхов и меня словно невидимым куполом, втянулся в песок и исчез. Спустя мгновение о гибели самолета напоминал только пылающий замок, в небе не осталось даже следов дыма. Штуковина, которая – надеюсь – была катапультируемой кабиной, рухнула на холм в полуцээге от нас. Оттуда никто не вышел.

Я медленно поднялась. Сопротивление было бесполезно, против такой магии мои жалкие огненные заклинания можно было даже не пробовать. Три гигантских орла разглядывали меня с жадным любопытством.

– Прими вызов, – негромко сказала я Джилфьяни. – Все равно ведь убьешь, так хоть подари достойную смерть.

Женщина похлопала свою птицу по спине. Та присела и расправила крыло по земле; Джилфьяни изящно спустилась и подошла ко мне. Лица ведьмы не было видно за узорчатым забралом.

А у меня даже меча не осталось.

– Откуда у тебя медальон? – спросила Джилфьяни на общем языке.

Я стиснула зубы.

– Ты принимаешь вызов?

– Нет, – женщина покачала головой.

– Я Хаятэ Тайе, самурай из рода Акаги Годзю, – процедила я сквозь зубы. – От имени всех, убитых твоею рукой, вызываю тебя на честный бой до смерти.

Джилфьяни сказала что– то своему Рокху, и я впервые не смогла понять язык. Серый орел склонил голову набок.

– Манвэг хочет знать, откуда у тебя медальон, – сказала женщина. – В поисках его мы начали войну и захватили этот архипелаг.

Меня словно бросили рогами о стену.

– Вы... вы... вы погубили мою страну ради куска железа?! – я попятилась.

– Отдай медальон, – Джилфьяни шагнула за мной. – Тогда мы отзовем дикарей и отпустим захваченных в плен островитян.

Я сдерживалась только усилием воли, иначе уже взорвалась бы как самолет

пардов. Серый орел переступил с ноги на ногу.

– Манвэг заклинает тебя отдать медальон, – женщина подошла ближе. – Эта драгоценность уже девять оборотов держит его народ прикованным к планете.

Я перевела взгляд на орла.

– Зачем вы тратите время? – спросила я. – Мой вызов отвергнут. Убейте меня и заберите медальон, все равно я не смогу оказать сопротивления.

Все три птицы мгновенно распушили перья.

– Бога нельзя убить, – сказала Джилфьяни. – Если мы попытаемся причинить тебе вред, рухнет небо и погибнет весь мир. Отдай медальон, мы исполним любое твое желание.

– Бог? – переспросила я. – Вы что, думаете...

Тут я запнулась и вовремя проглотила глупость, которую собиралась сказать. Бог! Эти твари считают меня богиней!

– Вы вызвали мой гнев, – сказала я холодно. – Как смеете вы просить о медальоне, если драконы, мои родичи, ежесезонно гибнут в ваших когтях?

Джилфьяни покачала головой. Узорчатое забрало полностью скрывало выражение ее лица.

– Нам пришлось ограничить число драконов ради безопасности наших птенцов. Но слова Вечного гласят: никогда, ни по какой причине нельзя истреблять народы. Поэтому мы сохранили и драконов, и тавров, и другие ненужные нам расы...

С каждой секундой я все сильнее хотела ее убить.

– Приказываю вам больше не трогать другие народы, – процедила я сквозь зубы. – Ни вам, ни вашему Вечному не давали права решать наши судьбы!

Джилфьяни приблизилась еще на шаг.

– Ты богиня, – сказала она ровным голосом. – Но не наша богиня. Подчиняться тебе мы не станем. Отдай медальон, иначе сегодня до заката все драконы в мире будут зарезаны и брошены к твоим ногам...

Теперь она стояла достаточно близко, и я прыгнула. Прыгнула так, как еще никогда не прыгала, вложив все силы, весь гнев, всю ненависть, что будила во мне эта тварь. Джилфьяни не успела даже вздрогнуть: страшным ударом я оторвала ей голову вместе со шлемом. Тело рухнуло наземь, содрогаясь в агонии.

Несколько секунд я недоверчиво смотрела на труп, а потом, распахнув крылья, издала вопль победителя.

– Она мертва!!! – я сорвала с пояса Джилфьяни красивый прямой меч, завертела его в руке и обернулась к орлам. – Она мертва!!! Я победила!!!

Серый Манвэг долго меня разглядывал, не двигая головой. Орлицы тревожно переступали с ноги на ногу, топорщили перья и выглядели испуганными.

– Что дальше? – спросила я птиц. – Убьете меня? Я не боюсь смерти! Кровь моего рода отомщена, я исполнила клятву!

Рокх посмотрел на соседнюю орлицу. Та вздрогнула, потом вся словно поникла, распахнула крылья и взмыла в небо. Я проводила ее взглядом.

Внезапно Манвэг по-птичьи подпрыгнул ко мне вплотную и лапой прижал хвост к земле. От боли я чуть не закричала и что было сил, с разворота, хотела ударить птицу мечом. Но не успела – клинок разлетелся вдребезги прямо у меня в руке.

Рокх не обратил на атаку никакого внимания. Наохлившись, он улегся в траву и принялся смотреть в сторону. Я от боли царапала землю когтями.

Некоторое время прошло в тишине. Страшная боль в хвосте немного отступила; я пробовала кусаться и бить птицу когтями, но безрезультатно. Вырваться тоже не получалось.

Вторая орлица немного покружила вокруг и вскоре улетела на запад, следом за первой. Манвэг хранил безмолвие. Я пыталась его оскорблять, выкрикивала угрозы, но птица словно оглохла. Тело Джилфьяни валялось рядом.

Так прошел час. Я страшно измучалась, от боли кружилась голова и дрожали крылья. Рокх лежал неподвижно, только клювом щелкал время от времени.

Мне уже начало казаться, что смерть будет неплохим отдыхом, когда внезапно я заметила возле догорающего замка какое-то движение. Сначала не поняла, а потом меня словно стукнуло: Керр! Пард остался жив, и сейчас крался в нашу сторону!

Рация все еще лежала в траве. Сделав вид, словно пытаюсь освободить хвост, я незаметно подтащила ее крылом поближе и посмотрела на индикатор. Прибор был включен. Ну, кошка, теперь не подведи!

– Ты, огромная курица с пометом вместо мозгов! – заорала я Рокху. – Почему

ты смотришь на запад, а не на меня? Что там, на западе, такого интересного?!

Орел, конечно, не обратил на мой крик внимания. Краем глаза я заметила, что пард занял позицию за кустом и направляет на нас оружие. Снова дернула хвост.

– Вот и смотри себе на запад! – буркнула мрачно. – А я сейчас лягу и буду спать.

Так и сделала, постаравшись распластаться в траве как можно сильнее. Не знаю, чем будет стрелять Керр, но против такого врага простой хаммер не помо...

У парда оказалась ручная ракетная установка. Как он сумел уберечь ее во время падения, не понимаю. Только я постараюсь больше никогда не становиться мишенью, я теперь знаю, как это бывает...

Надо отдать Керру должное – он добился почти невозможного, заставив ракету взорваться по ту сторону рокха, чтобы тело орла закрыло меня от огня. Но взрыв все равно оказался слишком мощным. Меня вместе с птицей отшвырнуло в сторону, пламя и волна раскаленного воздуха опалили чешую. Каким– то чудом я сумела сгруппироваться и упала на ноги, покотившись по траве. Хорошо, хоть крылья не сломала... От грохота и ударной волны на время оглохла.

Рокху повезло меньше. Весь его левый бок вместе с крылом буквально разворотило, лапу с той стороны почти оторвало, она повисла на куске кожи. Орел упал на раненный бок, поэтому перья быстро потухли, но отвратительная вонь паленого рога наполнила воздух. Пахло гораздо сильнее, чем когда я сбила птицу Ботольда.

В голове все кружилось. Я дважды пробовала встать, и оба раза снова падала на землю. Сквозь мутную пелену, застилавшую зрение, увидела парда, тот бежал к полумертвому орлу, поливая его из хаммера. Весь мир наполнял глухой гул.

Кто– то перевернул меня на спину. Я увидела несколько пардов в зеленых маскировочных комбинезонах. Рядом на коленях стояла Ванаби и что– то спрашивала, только вместо звуков ее голос отдавался в ушах взрывами боли. Я открыла пасть.

– Другие... – прохрипела. А может, мне только показалось, все равно я своего

голоса не слышала. – Орлы... другие прилетят...

Ванаби что– то сказала подбежавшему Керру. Пард был весь окровавлен и сильно хромал, но он сам поднял меня на руки и понес куда–то в сторону – кажется там стоял вертолет. Не уверена. Хорошо помню только большую белую коробку, где лежала окровавленная Галина, и вторую, такую же, куда положили меня. Больше в тот день я в сознание не приходила.

Очнулась в хорошо знакомой белой комнате. Рядом на стульях сидели Керр и Галина, они о чем– то спорили, но когда я открыла глаза, мгновенно умолкли и склонились надо мной.

– Как ты? – тревожно спросила Галина.

Керр помог мне сесть.

– Лучше, – выдавила я . Все тело болело так, что казалось, вместо чешуи на меня натянули колючий куст. – Керр... Как парды узнали?

– Они все знали с самого начала, – хмуро ответила Галина. – Разговор в самолете передавался на базу, как только мы улетели – Джона и вторую кошку подобрал их вертолет. А он, – она кивнула на тигра, – лучший актер из виденных мною.

– Актер? – я повернулась к Керру. – Ты обманул нас?

– Нет, – пард покачал головой. – Конечно, все мои действия были согласованы с клан– вождем, но мы на самом деле испробуем твою идею, Хаятэ. Ты придумала замечательный план. К дикарям уже летит штурмовой отряд, мы отобьем у них ящериц и навсегда отучим воевать с народом Хаятэ Тайе!

– А пока вы решили воспользоваться наивностью ребенка и проникнуть к нам на базу! – резко ответила Галина.

Тигр усмехнулся.

– Эй, взрослая, ты тоже поверила... – он посерьезнел. – Хаятэ, мы действительно хотели проникнуть на базу землян. Но не с целью перебить ее обитателей.

Тигр взглянул на Галину.

– Мы хотим мира, – с нажимом произнес Керр. – Все мы, каждый пард в экспедиции. Уже вчера я знал, что Хаятэ попытается примирить наши отряды, а

учитывая ее ум, следовало ожидать вполне выполнимого и реального плана. Мы с клан– вождем обсудили последствия, и он согласился, что попробовать стоит. С самого начала операция шла по плану, и лишь появление Джилфьяни все сорвало. Этого не ждал никто...

Я покачала головой, стиснув зубы от боли.

– Вы подставили меня, Керр.

– Да, – согласился тигр. – Прости, Хаятэ, но идет война. И ты очень сильный козырь в нашем лагере. Было бы глупо не воспользоваться моментом.

Он поднял со стола мой медальон и задумчиво погладил его когтем.

– Ты уверена, что не знаешь, откуда он взялся? – негромко спросил Керр.

Я отобрала Кагири– то и надела на шею. Головокружение понемногу проходило .

– Медальон дали моему учителю, чтобы он передал его мне в день совершеннолетия.

– Кто дал? – спросила Галина. – Хаятэ, если Джилфьяни не лгала, война на востоке началась только из– за этой драгоценности. Расскажи, что ты знаешь?

Я помолчала.

– Керр, помоги мне встать.

– И не думай! – пард зашипел даже. – Скажи спасибо, что мы сумели тебя откатать, контузия была страшной. Лежи и поправляйся, летунья. Ты и так сделала больше, чем все мы вместе взятые...

Он насильно уложил меня обратно и накрыл одеялом. А потом странно поглядел.

– Галина посидит с тобой. Мне надо кое– что подготовить.

С этими словами Керр вышел, все еще прихрамывая на левую ногу. Женщина тяжело вздохнула.

– Трудно с пардами, – сказала она мне тихо. – Слишком уж они... хищники.

Я слабо улыбнулась.

– Драконы тоже.

– Драконы... – Галина ласково меня погладила. – Если драконы хоть немного похожи на тебя, Хаятэ, они самые замечательные существа под звездами. Керр

говорил, тебе всего двенадцать лет?

– Лет? – переспросила я.

– Сезонов.

– Нет, уже тринадцать. Недавно исполнилось.

Она почему– то утерла глаза.

– Такая маленькая, и уже воин...

– Это честь! – я удивилась. – Чему ты огорчаешься?

Женщина опустила голову.

– Когда эта проклятая война закончится, объясню. Спи, Хаятэ. – Она встала. –

И пусть тебе снятся добрые сны.

Я была слишком слабая, чтобы возражать, и молча сомкнула веки. Только ничего мне не приснилось.

Прошло целых четыре дня, прежде чем я сумела встать. Парды лечили меня очень странными штуками, про них ничего не рассказывали в фильмах, поэтому я не знала, как они называются. Кормили вкусно, жареным мясом и рыбой.

Вечерами приходил Керр, мы сидели, разговаривали. Галину и Джона снова посадили под замок, но не в подвал, как раньше, а в соседнюю комнату. Женщине разрешили раз в день меня навещать, и она всегда выбирала время, чтобы пардов рядом не было.

Вечером четвертого дня, когда я уже могла кое– как ходить, Керр явился в новом черном комбинезоне, очень похожем на одежду ниндзя. Я вопросительно на него посмотрела .

– Нравится? – улыбнулся тигр. – Я больше не клан– командир. Отныне я руководитель отдела ксеноконтактов, второй пард после Вэпхва.

– Поздравляю... – я уселась на кровати . Голова до сих пор побаливала. – Как дела у штурмовиков? Удалось захватить ящериц?

– Еще вчера, – кивнул Керр. – Мы подожгли их лагерь под стенами большого города, на соседнем с твоим острове. Насколько я понимаю, это была столица, и мы как раз успели спасти вашего императора. Можешь спать спокойно, Хаятэ, больше

твоей стране опасность не грозит.

Я подалась вперед.

– Ящериц доставили сюда? На них можно посмотреть?

– Пока нет, – тигр вздохнул. – С ними ужасно обращались, сейчас они в регенераторах.

– Где?

– Помнишь белый ящик в вертолете? Он спас тебе жизнь.

Я закуталась в одеяло.

– Вы проверили драконью долину? На них не напали?

– С драконами все в порядке, – успокоил меня Керр и почему-то загадочно улыбнулся. Я на него подозрительно взглянула.

– Что-то не так?

– Все хорошо, – заверил тигр. – Хаятэ, позволь я отнесу тебя на верхний этаж, к вертолетной площадке. Там есть кое-что интересное.

Должно быть, у меня было очень удивленное выражение лица, потому что Керр рассмеялся.

– Поверь, не пожалеешь... – он бережно поднял меня вместе с одеялом и двинулся к лифту. Все встречные парды уступали дорогу, чему-то улыбаясь.

Лифт доставил нас на верхний этаж базы, где была устроена замаскированная вертолетная площадка. Как и внизу, у водопада, в обычное время утес ничем не отличался от сотен других, но когда требовалось, из щели в скале выдвигалась огромная стальная плита, куда опускались вертолеты и другие машины, не умевшие плавать. Их сразу цепляли к тросам и спускали в ущелье, а плита снова задвигалась в скалу.

Только сейчас она была выдвинута, и там вместо вертолетов стояли четыре дракона. Серебряного Тангорна я сразу узнала, других никогда не видела. Двое были черными, крупными и очень злыми на вид, третья – молодая красная драконесса – все время озиралась, нервно подергивая хвостом. Когда открылась дверь, мастерски облицованная камнем, и мы с Керром вышли наружу, она даже подпрыгнула, заставив стальную плиту покачнуться.

– Встречайте, – на Общем языке сказал Керр и опустил меня на пол. Был уже

поздний вечер, заходящее солнце окрасило небо в пурпур. Здесь, на высоте, дул холодный ветер, пришлось закутаться в одеяло плотнее. Драконы довольно долго меня разглядывали.

Внезапно Тангорн шагнул навстречу, опустился на левое переднее колено и низко поклонился. Его движение сразу повторили остальные драконы.

Я попятилась.

– Что это значит?!

– Хаятэ, – ветер относил слова в сторону. – Мы благодарим тебя.

Серебряный Тангорн поднял голову.

– Мы поставим тебе памятник в долине. И первая девочка, родившая в свободном мире, будет названа в твою честь.

Я обернулась к тигру.

– Керр... – от волнения запнулась, пришлось начать снова. – Керр, почему они?.. Что все это значит?

– Уже забыла? – пард весело улыбнулся. – Что ты обещала в лесу на полянке?

У меня даже одеяло из когтей выпало.

– Не может быть... – прошептала я.

– Разве? – Керр скрестил руки на груди. – Позволь я расскажу тебе сказку, которая скоро превратится в легенду и будет передаваться из поколения в поколение, пока стоит мир.

Он бросил на Тангорна веселый взгляд.

– Как то раз, одна смелая драконочка по имени Хаятэ узнала о жестокой ведьме Джилфьяни, которая пролила реки драконьей крови. Драконочка дала клятву отрубить ей голову и поместить трофей на жертвенный камень в долине крылатых. Долго продолжались поиски, немало приключений выпало на долю бесстрашной Хаятэ, и все же отыскала она Джилфьяни, и когтями оторвала ей голову, подобно героям прошедших эпох. Но во время боя драконочку тяжело ранили, и не осталось у нее сил довершить клятву.

Керр торжественно воздел руку к звездам.

– К счастью, был у Хаятэ верный конь, понимавший речь. Доставив целителям

свою раненную всадницу, благородный жеребец отыскал долину драконов, передал им голову проклятой Джилфьяни и поведал историю подвига...

– И драконы явились воздать должное своей спасительнице, – мягко закончил Тангорн. – Спасибо, Хаятэ.

У меня в глазах все плыло. Моргнув, чтобы разорвать пелену слез, я нащупала одеяло и уселась на хвост, не в силах стоять. Крылатые с улыбкой смотрели на меня.

– Я... я не... Вы просто... – не могла говорить. Керр, совсем как раньше Куросао, все понял; он ласково погладил меня по голове и кивнул Тангорну.

– Дадим ей время опомниться. Возвращайтесь завтра, нам предстоит о многом поговорить.

– Тут ты прав, тигр, – усмехнулся один из черных драконов. – Ты открыл нам глаза. Скоро рокхам не поздоровится...

– Мы вернемся, Хаятэ! – крикнул Тангорн, расправляя крылья. – До встречи!

Четверо драконов разом прыгнули в воздух. Стальная плита так раскачалась, что Керр чуть не свалился.

– Ну вот, – сказал он довольным голосом, когда нес меня обратно к лифту. – Понравился сюрприз?

Я молча лизнула парда в нос. Керр улыбнулся.

– Только это не последний сюрприз на сегодня... – он задержался у двери медпункта. – Готова, летунья?

– Еще сюрпризы? – спросила я недоверчиво.

– Именно, – пард рывком отодвинул дверь. Увидев, кто сидит на моей кровати, я издала радостный вопль:

– Тошиба!!!

– Х-хатэ? – тигренок оглянулся на голос, вскочил и кинулся мне на шею. – Х-хатэ!!!

– Тошиба, маленький мой... – я прижала его к груди. – Керр, ты... ты... Ты чудо!

Пард только улыбался в усы. Прошло несколько минут, прежде чем я сумела выпустить Тошибу из объятий, тот мурлыкал совсем как кошка.

Пока мы с тигренком обнимались, в комнату, оказывается, вошла Ванаби. Я

даже не заметила. Тошиба разлегся у меня на коленях и был на верху блаженства, я чесала ему животик... Но тут Керр шагнул вперед.

– Хаятэ, – он тронул меня за крыло. – Отдай ребенка Ванابي, тебе нельзя напрягаться. Тошиба никуда не денется, он теперь приемный сын всей экспедиции.

Вздохнув, я неохотно кивнула. Пантера забрала разомлевшего тигренка и тихо вышла из комнаты, а Керр уложил меня в кровать и накрыл чистым одеялом.

– Отдыхай, – сказал он ласково. – Летунья.

Я и в самом деле устала. Благодарно взглянув на тигра, опустила веки и провалилась в сон. Только мне опять ничего не снилось.

Утром завтрак принес сам Керр, и ждал рядом, пока я ела.

– Как себя чувствует героиня трех народов? – спросил он весело.

– Какая из меня героиня... – отозвалась я смущенно. – Если бы Джилфьяни не оказалась такой тупицей, сегодня моя голова лежала бы на жертвенном камне в долине драконов.

– Джилфьяни? – Керр вздохнул. – Эта женщина была лишь куклой, Хаятэ. На самом деле, вашим миром правят рокхи.

На миг застыв, я сглотнула и уставилась на парда.

– Что?

– Мы узнали это благодаря тебе, – Керр присел на кровать. – Хаятэ, рокхи не просто разумные птицы. Точнее, они совсем не птицы. Рокхи управляют вашим миром, используя "всадников" для передачи своей воли.

Тигр положил руку мне на плечо.

– Понимаешь, Хаятэ, они могут общаться только мысленно, между собой. Их раса не владеет речью. Очевидно, в незапамятные времена у рокхов возникла потребность вступить в контакт с другими народами, и появились всадники.

Керр помрачнел.

– Судьба этих несчастных ужасна. Избран всадника, молодой рокх полностью подчиняет его своей воле; как именно – мы пока не знаем, но результаты вскрытия Джилфьяни слишком красноречивы. Хаятэ, у нее были почти атрофированы доли мозга, ответственные за высшую нервную деятельность. Люди называют такую

операцию лоботомией: жертва полностью лишается собственных мыслей, фантазий, желаний. Ты убила не человека, Хаятэ, ты уничтожила бездумное растение.

Я с трудом закрыла пасть.

– Постой, но как же Ботольд? Он вовсе не походил на растение!

Керр кивнул.

– Очевидно, превращение происходит не сразу. Рокх в том отряде был совсем молодым, вспомни как сильно он уступал в размерах серому Манвэгу. Гигантские орлы – самая удивительная, и самая опасная раса из всех известных как пардам, так и людям. Они точно не с этой планеты; а возможно, если слова Джилфьяни не были ошибкой перевода, Рокхи и вовсе живут не на планетах...

Я помолчала, размышляя над новой информацией.

– Что сделал Манвэг с вашим самолетом?

Тигр опустил голову.

– Мы не знаем. То, что случилось – необъяснимо, все наши ученые сейчас изучают останки орла в поисках разгадки.

– Останки? – я вздрогнула. – Вы привезли их сюда?!

– Пришлось, – пард кивнул. – Рокх был убит ракетой, земляне сразу узнали бы наши следы. К тому же, любая тайна – вызов науке!

– Какая ж это тайна? Обычная магия, – фыркнула я.

Керр вздохнул.

– Да, твою огненную магию я видел сам. Она тоже необъяснима, Хаятэ, но в сравнении с тем, что сделал Рокх...

В дверь постучали.

– Да? – тигр обернулся.

Вошла Ванаби:

– Все готово.

– Наконец! – просияв, Керр вскочил и посмотрел на меня как– то очень торжественно.

– Хаятэ, – ты сделала нам много хорошего, самозабвенно сражалась, рисковала жизнью, открыла нам целый новый мир – мир драконов. Позволь же отплатить добром за добро, исполнив желание, которое ты давно хранишь в сердце.

Керр кивнул Ванаби, и пантера раздвинула двери в коридор. А там...

Там стоял Хакас.

Я почти минуту не шевелилась. Сердце работало с перебойми, в глазах все кружилось. Наконец, справившись с шоком, я слезла с кровати, подошла к Ханасаке и рухнула на колени.

– Учитель... – прошептала я.

Старик молча на меня посмотрел. Потом, отвернувшись, вошел в комнату и с трудом опустился на кровать. Я чувствовала, как из глаз текут слезы, только не могла остановиться.

– Ханасаки–сэнси...

Краем глаза я заметила, что все парды тихо вышли и задвинули двери. Мне на это было хвостом. Хакас смотрел в сторону.

– Учитель... – я на четвереньках подползла к кровати, схватила руку Хакаса и положила себе на лоб. – Прости!

– За что? – спросил Хакас.

– За... наверно... за то, что я такая непослушная.

– Я знал, что ты улетишь.

У меня сам собой дернулся хвост.

– Знал?!

– Знал, – он тяжело вздохнул. – Знал с самого твоего рождения, девочка.

Хакас помолчал, глядя в сторону. Его рука немного дрожала.

– Твое настоящее имя не Хаятэ Тайе, – сказал наконец старик. – Твое имя Хаятэ Фалькорр. Ты дочь богов.

Если бы сейчас раскрылась стена, и оттуда вышла Джилфьяни, я удивилась бы меньше. Некоторое время я не могла закрыть пасть.

– Богиня? – прошептала наконец. – Я – богиня?!

– Не знаю, – серьезно ответил Хакас. – Сила приходит не ко всем. Ты можешь вырасти и стать обычной драконессой. А можешь, как твой отец, превратиться в самое могущественное существо на свете...

– Мой отец? – я схватила старика за руки. – Ты знал моих родителей?! Они живы?!

– Я не знал их, – тихо ответил Хакас. – Но рядом с тобой нашли медальон. Знак Кагири – то был начертан в самой древней части подземелий Хинотачи, вместе с иероглифом, означающим бога, и именем "Скай". Когда тебя нашли, я послал человека на материк, с приказом отыскать драконов и спросить их о значении этого имени. Приказ был исполнен, и мы узнали, какого ты рода...

Старик погладил меня по голове.

– Я никогда не рассказывал, откуда ты появилась. Теперь время пришло. Хаятэ, тринадцать сезонов назад тебя нашли новорожденной, среди осколков огненного кристалла, возникшего однажды ночью на вершине горы Дзюттэ. Точнее, никто не знал, что внутри кристалла спит прекрасный крылатый ребенок, это выяснилось позже. Мы с Годзю видели только медальон, окруженный пламенем.

Хакас коснулся драгоценности и несколько секунд молчал.

– Первым до медальона дотронулся крестьянин, нашедший кристалл. Его тело так и лежало рядом; он очнулся несколько дней спустя и ничего не помнил. Другой крестьянин догадался побежать в замок. Я отговаривал Годзю, но он не послушал и бесстрашно поднял драгоценность. Кристалл сразу рассыпался в прах, и нашим взорам открылся маленький, новорожденный дракон.

Он улыбнулся.

– Вокруг тебя медленно гасло фиолетовое сияние, медальон в руке Годзю сверкал неземным светом. Пораженные, мы смотрели, как детеныш сладко зевнул и открыл блестящие золотые глаза. В этот миг порыв холодного ветра затушил все факелы, и Годзю произнес имя, подходящее тебе лучше любого иного.

– Буревестник*, – прошептала я.

Хакас помолчал.

– Вот и вся история, – старик тяжело вздохнул. – Появись ты не столь удивительным образом, мы отослали бы тебя на материк, в долину драконов, и ты выросла бы обычной драконессой. Но воспитать богиню – великая честь. Поэтому Годзю решил тебя удочерить.

Я вся дрожала.

– Он жив? Годзю не погиб?

– Жив, – Хакас улыбнулся. – Когда дикари лишились проклятых ящериц, они

были разбиты наголову и в панике бежали на север, где ими обещал заняться Хольген. Потом на удивительных машинах прилетели тигры, они рассказали, что победой мы обязаны тебе. Годзю просил передать: он счастлив считать тебя дочерью.

– А ты? – спросила я тихо. – Ты простишь свою непослушную ученицу?

Вздохнув, старик поднял меня с колен.

– Хвост тебе узлом завязать надо за такие вопросы... – его голос дрогнул.

Сдерживаться больше не было сил, и я расплакалась, прижавшись к учителю всем телом. Он лишь обнял меня покрепче.

Никогда мне не было так хорошо, как в тот день.

Не знаю, сколько прошло времени. Наконец, Ханасаки сказал, что пора возвращаться домой, и помог мне встать. От волнения снова разболелась голова, пришлось опереться на старого учителя.

Мы вышли в коридор. Там стояли все парды, и Галина тоже. Хакас спросил, куда идти, Ванаби вызвалась показать. Нас провожали почтительным молчанием.

Я уже начала раздумывать, что сказать Годзю, когда вернусь – только вернуться не получилось. Едва мы спустились к водопаду, где стояла стремительная, острокрылая машина, доставившая Хакаса, скалы внезапно содрогнулись. На несколько секунд погас свет, потом загорелся снова, но не белый, а тускло– желтый, тревожный. По лестницам промчалось несколько пардов, Ванаби крикнула "Сейчас вернусь!" и бросилась наверх. Мы с учителем переглянулись.

Довольно долго в ангаре никто не появлялся. Скалы дрогнули еще дважды, слабее чем в первый раз, потом из дверей выскочил Керр и бросился к нам.

– Нападение! – крикнул он. – Земляне взорвали наш звездолет! Надо бежать, база будет заражена радиацией!

Я стиснула руку Хакаса.

– Что произошло? – спросил он. Пока я рассказывала свои приключения, отовсюду начали появляться парды, они тащили какие– то коробки и бросали их в большую грузовую лодку с колесами. Несколько тигров принесли знакомые белые

ящички, в которых находились таинственные ящерицы. Их тоже погрузили в лодку. Потом из глубины ангара выплыла огромная, очень широкая и плоская машина, похожая на темно-зеленую черепаху с толстым черным бубликом снизу. Я сразу вспомнила фильмы, там такая черепаха называлась "десантный хOVERкрафт".

– Садитесь, скорее! – Керр дал знак Ванаби, она несла Тошибу. – Осталось мало времени, радиация уже на верхних ярусах !

– Идем, учитель, – я кивнула на машину. Керр помог нам спуститься с причала; рядом уже стояли пленные люди, они тревожно оглядывались и при виде Хакаса облегченно вздохнули. Нас посадили на самые задние сидения в салоне, Ванаби сунула мне Тошибу и вместе с Керром кинулась к кабине. Остальные парды расселись кто где успел, я насчитала восемьдесят семь – почти всех обитателей базы. Большинство были, как и Керр, родичами тигров, но встречались и пантеры, и даже один лев, его я видела впервые.

– Хаятэ, что случилось? – спросила Галина, она оказалась со мною рядом. С другой стороны уселся Хакас, а Джон расположился у борта и угрюмо на нас поглядывал. Они с Галиной по-прежнему были в наручниках.

Я коротко объяснила, стараясь удержать Тошибу: малыш решил, что началась новая игра. Даже слово "опасность" не помогало.

– Надеюсь, наши их перебьют, – буркнул Джон в углу. Я хотела ответить, но тут хOVERкрафт приподнялся над водой и с натужным гулом рванулся вперед. Окон в салоне не было, и о происходящих событиях приходилось судить по доносившимся снаружи звукам.

Несколько минут двигатели работали на полную мощность, мы мчались вперед. Потом их звук изменился, машина затряслась; я вопросительно взглянула на Галину.

– Вышли на берег, – объяснила та. – Очевидно, река конч...

В этот момент снаружи раздался грохот, и хOVERкрафт трянуло так, что половина пардов попадали с сидений. Хакас тоже упал, я помогла ему встать и пристегнула ремнями. Легче всех пришлось Тошибе, он просто вцепился когтями в спинку переднего кресла.

– Стреляют мимо, – хмуро сказал Джон. – Хотят взять живыми.

Ховеркрафт развернулся на месте, двинулся было в сторону, но его встряхнуло второй раз. Гул двигателей стих.

– Попались, кошечки... – усмехнулся Джон.

Из кабины вышел Керр. У него весь мех стоял дыбом, другие парды даже зашипели. Тигр оглядел сородичей.

– Нас окружили, – сказал он глухо. – Но пока не стреляют. Сдаемся или гибнем?

– Надо сражаться! – крикнула я, но мой голос потонул в яростном реве и рычании. Каждый пард старался перекричать другого, и почти все требовали сдаться. Керр около минуты молча слушал.

– Хорошо, – он поднял руку. Шум быстро утих. – Мы выбросим белый флаг.

Больше ничего не сказав, тигр скрылся в кабине. Повисла зловещая тишина.

Минут через пять Керр снова появился в салоне, за ним шла Ванаби. Тигр молча разблокировал люк.

– Выходите по одному, с поднятыми руками, – выдавил он глухо. – Только не сопротивляйтесь, они держат нас на прицеле.

Парды переглядывались. Я заметила, как некоторые от гнева царапают подлокотники кресел, многие негромко рычали. Хакас тревожно оглядывался.

– Хаятэ, ты понимаешь их речь?

Я только тут вспомнила, что мои спутники не знают языка пардов. Быстро перевела разговор сначала для Хакаса, потом для пленников. Галина и Джон радостно переглянулись.

– Скажи им, пусть выпустят нас первыми, – приказала женщина. – Я постараюсь добиться, чтобы тебе оставили свободу.

– Не надо, – ответила я серьезно. – Парды мои друзья. Пошли, вас выпустят.

Поднявшись, я с трудом добрела до люка и передала Керру слова Галины. Пард смерил пленников угрюмым взглядом.

– Что ж, посмотрим на благородство людей, – буркнул он. Щелкнули замки наручников. – Выходите.

Первым выбрался Джон, крикнул кому-то "Они сдаются", и быстрым шагом направился прочь. Галина задержалась.

– Хаятэ, я добьюсь твоего освобождения, – сказала она тихо.

– Не надо, – повторила я твердо. – Хочешь помочь – спаси моего учителя, он даже не понимает что здесь происходит.

– Это будет сделано, – последний раз взглянув мне в глаза, Галина нырнула в люк. Я обернулась к Керру.

– Как вас нашли?

– Не знаю, – он тяжело вздохнул. – Да и какая сейчас разница. Отойди в сторону, летунья, ты выйдешь последней. Чтобы не пристрелили нечаянно.

Мимо один за другим проходили парды, через открытый люк доносились резкие голоса землян и металлический звон. Предпоследней шла Ванаби, она успела погладить меня по голове.

Наконец в машине остались только мы с Керром, Хакас и Тошиба. Тигр кивнул на учителя.

– Теперь он.

Ханасаки ничего не стал спрашивать, лишь стиснул мою руку напоследок и шагнул наружу. Земляне перекинулись удивленными фразами.

Керр резко обернулся ко мне:

– Возьми малыша на руки. Выходи медленно, держа на виду ребенка, чтобы солдаты не сразу разглядели в тебе дракона.

– А ты? – спросила я тихо. Мне было очень страшно, и совсем не хотелось делать вид, будто все в порядке.

– Я сразу за тобой. – Керр улыбнулся. – Не бойся, летунья. Как–нибудь и из этой переделки выберемся.

Судорожно вздохнув, я подняла Тошибу – тигренок сразу вцепился в меня всеми лапами, он тоже боялся – и выбралась наружу. Холодный ветер рванул крылья.

Повсюду были люди. Они носили такую же военную одежду, как мои пленники, у всех имелись хаммеры и пистолеты. В воздухе, направив на нас пушки, висели несколько зловещих машин, неподалеку стояла еще одна, большая и уродливая, похожая на сплюснутую коробку. Туда на моих глазах затолкали Ванаби.

Четверо солдат в темных очках и беретах стояли у самого люка. При виде меня они сильно удивились, один поднял маленькую рацию и сказал "Тут какой– то ящер с

котенком". От большой группы людей, стоявших неподалеку, сразу подбежала Галина.

– Хаятэ, отдай малыша солдатам, ты едешь с нами, – сообщила она радостным голосом.

Я покачала головой.

– Парды мои друзья. Мы вместе. – посадив Тошибу меж крыльев, я осторожно слезла на землю с бублика хOVERкрафта и медленно, стараясь не упасть от слабости, двинулась к грузовику. Галина загородила путь.

– Хаятэ, пардов отправят в лагерь для военнопленных, тебе там нечего делать, – она попыталась отнять у меня Тошибу. Я вырвалась.

– Нет, – сказала я резко. – Мы с пардами равно виновны. Не позорь меня, Галина. Я потеряю лицо, если соглашусь.

Женщина покачала головой.

– Сейчас нет времени пререкаться. Берите ее, – приказала она солдатам. – Только осторожно, она боец высшего класса, хоть и раненная.

Я посмотрела на людей.

– Вам будет легче меня убить, – сказала с угрозой. Медленно, без резких движений, я опустила Тошибу на землю и указала ему на грузовик.

Малыш попятился.

– Х–хатэ? – спросил он жалобно.

– Беги, маленький, – я выпрямилась и взглянула на женщину. – Галина, я не дамся живой. Позволь сохранить лицо.

Она посмотрела мне за спину. Вздогнув, я хотела отпрыгнуть, но чья– то тяжелая рука схватила меня за шею и безжалостно пригнула к земле.

– Керр?! – выдохнула я.

– Берите ее, – угрюмо сказал пард. – Пока глупостей не наделала.

Сопrotивлялась я плохо, сил почти не было. Люди связали меня по рукам, ногам и крыльям, и потащили к небольшой винтокрылой машине, стоявшей в стороне. Там уже сидел Хакас, тоже в наручниках.

– Хаятэ, мне очень жаль, – рядом семенила Галина. – Тебе не причинят вреда, наоборот, мы покажем тебе достижения человечества, отвезем на Землю и...

Я закрыла глаза. Следовало совершить сэппуку, пока было время. А теперь уже поздно.

Первые несколько дней земляне почти не тревожили нас с Хакасом. Их база была раз в десять больше, чем у пардов, она открыто раскинулась на южном берегу необъятной реки под названием Амур. Когда отряд, посланный на поимку пардов вернулся, машина с пленными сразу свернула к большому круглому дому, окруженному колючей оградой. Вторая машина, в которой везли нас, приземлилась в северной части базы.

Хакас молча повиновался всем приказам; это было так на него непохоже, что я решила – он что-то задумал. Меня люди не стали даже развязывать и несли на руках. Солдаты долго тащили нас по длинному коридору, втолкнули в лифт, он опустился куда-то вниз, потом был еще коридор, и наконец, за глухой железной дверью, открылась маленькая комната с единственной кроватью. Комната была гораздо меньше, чем подвал, где парды держали Галину и Джона.

Кормили здесь не хуже, чем дома, в основном рыбой и хлебом – это такие странные толстые лепешки, которые земляне, видимо, просто обожают, поскольку приносили их вместе с любой едой. Мне хлеб не понравился. Хотя, если честно, я была в таком мрачном настроении, что не заметила бы вкуса даже фиолетовой рыбки митсо.

Единственное утешение – люди не отобрали медальон. Наверно, Галина попросила, она знала, как я им дорожу. Хакасу тоже оставили все его вещи, даже чернильницу и рулончик желтой бумаги, чему старик весьма обрадовался. Пока я спала, набираясь сил, он записывал историю моих походов.

Кровать я, конечно, отдала учителю, хоть он и возражал; себе взяла только покрывало и спала в уголке, на полу, головой к двери, как и положено самураю*. Силы возвращались неохотно, словно я потратила их гораздо больше, чем было возможно. Но к исходу шестого дня плена я снова могла бегать и прыгать, почти как раньше, а головные боли прошли совсем. Чтобы вернуть форму, я теперь тренировалась с утра до вечера.

Учитель ежедневно делал мне массаж, совсем как... как в детстве. Подумав

это, я впервые осознала, что детство кончилось вместе с ударом меча, отправившим к звездам душу черного охотника, которого я встретила в лесу. Если, конечно, у охотников есть души, в чем я очень сомневаюсь.

Утром седьмого дня дверь открылась, и в камеру вошла Галина. Следом шли трое огромных, просто великанских солдат с черной кожей и почти без волос. Каждый нес дубинку.

– Мы возвращаем твоего учителя на остров, как обещали, – сказала Галина. Я сразу отошла к стене и отвернулась, чтобы люди случайно не передумали. Но прежде, чем выйти из камеры, Хакас тронул меня за крыло и негромко сказал:

– Хаятэ, ватаситачи о сукуу тамэ ни каэримасьта*.

Я сделала вид, что эти слова были только прощанием, тяжело вздохнула и потерлась об его руку. Больше я никогда не видела учителя, хотя если бы все случилось не так быстро, уверена – он бы сдержал обещание и спас всех нас.

А было так. Хакаса забрали, и прошел целый день, прежде чем люди нашли время для меня. Этот день я потратила на яростные тренировки: отрабатывала ката за ката, подтягивалась и отжималась, бегала по камере, хвостом таща за собой кровать, потом принялась развивать координацию движений – прыгала на кровати, кувыркалась в воздухе и из разных положений наносила удары в стену, стараясь когтями нацарапать иероглиф "дракон". Жаль, меча не было; зато был Кагири на цепочке, и я немного его покрутила, чтобы пальцы снова привыкли к оружию.

К вечеру сильно запыхалась, зато болезнь, похоже, наконец меня отпустила. Забравшись под кровать, я свернулась в клубок, накрылась крылом и постаралась расслабиться. Только времени не хватило: дверь почти сразу открылась и в камеру вошел Джон Маузер. Следом показалась та же тройка черных солдат.

– Ящер, вылезай, с тобой желают поговорить.

– Мое имя Хаятэ Фалькорр, – ответила я мрачно.

Джон пробормотал что-то непонятное.

– Хорошо, Хаятэ Фалькорр, вылезай, с тобой желают поговорить.

Я молча выбралась из-под кровати. Люди, похоже, нервничали, наверно видели мои тренировки.

– Не бойтесь, – сказала я сухо. – Шансов победить у меня пока нет, поэтому я

не стану сопротивляться.

Джон почесал в затылке и кивнул на дверь. Следом за ним я вышла из камеры и пошла по коридору, внешне спокойная, но внутри – словно свернутый кольцом меч. Дайте мне только возможность распрямиться...

Пока, впрочем, такой возможности не предвидилось. Я думала, мы сейчас поднимемся на поверхность, но Джон прошел мимо лифта и завернул в новый коридор, пересекавший главный под прямым углом. Черные солдаты шли сзади, держа наготове дубинки; я могла бы убить их всех тремя ударами, но тогда люди просто заперли бы двери на поверхность и застрелили меня из хаммера. Так что временно я решила быть послушной.

Между тем, Джон подошел к огромной стальной двери, больше подходящей крепости великанов, чем такому маленькому коридору. Человек приложил руку к синему квадрату на стене и громко сказал "По приказу полковника". Над дверью какая-то маленькая штучка повернулась сначала к Джону, потом к нам, несколько секунд царила тишина, и наконец с громким жужжанием дверь немного приоткрылась. Джон с видимым усилием открыл ее шире.

– Входи, – приказал он мне.

– Ты первый, – ответила я спокойно.

Он чертыхнулся.

– Входи, говорю, никто с тебя шкуру не сдерет, не бойся.

Я окинула его мрачным взглядом.

– Жаль, что я не содрала шкуру с тебя, пока было время.

– Не вылупилась еще такая ящерица, чтобы с человека шкуру снимала, – усмехнулся Джон. – Зато у меня в машине руль крокодильей кожей обтянут.

– Я не раз снимала шкуры с людей, – ответила я ровным голосом. – Только ваша кожа ни к чему не пригодна.

Джон стиснул зубы и шагнул было ко мне, но вовремя вспомнил, что я могу с ним сделать одним движением. Прочедив какое-то ругательство, он отступил.

– Лучше иди сама, ящерица. Лапы переломаем и все равно заставим.

Пожав плечами, я пролезла за дверь и очутилась в небольшой, совершенно пустой круглой комнатке с громадным стеклом напротив входа. Слева в стене

обнаружилась вторая железная дверь, как в коридоре; только ее открывать не стали. Наоборот, закрыли первую.

– Хаятэ, не бойся, ты в безопасности! – голос Галины раздался откуда-то сверху. Я подняла голову, но там была только коробка у потолка. Динамик, наверно, про него в фильмах говорили.

Тем временем за стеклом раздвинулись стальные щиты, и открылся большой светлый зал, полный людей и сложных штукоев с экранами. Галина – теперь на ней был белый халат вместо военной формы – подошла к стеклу с той стороны и помахала рукой. У нее, как и у всех людей в зале, на лбу был блестящий металлический обруч, от которого по железному полу тянулись провода.

Я подошла к стеклу вплотную.

– У нас есть несколько вопросов, – сказала женщина с той стороны. Было очень непривычно смотреть на человека, а слышать его голос сзади, но я сделала вид, что ничего странного в этом нет.

– Учителя доставили на остров? – спросила я.

– Да, его высадили неподалеку от твоего замка. Все хорошо, – Галина как-то неестественно улыбнулась. – Хаятэ, помнишь ящериц, которых захватили парды?

Я взглянула на шесть белых коробок, стоявших у дальней стены зала. Понятно...

– Помню.

– Мы не можем установить с ними контакт, – Галина вздохнула. – Не знаем языка. Хаятэ, быть может ты сумеешь поговорить? Нам очень важно знать, откуда они прилетели и где спрятан их корабль.

Я пожала плечами.

– Хорошо.

– Спасибо! – женщина просияла и дала кому-то знак. К стеклу сразу подвезли большую прозрачную коробку, в которой на мягкой подстилке сидела удивительно красивая ящерица.

Она была длиной примерно с мой хвост, стройная, грациозная, очень гармонично сложенная, с большой точеной головой и хорошо развитыми лапами, даже скорее руками. На концах пальцев у нее имелись небольшие подушечки;

наверно, ящерица умела бегать по стенам. Чешуя у нее была золотисто– оранжевая, блестящая, мелкая и очень гладкая, вдоль спины тянулись две черные полоски, на горле слева и справа имелись темные пятна. Глаза оказались просто громадными, глубокими, голубовато– серыми, с круглыми зрачками. Ящерица постоянно озиралась, время от времени мигая прозрачными внутренними веками .

Заметив за стеклом меня, она вскочила и прижалась к стене своей клетки. Из динамика раздался мягкий, с шипением голос:

– Дракон! Забери нас отсюда! – этот язык я слышала впервые, но все прекрасно понимала. Да– а, интересный обруч хранился в тэсэге тавров...

– Я тоже пленница, – сказала я на ее языке. – Почему вы помогали дикарям воевать?

Ящерица бессильно сползла на пол клетки.

– Нас пытали, – отозвалась она тихо. – Захватили сразу после посадки, уничтожили корабль...

– Кто вы?

– Вэйтары, – ящерица нервно водила хвостом. – Экипаж спасательного корабля "Энгэ". Мы получили сигнал о помощи с этой планеты, но едва успели приземлиться, как на нас напали кошмарные гигантские птицы. Они разрезали наш звездолет, словно кусок жира!

– Хаятэ, – Галина постучала в стекло. – Переведи ее слова.

Я вздохнула.

– Они ниоткуда не прилетели, Галина. Их род называется "юлунга", и живут они на островах, в крайнем западном море, по ту сторону заката. Полсезона назад туда приплыли дикари в кожаных лодках, подарили вождям красивые железные украшения, а взамен купили несколько рабов. Юлунга воевали под принуждением.

– Это мы уже знаем... – женщина, похоже, огорчилась. – Спроси, как они контролируют чужой разум? Почему заземленный металл мешает телепатии?

– Какой металл? – переспросила я.

– Заземление, – Галина тронула свой обруч. – Если надеть на голову такую штуку, и заземлить ее проводом или цепочкой, ящерицы не смогут тобой управлять. Мы узнали это случайно – заметили, что дикари, державшие их в клетках, тоже носят

подобные "украшения".

Мне самой стало интересно, поэтому я все перевела точно. Вэйтар в клетке смешно замотал головой.

– Это не мы! Нас заставили гигантские птицы! Они сами не умеют управлять разумом млекопитающих, но использовав нас как ретрансляторы, получили мощное оружие. Дикари просто приносили клетки в нужное место, а потом контроль над нами захватывали птицы и заставляли совершать ужасные поступки!

– Но вы можете, если нужно, управлять разумом людей? – перебила я.

Ящерица неохотно кивнула.

– Это строго запрещено нашей этикой...

Я обратила взгляд на Галину.

– Юлунга говорит, они сами не умеют управлять мыслями, – перевела ей. – Во всем виноваты клетки. Их клетки были сделаны из волшебного металла. Юлунга говорит, если сделать из такого металла очень большую клетку, даже человек сможет приказывать целой армии.

– Клетки?! – Галина широко раскрыла глаза. – О, господи, мы даже не подумали! – она кинулась к экрану на стене и быстро– быстро затараторила что– то. Я постаралась ничем себя не выдать.

– Слушай, – сказала ящерице. – Если хотите отсюда выбраться, подыгрывайте мне. Мы обманем людей, заставим вынести нас на поверхность. Там повсюду железные ограды; я скажу, что для управления мыслями нужен особенный металл, который есть только в космических кораблях. Люди отнесут нас к своему звездолету: сделай вид, что ищешь правильное железо, и когда они откроют люк, я устрою так, что все люди сразу снимут защитные обручи. Главное, никто не должен догадаться, что ты кем– то управляешь. Справишься?

– Не знаю... – ящерица моргнула внешними веками. – Мы никогда так не делали...

– Все когда–нибудь происходит впервые, – я украдкой оглядела зал за стеклом.
– Где твои друзья?

– В клетках, – грустно ответила ящерица.

– Ты умеешь говорить с ними на расстоянии? Мысленно ?

– Умею...

– Передай им мои слова.

К стеклу снова подошла Галина:

– О чем вы говорите?

– Я спрашивала, почему они такие трусы, – ответила я мрачно. – Лучше совершить сэппуку, чем стать безвольным орудием в лапах врага!

– Не всех же воспитывали самураи, – улыбнулась женщина. – Хаятэ, спроси, где дикари добывали свой металл и как его называли?

– Из чего были сделаны ваши клетки? – перевела я.

– Из местного растения, кажется оно называется бамбук.

Только усилием воли мне удалось не вздрогнуть.

– Юлунга говорит, этот металл есть только на их островах, и никто не знает, как его добыть.

Галина приподняла брови.

– Каким же образом дикари сделали клетки?

Я сказала вэйтару :

– Некоторое время говори, словно объясняешь что– то.

Ящерица слабо улыбнулась уголками тонких чешуйчатых губ.

– А стихи можно читать?

– Нет разницы.

Хвостатая пленница глубоко вздохнула:

– Звезды! Потомки и предки дня, к вам обращаюсь я! Космос! Ты звездам даруешь свет, ты – владыка огня. Небо! Безжалостно и слепо, ты – ничто для меня! Море! В тебе зародилась жизнь, вечность твою храня. Дайте сил! Рассказать другим, что было со мной – и с ним. Дайте сил! Показать тот мир, что сделал нас с ним – одним. Дайте сил! В тишину ночей рвется пламень моих очей. Дайте сил рассказать о ней, планете минувших дней...

– Что это? – спросила я удивленно.

– Начало поэмы "Красный дракон", – улыбнулась ящерица.

И они называют это стихами? Н– да... Глубокомысленно кивнув, я обернулась

к Галине:

– Дикари не добывают металл. Юлунга выращивают бамбук в особых местах, и тот вместе с соками земли втягивает частицы волшебного металла. Из такого бамбука юлунга делают особые палки, чтобы слышать мысли друзей с большого расстояния, а дикари сделали клетки.

– Биоэлектрический резонанс... – прошептала женщина. – Хаятэ, ты умница!

– Знаю, – буркнула я. – Долго вы будете держать меня взаперти?

Галина покачала головой.

– Мы ждем, пока придет патрульный корабль. Он должен прилететь через несколько дней, тогда всех вас отвезут на Землю, а дальше... – она умолкла.

– Что дальше? – я подалась вперед.

Галина вздохнула.

– Увидим. Драконы нам не враги, и могут стать могучими союзниками. Главное, чтобы парды не добрались до них первыми.

– Вы не тронули драконью долину? – спросила я быстро. – Местные драконы не отвечают за мои поступки!

– Нет, нет, не бойся, – Галина улыбнулась. – Никто их не трогал, что ты. Командование даже обсуждает возможность использования драконов в качестве бесшумных развед-самолетов.

Я помолчала.

– Использование?

– Идет война, Хаятэ.

– Керр сказал то же самое, когда подставил меня.

– И он был прав... – Галина запнулась. – То есть нет, он неправильно сделал, когда тебя подставил, но про войну говорил верно...

Я горько усмехнулась.

– Вот, выходит, как ты стремишься к миру? Знаешь, Галина – ты тоже хорошая актриса.

Женщина тяжело вздохнула.

– Хаятэ... – она провела рукой по стеклу, словно хотела меня погладить. – От простых людей зависит немного. Мне очень жаль, что так получилось с твоими

друзьями, но они наши враги. И я не властна решать их судьбу, ведь я просто...

– Человек, – оборвала я. – Такой же, как другие, как твои командиры, как все! А я дракон. Мои друзья парды. Все мы – разумные и равно хотим жить. Так почему вы слушаете приказы, и продолжаете убивать?

– Потому что мы действительно хотим жить, – серьезно ответила Галина. – Жить мирно было бы замечательно, но лучше уж воевать, чем покорно всем подчиняться. Разве тебя этому не учили?

Ответить было нечего, и я опустила голову.

– Пустите ко мне зеленого дракончика, которого вы поймали в лесу, – сказала глухо. – Хоть не так скучно будет.

Женщина закусила губу.

– Хаятэ... Мне очень жаль, но мы не сможем. Он... улетел, да, его отпустили на свободу.

Резко шагнув вперед, я уперлась носом в стекло и посмотрела Галине прямо в глаза.

– Меня тоже ждет такая свобода? – спросила коротко.

Она отшатнулась.

– Что ты имеешь в ви... – вздрогнула. – Нет! Хаятэ, ты не поняла! Он жив! Мы его не убили!

– Да?

– Да! – женщина так отчаянно закивала, словно от того, поверю я или нет, зависела ее жизнь. – Хаятэ, его заморозили и поместили в хранилище для образцов вместе с другими представителями местной фауны. Они живы, на Земле их разморозят и...

– И поместят в зверинцы, – dokonчила я глухо.

Галина отвернулась и нажала кнопку на стене. Дверь за моим хвостом с жужжанием приоткрылась.

– Прости, – сказала она, глядя в сторону. – Такова жизнь.

– Нет, – ответила я твердо. – Такой ее делают люди.

Разговор был окончен, но прежде чем уйти, я приложила руку к стеклу и проверила, хорошо ли помню кун– ма, "чистый удар", искусство, которым владели

только лучшие мастера кэндзюцу. Этот удар наносят почти без замаха, концентрируя всю энергию тела в единой точке; Годзю мог так сломать связку копий, я пока лишь четыре копия. Но и я, и Годзю, могли перебить хребет быку.

...Или, например, разбить стекло. Когда я нанесла кун- ма в центр стеклянной стены, та не просто треснула – она рассыпалась на мелкие, совсем не острые осколки. Все люди обернулись на звон и застыли от удивления, ящерица в клетке открыла рот.

– Хаятэ?! – Галина попятилась. – Оно же было бронированное...

– Вам не удастся поместить меня в зверинец, – сказала я ровным голосом, повернулась и вышла в коридор, где стояли Джон и чернокожие солдаты.

* "...буревестник" по- японски звучит как "Хаятэ Тайе"

* – Самураи всегда ложились спать головой к дверям, хотя корни этого обычая неясны. Начиная с 17- го века, под влиянием легендарного мастера Миямото Мусаси, обычай обрел новый смысл, и стал отражать уровень владения боевым искусством. Засыпая, самурай клал у изголовья деревянный меч – боккэн, или бокуто, изобретенный Миямото Мусаси для тренировок молодых воинов. В случае внезапного нападения, самурай должен был успеть проснуться и отразить атаку прежде, чем враг сумеет нанести хотя бы один удар. Настоящий мастер мог даже захватить нападавшего, не проливая крови – например, перебив ему руки или ключицу. Если же мастерства не хватало, то как писал Миямото, воину лучше было умереть во сне.

* "Я вернусь, чтобы спасти вас всех" (японск.)

Глава 17. Темные души

Грохот! Оглушительный гром битвы рвет слух. Ри стоит на окровавленной земле, вокруг сражаются воины, в небе со свистом проносятся грифоны и тяжелые копия из баллист. От неожиданности ящерица падает на четвереньки.

Прямо сквозь ее тело с надрывным воем проходит секира громадного орка. Варвар пытался отразить выпад противника, стройного эльфа, но тот совершает обманное движение и бьет орка в горло тонким, длинным мечом с кисточкой на рукояти. Захрипев, несчастный падает к ногам ошеломленной вэйты.

– Где я?! – вопль не слышен даже самой Ри.

Постепенно эпицентр битвы удаляется; люди и эльфы стремительно наступают, тесня врага к полыхающей черной крепости неподалеку. В небе один за другим гибнут последние драконы, их осталось меньше десятка против сотен пернатых солдат. Во главе обреченной стаи сражается молодой красный вожак, в котором Ри сразу узнает Ализона.

Из громадной тучи грифонов вылетает один, до ужаса знакомый бело–золотой. Лицо эльфа, сидящего на его спине, с земли не разглядеть, но ящерка сразу понимает, кого видит. В руке Минаса длинная пика.

Пока Ализон яростно отбивает атаки сразу десятка грифонов, Крафт взмывает выше всей стаи, делает мертвую петлю и, словно атакующий сокол падает на красного дракона со спины. Крылатый мучительно изгибается кольцом, когда пика пробивает его насквозь, дымящийся наконечник выскальзывает из живота. На глазах потрясенной, шокированной, уничтоженной Ри, раненый Ализон с воплем падает почти к ее ногам, ломая кости и давя тела своих павших товарищей. Из раны дракона фонтаном бьет кровь.

Крафт тоже изранен, но сейчас ему не до этого. С разгона опустившись перед умирающим Ализоном, грифон наступает ему на горло и кричит, кричит в упоении победы. Минас потрясает окровавленной пикой.

– Победа!!! – вопль Крафта подхватывают солдаты поблизости, и слово жаркой волной облетает всех. Неподалеку от умирающего вождя падает последний дракон, его сразу окружают люди и бьют, бьют, бьют... Ри хочет закрыть глаза, убежать, спрятаться под землю, но не может и лишь смотрит, как постепенно затихают судороги окровавленного крылатого.

Вэйта падает на колени. Крик вырывается из ее горла, крик, который никто не услышит. Впереди, под стенами горящего замка, остатки армии Ализона сдаются на милость победителей, и как же мала эта милость, сколь немногие ее получают!

Повсюду среди тел ходят солдаты, добивая раненых врагов, особенно много их возле мертвых крылатых: все знают, зубы дракона приносят удачу, да и чешуя неплохо ценится. Однако Ри всего этого не видит. Она смотрит на умирающего Ализона и торжествующего Крафта.

– Ты проиграл, – говорит грифон. – Жаль, что ты уже не увидишь конца своей армии.

Дракон судорожно глотает воздух. Из разбитой пасти ручейком течет кровь.

– Не можешь говорить? – участливо спрашивает Крафт. – Ничего, мне все равно не интересны твои слова. Помнишь, девять лет назад, когда вы стояли под стенами Редбурга, на час погасло солнце? В тот день умерла Кара, мать моего первенца. Она погибла в когтях дракона. Известно ли тебе, что грифоны заводят семьи лишь один раз за всю жизнь?

Ализон чудовищным усилием воли заставляет себя повернуть голову.

– Моя... семья... тоже погибла...

– Не погибла, а была убита по моему приказу, – поправляет Крафт. – Но я не чудовище, Ализон. Ты убил мою подругу, я убил твою драконессу. Однако сын мой остался жить – поэтому я пощадил твоего сына.

Глаза умирающего дракона широко раскрываются.

– Винг?! – он захлебывается кровью, судорожно дергается. – Мой Винг... жив?!

– Жив, – грифон жестоко усмехается. – И будет жить долго. Мои братья перестарались, когда истребили ваше племя под корень, теперь в землях Арнора и Элирании драконов не осталось. Как же быть нашим детям, где учиться убивать чешуйчатых тварей?

Крафт снимает с пояса двухлезвийное складное копьё и заносит его над Ализоном.

– Ты научил нас убивать драконов! – свирепо выдыхает грифон. – Так пусть твой сын учит наших птенцов!

Ри уже не видит удара. Потрясение переполняет чашу ее выносливости, и видение гаснет. Вещий сон превращается в черное беспмятство.

Дельтаплан не мог угнаться за Крафтом, и грифону приходилось лететь медленнее. Они были в пути уже много часов, день клонился к вечеру. Ри не очень устала – недавно она обнаружила в машине автопилот, но Крафту приходилось туго. Пернатый так вымотался, что едва держался в воздухе.

Чтобы не нарваться на драконий патруль, беглецам пришлось дать огромный крюк к северо– западу, прежде чем горный хребет кончился и под крыльями потянулись унылые степи северного Нортвуда. Отсюда до Ронненберга хорошо отдохнувший грифон долетел бы за пять– шесть часов.

Крафт был измученным грифоном, к тому же его сдерживала максимальная скорость дельтаплана, поэтому за шесть часов беглецы не одолели и половины пути. Однако пейзаж уже заметно изменился: часто встречались деревни и обработанные поля, дважды белецы пролетали мимо городов. Здесь, на Западе, война еще не успела наложить свой кровавый отпечаток на жизнь людей, хотя по дорогам то и дело проносились гонцы и небольшие группы запыленных всадников. Крестьяне смотрели им вслед с тревогой, но без страха. Они еще не знали, чем грозит Восток...

Когда солнце скрылось за горизонтом, измученный Крафт почти рухнул на постоянный двор, одиноко темневший посреди степи. Дорога, проходившая через маленькую деревеньку, еще с воздуха показалась Ри знакомой, но только посадив машину, она узнала место.

– Я тут бывала, – с грустной улыбкой сообщила она Минасу. – Почти год назад здесь останавливался на ночлег юный Джихан ибн Гарун, наследный хан Джэбегар. Он вез из Нортвуда коллекцию северных зверей, даже говорящую ящерицу...

Эльф машинально кивнул, стараясь не уснуть стоя. Грифон тем временем что– то говорил дородному хозяину двора, который вместе со всеми постояльцами примчался поглядеть на удивительную летающую машину.

– Хоть сарай... – донеслось до Ри. – Мы заплатим, дай лишь добраться до ближайшего лагеря...

Хозяин, очевидно, поверил измученному Крафту и указал на старый, крытый соломой хлев на краю поселка. Тяжело кивнув, грифон дал знак друзьям.

– Отдохнем там до утра. Еды не будет.

Минас смерил мужика гневным взглядом, но возражать не стал. Тем временем

Ри сняла шлем и выбралась из машины.

– Эй, вы не сказали что змей везете! – хозяин опасливо посторонился, когда ящерка приблизилась.

Ри оскалилась .

– Вэйтар, – сказала она резко. – Мой род зовется вэйтары. Запомни это, если не хочешь доживать остаток дней парализованным!

Мужик открыл рот.

– Чего лизать?!

Вэйта безнадежно покачала головой и повернулась к друзьям.

– Крафт, помоги убрать машину с дороги.

Грифон тяжело вздохнул. Втроем они оттащили дельтаплан за хлев, накрыв его сеном от постороннего глаза. Поодаль толпились обитатели деревеньки.

Крафт хотел уже идти спать, но эльф покачал головой.

– Не спеши, – он обернулся к людям. – Неужто никто из вас не угостит путников хотя бы кружкой эля, в обмен на свежие новости с Востока?

Пожилой, широкоплечий мужик в серой рубахе почесал голову.

– Тебя и птицу твою – отчего бы не угостить...

Ри горько усмехнулась.

– Мне ничего не надо, – сказала она Минасу. – Отдыхайте. Я буду спать в машине.

– Нет, так не пойдет, – Крафт резко обернулся к мужику: – Почтенная Ри спасла нам жизнь. Советую проявить к ней больше уважения.

Человек оглянулся на других, с сомнением огладил бороду, но все же кивнул.

– Ладно уж, валите в трактир все трое. Я угощаю...

Люди сразу окружили гостей и повели к большому трехэтажному дому в центре деревни. На вывеске, к изумлению Ри, был довольно искусно нарисован маленький зеленый драконьш; подпись гласила "Богатыри и драконы". Судя по выражению на лицах Крафта и Минаса, название трактира удивило и их.

Когда все расселись по скамьям в главном зале, и перед эльфом поставили миску горячих щей, ящерка первой начала разговор:

– Что означает ваш герб? – спросила она.

Хозяин постоянного двора обернулся.

– Чего? А, вывеска... – он расплылся в улыбке. – Это в память об одном госте.

– Вас посещал дракон? – недоверчиво уточнил Крафт. Для грифона, конечно, стола не нашлось, ему пришлось лечь на пол в углу; зато и угостили его целой бараньей ногой.

– Не просто дракон, а драконий маг, – хозяин с гордостью указал на стену. Там, на полочке, стояла перевязанная лентой деревянная кружка.

– И что это значит? – поинтересовался Минас.

– Магия иллюзий, – важно ответил хозяин.

Вдоволь насладившись недоумением гостей, он уселся напротив эльфа и скрестил руки на груди.

– Без малого год назад это случилось, – начал человек. – Заехал к нам воин пришлый, богатырь каких мало, и с ним горбун в алой мантии. Гнались они за ханом одним с востока...

Ри встrepенулась, но прерывать историю не стала. Лишь когда дело дошло до разоблачения горбуна, ящерка подала голос:

– Кто сказал вам, что это был дракон?

Хозяин пожал плечами.

– Следом за богатырем парень какой– то заехал, богатый да знатный, коли судить по одежке. Он первым дракону монету подал, а как уехали они – сразу и собрался. А нам объяснил, кто под личиной горбуна прятался...

Ри горько улыбнулась.

– Хотите скажу, кем был тот парень?

Хозяин насторожился.

– Ты чего же, знаешь о ком я?

Ящерка кивнула.

– Еще бы не знать. Вас посещал бывший дзет– каган самого Владыки, черный колдун Джер аль Магриб. Недавно, на наших глазах он убил Владыку и стал новым каганом восточных орд.

Никто не проронил ни звука. Люди молча смотрели на Ри, мужик в серой рубахе замер, не донеся до рта кружку с элем. Минас тихонько откашлялся.

– Пора нам отплатить за угощение, – мелодичный голос эльфа снял напряжение, люди разом выдохнули. Бессмертный продолжал:

– В историю нашу поверить непросто, но клянусь Единым, она правдива от первого до последнего слова...

Рассказывал он неторопливо, умело, когда нужно выдерживал эффектные паузы. Люди слушали, раскрыв рты; тем временем измученный Крафт, быстро управившись с мясом, свернулся в клубок и сунул голову под крыло.

Ри тихо соскользнула на пол. Пока все слушали эльфа, вэйта выбралась из– за стола, где ее так ничем и не угостили, подошла к грифону и зарылась в его теплые перья. Сонный Крафт притянул ящерку крылом к себе.

– Спи, – пробормотал он. – Утро вечера мудренее.

Ри вздохнула.

– Я боюсь, – шепнула она Крафту.

Грифон недоуменно приоткрыл глаза.

– Чего боишься?

Вэйта до боли стиснула кулачки . Несмотря на подогрев комбинезона ее трясло, оба сердца бешено колотились.

– Будущего, – едва слышно ответила Ри.

Крафт зевнул, громко щелкнув клювом.

– Будущего нет, – отозвался он сонным голосом. – Его творим мы сами.

– Вот именно, – ящерка опустила внешние веки. – Вот именно, Крафт.

Грифон не ответил: он сладко спал, свернувшись на грязном полу деревенского трактира. Судорожно вздохнув, вэйта покрепче прижалась к теплому боку Крафта и постаралась уснуть.

Этой ночью ей снова явились картины будущего. Видение последней битвы Ализона так потрясло несчастную Ри, что проснувшись среди ночи и ощутив рядом теплое тело грифона, она в панике забилась под стол и дрожала до самого утра. Никогда еще сон не был столь страшен, и всей душой ящерка поняла – второго такого ей не вынести.

Ализон мчался на малой высоте, покрывая две сотни миль за час. Рогвальд на

его спине уже закован в тяжелых черных доспехах, но молча глядел вниз.

Время давно перевалило за полдень. Позади остались холодные земли Нортвуда и плодородная Эравия, дракон уже пересек Узкое море и мчался вдоль побережья Элирании. На горизонте едва заметно темнело облако дыма.

– Эльфы! – крикнул Рогвальд. Ализон окинул большую флотилию белых кораблей беглым взглядом.

– Нет времени! – рявкнул он. – Наши должны были уже захватить завод!

Рогвальд выругался.

– Да ты обернись, за нами грифоны гонятся!

– Ну и пусть гонятся, – крылатый еще ускорил полет. – Нас не догонят!

Ализон оказался прав: эскадрилья пернатых воинов скоро отстала, не в силах тягаться в скорости с могучим драконом. Впереди был уже хорошо виден подковообразный изгиб речки Сиохэ, в котором раскинулся секретный эльфийский завод. Черный дым застилал небо.

Гном стиснул зубы: внизу, запутавшись в колючей проволоке, лежал мертвый синий дракон, весь утыканный бронебойными стрелами. Там и тут виднелись тела людей и эльфов, Рогвальд успел насчитать двадцать шесть убитых охранников. Но Ализон уже пикировал к пылающим баракам, где несколько драконов охраняли толпу оборванных рабочих.

– Вождь! – крылатые приветствовали сородича радостным ревом. – Наконец!

Алый дракон приземлился, пропахав в грунте глубокие борозды.

– Потери? – рявкнул он.

– Четверо наших, девять десантников, – ответил молодой синий с окровавленными лапами. – Три десятка раненных.

– Рабов спасли?

– Почти всех, – кивнул синий дракон. – Эльфы хотели их перестрелять, чтобы нам не достались, но Талас и Бранд протаранили сторожевые башни...

– Антара жива? – в волнении оборвал Ализон.

Синий улыбнулся.

– Жива и невредима. Тандер отослал молодежь и драконесс на тот берег, чтобы снайпер не подстрелил ненароком.

Облегченно вздохнув, алый дракон помог спуститься Рогвальду и огляделся:

– Владыка здесь?

– Уже нет, – синий покачал головой. – Он нам здорово помог, уничтожил с помощью магии несколько баллист противника, а когда бой закончился, сказал что должен заглянуть в Ронненберг и тут же испарился.

– Понятно... – Ализон бросил на Рогвальда горящий взгляд. – Где Тандер?

– Они с Кармой готовят оборудование к эвакуации, – синий дракон кивнул на речку. – Мы захватили несколько барж с паровыми машинами.

Ализон гневно хлестнул себя хвостом:

– Вы спятили?! Сюда движется эльфийский флот, с ними сотни грифонов! Надо улетать, пока не поздно!

Синий покачал головой.

– У нас много раненных в крылья. Придется прорываться.

Зарычав, красный дракон бросился к разрушенной стене, откуда доносились раскатистые голоса крылатых. Рогвальд поднял забрало.

– Гизмо! – позвал он. – Дарук! Вы тут?

Из толпы испуганных рабочих послышался радостный вопль. Растолкав людей, Рогвальду на шею бросился молодой гном.

– Вернулся! – Гизмо стиснул друга в объятиях. – Живой!

– А ты думал... – Рогвальд стукнул себя в грудь латной перчаткой. – Как Дарук?

– Жив, жив! – Гизмо помахал кому-то в толпе. – Рогвальд, объясни своим ящерам, что мы на их стороне!

Гном сурово оглядел драконов.

– Все поняли? – спросил он грозно. Синий, говоривший с Ализоном, пожал крыльями:

– Нойон, мы их сюда согнали для их же безопасности. В развалинах еще остались снайперы, мне чуть в глаз не попали.

Рогвальд сплюнул.

– Эльфы... – процедил он сквозь зубы. – Гизмо, Дарук! Соберите тангаров, скорее, есть дело!

Гномы скрылись в толпе. Рогвальд обернулся к драконам:

– Найдите Ализона. Скажите, чтобы тащил сюда свой хвост, пока не поздно!

Передайте – у меня план есть!

Один из крылатых молча побежал к развалинам. Рогвальд огляделся.

– Гизмо! Где вы там?

Из толпы с трудом выбрались несколько гномов. Старый Дарук близоруко прищурил глаза:

– Да ты никак в генералы затесался? – спросил он удивленно, заметив сверкающий герб на панцире Рогвальда. Тот фыркнул.

– Бери выше, старый хрыч! Я теперь нойон. Гизмо, где хранили ткань?

– Какую ткань?! – опешил гном.

Рогвальд топнул ногой:

– Опомнись, лошадь несчастная! Чем шлифовальные станки каждый вечер оборачивал?!

Хлопнув себя по лбу, Гизмо бросился к одному из уцелевших сараев. Рогвальд резко обернулся:

– Ты! – он подозвал синего дракона. – Летать можешь?

– Да вроде не жаловался...

– Дуй на берег! – Рогвальд махнул в сторону реки. – Увидишь кучу бревен, перевязанных стальными тросами. Тросы – тащи сюда! Всем, кого встретишь, передай чтобы канаты да веревки искали, нам их чертова уйма понадобится!

Кивнув, крылатый взмыл в небо. Гном перевел дыхание.

– Рога – то на головах есть, а внутри – шаром покати... – пробормотал он. – Дарук, вы с тангарами соберите все инструменты, которые найдете.

– Что ты задумал? – спросил старый гном.

Рогвальд фыркнул.

– Эльфам даже чешуйка не достанется! – обернувшись к Ализону и большому зеленому дракону, которые как раз приблизились, гном упер руки в бока:

– Вот что, птички: вас тут полтысячи будет, верно?

– Шестьсот девяносто два, вместе со стаей Ализона, – ответил зеленый дракон. – Но больше половины из них подростки и драконессы.

– Сколько раненных?

– Четверо погибли, двадцать семь потеряли небо, – угрюмо бросил алый. – Легко раненных раза в два больше.

Рогвальд стиснул зубы.

– Эльфы, мать их... Вот что: Ализон, отбери самых выносливых летунов, разбей по шестеркам, придай каждой одного раненого и посылай сюда. Мы сделаем лямки, и вытащим их по воздуху.

Драконы переглянулись. Зеленый кивнул:

– Это может сработать.

– Хорошо! – Ализон бросился прочь.

Его спутник оглядел рабочих.

– Я ареал – вождь Тандер, создатель этого завода, – сказал он звучным, раскатистым голосом. – Как и вы, драконы были здесь рабами. Но все проходит, и это – тоже прошло. Я спрашиваю вас, люди и тангары: кто присоединится к нашим армиям, чтобы отомстить угнетателям?

Рабочие зашумели, слышались крики "Долой!" и "Бей эльфов!". Тандер резко щелкнул хвостом.

– Тихо! – рявкнул он так, что Рогвальд даже пригнулся. – Пусть те, кто хотят присоединиться, выйдут вперед. Мы спасем всех, повторяю – всех, даже тех кто откажется.

Толпа людей качнулась, двинулась. Позади остались всего несколько человек, но и они, поняв общее настроение, поспешили присоединиться к добровольцам. Зеленый дракон одобрительно рыкнул:

– Молодцы! Теперь слушайте: главное – дисциплина. Разбейтесь по своим бригадам и соберите все оружие, все инструменты, все, что можно использовать для боя! И помните – мы никого не оставим на милость эльфам. Сбор на этом месте через час, кто не явится – может рассчитывать на свои силы, возвращаться за ними мы не будем. Все слышали?

Оглядев толпу, Тандер поднялся за задние лапы, распахнул крылья во всю ширь и рявкнул:

– Р– р– р– разбежались!

Рабочие подчинились сразу, безоговорочно. Другие драконы встретили речь вождя одобрительным ревом и хлопанием крыльев.

Рогвальд тоже похлопал в ладоши:

– Bravo, bravo... – он фыркнул. – Ты лучше скажи, ящер зеленый, где гигантский корабль, что строили эльфы?

Тандер прищурил глаза.

– Ализон проболтался?

– А что, это секрет?

– Было секретом, – дракон покачал головой. – Корабль почти готов, осталось лишь установить двигатель. Я проектировал его в расчете, чтобы позже захватить и использовать против эльфов...

– А теперь эльфы его используют сами! – гневно завершил гном. – Ох, рогатая твоя башка! Прикажи драконам, пусть потопят пока не поздно!

Тандер заколебался, но все же кивнул.

– Ты прав, коротышка. Оставлять такое оружие эльфам нельзя.

– Где корабль?

– В сухом доке на побережье, милях в ста отсюда. Но двигатель пока здесь.

– Уничтожьте его! – Рогвальд ударил кулаком об ладонь. – Разрушите здесь все, каждый станок, каждую паршивую шестеренку, сожгите даже обломки! Если эльфы восстановят завод и начнут штамповать броню для арнорских конников или баллисты против драконов – туго нам придется!

Тандер взглянул на сородичей, стоявших вокруг.

– Исполняйте.

– Есть! – отдав честь крыльями, сразу шесть драконов взмыли в небо. Тандер перевел взгляд вниз.

– Гном, твое имя Рогвальд?

– А что?

– Отойдем в сторону, я должен задать тебе важный вопрос.

Пожав плечами, Рогвальд последовал за зеленым драконом. Тот немного отошел от горящих барачков, чтобы шум пожара не мешал разговаривать, и дал знак красивой золотой драконессе, которая все время крутилась поблизости. Крылатая

приблизилась .

– Знакомься, моя подруга Карма, – представил ее Тандер. Гном невнятно пробормотал приветствие, и все трое умолкли, ожидая пока кто– то нарушит молчание.

– Слушаю, – буркнул наконец Рогвальд.

Тандер глубоко вздохнул.

– Наши дети живы? – спросил он тихо.

Гном застыл, потом поднял руку, чтобы почесать в затылке, но наткнулся на шлем. Драконы терпеливо ждали.

– Кром, я должен был сообразить... Так Альтаир – ваш малыш?

– Наш, – Тандер ничем не показывал волнения. – Альтаир и его младшая сестра, Тия.

Рогвальд чертыхнулся еще раз.

– Вроде как оба живы. Альтаир мне приемным сыном стал...

– Ализон упоминал об этом, – кивнул дракон. – Где они?

Гном нахмурился.

– В другом мире, – буркнул он неохотно. – Владыка их перехватил... Только не тот Владыка, что сюда прилетел! – добавил Рогвальд поспешно. – Этот фальшивый! Настоящего на моих глазах убили!

– Ализон уже предупредил нас, – Карма закрыла глаза и несколько секунд стояла неподвижно. – Гном, расскажи о них. Альтаиру сейчас должно быть четырнадцать...

Рогвальд бессильно уронил руки.

– Крокодилы вы крылатые, ну посудите, какое сейчас время для рассказов? Тут же война идет! Снайперы повсюду!

В золотых драконьих глазах светилась мольба. Гном стиснул зубы.

– Альтаир достойный сын крылатого племени, – начал он торопливо. – Добрый к друзьям, верный клятве, беспощадный к врагам. Мы жили рядом четыре года, я привязался к нему словно к сыну...

Рассказ прервал юный серебряный дракон, свалившийся с неба прямо перед Рогвальдом. Гном от неожиданности чуть не потерял равновесие.

– Грифоны! – крикнул драконенок. Тандер, Карма и все крылатые поблизости отреагировали мгновенно: лишь взревел вспененный воздух.

Рогвальд проводил их долгим взглядом.

– Крокодилы рогатые... – пробормотал он бессильно. – И ведь не возразишь...

Тяжело вздохнув, гном помотал головой и принялся отдавать приказы. Операция "Черное пламя" продолжалась.

2

Как ни странно, утром дельтаплан оказался на месте, целый и невредимый. Ри, которая до сих пор дрожала после ночного кошмара, недоверчиво покрутилась вокруг.

– Странно, – сказала она Крафту, тренировавшемуся рядом. – Все на месте.

Грифон рывком вскочил с земли и по– кошачьи, без разгона, перемахнул через дельтаплан над головой Ри. Ящерка невольно пригнулась.

– Не всюду ж одно ворье, – весело заметил Крафт, продолжив зарядку. Ри некоторое время глядела, как грифон отжимается по– очередно то на левой, то на правой передней лапе, успевая хлопнуть ими друг о друга перед заменой. После ужаса, явившегося ночью, ящерка начала сторониться Крафта. Она не могла понять, кого видит во сне : знакомого ей, доброго и благородного грифона, или свирепого воителя, не знающего жалости даже к детям своего врага. Теория об изменении будущего стремительно рушилась; Крафт просто не мог стать ТАКИМ без страшного, непоправимого горя в прошлом.

Тем временем пернатый перевернулся на спину и продолжил отжиматься крыльями, гордо сложив на груди руки. Ри встряхнулась.

– Зачем ты тратишь силы? – спросила она. Грифон вскочил и распушил разом все перья.

– Это не трата сил, а поддержание формы! – поднявшись на задние лапы, Крафт мгновенно принял боевую стойку. Под золотистой шерстью взбухли тросы мышц, орлиные глаза полыхнули жаром.

– Война началась, Ри!

– Мы еще можем ее остановить, – ответила ящерка.

Грифон покачал головой.

– Не обманывай сама себя. Воюют народы, а не правители.

Вэйта упрямо дернула хвостом:

– В Ронненберге смогут помочь. Маги остановят кровопролитие!

– С чего бы это? – поинтересовался Крафт.

Ри замялась .

– Они должны. Я... везу им важную информацию, они не откажут. Не посмеют отказать.

– Что, завтра конец света? – съязвил грифон.

– Нет, – ящерка посмотрела ему в глаза. – Не завтра.

Помолчав, пернатый встряхнулся и стукнул в дверь хлева.

– Минас, просыпайся!

– А кто спит? – мелодичный голос сверху заставил и грифона, и вэйту вздрогнуть от неожиданности. Рассмеявшись, эльф спрыгнул с крыши сарая.

– Я уже давно за вами наблюдаю, – Минас присел на корточки перед ящеркой.

– Ри, скажи, что тебе известно?

Вэйта отвернулась.

– Вам нельзя знать.

– Почему? – изумился Крафт.

– Потому, что если сегодня в Ронненберге мне не удастся остановить войну, вам предстоит сыграть в ней ключевую роль.

Ящерка обернулась к застывшим друзьям.

– Если я открою вам будущее, оно никогда не наступит.

Крафт шагнул вперед и притянул вэйту крылом.

– Ты уверена? – спросил он тихо.

– Да, – еще тише отозвалась Ри. Раздвинув перья, она выскользнула из– под грифоньего крыла, подошла к дельтаплану и забралась в кабину.

– Крафт, – глядя в сторону, позвала вэйта.

Грифон приблизился.

– Да?

– Помнишь, что я сказала тебе в пещере?

Пернатый кивнул.

– Не забывай это, – тихо, с нажимом произнесла ящерка. – Никогда, слышишь, никогда не позволяй своей подруге оставаться в городе Редбург.

Прежде чем Крафт успел ответить, Ри запустила двигатель и с места рванула машину в небо. Грифон вскоре догнал дельтаплан ; ни он, ни эльф на его спине, не стали задавать вопросов.

Три часа полета прошли спокойно, без особых приключений. Лишь однажды, пролетая мимо большого города, друзья встретили отряд грифонов, мчавшихся на восток. Командир отряда перекинулся с Крафтом несколькими фразами на родном языке, пернатые с огромным любопытством покружили вокруг дельтаплана Ри, и умчались дальше – как сообщил Крафт, передовые отряды нового Владыки заняли Нортвуд без боя, и сейчас сражались на границе Эравии.

– Позавчера был атакован секретный завод на территории Элирании, – хмуро добавил грифон. – В нападении участвовало свыше двух сотен драконов. Охрана завода была перебита до последнего эльфа, бесценное оборудование уничтожено. Всех рабочих угнали в рабство.

Ри в гневе ударила по приборной панели дельтаплана: легкая машина была слишком медлительной. Тем не менее, отряд продвигался гораздо быстрее любого всадника, и к полудню вдали, среди лесов и полей, показалось нечто очень странное. Даже зоркий Крафт не сразу понял, что видит.

– Похоже, все окрестные тучи собрались там и скрутились в спираль, – неуверенно заметил грифон. Ри поставила машину на автопилот и вытащила из ящичка под приборной панелью тонкоплечный электронный бинокль.

– Крафт, ты бывал в Ронненберге? – спросила вэйта после паузы .

– Нет, – отозвался пернатый. – Но Минас прожил там семь лет.

Опустив бинокль, ящерка обернулась к встревоженному эльфу.

– Скажи, какого цвета должны быть башни Ронненберга?

Минас изо всех сил старался разглядеть непонятное явление впереди.

– Каждая башня отлиывает разными цветами, в зависимости от угла зрения, поэтому, откуда бы ни смотрел путник, семь башен всегда сверкают семью цветами

радуги. Но сейчас они серые!

Ри крепче уцепилась за штурвал.

– Кажется, мы опоздали, – выдавила ящерка.

Вскоре это поняли все. Город Магов, некогда сверкавший великолепием и поражавший воображение любого гостя, словно потерял все цвета. Однотонно–серые, блеклые башни тянулись к небу, вокруг центрального гиганта спиралью завивались тучи. Деревья, росшие по всему городу, тоже стали серыми, их листья замерли, трава обратилась в алмазно–острые лезвия. Там и здесь, на безмолвных улицах и в окаменевших садах, были видны неподвижные фигуры людей.

– Этого не может быть... – прошептал Крафт. – Этого не может быть!

Рухнув на дорогу у некогда золотых, а ныне серых ворот, грифон подбежал к мраморным изваяниям стражников.

– Что здесь произошло?! – Крафт обернулся к спутникам, все его перья стояли дыбом. – Минас... Ри... Объясните!

Вэйта вылезла из кабины и сняла шлем.

– Лети в город. Посмотри, весь ли он... такой.

Грифон молча ударил крыльями и пропал в небе. Потрясенный до глубины души эльф опустился на землю.

– Кто? – прошептал он. – Кто сумел обратить в камень Город Магов?!

Вместо ответа Ри подошла к Минасу и уселась рядом.

– Мы проиграли, – сказала она, стараясь не заплакать. – Здесь побывал Джераль Магриб.

Минас, не веря, качал головой.

– Этого не может быть... Откуда у него такая сила?..

– От вас, – глухо ответила Ри. – Это вы потеряли Пояс Богини.

Эльф отпрянул:

– Пояс?! О, Единый... Но как?!

Вэйта кивнула на гигантскую центральную башню, вокруг которой спиралью вились тучи.

– Ответ там. Но мы его уже никогда не узнаем.

Минас промолчал, не в силах отвести взгляд от мрачной фигуры в

развевающейся черной мантии. Маг возник из воздуха рядом с дельтапланом, прямо за спиной Ри; вэйта пока не заметила гостя и молча сидела, подавленная поражением.

Джер аль Магриб был великолепен. Если бы художников со всего мира собрали, и попросили нарисовать портрет Властелина Тьмы – им вполне мог бы оказаться черный маг, что стоял сейчас за спиной ящерицы. Сероглазый, бледнокожий, высокий, с огромным лбом и мрачным, властным лицом, в блестящих черных одеждах и бархатном плаще, он смотрел на противников, скрестив руки и усмехаясь.

Эльф медленно встал.

– Ри, не делай резких движений, – тихо сказал бессмертный воин.

Вэйта оглянулась.

– А, колдун... – ящерица даже не вздрогнула. – Добро пожаловать.

Джер взглянул на дельтаплан.

– Ты быстро передвигаешься, – заметил он спокойно.

Ри горько улыбнулась.

– Жаль, в тупик.

– Что скажешь, ящерица? – маг кивнул на окаменевший город. – Признайся, этого ты не ожидала.

Вэйта оглянулась и долго смотрела, уронив хвост на землю. Джер ждал.

– Маг, прежде чем убить нас, ответь на один вопрос, – сказала наконец Ри.

– Ящерица, – Джер устало покачал головой. – Больше никогда так не говори. Всякий противник, умеющий мыслить, в ответ на такой вопрос сначала тебя убьет, а потом скажет "Нет".

Вэйта опустила голову.

– Мне уже все равно, – ответила она бесцветным голосом. – Я проиграла.

Маг усмехнулся.

– Конечно. Ты и не могла выиграть.

– Могла.

– Нет. Герои не творят историю. Это история творит героев.

Ри упрямо дернула хвостом.

– Если бы ты не похитил Пояс... – она запнулась, когда Джер внезапно

опустился на колени и заглянул в золотистые глаза ящерицы.

– Ты действительно считаешь, что причиной всему стал кусок ржавого железа с десятком транзисторов? – спросил маг.

Вэйта долго молчала. Потом, так ничего и не ответив, подошла к дельтаплану и сняла с приборной панели блестящий диск дальней связи.

– Иполсокэ'йи, – позвала она.

– Да, эйстайи? – робот говорил на языке й'лланэ.

– В каком состоянии шаттл?

– В аварийном.

– Он сможет долететь до соседней планеты?

– Это маловероятно, эйстайи.

– Да или нет?

Молчание.

– Если повезет, сможет, – сказал наконец железный дракон. – Но при посадке он развалится.

Ри глубоко вздохнула.

– Начинай расчет траектории и подготовку к старту. Я вернусь через два дня, к этому времени шаттл должен быть расконсервирован.

– Это очень опасно, Ри.

– Ты все понял, Иполсокэ'йи?

Пауза.

– Да, мой капитан, – робот отключил связь.

Ри обернулась к магу.

– Если хочешь меня убить – убивай сейчас.

Джер в сомнении огладил короткую черную бороду.

– Ты проиграешь на любой планете, ящерица. Нельзя изменить историю в одиночку.

Вэйта подошла к магу вплотную:

– Можно, – ответила она негромко. – И скоро, слишком скоро, ты поймешь это столь же ясно, как я сейчас понимаю причину твоего страха.

– Страха? – переспросил Джер.

– Да, страха, – кивнула Ри. – Теперь я понимаю, чего ты боялся, когда мы встретились на галере. Ты уже знал, что я вижу во сне будущее, и боялся услышать о собственном поражении.

Черный маг выпрямился.

– Не мели чушь, ящерица, – ответил он спокойно. – Будущего нет.

Ри холодно улыбнулась.

– Для тебя, возможно. – Она гордо подняла голову. – Но для меня, ваше будущее – древняя история. Народ вэйтаров в мире Энтобан лишь недавно осознал свою разумность, и еще много тысячелетий будет развиваться, прежде чем корабль моих предков попадет в далекое прошлое и совершит аварийную посадку в этот мир.

Ящерка посмотрела в серые глаза Джера.

– Никто не в силах предвидеть будущее, – сказала она сурово. – И я не владею даром пророчества. Я лишь потихоньку вспоминаю историю вашей планеты, доставшуюся мне в наследство от родителей.

Она опустила внешние веки.

– Когда корабль везет в новый мир инкубаторы с яйцами будущих колонистов, зародышам на генетическом уровне вводят память родителей и базовый набор знаний. Это необходимо, чтобы в случае гибели команды детеныши сумели выжить и послать домой зов о помощи.

Ри горько усмехнулась.

– Девятьсот лет назад меня, вместе с сотнями других нерожденных детей, похитил бог– дракон по имени Коршун и перенес в наше время. Скорее всего, он хотел населить какой– то иной мир вэйтарами, но передумал или просто отобрал лучших зародышей, а ненужные яйца выбросил на помойку. К несчастью, одна ящерица выжила и сейчас, когда она становится взрослой, древняя память начинает пробуждаться.

Вэйта обернулась к окаменевшему городу Магов.

– В моем времени, история этого мира стала легендой, – прошептала она. – И с каждым днем я вспоминаю все больше подробностей. Лучше убей меня сейчас, Джер.

Волшебник в глубокой задумчивости смотрел на ящерицу.

– Нет, – ответил он после долгого молчания. – Я не стану тебя убивать.

– Почему? – спросила Ри.

Джер усмехнулся.

– Скажем так, я знаю кое– что о Коршуне.

Вэйта вздрогнула:

– О Коршуне?

– Именно, – маг присел на корточки перед Ри. – Возможно, ты права, и дракон просто выбросил ненужные яйца. Но если он оставил тебя здесь с какой– то целью, то рано или поздно вернется проверить. А я последний человек в мире, желающий нажать такого врага.

Джер перевел взгляд на безмолвного эльфа.

– Однако эту парочку, увы, придется уничтожить, – он выпрямился. – Слишком пряткие.

Ри метнулась вперед.

– Не надо! – она схватила мага за плащ.

– Когда мне потребуется твой совет, я сообщу заранее, – Джер поднял руку. Вокруг его пальцев взвихрился серебристый вихрь, Минас попятился. Но прежде, чем маг нанес удар, послышался тонкий писк и Джер аль Магриб без единого звука рухнул на землю.

Ри опустила парализатор.

– Я сказала, не надо, – повторила она с нажимом.

Эльф судорожно выдохнул.

– Ри! – он подбежал к ящерке. – Ри, ты спасла всех нас!

– Он жив, – бесцветным голосом ответила вэйта. – И останется жить.

Минас удивленно поднял брови.

– Ты хочешь его отпустить? Чтобы сотни, тысячи людей и эльфов погибли? Ты хочешь, чтобы Тьма воцарилась в мире?!

Ри внезапно с дикой яростью ударила хвостом и обернулась к эльфу:

– Вы! – крикнула она. – Вы, слепцы! Где вы ищете Тьму? Где?! Тьма живет в нас самих! Ты, слуга Света, только что предложил убить беспомощного человека, и смеешь рассуждать о Тьме?!

Ящерка подошла к Минасу.

– Убирайся – прошипела она. – Садись на своего грифона и улетай. Война началась, тебе давно пора присоединиться к армиям и убивать, убивать, убивать, пока через семнадцать лет тебя самого не убьет дракон!

Ри с болью зажмурилась.

– Я не хочу жить в этом мире, – она всхлипнула, – Не могу больше. Я не человек, я животное! Я не умею быть солдатом!

– Ри... – эльф положил руку на голову ящерке, но вэйта вырвалась.

– Улетайте, – повторила она сквозь слезы. – Улетайте, пока не поздно. Я заберу мага с собой, на другую планету. Больше вы нас никогда не увидите.

Ухватив неподвижного Джера за плащ, Ри попыталась подтащить его к дельтаплану, но не смогла даже сдвинуть. От гнева и волнения у ящерки подрагивал хвост.

Облизнув слезы, Ри вытащила из кабины лебедку с зажимом, укрепила ее на борту машины и отмотала тонкий кевларовый трос. Эльф молча смотрел, как она зацепила волшебника крюком.

– Помочь? – спросил он негромко.

– Я сама, – Ри вновь облизнула непрошенные слезы. Лебедка с тихим жужжанием подтащила мага к машине, и вэйта, напрягая все силы, перевалила его через борт. Человек не помещался в кабине для вэйтаров; ящерке пришлось усадить его на машину верхом, словно на лошадь, и примотать тросиком к заднему сидению. Джер был без сознания, лишь ровно вздымавшаяся грудь свидетельствовала, что он жив.

– Прощай, – сухо сказала вэйта, обернувшись к Минасу. – Передай Крафту, я буду помнить его дружбу до самой смерти. И скажи... – она сглотнула. – Скажи, Ри мечтала бы забрать его с собой, в новые миры, где нет войн. Только сил не хватает.

Моргнув, чтобы стряхнуть слезу, юная вэйта забралась в кабину и надела шлем. Натужно взвыл двигатель.

Перегруженный дельтаплан с огромным трудом оторвался от земли и медленно, покачиваясь от каждого порыва ветра, полетел на северо– восток.

По пути обратно к горам, никаких приключений не произошло. Парализатор был отрегулирован на среднюю мощность, и Джер аль Магриб должен был очнуться дня через три, страшно злым и голодным. Ри надеялась успеть.

Полет занял двое суток. Ящерка летела без посадок, на большой высоте, включив автопилот. Она не ела четвертый день, но организм вэйтаров мог выдержать двухнедельную голодовку. Единственное, чего боялась Ри – встретить грифона или дракона; медлительный и хрупкий дельтаплан был для них легкой добычей, и вэйте пришлось бы использовать парализатор, а значит, уронить крылатого с огромной высоты на землю. К счастью, обошлось без нежелательных встреч и, на исходе второго дня полета, вдали показался гигантский стальной дракон.

А рядом, к изумлению Ри, была проложена прямая как стрела, гладкая, серо–желтая взлетная полоса. Иполсокэ'йи, очевидно, времени не терял: в начале полосы стояла пузатая машина с треугольными крыльями и массивными бочками двигателей, прижатые к фюзеляжу в местах крепления крыльев. Обшивка грузового шаттла тускло отливала серебром, снизу и на носу цвет плавно переходил в черный. Размерами корабль вдвое уступал вездеходу.

Ри посадила дельтаплан рядом со взлетной полосой. Как только машина коснулась земли, гигантский стальной дракон неподалеку ожил и повернул клиновидную голову в сторону гостя. Но ослабевшая вэйта не спешила выбираться из кабины.

– Иполсокэ'йи, накорми меня чем–нибудь, – шепнула она в диск связи. Пасть железного дракона сразу открылась, оттуда выехал гусеничный робот с контейнером в манипуляторах. Сняв шлем, Ри тяжело вздохнула и принялась за еду.

"Как ты себя чувствуешь, эйстайи?" – спросил Иполсокэ'йи .

– Мертвой, – отозвалась вэйта.

"Я могу помочь?"

Ри доела теплую грибную похлебку и устало откинулась на сиденье.

– Можешь, – сказала она . – Погрузи моего пленника в шаттл и найди скафандр, подходящий ему по размеру.

"На борту нет таких скафандров".

– Что ж, тогда посади его в кабину.

"Ри, я вижу график твоих биоритмов. Мне очень не нравится то, что я вижу".

Ящерка горько улыбнулась.

– Ты прав, Иполсокэ'йи. Я хочу порвать с этой проклятой планетой раз и навсегда.

"С планетой или с жизнью?"

– А зачем мне жить? – спросила Ри. – Я последняя в своем роду. Все, кого я любила, уже мертвы или пропали в других мирах. Все, кого я могла полюбить – меня предали. Надежды больше нет, в будущем – только кровь и война. Я не хочу такой жизни, Иполсокэ'йи.

"Ри, опомнись, сейчас ты в депрессии, она скоро пройдет.."

– Ей некуда уходить, – горько ответила ящерка. – Война, которую я мечтала предотвратить, уже началась. Она продлится десять лет, затем еще семь лет победители будут преследовать и добивать побежденных. К тому времени Крафт и Минас уже погибнут, а они последние существа в этом мире, которым я не безразлична.

Ри опустила внешние веки.

– Джихан, мой друг, обратился в камень вместе с Ронненбергом. Рогвальд стал нойоном, и теперь в нем больше от солдата, чем от гнома. Альтаир... – она запнулась, – ...которого я любила, потерян навсегда. Скажи, зачем влачить жалкое существование здесь, в пустынной степи, прячась от обеих воюющих сторон и дрожа в страхе, что меня обнаружат и снова заставят нести смерть?

Ящерка посмотрела на хмурое небо, до горизонта затянутое тучами.

– Быть может, там, на другой планете, будет лучше, – сказала она едва слышно. – Но даже если корабль погибнет в космосе, я не слишком огорчусь. Начинай предстартовый отсчет, Иполсокэ'йи.

Прежде, чем вездеход успел возразить, Ри добавила:

– Это мой последний приказ. Когда я улечу, ты станешь свободен. Отыщи себе островок или удаленную гору, построй дом и живи. Больше никто, никогда не станет тебе приказывать.

Железный дракон долго хранил безмолвие.

"Я буду помнить тебя вечно, Ри", – сказал он наконец.

Вэйта молча улыбнулась.

Неполадки начались даже раньше, чем шаттл оторвался от земли. Во время разгона, когда корабль уже приподнял нос, сломалась носовая стойка шасси. Ри, прижатая к креслу перегрузкой, этого не узнала.

Двигатели работали нестабильно. Шаттл скрипел и дрожал мелкой дрожью, концы крыльев неровно вибрировали. Еще в атмосфере, когда машина набрала скорость в девять тысяч километров в час и переключила двигатели в безвоздушный режим, произошла разгерметизация грузового отсека, на приборной панели вспыхнула целая россыпь тревожных огней. Ри невольно зажмурилась.

Но древний корабль пока держался и, покинув атмосферу, выключил двигатели. Траектория, рассчитанная Иполсокэ'йи, требовала совершить один оборот вокруг планеты, прежде чем вырваться из пут ее тяготения в свободный космос. И у Ри оказалось несколько часов, чтобы рассмотреть мир, откуда она бежала.

Планета Уорр достигала в диаметре тридцати тысяч километров. За счет более тяжелого ядра гравитация на поверхности не превышала стандартной, и поэтому, с орбиты планета казалась воистину необъятной. Голубая, прекрасная, будто подвешенный в пустоте драгоценный камень, она словно светила сама, наполняя кабину шаттла радостным светом.

Сквозь белые горы облаков и чудовищные спирали осенних циклонов, можно было различить материки. Небольшой, почти круглый Арнор, громадную Элиранию, по форме напоминавшую толстый бумеранг, вытянутый Этан. А по ту сторону необъятного океана, окружавшего знакомый Ри мир, окаймленный поясом бурь и беспощадными клыками рифов из моря вздымался колоссальный континент Локх, занимавший все восточное полушарие Уорра от полюса до полюса. Площадь страны драконов в несколько раз превышала суммарную площадь всей остальной земли на планете, и было хорошо видно, что Локх – искусственный материк: его береговая линия, не скрытая облаками, поражала правильностью линий.

Ри долго парила в невесомости, не в силах оторвать взгляд от зрелища за иллюминаторами. Когда из-за диска Уорра выглянуло солнце, вэйта чуть не

задохнулась от восторга, и невольно вцепилась в поручень, мечтая лишь об одном – остановить время, чтобы красота не исчезла. Из эйфории ее вывел мрачный голос за спиной:

– Этого я не ожидал.

Ри оглянулась.

– Маг, скорее, лети сюда! – глаза ящерики сверкали отраженным светом солнца.

– Ты должен это видеть!

Помолчав, Джер аль Магриб расстегнул ремни и легонько оттолкнулся. Некоторое время они с Ри молча любовались зрелищем.

– Да, – признал наконец Джер. – Не спорю, это красиво. Быть может, ты даже откроешь, куда мы направляемся?

Ри покачала головой.

– Не знаю, – ответила она честно. – Планета, куда мы должны прилететь, носит имя Ринн. Что там будет – мне неизвестно.

Маг вздохнул.

– Неужто ты не придумала ничего оригинальнее похищения?

– Я не могла оставить тебя на Уорре, – серьезно ответила ящерица. – В истории этой планеты нет Джера аль Магриба, черного мага, повелителя Востока и ужаса Запада. Есть лишь красный дракон Ализон, которому осталось жить всего девять лет, и его пока нерожденный сын Винг, обреченный стать величайшим драконом всех времен.

Волшебник усмехнулся.

– Ты не слишком умна, Ри.

– Может быть.

– Тебе не приходило в голову, что историю творим мы сами? Не похить ты меня, Ализон прожил бы много веков, воспитав достойного сына...

Вэйта помолчала.

– Может быть, – повторила она мрачно. – Во вселенной нет невозможного, маг. Но то, что свершилось, уже не исправить. Вернуться на Уорр мы не сможем.

Джер фыркнул:

– Говори за себя, рептилия... – он закрыл глаза, готовясь исчезнуть, но вэйта

быстро схватила его за плащ:

– Ты погибнешь!

– С какой стати?

– Скорость, – Ри указала в иллюминатор. – Мы летим слишком быстро. Ты не сможешь телепортироваться на планету, разница угловых скоростей взорвет тебя словно атомная бомба.

Глаза волшебника расширились.

– Проклятие! – он с силой ударил по иллюминатору и отлетел в другой конец кабины. Ри невесело улыбнулась.

– Лучше поешь, – она вытащила из кармана на стене тубик с грибной пастой.

– После парализатора ты должен быть голодным.

Джер махнул рукой, мгновенно вернув себе вертикальное положение. Его глаза горели мрачным пламенем.

– Ты заплатишься за это, ящерица!

– Как? – грустно спросила Ри. – Я лечу на смерть. Чем сможешь ты напугать меня, маг? Пытками? Болью? Сомневаюсь.

Она отвернулась.

– Если повезет, корабль сумеет долететь до Ринна и мы катапультируемся в аварийных капсулах, поскольку посадки шаттл не выдержит. Если не повезет... – Ри закрыла глаза. – Что ж, тогда мы узнаем, есть ли на свете Единый. Мне уже все равно.

– Зато мне не все равно! – подлетев к ящерке, маг схватил ее за горло. – Где твои капсулы? Я катапультируюсь сейчас и вернусь домой!

– Выгляни в иллюминатор, – коротко ответила Ри.

Джер невольно оглянулся. За потемневшим от времени кристаллитом величаво вращалась голубая планета; она уже заметно уменьшилась в размерах.

– Наша орбита не замкнута, – объяснила Ри. – А капсула не имеет двигателя. Если ты сейчас катапультируешься, капсула станет спутником Уорра, и много лет будет вращаться вокруг планеты, прежде чем войдет в атмосферу и сгорит.

Джер в ярости отшвырнул вэйту в другой конец кабины.

– Если мы выживем... Клянусь именами всех Мертвых Царей, ты будешь молиться о смерти!

– Я не верю в богов, – ответила Ри.

Подлетев к капитанскому креслу, она пристегнулась и опустила на глаза мониторы внешнего наблюдения. Жить оставалось недолго; тратить последние часы на споры вэйта не собиралась.

Ри хотела умереть, глядя на звезды.

Глава 18. Пернатые боги

Не знаю, сколько прошло времени после допроса вэйты, но уверена: совсем немного. Сейчас, когда все позади, я понимаю что рокхи, конечно, постоянно следили за базой землян, ведь они торговали с ними посредством "Джилфьяни". Но к активным действиям орлы перешли, скорее всего, когда увидели мой медальон глазами пленной ящерицы. А началось все с оглушительного воя, заполнившего подземелье до последнего уголка.

Я тогда спала. Вой ворвался в камеру, заставил меня вскочить и принять боевую стойку. Из коридора слышались голоса людей и топот бегущих ног, потом вой прекратился, и повисла жуткая тишина. Похоже, все кто был в подземелье, панически бежали. Мне это очень не понравилось.

Перевернув кровать, я выломала железную ножку и принялась долбить пол под дверь. Получалась плохо, а тишина все сильнее действовала на нервы; скоро я перестала просто бить ножкой, а положила ее на пол и принялась с разгона ударять в нее кроватью. Вскоре прочный металл поддался, и железная палка со скрипом немного пролезла под дверь.

Выломав остальные ножки, я вбила одну под первую, поближе к двери, потом всунула третью ножку под вторую и попыталась потянуть на себя импровизированную систему рычагов. Но первая ножка с треском сломалась.

Стиснув зубы, я принялась забивать под дверь другую, когда в коридоре послышались шаги, и замок моей камеры громко щелкнул. Я быстро вытащила ножки обратно.

В коридоре стояли Джон, Галина и еще человек двадцать, все очень мрачные и – это я потом поняла – перепуганные. Я сначала решила, что они пришли меня

замораживать, и покрепче стиснула железные палки, подготовившись дорого продать свою жизнь. Но один из офицеров положил руку на плечо Галине и сказал "Объясни ей". Женщина с трудом кивнула.

– Хаятэ... – ее голос немного дрожал. – Нашу базу окружили рокхи. Их не берет никакое оружие, птицы уже разрушили защитный периметр и все сторожевые башни. Им нужна ты.

Я недоверчиво отступила.

– Опять хотите обмануть?

– Мы не лжем! – Галина замотала головой. – Орлы прислали человека, охотника. Он сказал, что если в течение часа мы не выдадим тебя и убийцу Манвэга, от базы останется лишь обугленная воронка. Рокхи исполнят угрозу, Хаятэ, их силы совершенно невероятны!

Я стояла неподвижно, пытаюсь оценить обстановку. Если это правда... А судя по виду людей, так и есть – мне представилась просто уникальная возможность взять контроль над ситуацией!

Глубоко вздохнув, я отбросила палки и вышла из камеры.

– Освободите пардов и ящериц, – приказала я коротко. – Оставьте на базе все оружие и вместе садитесь в звездный корабль. Как только я выйду к рокхам, они все равно уничтожат базу и вы погибнете.

Офицер, стоявший рядом с Галиной, прищурился .

– Кем ты себя воображаешь, рептилия?

– Вашим спасителем, – огрызнулась я. – Без меня вам останется меньше часа жизни.

Когда все парды будут свободны и в корабле, пришлите сюда Керра. Если он скажет, что мой приказ был исполнен правильно, я выйду к Рокхам и спасу вас всех. Ясно?

Офицер фыркнул.

– Не ясно, – он кивнул солдатам. – Взять ее!

– Осторожно, она же... – попыталась протестовать Галина, только не успела.

Четверо солдат с дубинками бросились вперед.

Двоим я сломала руки, третьему – ребра, четвертого швырнула в толпу , и пока

люди кричали, пытаюсь разобраться, кто на кого упал, я прыгнула вперед. У офицера, приказавшего схватить меня, висел на поясе пистолет; когда я отняла оружие, человек даже не сразу понял, что случилось. Я ударила его рукоятью по затылку, чтобы в голове прояснилось.

– Стоять! – рявкнула на остальных солдат. Они застыли, когда я приставила пистолет себе к виску. – Еще шаг, и вам придется объяснять Рокхам, почему Хаятэ мертва. Назад!

Люди попятились, раненные солдаты стонали на полу. Галина протянула ко мне руки:

– Хаятэ, не делай этого!

– Самурай сам выбирает день своей смерти, – ответила я твердо. От волнения и возбуждения у меня даже гребень шипов встопорщился.

– Не глупи, маленькая, мы все в одном поло...

– Время идет, – оборвала я сухо. – Вы не успеете. Галина, ты знаешь что я выстрелю, если заставят. Не убивай нас всех.

Женщина с болью зажмурилась и опустила голову.

– Сделайте, как говорит драконша, – сказала она другому офицеру, глядевшему на меня с ненавистью. Человек шумно выдохнул.

– Ты заплатишься за это, рептилия!

– Только после вас, – усмехнулась я. С проклятиями офицер бросился к лифту.

Остальные занялись ранеными.

Время тянулось очень медленно. Галина еще раз попыталась меня отговорить, но я сказала "лучше погибнуть как воин, чем жить в зверинце", и больше она не пробовала. Пистолет неприятно холодил чешую.

Я уже начала представлять, как падаю на пол, окровавленная, с дырой в голове, когда двери лифта наконец открылись и ко мне подбежал Керр.

– Опустит пистолет! – вся шерсть парда стояла дыбом.

– Вас освободили? – спросила я.

– Да, наши сейчас вместе с людьми бегут по туннелю к стартовой шахте корабля, – тигр оглянулся на солдат. – Это ты их приложила?

– Нет, они случайно поскользнулись, – я бросила Керру пистолет и

повернулась к людям. – Освободите ящериц и спешите в корабль. Галина, где посланник Рокхов?

– Наверху... – она с трудом опомнилась. – Скорее, малышка, времени почти не осталось!

– Керр, за мной! – скомандовала я и бросилась к лифту.

Тигр и люди бежали следом.

То, что я увидела за дверями приземистого бункера, где находилась моя темница, можно было сравнить только с картиной "Степь после ядерного взрыва", которая меня поразила в фильмах. Даже Керр невольно выругался на родном языке.

От базы землян осталось меньше половины. Черный дым застилал небо, повсюду валялись обломки техники, перекрученные вместе с колючей проволокой в чудовищное суши. По сторонам, где раньше были железные заграждения, теперь простиралась изуродованная, чуть ли не вспаханная земля, там и здесь догорали обломки сторожевых башен и нескольких вертолетов. Громадная летающая машина, куда погрузили пардов после пленения, горела вдаль, сплюснутая, словно на нее наступил великан. Круглое здание, где держали пленников, было наполовину разрушено, среди руин блестели обломки какой-то сложной решетчатой штуки. Керр, при виде этого, даже зашипел от неожиданности.

– Что? – спросила я быстро.

– Антенна! – он показал на круглый дом. – Там была гравитационная антенна! Люди не смогут сообщить своим о нападении!

– Вот и отлично, – я бросила взгляд на Галину. – Где рокхи?

Женщина нервно озиралась.

– Они сидели там... – показала, – Летали и кричали...

Словно в ответ на ее слова, с неба камнем рухнул гигантский орел. Такое чудовище я даже во сне бы не представила: абсолютно черный, с радужными глазами, он был больше Манвэга, на каждой лапе сверкало кольцо из темно-зеленого металла с непонятными гравировками. От вихря, поднятого необъятными крыльями, дым моментально развеяло.

Воздушная волна чуть не бросила Галину наземь, ее поддержал Керр. Из

дверей бункера показались несколько солдат, даже офицер, которого я стукнула пистолетом. Он прижимал к затылку пакет со льдом.

Все молча смотрели на чудовищного рокха. Тот, присев как это делал Манвэг, простер по земле крыло и подождал, пока его всадник спустится. И тогда, должна сказать, я испугалась так, что чуть не... в общем, сильно испугалась. Потому что всадником оказался Ботольд.

Он хромал и держал руку на перевязи, лицо его было покрыто едва зажившими шрамами. При виде меня, бывший охотник зарычал не хуже Керра.

– Ты!!! – он даже пригнулся, словно хотел прыгнуть, но очевидно, в это время Рокх отдал приказ. Ботольд с видимым усилием заставил себя сдержаться.

– Могучекрылый Валарг приказывает тебе немедленно отдать Сердце Звезды, – процедил он сквозь зубы.

Тут я, наконец, пришла в себя и даже сумела надменно усмехнуться.

– Передай своей курице, что здесь я отдаю приказы. – взглянув на рокха, я когтем коснулась сверкающего Кагири– то.

– Слушай меня, птица, и запоминай, если хочешь получить драгоценность. Первое. Вы позволите людям и пардам улететь с этой планеты, и только затем разрушите их базы.

Ботольд к чему– то прислушался.

– Могучекрылый Валарг согласен, – сообщил он спустя миг.

– Второе. Вы доставите сюда едва вылупившегося птенца рокха, и позволите людям забрать его с собой. Если они благополучно взлетят, птенец вернется обратно в шаттле.

Орел даже приподнялся от гнева. Все его перья моментально встопорщились .

– Могучекрылый Валарг говорит, что скорее нарушит закон Вечного и уничтожит весь твой род, чешуйчатая тварь, чем согласится еще раз услышать такое оскорбление, – с явным удовольствием перевел Ботольд.

В подтверждение его слов орел резко, по– птичьи повернул голову к далекому круглому зданию. Прямо на наших глазах дом с чудовищным грохотом взлетел на воздух. Не успев упасть , каждый обломок взорвался вторично, и на землю обрушился ливень каменной пыли. По ушам ударил скрежет раздираемого в клочья

металла.

Несколько мгновений все мы стояли, разинув рты. Первым опомнился Керр; он затравлено огляделся, совсем как леопард в ловушке, и тронул меня за крыло.

– Не дави, – сказал тигр на родном языке. – Они слишком сильны.

– И все же не могут отнять у меня драгоценность, – ответила я. – Подумай, Керр. При всей их силе, они боятся даже коснуться медальона. Почему?

Пард бросил на орла затравленный взгляд.

– Откуда мне знать...

– Зато я знаю, – обернувшись к Валаргу, я сняла медальон и намотала цепочку на руку. – Птица, тебе ведь нужна не просто драгоценность. Тебе нужно, чтобы я сама ее отдала, верно?

– Могучекрылый Валарг... – начал Ботольд, но я оборвала:

– Хватит! Мы уже поняли, что он крылатый.

Охотник процедил сквозь зубы ругательство.

– Ты в любом случае отдашь медальон. Не заставляй нас применять недостойные методы шантажа. Если мы начнем истреблять твоих родичей в долине, ты быстро станешь податливой и сама будешь умолять нас забрать драгоценность, только бы мы пощадили последних драконов.

Ботольд угрюмо усмехнулся.

– Валарг советует тебе проявить благоразумие и не доводить до такого исхода. Отдай медальон; укажи, кто лишил звезд брата Манвэга; извинись за оскорбление, нанесенное нашему гнезду, и мы не только сохраним жизнь драконам, но и позволим этим никчемным тварям, – охотник указал на людей – покинуть планету живыми. Это последнее слово Валарга. За ответом мы вернемся в полдень.

Он уже отвернулся, но я шагнула вперед и рывком развернула его к себе.

– Ты останешься с нами, – бросила я холодно. – В полдень вернется только могучекрылый Валарг и заберет тебя вместе с ответом.

Охотник вопросительно уставился на чудовищного орла. Тот смерил меня внимательным взглядом.

– Валарг хочет знать твое имя, – перевел Ботольд.

Я усмехнулась.

– Ты так быстро забыл? Я Хаятэ Фалькорр, дочь Ская, воспитанница Акаги Годзю!

Услышав мое имя, гигантская птица отпрыгнула назад, заставив землю под ногами ощутимо вздрогнуть. В глазах Рокха отразился страх.

– Валарг спрашивает, можешь ли ты подтвердить свои слова, – неуверенно перевел Ботольд. И, явно от себя, добавил: – Проклятие, впервые вижу его испуганным.

Я тоже заметила реакцию орла. Похоже, он знает о моих предках больше, чем я сама...

– Подтвердить? – спросила я. – Могу поджечь ему перья, как твоей знакомой птичке.

Ботольд стиснул зубы.

– В тот день ты сломала крылья единственному птенцу Валарга, – процедил он. – Если бы юного рокха не удалось спасти, сегодня от всего мира остались бы лишь угли!

Орел переступил с ноги на ногу. Охотник вздрогнул.

– Да, господин... – он неохотно поклонился в сторону птицы. – Могучекрылый Валарг говорит, чтобы доказать божественное происхождение, ты должна открыть ему свой разум.

Я прищурила глаза:

– Передай своему хозяину, что если ему мало слов самурая – мне не о чем с ним говорить.

Отвернувшись, скрестила руки на груди и добавила:

– Это МОЕ последнее слово. Теперь он может лететь.

Гигантский орел не стал дожидаться перевода и взмыл в небо, подняв целую тучу пыли. Ботольд проводил его тоскливым взглядом.

– После твоего побега меня все отвергли, – потеряно сказал охотник.

– Справедливо, – процедила я сквозь зубы. – Напомни– ка, Ботольд, сколько чучел из драконов ты уже сделал?

Он попятился, увидев мои глаза.

– Драконша... Ты и так превратила меня в калеку, что тебе еще нужно?!

– Кровь за кровь, – прорычала я. Но Керр, стоявший рядом, положил мне на плечо тяжелую руку.

– Не сейчас, летунья, – сказал он. – Есть дела поважнее.

Тигр обернулся к пожилому человеку в красивом мундире.

– Ваше решение?

– Нам не оставили выбора, – мрачно ответил офицер. – Базу придется эвакуировать. Но мы сюда вернемся... – он нехорошо посмотрел на орла. – Керр, если парды не станут чинить препятствий и будут беспрекословно подчиняться людям, обещаю высадить вас на пригодной к жизни планете и оставить передатчик. Попытка бунта на борту корабля карается смертью.

– Мы обсудим это позже, – тигр посмотрел на меня. – Хаятэ, ты отдашь орлам медальон?

– Нет, – ответила я сразу.

– Тогда всех нас ждет смерть...

– Ошибаешься, – я усмехнулась. – До полудня еще много времени. Садитесь в корабль и улетайте, птицам нужна только я.

И люди, и Керр, и даже Ботольд недоверчиво на меня уставились.

– Ты с нами не летишь?! – Галина отпрянула.

– Чтобы провести остаток дней в зверинце? – спросила я невесело. – Здесь же мой дом, здесь остались драконы, поработанные Рокхами. Я никуда не лечу.

Ботольд покачал головой.

– Могучекрылый Валарг не желает видеть тебя поблизости от гнезд.

Я резко обернулась:

– Мне хвостом на его желания!

– У тебя есть выбор, – Ботольд даже улыбнулся при виде моего лица. – Можешь остаться здесь последним драконом, поскольку мы немедленно уничтожим всех жителей долины из опасения бунта. Или можешь отдать медальон и спасти сотню сородичей...

Я невольно потянулась к поясу, только меча там уже не было. Охотник тревожно попятился.

– Это не мои слова, это Валарг говорит!

У меня встопорчился гребень шипов. Некоторое время я молча стояла, тяжело дыша от гнева. Все ожидали решения.

Я посмотрела на медальон. Кагири весело сверкал в лучах солнца, казалось, фиолетовая драконесса улыбается. Я даже зашипела, представив, что больше никогда ее не увижу.

Потом перед глазами возник Тангорн. Я представила, как он лежит на скалах, окровавленный, изорванный в клочья стальными клювами. За ним, до горизонта, простираются горы, где повсюду умирают драконы... И нет больше целителя, чтобы их спасти.

– Хорошо, – выдавила я через силу. – Пусть твой Валарг возвращается. Он свое получит.

Ботольд не успел даже ответить, как с неба рухнул черный рокх. Воздушная волна вновь едва не опрокинула людей.

– Как следует отдать медальон? – спросила я глухо.

Чудовищная птица склонилась, нависнув надо мной как гора. Подбежал Ботольд:

– Достаточно произнести вслух "Отдаю добровольно", и могучекрылый Валарг сам заберет драгоценность.

Я помолчала.

– Бегом в корабль, – через плечо приказала людям. – Заприте люки и ждите меня. Если не появлюсь через полчаса, взлетайте. Только оставьте знаки на стенах, чтобы я нашла путь к звездолету.

– Хаятэ... – Галина хотела что-то сказать, но Керр схватил ее за руку и потащил обратно в бункер. Следом бросились остальные солдаты, и я осталась наедине с рокхом. Ботольда можно было не считать.

– Кто вы? – спросила я. – Зачем вам медальон?

Валарг слегка распушил перья на шее.

– Мы жители центра Галактики, – перевел Ботольд. – Планеты для нас всего лишь места гнездования. Десять местных оборотов назад произошел страшный Катаклизм, навеки отрезавший нас от родных гнезд. Мы долго искали виновников катастрофы, и наконец нашли на самой окраине Галактики; ими оказались

могущественные существа, звавшие себя Диктаторами. Мы вступили с ними в жестокую битву. Война длилась много сезонов, чудовищные силы были выпущены на свободу и погубили целые звездные скопления, но все же мы потерпели поражение и были вынуждены сдаться на милость победителей.

Орел гневно щелкнул клювом, заставив меня вздрогнуть.

– Диктаторы позволили нам жить, но навеки прокляли этой планетой, – сказал Ботольд. – Мы вернем свободу, только если истинный Диктатор в знак перемирия добровольно отдаст нам Сердце Звезды.

Я недоверчиво моргнула.

– Что значит Диктатор? О каком сердце вы говорите?!

Рокх переступил с ноги на ногу.

– Ты Диктатор, – ответил за него охотник. – Взрослые Рокхи умеют различать ауру личности. В тебе течет чистая, неразбавленная кровь богов, все твои дети унаследуют силу.

Он кивнул на Кагири.

– Эти медальоны были созданы сотни оборотов назад самими могущественными из Диктаторов, чтобы их можно было призывать на помощь в случае опасности. Разные народы зовут их по– своему, у рокхов принято именовать эти знаки Сердцем Звезды. Во Вселенной их всего шесть.

Я лихорадочно размышляла.

– Если я потомок ваших врагов, почему же ты меня не убиваешь? Судя по твоим словам, любить Диктаторов вам не за что.

– Диктатора невозможно убить, – Ботольд говорил нехотя, словно ему не нравились слова рокха. – Если мы попытаемся причинить тебе вред, может произойти что угодно, вплоть до взрыва ядра планеты, но ты непременно выживешь.

У меня даже гребень шипов встопорщился.

– И ты хочешь, чтобы я отдала медальон?! Тогда вы просто бросите меня в клетку и навеки сделаете пленницей, которую нельзя убить, зато можно сколько угодно мучать!

Прежде чем охотник успел ответить, я резко ударила хвостом.

– Вот что, Валарг. Ты можешь быть хоть трижды могучекрылым и

благородным, но верить тебе на слово у меня нет ни единой причины. Напротив, по твоим же словам, отомстить беспомощному детенышу Диктаторов было бы просто здорово, и лишь медальон отделяет меня от вечных мук.

Орел распушил все перья разом.

– Ты вторично его оскорбила, – сообщил Ботольд.

– А мне хвостом, – я фыркнула. – Он же враг моих предков. Слушай сюда, птица. Я добровольно отдам медальон, но не здесь. Вы ведь можете летать в космосе?

Валарг медленно опустил перья.

– Он говорит, что теперь верит в твое родство со Скаем, – Ботольд нервно огляделся.

– Спасибо, – усмехнулась я. – Не могу сказать того же о предках Валарга, те наверняка были поумнее. Вот что, птица: сейчас мы все вместе взлетим в космос, я в корабле, ты снаружи. На орбите я выброшу медальон за борт и корабль сразу же уйдет в гиперпространство, а вы получите свою драгоценность. Идет?

– Нет, – сразу ответил Ботольд. – У нас тоже нет причин верить чешуйчатой твари вроде тебя. Либо ты немедленно отдашь медальон, либо мы начинаем истреблять драконов.

– Ну и на здоровье, – я пожала крыльями, стараясь всем видом показать, будто мне хвостом на угрозы. – Только вначале подумайте: во Вселенной лишь шесть таких медальонов, зато моих сородичей – сотни тысяч. Как полагаете, если вы уничтожите драконью долину, роду драконов это хоть какой-нибудь ущерб нанесет? Зато вы точно потеряете шанс вернуть свободу, поскольку я скорее совершу сэпку, чем добровольно отдам вам драгоценность.

Приблизившись к рокху, я похлопала его по лапе.

– Если упустишь эту возможность, твой народ еще на сотни оборотов останется прикован к планете и просто выродится. Я – ваш последний шанс. Другие Диктаторы, надеюсь, не столь глупы, чтобы соваться в мир, откуда их враги могут спастись только при помощи Диктатора.

Тут мне пришла в голову новая мысль:

– Ха! А ведь меня наверняка подбросили сюда ваши бывшие союзники, чтобы я рано или поздно встретилась с рокхами и отдала им медальон. Они, должно быть, и

похитили меня у родителей!

Гигантский орел долго безмолствовал. Ботольд нервно оглядывался.

– Хорошо, – сказал наконец охотник. – Мы рискнем. Но помни, Хаятэ: если обманешь, в этот мир можешь не возвращаться. Здесь не останется ни одного подобного тебе существа.

– Я дракон, – ответила я гордо. – Драконы лгать не любят.

Повернулась и вошла в бункер.

Звездолет оказался совсем как в фильмах пардов, только в реальности он был куда более впечатляющим. Размером вдвое больше замка Мо, черно– серебристый, удивительно красивый корабль напоминал толстый наконечник копья Хэ, с тремя громадными бочками снизу, видимо это были двигатели. Из фильмов я уже знала, что звездолеты бывают двух основных типов: модульные и монокорпусные. Первые никогда не опускались на планету, используя посадочные шаттлы, вторые – вот как этот, например – садились сами. С началом войны модульные корабли почти перестали применять, они оказались слишком легкой добычей для быстрых и незаметных роботов– истребителей.

Несмотря на мои распоряжения, в основании корабля был открыт большой люк, откуда под углом спускалась железная плита. Там стоял Керр, офицер в красивом мундире, Галина и еще несколько человек. Все смотрели, как я бегу по туннелю.

– Стартуем! – крикнула я, взбежав по плите. Люди сразу скрылись в корабле, только Керр и Галина задержались.

– Что ты узнала? – спросил тигр.

– По дороге объясню!

Мы забрались в люк, и тот закрылся. Изнутри звездолет почти не отличался от подземелья, где меня держали; разве что потолок в коридоре был закругленный и более низкий. Галина шла впереди.

У двери с прозрачным окошком она нажала кнопку. Открылась небольшая каюта, где у стен были приделаны шесть глубоких, мягких кресел с толстыми

ремнями наверху, как в хOVERкрафте. В трех креслах уже сидели люди; нам достались места напротив.

Для меня человеческое кресло было, конечно, очень неудобным, только выбора уже не осталось. Рядом уселись Керр и Галина, пард помог мне застегнуть ремни и поудобнее устроить крылья.

– Ну? – нетерпеливо спросил он, когда двери закрылись и в кабине повисла тишина. Пока я рассказывала, весь корабль мелко задрожал; над дверью загорелась табличка с цифровым иероглифом. Пошел обратный отсчет времени, совсем как в фильме.

– Ты отдашь медальон? – быстро спросил тигр, когда рассказ закончился.

Я неуверенно перебрала когтями. Если отдать, Рокхи получат свободу и оставят в покое мой несчастный мир, но где– то начнется новая война. Если обмануть, они могут из мести уничтожить всю жизнь на планете...

Перед глазами снова встал мертвый Тангорн. Меня передернуло, медальон внезапно показался липким от крови. Стиснув зубы, я резко кивнула.

– Отдам.

– Тогда бежим в рубку, – тревожно сказала Галина. – Капитан собирается дать ускорение прямо на границе атмосферы!

Керр принялся судорожно отстегивать мои ремни, но в этот момент заработали двигатели и нас вдавило в кресла. Галина с трудом дотянулась до аварийной кнопки на стене.

– Редроуп, ускорение давать нельзя! – закричала она, когда над кнопкой вспыхнул маленький экран. Человек на экране что– то коротко спросил, Галина принялась поспешно объяснять. Тем временем тяжесть немного спала, и я выбралась из кресла.

– Нам не нужна рубка, – сказала я Керру. – Нам нужна шлюзовая камера и скафандры.

Кивнув, пард схватил меня за руку и потащил по коридору назад, мимо люка, откуда мы вошли. Там, над тяжелой стальной дверью, тревожно горел красный огонек.

– У людей нет драконьих скафандров, – тяжело дыша, бросил Керр. – Выйти

придется мне.

– Нет, медальон должна вручить я, – оттолкнув парда, я подбежала к дверям. На стене рядом вместо кнопки имелся железный рычаг.

– Стой! – пард схватил меня за крылья и рванул назад. – Там же вакуум! Знак не видишь? – Он запнулся. – Подожди, а почему там вакуум?

Я хотела огрызнуться, но внезапно корабль содрогнулся от носа до кормы. Железная дверь шлюзовой камеры, словно бумажная, выгнулась наружу и рассыпалась стальной пылью. А за нею, в черноте, горели огромные звезды.

Так мне сначала показалось. Потом, когда изумление немного прошло, стало ясно – это не звезды, а глаза нескольких Рокхов, паривших в космосе за бортом корабля. Орлов окружало слабое сиреневое сияние, от крыльев тянулась едва видимая вязь светящихся брызг. Это было так красиво, что я несколько мгновений не могла шевельнуться.

Чуть ниже птиц расстилалась странная, светящаяся, слегка изогнутая бело-голубая равнина. Я долго не могла понять, что это такое, потом словно в голову стукнуло: планета! Я смотрела на мир, ставший мне домом. Вдали, слепяще-яркое, горело Белое солнце, его свет поблескивал на крыльях гигантских орлов.

Тихо подошли Керр и Галина, за ними столпились люди. Все с благоговением смотрели на сказочное зрелище за бортом.

– Почему нет утечки воздуха?.. – прошептала женщина. Пард не стал задавать глупых вопросов, а молча положил руку мне на плечо. Я даже присела, с такой силой он это сделал.

– Летунья, слушай внимательно, – напряженно сказал Керр. – Они разрежали нам борт. Как только отдашь медальон, не жди ответа, не жди ничего и сразу беги обратно, беги так, как никогда в жизни не бегала. Готовься цепляться за стены и ручки дверей. Стоит им убрать поле, поднимется ураган, в сравнении с которым любой смерч на планете покажется штилем. Галина, – тигр сверкнул глазами на женщину, – Забирай людей и идите к пульту управления аварийными переборками. Когда начнется утечка, я постараюсь затащить Хаятэ в каюту; едва мы окажемся внутри, вы должны немедленно перекрыть коридор.

Он хрипло выдохнул.

– Если увидите, что нас уносит, все равно перекрывайте. А потом мчитесь отсюда, пока Рокхи не передумали. Хаятэ, готова?

Я помолчала, следя за Валаргом, что парил совсем рядом. Его громадный глаз то и дело заглядывал в пробоину.

– Керр, бери меня за хвост, а сам цепляйся за что–нибудь, – сказала я негромко. Тигр молча послушался. Люди тем временем быстро скрылись в одной из дверей; мы с Керром остались наедине с Космосом.

Хрипло вздохнув, я сделала первый шаг в сторону пробоины. От возбуждения у меня топорщился гребень шипов и подрагивал хвост, если бы не рука парда, вцепившаяся в его кончик, я наверно изо всех сил хлестала бы себя. Валарг за бортом молча ждал.

Последний раз взглянув на Кагири– то, я судорожно выдохнула и бросила медальон в дыру.

– Отдаю добровольно! – крикнула вслед. Драгоценность еще успела сверкнуть в лучах солнца, прежде чем на ней сомкнулся стальной клюв Валарга. Все Рокхи одновременно ударили крыльями и пропали из виду.

– Назад! – рявкнул Керр и так дернул меня за хвост, что в глазах потемнело. Я даже слова вымолвить не успела, как пард швырнул меня в дверь, где скрылись люди – там тоже оказался коридор, только менее широкий – и прыгнул следом.

– Переборки!!! – прорычал он. Галина, стоявшая у небольшого пульта на стене, ударила по кнопке и в главном коридоре, за дверью, послышался грохот.

– Успели... – Керр облегченно выдохнул. Но я смотрела только на Галину. Глаза у женщины были какие–то странные.

– Хаятэ, что случи... – мы с пардом поняли одновременно и вскочили. Другие люди, толпившиеся в конце коридора, еще не догадались.

А Галина медленно обернулась и скрестила руки за спиной.

– Спасибо тебе, чешуйчатая тварь, – произнесла она ровным голосом. – Ты вернула свободу нашему племени. Убить тебя мы не можем, но отпустить не имеем права. После всех бед и несчастий, которые испытал наш народ, это было бы преступлением.

Керр в отчаянии оглянулся на меня, но что я могла ответить? Галина

продолжила:

– За годы плена нам стал известен верный способ избавиться от Диктатора раз и навсегда. Прощай, дочь нашего врага. Скаю будет отправлена весточка о твоей судьбе.

Закатив глаза, женщина без чувств свалилась на пол. Но прежде, чем я успела к ней подбежать, завывла сирена и свет в коридоре стал меркнуть.

Больше в тот день я ничего не запомнила.

На сей раз я приходила в себя очень долго и тяжело. Голова раскалывалась от боли, тело не слушалось, словно стало чужим. Ослепительный свет резал глаза сквозь сомкнутые веки.

Немного подумав, я сообразила что нахожусь в режиме ночного зрения. Вернуть обычное удалось не сразу, глаза сильно болели. Поморгав, чтобы опомниться, с трудом села и огляделась.

Я по– прежнему находилась в коридоре звездолета. Все люди и Керр валялись на полу без признаков жизни; пульт на стене тревожно мигал огоньками. От мысли, что все умерли и я осталась одна в корабле мертвецов, стало так плохо, что меня чуть не стошнило.

Несколько минут сидела, прислонившись к стене. Собиралась с силами и пыталась преодолеть ужас. Наконец, даже не пытаясь встать на ноги, я на четвереньках подошла к Керру и приложила ухо к его груди.

Сердце парда не билось. Волна темного страха ударила меня, как четыреста копий разом. Схватив Керра за плечи, я затрясла его, надеясь сама не знаю на что.

– Очнись! Слышишь, ты?! Не смей умирать! Очнись!

Голова тигра безвольно моталась. Всхлипнув, я перестала его трясти и села рядом, потеряв последние силы.

– Не умирайте... – прошептала я. Соленые слезы стекали по чешуе.

Не знаю, сколько я так сидела. Долго, наверно. Понемногу боль и горе все же схлынули, оставив в сердце только пустоту. Рокхи убили всех. Если сдамся – значит, и меня тоже.

– Хаятэ Фалькорр невозможно убить, – выдавила я. – Слышите, вы? Я бессмертная. Я дракон! Ты горько пожалеешь, Валарг. Очень горько пожалеешь, но будет уже поздно.

Поднявшись, я подошла к Галине, чтобы закрыть ей глаза, и подпрыгнула, когда пальцы ощутили едва уловимое дыхание. Вскрикнув, я приникла к ее груди – сердце билось, но так медленно, что между ударами можно было прочесть хокку.

Меня словно швырнули рогами о стену. Метнувшись обратно к Керру, я прижалась к его груди и стала ждать. Удар! Сердце парда тоже билось, только в несколько раз медленнее, чем у Галины. Конечно, он же втрое тяжелее!

– Победа!!! – крик заметался в коридоре. Немного опомнившись, я обошла каждого человека – все были живы, но словно замедлились. Дыхание едва прослушивалось, сердце билось с огромными промежутками. Ничего, главное – билось!

Усевшись на хвост в центре коридора, я зажмурилась и попыталась отогнать эмоции прочь. Эмоции мне сейчас не помогут.

– Это бой, – прошептала я, – Во время боя можно думать только о бое.

Предстоит битва, где противник – космос, а за хвостом беззащитные люди и парды. Только я стою между ними и смертью. Я – последний самурай . Предстоит многое совершить.

Медленно выдохнув, я открыла глаза. Надо расслабиться. Гнев, страх, горе, их больше нет. Сердце бьется ровно, гонит по жилам кровь. Я – гора Фудзи, я спокойна и холодна, снег покрывает мой разум, очищает мысли, гонит прочь воронье тревог. По крыльям бегут водопады, уносят боль и усталость, я чиста. Страх нет. Горя нет. Гнева нет. Тишина прекрасна, она позволяет уноситься мыслями к бесконечности. Мысли спокойны. Я спокойна. Мир спокоен.

Мантра помогла одолеть волнение, и спустя некоторое время с пола поднялась уже совершенно другая Хаятэ. Оглядевшись, я задумалась, что теперь делать.

Для начала следовало проверить, все ли на борту в одинаковом положении. Фильмы пардов готовили меня к захвату земного корабля, поэтому я неплохо разбиралась в расположении помещений. На борту должно быть сто семьдесят два человека, девяносто кошек, шесть ящериц и один дракон; из них одна кошка, один

дракон и девятнадцать человек находятся в этом коридоре. Отлично – есть, с чего начинать.

А начала я с поиска ящериц, поскольку они были рептилиями, а значит могли вместе со мной пережить атаку. Пришлось изрядно побегать по всему кораблю, заглядывая в каюты и грузовые отсеки.

Пока искала, стало ясно, что все на борту пострадали от неведомого оружия рокхов. Люди упали там же, где их застигла атака, пардов я нашла в запертом грузовом трюме на среднем уровне. Естественно – земляне им не доверяли, да и не могли доверять. Странно, что Керру повзволили ходить свободно.

Звездолет, как я скоро поняла, был мирным грузопассажирским кораблем, поспешно переделанным в военный, когда пришла нужда. Двигатели и в самом деле находились вне корпуса, в трех больших капсулах у хвоста, наверное там же помещалось топливо, поскольку весь корабль, от носа до кормы, представлял собой сложную систему отсеков.

Звездолет был поделен на три уровня, разделенные глухими переборками. По центру корпуса шла шахта лифта, двери на каждом уровне были как в шлюзовой камере – массивные, двойные. Я поняла, что даже если целая секция корабля потеряет герметичность, остальные не пострадают.

Самый верхний уровень был одновременно и самым маленьким из-за формы корпуса; там я нашла центральный пост управления и несколько кают. Видимо, тут жил экипаж. Средний уровень – самый большой – предназначался для грузов, здесь было много отсеков, заполненных ящиками и коробками. Весь левый борт занимал большой полукруглый зал с железными лестницами вдоль стен. Там я обнаружила пардов, включая и моего бедного Тошибу. Малыш тоже потерял сознание, его сердечко билось хоть и медленно, но гораздо быстрее чем у взрослых. Несколько минут я стояла над ребенком, мысленно повторяя мантру, чтобы не взорваться от ярости.

Ящерицы, все шесть, сидели в небольшой железной каюте у самого лифта. Когда я разблокировала дверь, они в страхе прижались к стене, но при виде меня немного успокоились. Уже знакомая оранжевая вэйта моргнула внешними веками.

– Дракон! Ты жив! Мы думали, атака погубила всех на борту...

– Так и случилось, – ответила я мрачно. – Чем нас атаковали, не знаете?

Ящерица покачала головой.

– Это напоминало переход в К– пространство при отключенных экранарах, но тогда и мы должны были погибнуть.

Я коротко объяснила ситуацию. Вэйтары переглянулись.

– Ты уверена, что все на борту впали в летаргию? – спросила оранжевая вэйта.

– Куда?

– Сон с замедлением жизнедеятельности, – пояснила ящерица.

Я кивнула.

– Нигде нет никаких признаков жизни. Бодрствуем только мы. Кстати, меня зовут Хаятэ Фалькорр.

– Я Эйсет, – представилась вэйта. – Мас'эното нашего погибшего корабля. Это мои эфензеле Кийис, Такх, Нинсекоу и Меликтеи, а это – Ханас. Он самец.

Зеленая ящерица, самая маленькая в группе, смущенно опустила голову. Я сделала вид, что все поняла.

– Вы умеете управлять звездолетом такого типа? – спросила у Эйсет. – Сейчас мы куда– то летим, но я не знаю даже как включить экраны внешнего обзора.

Вэйта загнула хвост колечком. В голосе ее прозвучала неуверенность:

– Нинсекоу хороший пилот, но летать на кораблях людей нам пока не приходилось. Мы попытаемся.

Одна из ящериц, серо– стального оттенка, кивнула и быстро вышла из каюты. Остальные обступили меня со всех сторон .

– Следует положить экипаж корабля в анабиозные камеры, – сказала желтовато– серая Такх. – Летаргия может продлиться многие сегменты периода Амбаласи, без внутривенного питания млекопитающие долго не протянут. Хаятэ, где анабиозные камеры этого корабля?

Я удивленно моргнула.

– Понятия не имею!

– Мы поищем, но затем нам потребуется твоя помощь, – Такх и серая Кийис быстро ушли. Остались только Эйсет, темно– зеленая Меликтеи и молчаливый Ханас.

– Где рубка связи? – спросила Меликтеи.

– На верхнем уровне, рядом с центральным постом управления, – ответила я сразу. Это было первое место в корабле, которое я должна была захватить по плану пардов.

Кивнув, темная вэйта молча схватила Ханаса за руку и они ушли. Эйсет внимательно оглядела меня от рогов до кончика хвоста.

– У нас есть время, – сказала она . – Найдем место поудобнее, где ты сможешь рассказать о себе.

Я покачала головой.

– Не сейчас. Вначале обеспечим кораблю безопасность.

– Одно другому не мешает, – улыбнулась ящерица. – Идем.

Так мы и сделали.

Следующие два дня я не люблю вспоминать. Мне приходилось работать не покладая хвоста, и это не шутка – хвостом я оттаскивала неподвижных людей в аварийную секцию. Хотя люди еще ничего, вот пардов мы с вэйтарами тащили все вместе...

В кормовой части корабля Такх и Кийис нашли четыре аварийных катера, в каждом из которых имелось ровно пятьдесят круглых железных гробов под названием "камеры полной лучевой защиты". Такх и Кийис были целительницами ; пока я перетаскивала людей со всего корабля к катерам, они ходили следом и хором объясняли, что такие камеры есть на любом корабле, и их всегда должно быть больше, чем имеется членов экипажа. Я молчала, размышляя, как мы станем размещать в двух сотнях камер двести шестьдесят два тела.

Несмотря на все попытки, привести в чувство не удалось никого. Даже Тошиба ни на что не реагировал, хотя Такх и Кийис по моей просьбе отнесли его в медпункт и перепробовали там все лекарства, имевшиеся у людей.

Когда я перетащила к катерам землян и пардов, начался второй этап мучений. Теперь мне приходилось раздевать людей догола и по двое заталкивать в

одноместные камеры, причем обязательно женщину и мужчину вместе – каждая камера имела два комплекта принадлежностей для разных полов, и только так можно было заставить ее работать с двумя людьми разом. Галину и Джона я устроила вместе.

Потом подходили Такх и Кийис, надевали людям маски и широкие браслеты с прозрачными трубками, вставляли между ног толстые резиновые рукава, закрывали стальную крышку камеры и крутили ручки на пульте управления, имевшемся возле каждого железного гроба. Гора одежды в коридоре непрерывно росла.

Когда все земляне были уложены в камеры, настала очередь пардов. Их мы укладывали по одному, только они все равно едва помещались, особенно тигры. С женщинами пардов на этом все проблемы кончились, но у мужчин было другое строение тела, и рукава, что вставлялись людям между ног, им просто не подходили. Такх и Кийис долго совещались, и наконец придумали крепить рукав широкой липкой лентой, которую мне пришлось искать по всему кораблю. В общем, скучать не приходилось ...

Пока мы занимались спасением экипажа, остальные ящерицы исследовали корабль. На исходе второго дня – я говорю "дня" только по привычке, время можно было узнать лишь по часам – на лифте приехала Эйсет и сказала, что в левом борту кормовой секции большая пробоина. Путь к шлюзовым камерам был перекрыт.

– Вы узнали, куда летит корабль? – спросила я.

Вэйта покачала головой.

– Мы не можем отыскать ни одного знакомого созвездия. Корабль движется с небольшой скоростью, в этом районе очень много звезд. Ближайшая к нам – небольшая желтая, имеет девять планет, как минимум четыре из которых могут оказаться пригодны для жизни. Нинсекоу сейчас изучает управление, чтобы направить корабль к этой звезде.

– А как успехи Меликтеи? – я устало вздохнула. За минувшие два дня мы с целительницами нашли в грузовой секции продуктовый склад и не голодали, но работа пожирала силы не хуже активной тренировки.

– Ноль, – коротко ответила Эйсет. – Нас забросило куда– то очень далеко.

Она уселась на кучу одежды и опустила голову.

– Мы никогда не вернемся домой.

Ну вот, а еще капитан спасательного корабля... Расправив крыло, я притянула к себе вэйту и ободряюще улыбнулась. Ящерица была холодная и гладкая.

– Не вешай хвост, все будет хорошо...

– Не будет, – мрачно сказала Эйсет. – Мы затеряны в космосе. Корабли, с которыми это случилось, обычно организуют новую колонию на ближайшей пригодной планете. Возвращаются единицы, это считают огромной удачей .

Она обвела рукой железную стену коридора.

– По сравнению с космосом, любой океан на любой планете – мелкая лужа. Заблудиться в космосе слишком легко. И слишком трудно затем отыскать дорогу домой.

– Зачем же вы летаете в космос? – спросила я.

Ящерица опустила внешние веки и долго молчала.

– Мы не можем иначе, – ответила она наконец. – Аксехент, космос, притягивает нас. Ты делаешь лишь первые шаги в Аксехент, Хаятэ. Ты просто не знаешь, сколь прекрасен и грозен он может быть.

Эйсет снова открыла глаза и обернулась ко мне:

– Хочешь, прочту поэму о космосе? Она называется "Нираг'аг, первый из унанле".

Меньше всего на свете я хотела слышать ее стихи, но откажусь – обидится...

– Конечно, хочу!

Ящерица вздохнула.

– Тогда слушай, – она даже привстала от волнения.

...Вот моя песня,

Чьи слова пролетели сквозь бездну веков,

Подобно бессмертным звездам освещая истину,

Насколько наш разум способен ее постичь.

Это песня о времени, когда Алакас был так юн,

Что в лесах Запада еще жил ненитеск,

А в морях Севера плавал энтисенат.

В то время содрогнулся мир и возникли унанле,

Похожие на кометы, лишённые хвостов,
 Что несут свет без тепла,
 Там, за солнцем.
 Первым унанле был Нираг'аг, рожденный в воде,
 Он хромал при ходьбе и поэтому мечтал летать,
 Глупый и смешной Нираг'аг, тогда еще не унанле,
 Он первым пришел в город Звезд.
 Его спросили зачем он пришел, Нираг'аг сказал правду.
 Тогда над ним стали смеяться, но он не уходил,
 Стоял на земле и смотрел, как над ним смеются те,
 Кто потом стал преклоняться перед унанле,
 Что летают в месте, где нет тепла,
 Там, за солнцем.
 Нираг'аг построил аксехуру из ребер энтисената,
 И принес четыре зуба северного манакаста,
 Положил их в один котсов и начал...

К счастью, тут Эйсет прекратила читать свою... э- э- э- э, поэму? В общем, замолчала, и даже раскрыла пасть, словно прислушивалась к чему-то. Я сузила зрачки.

– Что?

– Меликтеи, – ящерица сглотнула. – Она обнаружила сигнал!

В рубке связи уже сидели все вэйтары. Мы с Эйсет ворвались туда последними, при этом ящерица зачем-то нажала кнопку на стене и закрыла дверь. Учитывая, что корабль был пуст, это выглядело несколько глупо, впрочем все мы нервничали.

Я уже открыла рот, но Эйсет опередила мой вопрос:

– Откуда идет передача?

– Из системы желтого солнца, – ответила Меликтеи. Кивнув на сложную машину у стены, она тронула кнопку и на широком светло-зеленом экране

вспыхнула дергающаяся волнистая линия, в фильмах такая называлась "волна". Только мне это ничего не сказало.

Зато ящерицы, все разом, зашипели и принялись размахивать хвостами. Эйсет вцепилась мне в руку и затряслась.

– Хорошие новости? – спросила я.

– Это наш сигнал! – задыхаясь от радости, отозвалась Кийис. – Там колония вэйтаров!

Отлично! Я улыбнулась. Ящерицы починят корабль, оживят людей и пардов, а потом я вернусь домой... Ты горько пожалеешь, Валарг. Ты еще не знаешь, с кем связался. Я – Хаятэ! Никто не смеет меня оскорблять.

Однако вэйтары понемногу перестали радоваться и молча уставились на экран. Я насторожилась.

– Что случилось?

– Бедствие... – прошептала Эйсет. – Это не просто позывные, это сигнал бедствия. Наши сородичи в беде.

Дернув хвостом, она подбежала к Нинсекоу и, наверно, мысленно что-то ей передала, потому что серо-стальная ящерица кивнула и бросилась прочь из рубки, Эйсет – следом. Остальные сразу окружили меня.

– Хаятэ, мы запускаем двигатели, – Кийис нервничала. – Это может быть опасно, мы еще не знаем, много ли систем вышло из строя после атаки. Надо спуститься в аварийный катер.

Пожав плечами, я последовала за вэйтарами к лифту. Ангар с катерами находился в самой нижней секции звездолета, под палубой, воздух из которой вышел через пробоину. Между прочим, лифт больше там не останавливался – умная машина сама определила, что снаружи вакуум, и заблокировала уровень.

Катера, где спали замороженные люди и парды, формой напоминали хOVERкрафт, только были немного больше, и снизу вместо бублика имели паучьи лапы, сейчас прижатые к брюху машины. Камеры лучевой защиты находились в кормовой части, посередине был двигатель, спереди – слева пассажирская кабина, справа грузовой отсек. Корма и кабина пилотов катапультировались в случае

опасности, причем из фильмов я знала, что кормовая секция с анабиозными камерами могла даже самостоятельно совершить посадку на планету – она была огнеупорная и оснащена парашютами. В общем, очень надежная и безопасная машина. Жаль только, кресла на драконов не рассчитывали...

Мы выбрали катер, где спали парды и забрались в кабину. Я уселась на место пилота, ящерицы заняли кресла слева и справа, по две в каждом. Меликтеи нажала кнопку на пульте, и перед нами загорелся громадный, во всю кабину экран, загнутый по форме корпуса. Мы увидели центральный пост управления.

– Нинсекоу начала обратный отсчет, – сообщила Такх. – Десять. Девять. Восемь. Семь...

На экране были видны две ящерицы, сидевшие рядышком в капитанском кресле. Они не замечали наблюдения. Я покрепче вцепилась в подлокотники кресла, хоть и понимала, что это глупо.

– ...Три. Два. Один. Зажигание.

Корабль сильно вздрогнул, послышался глухой гул. Меликтеи быстро переключила экран на внешний обзор, и я чуть не вскрикнула. Звезды! Великолепные звезды, на которые я никак не могла насмотреться, превратились в вытянутые полосы света, точно след от горящей стрелы ночью. Но это еще ничего – пока я, раскрыв пасть, смотрела, весь космос словно выгнулся наружу из точки, где находился корабль. Это выглядело так, будто я стала маленькая– маленькая и застряла в середине кувшина для сакэ, а снаружи тренировался мастер– кэндока, и мечом наносил длинные тонкие разрезы в стенках, откуда струился свет. Удивительно!

Но не успела я по– настоящему удивиться, как все кончилось, и в черноте космоса внезапно появилось громадное, слепяще– белое солнце. Оно было раза в четыре больше, чем дома, и горело нестерпимо ярко. Мы с ящерицами закрыли глаза руками.

– Что случилось? – крикнула я.

Меликтеи ответила не сразу, она прислушивалась к чему– то.

– Прыжок прошел нормально, – сообщила она наконец. – Мы вблизи четвертой планеты, где– то здесь должен быть источник сигнала. Нинсекоу говорит, корабль в полном порядке, она еще никогда не пилотировала такой скоростной

звездолет...

Запнувшись, ящерица снова прислушалась.

– Обнаружен источник сигнала. Это зонд на гелиоцентрической орбите. Нинсекоу начинает расчет траектории для перехвата зонда.

Слева из кресла выглянула Такх и дернула меня за крыло.

– Ты умеешь управлять человеческим катером?

Я сразу вспомнила тренажер пардов, и оглядела пульт. В принципе, все было знакомо, только теперь снаружи чернел космос.

– Надо попробовать, – сказала я. – Вылезайте.

– Мы не боимся... – пискнул Ханас, но Меликтеи стукнула его по голове и ящеренок сразу умолк. Я решила потом поговорить с вэйтарами, мне совсем не нравилось, как они к мужчинам относятся. Но сейчас не было времени.

Некоторое время я потратила на поиск кнопки, отсоединяющей кормовую секцию с анабиозными камерами. Когда нашла, пришлось вылезти из катера, подтащить толстый трос, свисавший с потолка ангара, зацепить специальный крюк и снова искать кнопку, уже на пульте управления подъемным механизмом. Наконец, громадная железная секция, где спали парды, с грохотом отсоединилась от катера и врезалась в стену, оставив там большую вмятину. Я сразу повернула рычаг подъемника и опустила ее на пол.

Ящерицы молча за мной наблюдали. Когда все было готово, Кийис подошла и нерешительно погладила меня по хвосту.

– Ты очень смелая, – сказала она. Я чуть не расхохоталась, хорошо хоть успела вовремя сдержаться.

Снова забравшись в катер, я пристегнулась к креслу и нажала кнопку слева на пульте. Плоский экран, занимавший большую часть пульта, сразу засветился, на нем появились объемные картинки кнопок и рычагов. Понятно, вместо того чтобы делать настоящие, люди устроили эту универсальную штуковину. А хорошая идея...

Прошел почти час, прежде чем я почувствовала себя готовой к первому летному испытанию. Уже научилась запускать паучьи ноги и бродить по ангару, правда пару раз стучалась в стены. Вэйтары давно поднялись в рубку, сказали что станут смотреть оттуда и помогать мне советами.

Наконец, глубоко вздохнув, я вывела катер в центр ангара, где находился грузовой лифт. Часть пола вместе с машиной опустилась вниз, сверху сразу задвинулась толстая переборка. Главный экран показывал звезды и голубую планету вдали, а слева на пульте горел маленький экранчик, откуда на меня пялились ящерицы. Все шесть уже сидели на центральном посту управления.

– Я готова, – сообщила я им.

Эйсет нервно водила хвостом.

– Будь осторожна, Хаятэ.

– Не бойтесь, я же летучая, – улыбнувшись, я на миг приоткрыла крылья. – Справлюсь.

Нинсекоу тяжело вздохнула и нажала кнопку у себя на пульте. Подо мной, в грузовом шлюзе, открылся большой люк. С шипением отсоединились питающие шланги, и катер медленно выплыл в космическое пространство.

Вот чего я точно не ожидала – так это того, что едва машина окажется за пределами корабля, в ней пропадет вес. Если бы из фильмов я не знала, что такое невесомость – в панику бы ударилась. Оказывается, невесомость – это как если в воздухе крылья сложить и перейти в затяжное падение, только оно все не кончается и не кончается, а чувства высоты нет – кажется, будто прямо сейчас врежешься в землю! Я даже крыльями замахала вначале и принялась рвать ремни кресла: инстинкт называется. Пришлось всю силу воли приложить, чтобы успокоиться.

– Хаятэ! – тревожно позвала Эйсет. – Ты в порядке?

Судорожно вздохнув, я на миг зажмурилась, чтобы прогнать головокружение. Тело переполняла странная легкость, хвост сам собой повис над полом, я его не держала! Никогда не думала, что вес так много значит для летающих драконов.

– В порядке... – я коротко объяснила свои ощущения. Такх и Кийис пришли в возбуждение, стали объяснять что-то о многолучевых вестибулярных аппаратах, но их прервал голос Меликтеи:

– Внимание! С четвертой планеты стартовал космический корабль.

Все замерли. Первой опомнилась я, склонилась над пультом и приблизила картинку планеты. Ничего похожего на корабль увидеть не получилось.

– И где же он? – спросила я неуверенно.

– Для визуального контакта слишком большое расстояние, – ответила темная вэйта. – Внимание, Хаятэ, принимай курс.

– Готова.

– 0, 260, 31, 59, 70, 20.

Я набрала каждую цифру в своем окошке. Ноль означал положение катера, три следующие – точку в пространстве, куда он должен был лететь, две последние цифры задавали кривизну траектории. За главную ось всегда принималась прямая между кораблем и Солнцем.

Двигатели ориентации сработали с громким шипением. Точнее, шипело только в кабине, снаружи было тихо. Я знала, что в вакууме звуков не бывает. Катер развернулся на месте и начал разгон. Главный двигатель работал совершенно бесшумно, даже странно.

Зато невесомость пропала! Не совсем пропала, конечно, но теперь появилось ощущение верха и низа. Причем чувствовалось это так, будто я лежу на спине, а экран и пульт – прямо над головой. Вообще– то, так и должно было быть, но все равно – удивительно.

Почти полтора часа ничего не происходило. Планета медленно увеличивалась, время от времени шипели двигатели ориентации. Эйсет сообщила, что они сумели развернуть звездолет и летят за мной следом. Смешно, но сразу стало спокойнее.

Потом я увидела чужой корабль. Он казался совсем маленьким, но я уже знала, что в космосе размеры обманчивы. Формой чужак удивительно напоминал бегемота с вытянутой остроносой головой и треугольными крылышками на боках. В местах крепления крыльев к фюзеляжу тускло светились сопла двигателей.

– Вы пробовали с ними связаться? – спросила я у Нинсекоу. Вэйта покачала головой.

– Мы все время пробуем, но ответа нет. Вероятно, у них на борту отсутствует ССС.

– Что значит ССС?

– Сверхсветовая связь. Сигнал бедствия пришел именно так.

Я прищурила глаза. Чужой корабль был уже совсем близко, и теперь я уже точно видела – он совсем маленький, раза в два меньше катера. А что, если...

– Перехожу на ручное управление, – сообщила я вэйтарам. Это оказалось не так просто, как я думала; сначала катер пролетел мимо чужака, и закрутился на месте, когда я попыталась его развернуть. Вскоре стало ясно, что для поворота надо сначала включить и выключить двигатели с одной стороны, а потом с другой – чтобы затормозить вращение. Когда я это поняла, стало гораздо легче.

Минут двадцать я упражнялась, потом запустила главный двигатель и начала догонять чужаков. Те совсем не делали попыток уклониться; или не видели меня, или сами хотели вступить в контакт. А я словно охотилась – от возбуждения даже гребень шипов встопорщился. Было здорово!

Наконец, кораблик оказался у меня прямо перед носом. Уравняв скорости, я на миг включила верхний двигатель ориентации и сразу – нижний. Катер опустился под дно их машины.

Усмехнувшись, я прибавила скорость и раскрыла паучьи лапы. Чужой корабль надвигался. Когда катер оказался прямо под ним, я свела паучьи лапы над корпусом и вцепилась ими в фюзеляж чужака. Послышался громкий скрежет, катер встряхнуло.

– Попались! – я фыркнула. – Эйсет, раскрывай люк. Я их поймала.

– Хаятэ, это опасно, они могут применить оружие...

– А почему до сих пор не применили? – я покачала головой. – Раскрывай люк, я возвращаюсь.

– Но так нельзя, надо провести тесты, проверить, может этот корабль – бомба и они хотят взорвать наш звездолет!

– И с этой целью зовут на помощь пролетающих поблизости ящериц? – я прищурила глаза. – Эйсет, опомнись. Кто мог знать, что мы сюда прилетим? Это же смешно! Открывай люк.

Вздохнув, вэйта оглянулась на серую Нинсекоу. Та неохотно кивнула.

– Направляйся к звездолету.

А летать в космосе оказалось просто здорово, почти так же интересно, как при помощи крыльев. Я решила: прежде чем расквитаться с Валаргом, заставлю его раскрыть тайну, как рокхи летают меж звезд.

Дракон я или не дракон? Кто сказал, что мы только на планетах летать должны, а? Покажите мне этого наглеца, я из него сассими сделаю!

Когда катер, на крыше которого лежал чужой кораблик, влетел в грузовой люк – а это оказалось очень непросто – он даже закрипел от тяжести. Я к этому времени уже забыла, что невесомости в звездолете нет, и едва не вывалилась из кресла. Руки и крылья сразу стали тяжелые и непослушные.

Пока шлюз заполнялся воздухом, я немного поупражнялась, чтобы снова привыкнуть к тяжести. Да– а, вот и обратная сторона космических полетов. Ничего, скоро я вырасту, стану большой драконессой и научусь летать в космосе так же легко, как сейчас в воздухе. Точно, так и будет, или я не Хаятэ.

Между тем, верхняя переборка открылась, и пол с натужным гулом поднял меня и мою добычу в ангар. Ящериц там, конечно, не было; они по– прежнему сидели в рубке и, наверно, уже заблокировали все двери из ангара. Я с трудом удержалась, чтобы не показать язык Эйсет на экране.

– Все в порядке? – спросила вместо этого.

Оранжевая ящерица недоверчиво открыла пасть.

– Там, на чужом корабле, вэйтар! Смотрит в иллюминатор!

– Ну вот, а вы боялись, – я раскрыла люк и выбралась из кабины. Сверху сразу посыпались отвратительно воняющие горелым кусочки чего– то черного.

Подняв голову, я встретилась взглядом с высоким сероглазым человеком в черной одежде. Он только что открыл квадратную дверь в носу чужого кораблика, и сейчас думал, как спуститься вниз. Кусочки сыпались с обгоревшей обшивки.

Я приветливо помахала крылом.

– Хаятэ! – крикнула, постучав себя по груди. – Дракон!

После долгих дней наедине с ящерицами человек показался мне чуть ли не родным. Гость тоже смотрел на меня так, словно соскучился по драконам. Во всяком случае, выглядело похоже.

Тем временем из– за спины черного человека высунулась ящерица в

серебристом комбинезоне, увидела меня и, внезапно потеряв равновесие, свалилась вниз. Я едва успела ее поймать.

– Хаятэ! – в ужасе прошептала вэйта. Она так дрожала, что даже рот закрыть не могла.

– Это мое имя, – объяснила я на языке ящериц. – А род мой называется драконы, мы тоже рептилии, только летучие.

Вэйта внезапно принялась вырваться; я поставила ее на пол, но она юркнула под катер и затаилась. Странно, неужели я такая страшная?

– Вы понимаете язык йилан'э? – спросила я у человека. Тот осторожно выбрался из люка, повис на руках и спустя мгновение стоял на полу.

Он был почти на голову выше меня и обладал очень властным, красивым лицом. Глаза круглые, как у Галины и Джона, короткая черная борода аккуратно подстрижена. Волосы – тоже черные и короткие – он зачем-то выбрил полукругом над левым ухом.

– Мне знакома речь драконов, – сказал человек на языке Тангорна и зеленой драконессы. Я удивленно моргнула, но быстро опомнилась.

– Я Хаятэ, дочь Ская, – представилась я. – Вы находитесь...

Тут я запнулась, потому что человек отпрыгнул, совсем как Валарг раньше. Его глаза широко раскрылись.

– Дочь Ская? – повторил он недоверчиво. – Какого Ская? Синего дракона по имени Скай Фалькорр?

Я подалась вперед.

– Ты знал моего отца?

– Нет, – сразу ответил человек. – Он здесь? Скай Фалькорр здесь?

– Может быть, – ответила я уклончиво. – Кто вы?

Он с явным трудом взял себя в руки и вежливо поклонился.

– Позволь представиться, я волшебник Джер аль Магриб, верный друг и союзник драконов.

– Неправда! – слышалось из-под катера. Джер метнул в ту сторону недобрый взгляд, но делать ничего не стал.

– Достопочтенная Хаятэ, не будешь ли так любезна доставить меня обратно на

планету? – спросил он вежливо. – Видишь ли, я оказался на этом корабле по ошибке, а возвращаться было уже поздно. Шаттл, как видишь, очень старый... – он презрительно махнул рукой на свой кораблик, – ...стартовать вторично он бы не смог...

– Подожди, подожди, – я покачала головой. – Сначала скажи, где мы? Как называется эта планета, кто здесь живет?

Волшебник удивился .

– Ты попала сюда по ошибке? – спросил он быстро. – Скай не знает о нашем мире?

Я смерила его подозрительным взглядом. Надо выведать побольше...

– Полагаешь, Скай мог отпустить свою дочь одну в неизвестном направлении? – спросила я насмешливо. – Конечно, он знает, куда я полетела.

Джер слегка сузил глаза.

– Возможно. В таком случае, прошу, отвези меня обратно в мой мир, по дороге я поведаю много интересных историй...

– Не верь ему! – из- под катера выбралась ящерица. Она все еще дрожала, но старалась держать хвост ровно.

Джер аль Магриб холодно улыбнулся.

– Прошу прощения за мою спутницу. Она сильно пострадала при старте, ей на голову упала тяжелая книга, и теперь время от времени с ней случаются припадки.

– Я эйстайи Рит'тэя, командир последнего звездного корабля вэйтаров! – с жаром ответила ящерица. Джер фыркнул.

– Да, да, конечно, – он подмигнул мне. – Сейчас она скажет, что корабль ждал ее девятьсот лет, и все это время выращивал в подземелье светящиеся грибы...

Волшебник запнулся, потому что в этот миг раскрылась дверь лифта и в ангар вбежали ящерицы. Здесь были все, кроме Нинсекоу и Эйсат.

При виде сородичей, Рит'тэя слабо пискнула и села прямо на пол. Ее огромные золотые глаза стали еще больше. Джер аль Магриб, напротив, мрачно прищурился и заложил руку за пояс. Я на всякий случай шагнула к нему .

Ящерицы обступили гостью плотным кольцом и, судя по всему, принялись мысленно общаться . Довольно долго все молчали, мы с Джером пару раз обменялись

подозрительными взглядами. Наконец вперед вышла темно– зеленая Меликтеи и подошла ко мне.

– Мы в большой опасности, – размеренно сказала она на родном языке. – Ничем не показывай тревоги. Этот человек обладает теми же способностями, что и Рокх. Сейчас он выжидает, надеясь обмануть нас, но в любой миг способен уничтожить весь корабль. Эсайкан Рит'тэя похитила его с планеты, чтобы предотвратить страшную войну.

Я недоуменно пожала плечами .

– Все ясно, – сказала я удивленным тоном. – Забирайте ящерицу и бегом в рубку. Я разберусь.

Обернувшись к Джеру, перевела:

– Удивительно. Они не могут читать ее мыслей! Вэйтары способны общаться телепатически на любом расстоянии, но твоя спутница лишена этого дара.

Волшебник нехорошо прищурился.

– Последствия травмы, – предположил он. Я ободряюще улыбнулась.

– Ничего, мои друзья – настоящие маги, когда дело доходит до лечения. Они исцелят твою спутницу. Пошли, я верну тебя на планету.

Он смерил меня подозрительным взглядом, внимательно осмотрел ангар и медленно кивнул.

– Отлично. Идем.

Мы подошли к другому катеру, где имелось несколько свободных анабиозных камер. Тем временем ящерицы потащили свою новую подругу к лифту и спустя минуту в ангаре повисла зловещая тишина. Я мысленно вздохнула.

– Залезай, – подняв бронированную крышку, я нажала клавишу на пульте внутри. Одна из пустых камер с шипением выдвинулась.

– Почему бы не воспользоваться более удобным способом? – помолчав, спросил волшебник.

– Радиация, – невозмутимо ответила я. – На границе атмосферы вашего мира пояс радиации. Для драконов и ящериц она безопасна, но человек не выдержит две дозы облучения. Ты уже пролетел этот пояс, когда стартовал с планеты.

Я ткнула когтем в надпись "Не стой под стрелой подъемника".

– Здесь написано "Камера полной лучевой защиты". Ты будешь в безопасности до самой посадки.

Колдун еще раз оглядел ангар, тяжело вздохнул и кивнул.

– Так и быть, поверю. Одежду снимать?

– Не обязательно.

Пожав плечами, Джер аль Магриб залез в камеру и разлегся на мягком ложе внутри. Я надела ему браслет питательной системы.

– Что это? – спросил он спокойно.

– Регистратор пульса. Будет следить за твоим здоровьем.

С этими словами я захлопнула крышку и нажала на пульте кнопку замораживания. Почти сразу загорелся зеленый сигнал.

– Прости, другого выхода у меня не было, – сказала я замороженному вошебнику, задвинула камеру обратно в катер и опустила бронированную дверцу. Следовало спешить в рубку – наверняка новая ящерица рассказала много интересного!

В лифте индикатор нагрузки почему-то показал двух людей вместо одной драконочки. Наверно, испортился после нападения Рокхов. Когда я поднялась на верхний уровень, там уже стояли все ящерицы, и новая тоже – она единственная была одета.

– Хаятэ, – сказала она, едва я вышла из лифта. – Ты знакома с зеленым дракончиком Альтаиром?

Я вздохнула.

– Один зеленый дракончик здесь есть, замороженный, – ответила я мрачно. – Не знаю, как его зовут, может и Альтаир.

Ящерица покачнулась.

– Он жив? – спросила слабо.

– Жив, – я дернула хвостом. – Но как его разморозить, знают только люди, а они тоже заморожены.

Новая вэйта опустила голову. Другие ящерицы ее заботливо окружили, отвели

к креслу. Последними на пост управления вошли мы с Эйсат, и она снова закрыла дверь, хотя на корабле никого кроме нас не было. Странно ведут себя некоторые ящерицы...

Когда все расселись поудобнее, первой заговорила желто–серая Такх.

– Хаятэ, в это трудно поверить, но Рит'тэя наш предок, – сказала она, дергая кончиком хвоста от волнения.

Я моргнула.

– Как – предок?!

– Она представитель более ранней ветви эволюции вэйтаров. Мы даже не знали, что такой вид существовал, – Такх явно нервничала. – Рит'тэя поведала нам свою историю. Она последняя вэйта из команды звездного корабля, который был похищен космическим чудовищем по имени Коршун и доставлен в далекое прошлое – приблизительно в шесть сотых периода Амбаласи.

Заговорила Кийис:

– Однако там чудовище не задержалось. Бросив корабль неподалеку от этой планеты, – она указала на экран, – Коршун, очевидно, вновь переместился во времени, на сей раз в наш период. Только прежде он похитил из корабля инкубатор с запасом яиц, предназначенных для организации новых колоний. В том числе и яйцо, откуда позже вылупилась Рит'тэя.

Опять заговорила Такх; у нее от волнения даже ноздри раздувались.

– Мы не знаем судьбы других яиц, но помним о способности Коршуна перемещаться во времени. Хаятэ, вполне возможно, что наш родной мир – мир, куда возвращался спасательный корабль "Энге", прежде чем его перехватили рокхи – населяют потомки тех похищенных детей. Наука нашей планеты до сих пор не нашла предковые формы вэйтар; принято считать, что мы возникли в результате спонтанной мутации неизвестного вида амфибий ...

– История Рит'тэи перевернула все наши представления! – перебила Кийис. – Если это правда, в Галактике могут существовать десятки, даже сотни неизвестных нам колоний, каждая с уникальной культурой и грандиозным запасом знаний. Это самое удивительное открытие за весь период Амбаласи!

Повисла напряженная тишина. Я взглянула на Рит'тэю: космическая ящерица

выглядела так же, как и другие, лишь была немножко побольше и мускулистее. А может, это только казалось, она ведь носила скафандр.

– Кто подал сигнал бедствия?

Вэйты принялись наперебой рассказывать историю нашей гостьи. Только я не слушала: мне почему– то казалось, что в комнате есть кто– то еще. Глупо, правда? Но ощущение никак не проходило.

Чтобы успокоиться, я глубоко вздохнула, и внезапно уловила запах человека. Ничего в этом странного не было – на человеческом– то корабле, но ведь в центральном посту уже много дней бывали только мы с ящерицами.

– Эйсат, в этой рубке есть камеры? – спросила я негромко. Вэйта недоуменно моргнула внешними веками.

– Есть.

– Включи их и дай картинку на монитор.

Ящерицы тревожно переглянулись.

– У нас есть идея получше, – сказала Кийис. – Ты дракон, значит обладаешь инфракрасным зрением.

А ведь правильно! Я перевела глаза в режим ночного видения и прищурилась; яркий свет причинял боль. Медленно огляделась.

Когда в стороне, у пульта, обрисовались контуры человека в мантии, я даже не сразу поняла. А потом меня словно рогами об стену бросили: Джер аль Магриб невидимкой стоял совсем рядом с нами!

Очевидно, ящерицы все поняли по выражению моих глаз. Нинсекоу спокойно встала и подошла к пилотскому креслу, рядом встала Эйсат. Обе молча переглянулись. Хорошо им, могут мыслями разговаривать...

Внезапно Нинсекоу нажала какую–то кнопку, и когда в воздухе засветились голограммы пульта управления, набрала цифровой код. Корабль знакомо загудел двигателями.

– Что вы делаете? – в страхе спросила Рит'тэя.

– Мы дали случайный импульс в направлении ближайшего К–пространственного завихрения, – отозвалась Нинсекоу. – Теперь нам никогда не отыскать дорогу обратно в систему Ринн, ее координаты не были зафиксированы.

Я невольно вскочила.

– Это было глупо! – крикнула я в ярости. – Вы должны были захватить контроль над разумом мага!

– Это было необходимо, – твердо ответила Эйсат. – Мы спасатели. Наша этика запрещает управлять чужим разумом, но мы никому не позволим начать во... – она поперхнулась, потому что я схватила ее за горло.

– Глупая рыба! – прорычала. – Как я теперь вернусь домой?! Как отомстить рокхам?!

Отшвырнув ящерицу, я обернулась к невидимому магу:

– Это ты во всем виноват!

Джер аль Магриб не стал делать вид, словно его тут нет. Лицо волшебника было мрачным.

– Не кипятись, – сказал он сухо. – Сначала проверь, не лгут ли наши чешуйчатые приятели.

Зарычав от гнева, я выдрала Нинсекоу из кресла и уселась туда сама. Джер встал рядом.

– Итак?

Я молчала, в отчаянии разглядывая созвездия. Проклятие, я же в них не разбираюсь!

– Вашего солнца не видно. Не знаю, куда попал корабль!

Мы с магом одновременно обернулись к ящерицам. Те в страхе прижались к стене, все кроме Рит'тэи. Эта, наоборот, улыбнулась.

– Признайся, Джер, ты проиграл, – сказала она спокойно. – Рано или поздно мы, конечно, найдем обитаемую планету, и ты сможешь вернуться к власти, но для мира Уорр, все твои амбиции потеряны.

Поднявшись, ящерка подошла к магу и бесстрашно посмотрела в его глаза.

– Теперь можешь всех нас уничтожить. Но тебе будет очень скучно одному на просторах космоса. Помнишь слова светлого Карда?

Она опустила внешние веки.

– "Я боюсь смерти, я боюсь боли. Но больше всего на свете я боюсь остаться один."

Обернувшись к перепуганным вэйтам, Рит'тэя улыбнулась.

– Я теперь не одна. Быть ли тебе одиноким – решай сам.

Маленькая ящерица повернулась спиной к могущественному волшебнику и покинула пост управления звездолетом. Мы, все, проводили ее долгими взглядами.

Конец

Черное пламя	1
Глава 1. Охотники	2
Глава 2. Самурай	29
Глава 3. Предатели	46
Глава 4. Охотница	68
Глава 5. Полководцы	82
Глава 6. Пленница	109
Глава 7. Похитители	136
Глава 8. Бусидо	162
Глава 9. Беглецы	179
Глава 10. Пришельцы	205
Глава 11. Железный дракон	225
Глава 12. Тигры и кони	249
Глава 13. Радиоактивные подземелья и драконы	266
Глава 14. Затишье перед битвой	290
Глава 15. Черное пламя	313
Глава 16. Буревестник	334
Глава 17. Темные души	371
Глава 18. Пернатые боги	398